

К 190-ЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РАН

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Турция
НА РУБЕЖЕ
XX–XXI
ВЕКОВ

Москва 2008

Составители и ответственные редакторы
Зайцев И. В. и Ульченко Н. Ю.

Составители и издатели книги благодарят за участие в осуществлении проекта:

Главу Фонда помощи турецкой культуре доктора Метина Эриша (Türk Kültürüne Hizmet Vakfı Başkanı Dr. Metin Eriş).

Заведующего факультетом турецкого языка и литературы Университета Айдын Профессора, доктора Белькис Гюрсой (Prof. Dr. Belkıs Gürsoy, İstanbul Aydın Üniversitesi, Türk Dili ve Edebiyatı Bölüm Başkanı).

Профессора, доктора Джевдета Кючюка (Историческое отделение Мраморноморского университета) — Prof. Dr. Cevdet Küçük, Marmara Üniversitesi; Tarih Bölümü.

Профессора, доктора Ахмета Гюнера Сайара (Отделение экономики и управления Университета Бейкент) — Prof. Dr. Ahmet Güner Sayar; Beykent Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Bölümü.

А также господина Ахмета Айдына (Ahmet Aydın).

ISBN 978-5-89282-365-4

© ИВ РАН, 2008

© Зайцев И. В., Ульченко Н. Ю.,
составление, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

РЫБАКОВ Р. Б. <i>Благожелательное добрососедство (вместо предисловия)</i>	7
МЕЙЕР М. С. <i>Предисловие</i>	11
ИСТОРИЯ	
ОРЕШКОВА С. Ф. Изучение Турции в России	13
ПОЛИТИКА	
БОЛДЫРЕВ А. В. Проблема Черноморских проливов в российско-турецких отношениях в 1991–2008 гг.	22
ИВАНОВА И. И. История и современное состояние Кипрского вопроса	32
ИВАНОВА И. И. Политика Турции на Ближнем Востоке.....	52
КИРЕЕВ Н. Г. Внутриполитическая ситуация в Турции в конце XX — начале XXI вв.	71
ПОЦХВЕРИЯ Б. М. Проблемы Турции на пути в Европейский Союз	89
ШЛЫКОВ В. И. Эволюция партийной системы Турции в период Третьей Республики (1983–2007)	95
ЭКОНОМИКА	
УЛЬЧЕНКО Н. Ю. Турция — новая индустриальная страна?	118
УРАЗОВА Е. И. Турецкая экономическая модель.....	139

ОБРАЗОВАНИЕ

Емельянова Н. М. Частные школы в турецкой образовательной системе.....	162
Ли Ю. А. Система образования Турции (1980–2010 гг.)	179

КУЛЬТУРА

Сюкияйнен Л. Р. Религия, право и исламская мысль в современной Турции.....	198
Утургаури С. Н., Репенкова М. М. Новая тенденция в турецкой литературе рубежа XX–XXI веков	217
Филиппова Т. А. Сила традиции и дух прогресса. Опыт знакомства с современным турецким искусством.....	243
Щека Ю. В. Турецкий язык и проблемы его изучения сегодня.....	263
Зайцев И. В. <i>Послесловие</i>	285

РЫБАКОВ Р. Б.

Благожелательное добрососедство (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В начале XXI века, в первые годы нового (третьего) тысячелетия мы наконец-то приблизились к пониманию того, что для обеспечения гармоничного будущего нам всем нужна новая Наука, в частности, новая наука под старым названием «история».

К этому зачину требуется пояснение. Когда я говорю «мы» — имеются в виду жители нашей планеты, каждой из ее стран, конфессий, рас. «Гармоничное будущее» — это будущее наших детей и внуков. Новая наука, по моему глубокому убеждению, станет основой для истинного взаимопонимания грядущих поколений, для объединения всех светлых сил человечества в духе, как мудро сказано светлейшим Патриархом Алексием II в послании международной платформе «диалог Евразии», «Благожелательного добрососедства».

И в этом — особая роль принадлежит истории, всегда в самой себе совмещающей и учителя. И воспитателя (даже если принимает обличье сухого перечня фактов). Если говорить об истории, повествующей о взаимоотношении стран, то испокон веков поколение за поколением в каждой из них воспитывается не только на героизме «своих», но и на враждебно-тенденциозном описании «чужих». Зачастую это относится и к толкованию документов, сколько бы не восхваляли документ, как основу исторического анализа.

Новая по подходам история должна перестать быть наукой ненависти, рассказом о войнах и победителях, о сражениях и завоеваниях. Всего этого, видимо, не сотрешь, бесследно, из памяти народной, из тех же документов, но за точку отсчета придется, если мы стремимся к благожелательному добрососедству, брать торговые и культурные обмены, взаимообучение ремеслам, почти не заметные на первый взгляд контакты — символ, то, что составляет основу мира и взаимопонимания между народами и занимает в совокупности куда более продолжительные временные периоды, чем стычки, злодейства и переделы территорий.

Русско-турецкие отношения в этом плане вполне характерны. Для меня, например, тот факт, что главный герой главного русского романа XX века Григорий Мелехов — потомок турчанки, факт не менее значительный, чем баталии на суше и на море в XVIII и XIX столетиях.

Взгляд сверху — огромные армии, корабли, штурмующие бастионы, отрубленные головы, и т. п. — должен, как представляется, корректироваться взглядом вглубь — на долгие, но малоприметные годы контактов, взаимоузнавания и взаимопомощи.

Интересно, что в Турции это понимают и даже исключают из школьных программ материалы о кровопролитных войнах с северным соседом.

Это означает, что история постепенно, мало по малу, становится наукой для будущего, наукой взаимопонимания и сосуществования. Не современная политика, опрокинутая в прошлое, — а уроки сознательно-го поиска возможностей уважительного диалога.

История — наука во многом беллетристичная. Пока ей свойственно изучение тектонических сдвигов — смена царств, переселение народов — подобно тому, как в геологии гигантские процессы излагаются странным стремительным языком (слои и отложения рвутся, выносятся на поверхность, шибаются и т. д.), хотя все эти неистовые движения продолжаются миллионы лет. При этом столетия, а тем более годы не воспринимаются человеческим взглядом. Но если в геологии роль мельчайших песчинок и не может быть учтена, то в истории, особенно в ее беллетризированной форме, погружение на микроуровень зачастую возможно — ибо жизнь человеческая не песчинка.

Мы живем сегодня в очередной переломный момент. Все ли по-старому, все ли по-прежнему в русско-турецких отношениях? Каково их будущее и, следовательно, будущее наших детей?

Об этом можно (и нужно) говорить привычным языком — цитируя документы, соглашения и декларации, приводя цифры экономического и культурного сотрудничества, а то и приподнимаясь на планетарный уровень — интересы великих держав, векторы международной политики, кризисы и потепления.

Но можно наряду с этим как бы приблизить наш бинокль к повседневности и тем самым внезапно увидеть четкую и реальную картину перемещающихся песчинок.

Впрочем, необязательно ограничивать себя сегодняшним днем, как бы это ни было для нас интересно. На то она и история, чтобы «метод» этот работал и в отношении прошлого.

Недоверие в конце концов приводит к войнам. Можно ли нам из сегодняшнего дня заглянуть сквозь толщу трех столетий и ощутить как накапливалось напряжение еще до решительных действий обеих сторон, России и Турции?

И вот желтые от времени листы дарят нам «эффект присутствия». Услышите голос престарелого (по понятиям того времени) свидетеля, докладывающего о турках:

«О возвращении Азова ныне ниже в мысли их есть, и, слыша о строе-нии новом ратей московских, зело с ужасом удивляются, а большей страх имеют от новопостроенного, царского величества морскаго московского флота, и боятся по Евксинопонту внезапного на себя наступления, того ради отворенное око в те страны имеют и тщатся, еже бы им от стра-ны тоя крепкие себе обороны и защищения имети».

Конечно, перед нами старый друг историка — документ, к тому же вполне официальный — это пишет хитроумный дипломат П. А. Толстой (еще не граф), отвечая на вопросы Посольского приказа, по сути напрямую молодому Петру (еще не Великому). Но это не докладная о факте, о переговорах, не «запись беседы», не отчет о действиях — своих ли, противной ли стороны; это регистрация витающих в воздухе настроений, эфемерного состояния атмосферы, недоступная (или почти недо-ступная) извне, определенного момента — и как таковая, относящаяся к движениям песчинок.

А какая подлинность в каждом слове, и неважно, верен приводимым Толстым анализ или нет (тем более, что из макроистории мы знаем от-вет на этот вопрос) — но ведь явственно слышишь усталый голос дик-тующего посла — просто «окно в исчезнувший мир».

Это самое начало блистательного XVIII века. Потом надолго кано-нада заглушает тихие голоса. Потемкин, Ушаков, Скобелев, наконец...

И всплывает откуда-то бесхитростная шуточка, уже совсем из дру-гого мира:

— А за что арестовали Вашего садовника?

— Он продавал нас — Турции.

Маленькая деталь, игра слов, а за ней беспросветная одинаковость всех эпох в России.

Это век XIX-й, вторая его половина. И вот уже слышны разноголо-дые крики «Урус карош» — так, по уверениям В. В. Шульгина, встречали стамбульские рыбаки униженных, прошививших, окровавленных Рыцарей Белой Мечты, подгрывая на рейде к боевым кораблям «завтрашних галли-полийцев».

Разве три этих «цитаты» не говорят в чем-то больше о наших отно-шениях, чем многотомные исследования?

И вот мы подходим ко дню сегодняшнему. И странная картина возникает перед нами. Но до того, как вглядеться в страну, о которой мы, казалось, так много знаем и так много помним, включим телевизор и перелистаем журналы. И везде мы натываемся на новости из Турции, на восторги от красот Стамбула и Каппадокии, на прогнозы погоды на турецком юге, на предложения купить луковицы турецких тюльпанов (ау, неудачливые садовники!) и на приглашения поселиться в роскошных отелях с системой «все включено».

И если мы примем это приглашение нас встретят дружелюбное гостеприимство, ласковое внимание, прекрасный сервис, вывески на русском языке, газеты на русском языке и сотни тысяч продавцов, свободно изъясняющихся на нашем «великом и могучем».

Какая-то неожиданная Турция радушно встречает нас и для молодого поколения слова «русско-турецкие войны» кажутся абсурдными.

Когда-то юг кончался для нас Крымом — почти забытым сегодня. Дальше было «наше» Черное море, а за ним враждебное зарубежье, и когда один из шестидесятников писал:

*А транзистор сквозь трески и бредни,
Сквозь отлив, отползающий прочь,
Будет плачем стамбульской кофейни
Славить эту огромную ночь.*

Он писал о Коктебеле и сам замирал от собственной дерзости — ибо Стамбул был инопланетен и недостижим!

А сейчас — 20000 русских семей постоянно живет в Анталии, миллионы «новых», старых и просто русских купаются в теплом Средиземном море, Киркоров поет Таркана, дервиши из Коньи кружатся в кинотеатре «Новороссийск» на Покровке, а янычароподобные турецкие рабочие рестаурируют и строят едва ли не на каждой улице Белокаменной.

Тем временем на уровне макроистории подписываются декларации, строятся партнерские отношения, наносятся визиты (в том числе и столь значимый в разгар агрессии Саакашвили) — но фундаментом этих «судьбоносных подвижек» и гарантией их прочности служат ежедневные контакты соседей, отбросивших недоверие и потянувшихся друг к другу.

А все вместе это и означает, по-моему, благожелательное добрососедство.

И последнее. Личное. Я только что вернулся из Анкары со свадьбы своей внучки. Она сменила свою простую русскую фамилию на труднопроизносимую турецкую. И жених, и невеста светились от счастья, а все присутствующие плакали, но от радости, как и положено в такой трогательный момент.

Для меня это символ русско-турецких отношений сегодня, и завтра — в турбулентном мире XXI века.

И пусть творцов макроистории — и в Турции, и в России — осветит едва заметный на глобусе свет их безграничной любви.

МЕЙЕР М. С.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четыре года назад мне довелось участвовать в подготовке и издании книги «Турция в XX веке». Ее основу составили материалы двух международных конференций, проведенных в канун 80-летия Турецкой республики. Одна из них была посвящена историческому значению Лозаннской конференции, другая — состоянию российско-турецких отношений в конце XX века.

Спустя четыре года выходит новая работа, изданием которой отечественные туркологи отмечают очередной юбилей нашего южного соседа. Такое событие — всегда хороший повод, чтобы еще раз попытаться осмыслить путь, пройденный страной за 85 лет своего существования и одновременно оценить те сдвиги, которые произошли в разных сферах ее общественной жизни за последние годы. Последняя тема особенно значима, поскольку мы стали свидетелями очень важных перемен в Турецкой республике, во многом меняющие наши прежние представления о ней. Они не только стали объектом острых дискуссий в среде специалистов, но и привлекли внимание широкой общественности.

Прежде всего, впервые за многие годы Турции удалось добиться высокой степени финансовой стабильности и весьма высоких и устойчивых темпов экономического роста, что позволяет весьма оптимистически смотреть на перспективы ее вовлечения в круг новых индустриальных стран.

Не менее важно и то, что правящая Партия справедливости и развития сумела не только сохранить свое ведущее положение на политической арене, но и существенно его упрочить в результате парламентских и президентских выборов 2007 г. Если нынешние руководители страны сумеют найти ту политическую линию, которая бы учитывала как запросы своих сторонников, так и взгляды левоцентристского меньшинства, они наверняка обеспечат заметное увеличение политической стабильности в стране, что позволит им более эффективно осуществлять свой курс, способствующий, в конечном итоге, формированию основ подлинно гражданского общества.

Мне, как педагогу, очень заметны те позитивные сдвиги, которые происходят в системе образования, особенно высшего: существенно расширилась сеть университетов, как государственных, так и частных,

улучшилось финансирование учебных заведений, их материальное обеспечение и, конечно, информационное оснащение. Есть все основания говорить о повышении качества подготовки специалистов не только гуманитарного, но и естественно-научного профиля. Иными словами, можно констатировать рост интеллектуального уровня молодого поколения, без чего дальнейший прогресс страны невозможен. Уровень образования населения, развитость образовательной и научной инфраструктуры становятся сегодня непременным условием становления и развития современного общества, ведущими ресурсами этого процесса выступают новое знание, инновационная деятельность, новые технологии.

Завершающийся в эти дни год культуры Турции в России позволил россиянам ближе познакомиться с современным турецким искусством, которое отмечено высоким достижениями в музыке, живописи, кинематографе, и оценить ту заботу, которая проявляется в этой стране в отношении памятников истории и многообразных видов традиционного народного творчества.

Отмеченные успехи наших южных соседей в экономике, политической и духовной жизни безусловно способствовали повышению роли и влияния Турции на международной арене. Мне представляется, что сегодня страна вполне может претендовать на ту ведущую роль в ближневосточном регионе, которую она играла во времена Ататюрка. Конечно, нынешняя ситуация в мире совершенно иная, нежели в годы существования Лиги наций. Тем не менее стремление нынешних руководителей страны осуществлять внешнеполитический курс, направленный прежде всего на обеспечение национальных интересов и развитие взаимопонимание и сотрудничество не только со своими соседями в регионе, но и на широкой международной арене, не может не вызвать понимания и поддержки российской общественности. Мы с удовлетворением отмечаем, что за время, прошедшее с первого официального визита в Турцию В. В. Путина в качестве Президента России, наши двусторонние отношения обрели более устойчивый добрососедский характер. Этот результат определяется не конъюнктурными соображениями, но некоторой общностью подходов в решении важнейших мировых проблем. Разумеется, я не стал бы, подобно некоторым российским политологам, преувеличивать степень близости наших внешнеполитических позиций и интересов. Еще много нужно пройти нашим странам и народам навстречу друг другу, чтобы преодолеть ту взаимную настороженность, которая досталась нам в наследство от долгой конфронтации, которая разделяла наши страны на протяжении XIX и значительной части XX века. Тем не менее, те подвижки, которые произошли за последние четыре года, не могут не вызвать чувства удовлетворения.

ИЗУЧЕНИЕ ТУРЦИИ В РОССИИ

Интерес к Турции бытовал в России издавна. Еще в период османского утверждения в Малой Азии в Москву поступали сведения об этих событиях, сообщаемые многочисленными паломниками в Святые земли и купцами, регулярно посещавшими эти места¹. В 40-х годах XIV в. доходили слухи о скандале в Константинополе, связанном с тем, что Иоанн VI Кантакузин, пригласив для помощи себе в борьбе с соперником за византийский трон османский отряд во главе с сыном Орхана Сулейманом, расплатился с ним теми средствами, которые были получены из Москвы как пожертвования на восстановление храма Св. Софии, пострадавшего от землетрясения², т.е. получалось, что за русские деньги османы впервые переправились на европейский берег Черноморских проливов. Многочисленные отклики дошли до Москвы и в связи с взятием османами Константинополя³. Одно из интереснейших описаний падения византийской столицы принадлежало, как известно, русскому очевидцу этого события Нестору Искендеру⁴. Сообщения о переходе Крыма в вассальную зависимость от Османской империи содержались во всех русских летописях⁵.

С 1492 г. начинаются официальные дипломатические сношения России с Османской империей, а с 1497 г. более или менее регулярные посольские обмены⁶.

---

¹ См. Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. Составление, подготовка текста, перевод, вступительная статья и комментарии Н. И. Прокофьев. М., 1984; Хождение инока Зосимы // Православный палестинский сборник. Т. VII, Вып. 3. СПб, 1889; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978; Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973 и др.

² Флоринский Г. Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1. СПб., 1882, с. 127; Мейер М. С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблема внешней политики и отношений с Россией. М., 1996. С. 541–52.

³ См. Удальцова З. В. Отклики на завоевание Константинополя турками в русском государстве // Византийский временник. Т. 38. М., 1977.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 216–267.

⁵ См. Мейер М. С. Основные этапы... С. 66.

⁶ См. Памятники дипломатических сношений древней России с державами

В Посольском приказе, руководившем внешнеполитическими сношениями России, скапливаются многочисленные сведения об Османской империи. И это не только посольские отчеты («Статейные списки») и донесения, но и европейские книги по османистике и их переводы⁷.

В 1692 г. в России появляется первое исследование об османской истории, принадлежащее российскому автору. Это «Скифская история» Андрея Лызлова. Традиция называть восточные народы скифами была принята еще в Византии. По сути же дела больше половины объема этой работы посвящено именно османам и их истории. Автор использовал сведения, почерпнутые им у многих тогдашних европейских, прежде всего польских и итальянских, авторов. Да и сам он был связан и с Посольским приказом и В. В. Голицыным, возглавлявшим крымские походы 1687, 1689 гг., т.е. представлял османо-российские отношения не понаслышке⁸.

В Россию рано начала проникать и антиосманская агитация, призывы к борьбе с «бесерменами» (мусульманами). Они шли от многочисленных греков, сербов, болгар, представителей других православных народов, оказавшихся под османским владычеством. Многие из них, приехав в Россию, поступали на российскую службу, в том числе в Посольский приказ, становясь переводчиками и консультантами. Шли призывы о присоединении к антиосманским коалициям, исходившие от папской курии и тех европейских стран, которые подвергались османскому нападению — Польши, Венгрии, Молдавии, Австрии⁹. В этих условиях в стране, естественно, появлялась антиосманская публицистика, однако ни на политику, ни на настроения общества вплоть до второй половины XVII в. это не оказывало существенного влияния.

Принципы турецкой политики Москвы были заложены еще при Иване III (1462–1505). Россия не участвовала в каких-либо анти-

---

иностранцами. Т. 1, СПб, 1851; Сборник Российского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884; т. 95, СПб., 1895.

⁷ Савва В. И. О посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917.

⁸ Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1996.

⁹ См. Флоря Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начале XVI в. // Русско-болгарская культурная връзка през средновековието. София, 1982. С. 123–143; Савва В. И. Дьяки и подьячии Посольского приказа в XVI веке. М., 1983; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Дунаев Б. Н. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1971; Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. 2, Philadelphia, 1978.

османских коалициях, считая, что они принесут ей лишь затяжные и малоперспективные войны, которые отвлекут от более насущных внешнеполитических задач. Даже сокрушив Казанское и Астраханское ханства, эти последние остатки Золотой Орды, Россия во времена Ивана IV Грозного, отказалась от борьбы с Крымским ханством, вассалом Османской империи¹⁰. Это решение не было поколеблено даже участвовавшими набегами крымцев, которые в 1571 г. сожгли Москву. Тогда погибло свыше 120 тыс. жителей столицы, пострадали также район Каширы и Рязанская земля. В русских летописях это нашествие сравнивают с походом Батыея¹¹. Царь, однако, тогда счел войну за Крым, на чем настаивал руководитель «Избранной рады» А. Ф. Адашев, бесперспективной. Она столкнула бы Россию с могущественной Османской империей и заставила действовать в степях «Дикого поля», к преодолению которых Россия была не готова. Кстати, как и Османская империя, потерпевшая неудачу со своим походом на Астрахань в 1569 г.

Россия последующие сто лет была занята на юге строительством крепостей, засечных линий (земляных и древесных завалов, препятствовавших продвижению татарской коннице), организацией обороны и конной разведки, чтобы вовремя предотвратить крымские удары по российским пограничным окраинам. Такая оборонная политика способствовала земледельческой колонизации Дикого поля, постепенному передвижению засечных линий, закреплявших за Россией все новые и новые степные пространства, что стало возможным в связи с меняющимися климатическими условиями, благоприятствовавшими более земледелию, чем кочевому скотоводству. Потому-то, собственно говоря, и возникло Дикое поле. Татарские юрты вынуждены были откочевывать южнее, к Перекопу, в Крым и Западное Причерноморье¹². Шло геополитическое размежевание двух хозяйственных культур.

До второй половины XVII в. Россия на своих южных границах стремилась лишь к защите и обороне. Об этом свидетельствует и сооружение таких грандиозных для того времени инженерных сооружений как, например, Белгородская засечная черта¹³ и отказ подде-

---

¹⁰ Подробнее см. *Мейер М. С.* Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г. // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003. С. 91–116.

¹¹ Полное собрание Российских летописей. Т. 34. С. 224–225.

¹² См. *Кульпин Э. С.* Пути России. Кн. 1. Генезис кризисов природы и общества в России. М., 1995.

¹³ *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1964; *его же.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVII в.

ржать вольных казаков, захвативших турецкую крепость Азов. Удерживая ее в 1637–1642 гг., казаки просили принять их в российское подданство, но получили отказ и предписание оставить крепость¹⁴.

Для сохранения мира на южных границах России необходимо было знать планы Османской империи, предполагаемые направления ее экспансионистской политики, возможности сохранения с ней мирных отношений. Именно поэтому российское правительство активизировало посольские отношения с султанским двором и предписывало своим послам собирать сведения о действиях османских правителей и состоянии их государства¹⁵. Так постепенно в стране накапливались знания об Османской империи. Потому-то архивы Посольского приказа и сейчас представляют собой неисчерпаемый кладезь сведений по османской истории.

Естественный геополитический рост ареала земледельческой культуры, а с ним и границ российского государства, в середине XVII в. надежно прикрытых с юга Белгородской засечной чертой, оказался нарушенным и переведенным в военно-экспансионистскую сферу после вхождения Украины в состав российского государства. Приняв предложение Богдана Хмельницкого и Переяславской рады об этом вхождении, Россия вынуждена была воевать за свои новые владения с Речью Посполитой и Османской империей. Именно тогда между Россией и османскими владениями появилась общая граница.

Руководитель российской внешней политики в 70-е годы XVII в. А. Л. Ордин-Нащокин надеялся на возможность мирного размежевания границ между Россией, Польшей и Османской империей¹⁶. Однако Польша в этих трехсторонних отношениях выступила возмутителем спокойствия. Польский король Ян Собеский пошел на подписание русско-польского «Вечного мира» (1686)¹⁷, по которому Киев, Смоленск и Левобережная Украина признавались российскими владениями. Россия же, принимая эти уступки, должна была

Воронеж, 1991.

¹⁴ *Готье Ю. В.* Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1909; *Черепнин Л. В.* Собор 1642 г. по вопросу об Азове // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII в. М., 1979. С. 211–222.

¹⁵ *Мейер М. С.* Россия и Османская империя... С. 98, 106.

¹⁶ *Орешкова С. Ф.* Причерноморье как зона геополитического разграничения двух империй (XV–XVIII вв.) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Международная научная конференция. Доклады и материалы. СПб., 2007. С. 238–257.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи, I, Т. 2, СПб., 1830. С. 774; *Греков И. Б.* Московско-польский договор 1686 г. о Союзе и «Вечном мире» // Советское славяноведение, №3. М., 1987. С. 27–43.

включиться в антиосманскую войну Священной лиги, в рамках которой были осуществлены неудачные походы в Крым В. В. Голицына и взятие Азова Петром I (1695–1696). Так началась череда из последовавших затем девяти войн, создававших впечатление об извечной конфронтации двух имперских образований — Российского и Османского. Не всегда войны были следствием непримиримых противоречий этих двух империй. Значительно чаще они являлись результатом общеевропейских конфликтов и интриг европейской дипломатии. Однако сути дела это не меняет. Эти две державы воевали между собой в XVIII–XIX вв. больше, чем с кем бы то ни было. В российском обществе начал вырисовываться в лице Турции, Османской империи, образ врага, а «закономерное» продвижение на юг представляться «естественной потребностью» российского государства¹⁸.

За три века в России была создана огромная литература о русско-турецких войнах, их военном и дипломатическом аспектах, о «Восточном вопросе» как общеевропейской международной проблеме. Большой поток сведений шел из Европы и от нетурецких народов Османской империи. Общее направление этой литературы состояло не в том, чтобы изучать эту империю, а показать ее слабость, подчеркнуть страдания того или иного народа и его желание с иностранной помощью освободиться от имперских пут. Даже серьезные военные исследователи интересовались страной лишь с точки зрения ее возможного противостояния в будущих войнах. Как констатировал известный российский востоковед В. В. Бартольд, «сосед Востока, Россия, ... часто предпочитала чтение плохих западных книг о Востоке непосредственному изучению Востока»¹⁹. Это было, однако, лишь внешнее впечатление. Соседство, контакты с народами, переходившими из подданства одной империи в другую, собственный исторический опыт страны, длительность межгосударственных отношений способствовали тому, что исподволь накапливались в России собственные знания о ее южном соседе. С начала XVIII в. в российское посольство в Стамбул отправляются стажеры для обучения турецкому языку. С начала XIX в. востоковедение присутствует среди дисциплин, разрабатываемых Академией наук. В Казанском, а затем С.-Петербургском университетах, преподается турецкий язык.

---

¹⁸ Орешкова С. Ф. Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистике // *Turcica et Ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М., 2008. С. 22–24.

¹⁹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // *Сочинения*, Т. IX. С. 482.

Кадры готовятся не только для практических нужд, но и для ведения научных исследований.

Становление научной туркологии связано с именами двух профессоров О. И. Сенковского и А. К. Казем-Бека.

Осип Иванович Сенковский — блестящий литератор и знаток турецкого языка. Он много сделал для популяризации туркологии. Его переводы оригинальных турецких источников подавались русскому читателю в доступной и привлекательной форме. Они были не всегда точны, пользоваться ими в научных целях затруднительно, но были ярки по форме, увлекали, завораживали, вызывали интерес к Востоку и Турции у публики весьма далекой по своим интересам от жизни этого региона²⁰.

Александр Касимович Казем-Бек был человеком глубоко по-мусульмански и по-европейски образованным. Проявил себя он прежде всего как источниковед, издав произведение Сеида Мухаммеда Ризы «Асseb ас-сейар-фи ахбари мулюк татар» — турецкий источник XVIII в., представляющий собой изложение истории Крымского ханства, его существование в условиях вассальной зависимости от Османской империи. Этой публикацией и рядом других работ Казем-Бек заставил почувствовать научный мир и российских администраторов, что, создавая имперскую структуру, нельзя обойтись без знания традиций и исторического прошлого тех народов и областей, которые в нее включались, что есть другая культура, другой менталитет, иной путь в цивилизации. Он подчеркивал, что ислам не препятствует просвещению, но невозможно насаждать просвещение в исламскую среду извне. «Преобразование страны, — писал он, — должно родиться в самой стране». Казем-Бек предупреждал Европу, что подталкивание Турции к ускоренному проведению реформ, чем занимались европейские дипломаты после Крымской войны, может привести лишь к регрессу. Народ, ранее «довольно продвинувшийся вперед к пределам цивилизации», теперь насильственными действиями прозападно настроенных властей «опять на несколько лет отскочил назад в объятия фанатизма»²¹. Этот российский ученый увидел то, что не всегда учитывают реформаторы всех стран и народов, желающих своими преобразованиями подстегнуть ход модернизации в своей стране, не понимая, что опасный разрыв между верхушкой и низами общества никогда и нигде к добру не приводит²².

²⁰ Каверин В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотека для чтения». М., 1966.

²¹ Казем-Бек М. Избранные произведения. Баку, 1985. С. 66–67.

²² Орешкова С. Ф. Мирза Казем-Бек и становление российской османистики // Материалы международной научной конференции «Мирза Казем-Бек» — 11–

После Казем-Бека в России появились ученые-востоковеды, которые заставили российское общество услышать голос Востока и отнестись к нему с уважением. В османистике в конце XIX и первой половине XX вв. это были В. Д. Смирнов²³, В. А. Гордлевский²⁴, А. Е. Крымский²⁵.

После октября 1917 г. Российская Академия наук и все ее учреждения, пережили несколько больших реорганизаций. Лишь в 1930 г. в ее структуре появился специальный Институт востоковедения. Вначале он функционировал в Ленинграде, затем же, в 1950 г. был переведен в Москву²⁶. В Ленинграде оставалось отделение Института. В настоящее время оно преобразовано в самостоятельный Институт восточных рукописей. Собрание тюркских рукописей составлялось на протяжении почти 200 лет, начиная с появления в 1818 г. в Санкт-Петербурге Азиатского музея. Имеется его описание²⁷. Интересна та часть архивной коллекции С.-Петербурга, которая касается турецких документов, среди них есть редкие экземпляры и даже уникамы.

В Москве, где востоковедение еще с дореволюционных времен больше тяготело к изучению живых восточных языков и современного положения на Востоке, именно современность стала основным содержанием научных исследований сотрудников Института.

С 1956 г. в Институте востоковедения существует сектор Турции. Патриарх московской тюркологии Владимир Александрович Гордлевский, умерший в 1956 г., завещал Институту свою библиотеку. На ее базе был создан Мемориальный кабинет-библиотека им. академика В. А. Гордлевского. Сектор и кабинет в советское время стали центрами тюркологических исследований в стране. Организовывались конференции, семинары, принимались гости-коллеги из других на-

---

12 июня 2003. Баку, 2003. С. 54–67; *Казем-Бек М.* Избранные произведения. Баку, 1985. С. 66–67.

²³ Памяти В. Д. Смирнова (1846–1922) // *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968.

²⁴ *Базиянц А. П.* Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.

²⁵ *Гурницкий К. И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1960.

²⁶ См. *Бертельс Д. Е.* Введение — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972; *Гордлевский В. А.* Московское востоковедение после Октября // *Избранные произведения*, Т. IV. М., 1968. С. 338–339; *Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М.* Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М., 1970.

²⁷ *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. И.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. II. История. М., 1963; *Дмитриева Л. В., Муратов С. И.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Т. II. История, акты, библиография, энциклопедия, география, календари. М., 1975.

учных подразделений, готовились аспиранты и докторанты для вузов и научных учреждений. В Секторе готовились туркологические кадры и проходили стажировку научные работники из Армении, Грузии, Азербайджана, Туркмении, Казахстана, Татарстана, Украины, а также из Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши, ГДР. Два года в Секторе работал турецкий ученый Тюрккайя Атаёв, защитил кандидатскую диссертацию аспирант из Турции Мехмед Тогачар.

Научным сотрудником Сектора А.К. Сверческой и ее ленинградским коллегой Т.П. Черманом в 1959 и 1961 г. были выпущены два тома «Библиография Турции», где нашли свое отражение все работы, касающиеся Турции, изданные в России, начиная с 1713 г. Позднее, в 1974 г., А.К. Сверчевская подготовила еще одно издание «Библиографии», куда вошли лишь работы, выпущенные в советское время. Объем этой библиографии — 60 печатных листов. В последние годы в издающийся в Вене библиографический справочник «*Türkologischer Anzeiger*» ежегодно отправляется 150–200 карточек, фиксирующих выходящие в России работы по Турции. Интерес к Турции в России не ослабевает.

В советское время наиболее плодотворно в области туркологии работали: экономисты — П.П. Моисеев, А.Д. Новичев, Ю.Н. Разалиев; историки — А.Ф. Миллер, А.М. Шамсутдинов, А.С. Тверитинов, А.Д. Желтяков, В.И. Данилов, Н.А. Дулина; литературоведы — Л.О. Алькаева, А.А. Бабаев, Е.И. Маштакова, Х.К. Кямилев, Ф.А. Салимзянова; лингвисты — А.Н. Кононов, К.М. Любимов, А.Н. Баскаков, А.А. Кямилава.

В настоящее время состав Сектора Турции очень немногочислен. Это — Б.М. Поцхверия, изучающий внешнюю политику Турции; Н.Ю. Ульченко и Е.И. Уразова — экономическую ситуацию в стране, Ю.А. Ли — следящая за изменениями в системе образования и подготовки кадров; Н.Г. Киреев, только что выпустивший книги «История Турции. XX в.» и в настоящее время заинтересовавшийся идеологическими течениями в стране, проблемами светской религиозности, новыми явлениями в исламе; С.Ф. Орешкова, занимающаяся османской историей и русско-турецкими отношениями. Есть в Секторе несколько аспирантов и молодых научных сотрудников, которые, как мы надеемся, тоже вскоре внесут свою лепту в наше туркологическое дело.

Ежегодно в декабре в Секторе проводятся Рабочие совещания, на которых обсуждаются изменения, произошедшие в Турции за год, анализируются важнейшие события политической, экономической и культурной жизни Турции.

Сектор тесно сотрудничает с туркологами, работающими в других подразделениях Института — это литературовед С. Н. Утургури и специалист по международным отношениям И. И. Иванова, историки Д. Д. Васильев, И. В. Зайцев, Ю. А. Аверьянов, В. И. Шеремет, а также с вузовскими профессорами: в МГУ — М. С. Мейером (османистом, директором Института стран Азии и Африки МГУ), Д. Е. Еремеевым, Г. И. Шлыковым, М. М. Репенковой, И. А. Баролиной, в С.-Петербургском университете и институте рукописей — С. М. Ивановым, А. Фарзалиевым, К. А. Жуковым, А. И. Витолом, Ю. А. и И. Е. Петросянами.

Вот это те кадры туркологов, которые в настоящее время продолжают в России исследования настоящее и прошлое, культуру, экономику, политику Турции.

Руководителем Сектора Турции Института востоковедения РАН является Наталия Юрьевна Ульченко, много делающая для сплочения и подготовки туркологических кадров и сохранения у нас в стране туркологических традиций.

Болдырев А. В.

ПРОБЛЕМА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1991–2008 ГГ.

Развал Советского Союза в конце 1991 г. поставил проблему формирования новых принципов по всему спектру российско-турецких отношений. Тем не менее отношения двух стран не претерпели существенных изменений и продолжались в русле прежней политики советско-турецкого сотрудничества. Примером тому служило подписание в 1992 г. Российской Федерацией и Турецкой Республикой договора об основах отношений между Россией и Турцией, означавшего подтверждение взаимного статуса дружественных государств. Вместе с тем, в связи с распадом СССР произошла реструктуризация и самой проблемы Черноморских проливов, что заставило обе страны в значительной степени по-новому обозначить свои интересы в этом вопросе.

*Конвенция о режиме Проливов 1936 г.*¹ установила свободный проход через Босфор и Дарданеллы для торговых судов с незначительными формальностями в мирное время и разного рода ограничениями в период войны, вплоть до запрета для кораблей воюющих государств проходить через Проливы (ст. 2–6). В отношении же военных кораблей были введены ограничения по тоннажу, вооружению и количеству с установлением срока их пребывания в Черном море (ст. 10–18). При этом ограничения эти касаются, главным образом, кораблей не прибрежных государств.

Особенностью Конвенции является право Турции по своему усмотрению пропускать или не пропускать через Проливы торговые или военные суда, даже в том случае, если она не является воюющей стороной (ст. 6, 21)².

---

¹ Данная Конвенция была подписана 20 июня 1936 г. на международной конференции в Монтрё. Конвенцию подписали Турция, СССР, Великобритания, Франция, Югославия, Болгария, Греция, Румыния, Япония. В 1938 г. к Конвенции присоединилась Италия, в 1951 г. из нее вышла Япония.

² Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г. (Швейцария). Приложение // Турция между Европой и Азией. М., 2001. С. 520–526.

Таким образом, суверенитет над Босфором и Дарданеллами, предоставленный Турции Конвенцией 1936 г.³, сделал ее главным гарантом режима Проливов. Он же, предопределив заинтересованность Турции в сохранении принципов Монтрё, сделал для нее возможным корректировать существующий режим Черноморских проливов.

К началу 80-х гг. быстрое увеличение числа судов, проходящих через Проливы, создало аварийную ситуацию в зоне Босфора. Ввиду этого 1 мая 1982 г. Турцией были введены новые *Правила судоходства на Босфоре*. Целью принятия правил судоходства было упорядочение прохода через Проливы и создание условий для предотвращения аварий. Они предусматривали: требование *ко всем* кораблям крупного тоннажа, входящим в Стамбульский порт, информировать об этом турецкие власти за неделю до прибытия; обязательство для всех иностранных торговых судов при определенных обстоятельствах брать на борт турецкого лоцмана; право турецких властей в случае необходимости временно приостанавливать проход судов через Проливы и т. д.⁴

Введение Правил не вносило принципиальных изменений в Конвенцию 1936 г. и было обусловлено, прежде всего, необходимостью и многолетним печальным опытом. Однако факт их одностороннего принятия без консультаций с Межправительственной морской консультативной организацией ООН (с 22 мая 1982 г. Международная морская организация ООН — ММО) и основными пользователями Проливов вызвал многочисленные протесты владельцев кораблей и торговых компаний. Тем не менее Правила судоходства на Босфоре функционировали без изменений вплоть до середины 90-х гг.

С началом 90-х гг. проблема Проливов перешла в новую фазу. В целом, можно сказать, что потенциал российско-турецкого сотрудничества возрос, что было связано с началом экономических реформ в России и резким расширением торгово-экономических связей России с Турцией, особенно в топливно-энергетической сфере. В то же время в 90-е гг. проблема Черноморских проливов в отношениях двух стран в определенной степени усложнилась. В отличие от советского периода для России это не было связано с военными аспектами режима Босфора и Дарданелл. В 90-е гг. сырьевой экспорт

---

³ Согласно ст. 24 Конвенции Монтрё контрольные функции над Проливами переходили от международной комиссии, образованной в 1923 г., к турецкому правительству. Это не означало отказа от международного статуса Проливов, о чем свидетельствовало обязательство Турции предоставлять участникам Конвенции сведения и отчеты о военном и торговом мореплавании в Босфоре и Дарданеллах.

⁴ Middle East Economic Digest (MEED). London, 1982. V. 26. № 18. С. 31.

стал преобладающим во внешнеторговом обороте страны. Вместе с тем развал СССР уменьшил возможности России экспортировать нефтепродукты, сделав Проливы, по сути, единственным водным путем, связывающим Россию со странами Средиземноморья. Все это предопределило исключительную заинтересованность России в бесперебойном проходе ее торговых кораблей, прежде всего, нефтеналивных танкеров, через Босфор и Дарданеллы.

Между тем в 90-е гг. турецкое правительство предприняло меры по пересмотру пропускного режима Проливов. Это диктовалось, прежде всего, объективными обстоятельствами. В 1952–1992 гг. в зоне Проливов и Мраморного моря было зафиксировано 444 аварии⁵. В 1994 г. в зоне Босфора и Дарданелл произошли две крупные катастрофы: авария российского танкера «Нассия», шедшего из Новороссийска, и столкновение шедших под кипрским флагом сухогруза и танкера «Хакасия» с грузом российской нефти. В результате последней катастрофы Стамбулу и его окрестностям был нанесен крупный экологический ущерб. В большинстве случаев аварии происходили из-за нежелания капитанов, вопреки Правилам судоходства от 1982 г., привлекать турецких лоцманов и буксиры, даже когда это было необходимо, что приводило к анархии в движении судов. Положение турецких властей было также осложнено тем фактом, что в 90-е гг. грузопоток через Проливы резко возрос⁶, что было связано с транзитом товаров из Западной и Центральной Европы по дунайской речной системе и далее через Проливы.

Все это в итоге заставило турецкое правительство принять меры с целью обеспечить безопасность движения в зоне Босфора и Дарданелл, при этом особое внимание было уделено кораблям с опасными грузами и сверхкрупным судам. В январе 1994 г. текст нового Регламента о судоходстве был опубликован в турецкой печати. В том же году, подготовив предложения относительно безопасности Черноморских проливов, Турция внесла их в Комитет ММО по безопасности на море (КБМ). После длительной дискуссии и внесения ряда изменений на сессии Комитета (16–25 мая 1994 г.) турецкие предложения были приняты. Комитет радикально переработал предложенный Анкарой проект новых правил судоходства, исключив из него положения, противоречащие Конвенции Монтрё, и обязав Турцию привести Регламент в соответствие с правилами ММО. Тем не менее Россия, Греция и Кипр, на чью долю приходится большая часть грузопотока через Проливы выступили против принятия но-

---

⁵ 155 из них произошли между 1987 и 1991 гг.

⁶ В 90-ые гг. через Проливы ежегодно проходило 35–45 тыс. судов в год.

вого Регламента⁷. Несмотря на это было принято решение о введении Регламента с 24 ноября 1994 г. Катастрофа с «Хакасией» вынудила турецкое правительство ускорить дело. *Регламент о судоходстве в зоне Турецких проливов и Мраморного моря* вступил в действие 1 июля 1994 г.

Отныне для танкеров длиной более 200 м проход через Проливы был установлен только в дневное время. Капитаны других крупных судов (150 м и более) перед проходом через Босфор и Дарданеллы должны были предоставлять Администрации (Секретариат по морским делам при премьер-министре Турции) необходимую информацию о судне и грузах для принятия мер по обеспечению безопасности людей, грузов и окружающей среды (Ст. 29). При продолжительном маршруте для крупных кораблей в Регламенте предусматривалось обязательное присутствие лоцманов (Ст. 31). В свою очередь, судно, вынужденное встать на якорь ввиду чрезвычайной ситуации, должно было оплатить услуги лоцмана и буксировки в безопасное место (Ст. 32). Капитаны судов, везущие ядовитые вещества или отходы должны были получить разрешение на это от турецкого Министерства окружающей среды. Корабли с ядерными двигателями или везущие ядерные вещества и отходы должны были накануне прохода через Проливы получить разрешение на проход в соответствии с правилами Администрации (Ст. 30). Суда, везущие особо крупные опасные грузы (508 т и более) должны были за сутки до входа в Проливы известить власти порта о необходимости присутствия на борту лоцмана (Ст. 7).

Крупные суда с опасными грузами не должны были входить в Проливы одновременно. Скорость движения в Проливах по сравнению с Правилами 1982 г. для всех судов осталась прежней (18,5 км/час) (Ст. 17)⁸.

Таким образом, внося изменения в порядок судоходства через Черноморские проливы, турецкие власти ввели некоторые ограничения на свободу прохода через Проливы крупнотоннажных судов. Это касалось, прежде всего, кораблей с опасными грузами (нефтью и нефтепродуктами) и вызвало протест со стороны стран, заинтересованных в свободе судоходства через Проливы — Греции, Кипра и, прежде всего, России.

Уже 24 марта 1994 г. на заседании комиссии КБМ российская делегация заявила, что представленный Турцией текст нового Рег-

---

⁷ <http://www.ia-centr.ru/achive/comments&48Б.html?id=665>.

⁸ Maritime Traffic Regulations for the Turkish Straits and the Marmara Region // Turkey. Almanac. Ankara, 1995. С. 172–185.

ламента противоречит конвенции Монтрё и некоторым международным правилам⁹. Тем не менее турецкая сторона отказалась от предварительного обсуждения внесенных ею изменений в порядок пользования Проливами, заявив, что повышение уровня безопасности в зоне Проливов соответствует интересам и самой России¹⁰. В ответ российский МИД заявил в меморандуме от 30 июня 1994 г., что военно-морские силы и торговые суда России при проходе через Проливы будут выполнять лишь те положения Регламента, которые не противоречат международному праву и решениям международных организаций¹¹.

Все же в дальнейшем Турции пришлось скорректировать свою позицию относительно введения новых Правил судоходства в Проливах. Уже в октябре 1994 г. в Юридическом комитете ММО большинство делегатов заявило, что турецкий Регламент не соответствует правилам и рекомендациям ММО, международному праву и Конвенции Монтрё. Это свидетельствовало о том, что в связи с ускоренным вводом в действие Регламента Турция не успела реализовать в полной мере требования Комитета по безопасности на море. В ноябре 1995 г. Ассамблея ММО утвердила правила, выработанные в КБМ ММО годом раньше, подтвердив право любым судам пользоваться Проливами в соответствии с Конвенцией Монтрё¹². Эти и последующие решения органов ММО смогли быть приняты после кропотливой и последовательной работы российских представителей с причерноморскими странами, со странами-участницами Конвенции Монтрё и в рамках шести ведущих морских держав (Россия, США, Великобритания, Германия, Франция и Япония).

После принятия этих решений Турция пошла на переговоры с Россией. На ноябрьской Ассамблее ММО в 1995 г. Турция приняла предложение России о проведении консультаций по совместной подготовке дополнительных правил ММО. В ходе двух раундов российско-турецких консультаций в первой половине 1996 г. российская делегация признала, что 10-кратный рост судоходства в Проливах с 1936 г. усиливает риск для окружающей среды и безопасности

---

⁹ Согласно Ст. 1 Конвенции Монтрё осуществление права свободы мореплавания в Проливах должно регулироваться «постановлениями настоящей Конвенции». Это подразумевает, в случае внесения изменений в правила, необходимость предварительной консультации с остальными участниками Конвенции.

¹⁰ За 11 месяцев 1995 г. в Босфорском проливе было зафиксировано лишь одно столкновение.

¹¹ <http://www.ia-centr.ru/archive/comments&46B.html?id=665>.

¹² Там же.

судоходства, но одновременно настаивала, чтобы дополнительные меры регулирования режима Проливов предварительно согласовывались Турцией с Россией и другими участниками Конвенции¹³. Гибкая позиция и России и Турции способствовала тому, что к середине 1996 г. страны согласовали ряд поправок к регламенту 1994 г. Однако летом 1996 г. работа российско-турецкой группы вновь была заблокирована¹⁴. Между Россией и Турцией оставались разногласия по поводу использования Проливов.

В этих условиях Россия вновь возобновила обсуждение поднятых вопросов как на основе двусторонних консультаций с Турцией, так и в ММО. В результате, несмотря на возражения Анкары, в мае—июне 1997 г. Рабочая группа ММО в составе 17 стран провела работу по составлению новых правил ММО¹⁵.

Таким образом, в ММО сложился консенсус в пользу принятия новых морских правил, которые должны были нейтрализовать спорные статьи турецкого Регламента. В этих условиях на ноябрьской Ассамблее ММО в 1997 г. Турция заявила о своей готовности пересмотреть Регламент 1994 г. с учетом мнения ряда стран, включая Россию. 6 ноября 1998 г. в Анкаре был опубликован измененный текст *Национального регламента судоходства в проливной зоне*. Принятию Регламента 1998 г. предшествовала серия двусторонних консультаций с основными пользователями Проливов. В результате Турция приняла часть российских замечаний. Так, новый Регламент уже не содержит некоторых положений, затрудняющих проход крупных нефтеналивных танкеров, но сохраняет за турецкими властями право в определенных случаях приостанавливать движение через Проливы танкеров и крупнотоннажных судов (Ст. 20, 25, 26)¹⁶.

Дискуссии по поводу принятия Турцией Регламента о судоходстве в 1994 г. показали, что в турецкой и российской трактовках реализации Турцией своих контрольных функций в Проливах имеются разночтения. Со стороны Турции было продемонстрировано желание усилить свой контроль в Проливах, стараясь не выходить при этом за рамки конвенции Монтрё. В значительной степени это было связано с небезграничной пропускной возможностью Черноморских проливов и реальными основаниями для Турции беспокоиться за безопасность своей территории из-за участившихся аварий. По

¹³ <http://www.ia-centr.ru/archive/comments&46Б.html?id=665>.

¹⁴ Возможно, это было связано с приходом к власти в Турции в июне 1996 г. правительства во главе с лидером происламской Партии Благополучия (ПБ) Н. Эрбаканом.

¹⁵ Турция не принимала участия в Рабочей группе.

¹⁶ <http://www.ia-centr.ru/archive/comments&46Б.html?id=665>.

мнению России, режим Проливов определяется, прежде всего, их международным статусом, в рамках которого делегирование Турции части суверенитета над Проливами не означает предоставления ей права вносить изменения в режим судоходства без предварительного обсуждения этого вопроса с остальными участниками Конвенции Монтрё. Тем не менее компромиссный вариант нового Регламента показал умение России и Турции находить общие точки соприкосновения при учете взаимных интересов¹⁷.

На современном этапе Проливы стали не только важной водной артерией в мировой торговле, но и серьезным фактором в перспективных планах по сооружению магистральных трубопроводов для прокачки нефти и газа в страны Европы. Сама Турция имеет ограниченные запасы нефти и газа. Поэтому еще в 1984 г. Турция подписала с СССР соглашение сроком на 25 лет о газовых поставках, начинающемся с 1987 г. Ограничения, наложенные турецким правительством на транзит нефти через Проливы, вынудили российскую сторону начать с середины 90-х гг. поиски компромисса с Турцией и в газовом вопросе. Итогом этого стало подписание Россией и Турцией в декабре 1997 г. соглашения о поставках газа в Турцию через трубопровод по дну Черного моря¹⁸ (проект «Голубой поток»). Результаты этого соглашения, видимо, во многом повлияли на принятие Турцией через год более приемлемого для России Регламента о судоходстве.

Помимо этого в ноябре 1999 г. в Стамбуле президентами Турции, США, Азербайджана и Грузии было подписано соглашение о строительстве трубопровода Баку—Тбилиси—Джейхан (Турция). Данный проект был направлен на то, чтобы уменьшить привязку Турции к российским нефтепроводам, а также (что немаловажно) снизить нагрузку на Черноморские проливы¹⁹.

Между тем в 90-е гг. значительно увеличились объемы поставки нефти из Казахстана и с шельфа Каспийского моря. В этих условиях действия Анкары, помимо стремления диверсифицировать пути транспортировки энергоресурсов, могут объясняться и желанием

---

¹⁷ За рамками настоящего очерка остались военные аспекты режима Проливов в 90-е гг. Это, прежде всего, объясняется тем, что при принятии правил судоходства в 1982, 1994, 1998 гг. статьи, касающиеся прохода военных кораблей через Проливы, практически не затрагивались. В то же время динамика изменений правил судоходства показывает, что рано или поздно эти изменения могут коснуться и военных аспектов режима Проливов.

¹⁸ Компромисс заключался в Ст. 5 данного соглашения, согласно которому Турция получала возможность реэкспорта получаемого газа в третьи страны по взаимной договоренности с Россией. Газопровод был сдан в эксплуатацию в феврале 2003 г.

¹⁹ Нефтепровод Баку—Джейхан был сдан в эксплуатацию 13 июля 2006 г.

усилить значение Турции как транзитной страны. Это позволит обеспечить полную загрузку нефтепровода Баку—Джейхан и облегчит поставки нефти в страны Европы, поскольку в этом случае каспийская нефть потечет сразу к побережью Средиземного моря (минуя Черное)²⁰. Кроме того, в интервью газете «Коммерсантъ» от 31 августа 2004 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган заявил, что ввиду экологической нагрузки странам-экспортерам нефти следует отказаться от использования Черноморских проливов и присоединиться к турецкой инициативе по использованию обходных нефтепроводов²¹.

Следует отметить, что переориентация транзита нефти не вполне соответствует российским интересам. Дело в том, что, в отличие от трубопровода, который жестко привязывает экспортера к национальному рынку, морской транзит позволяет транспортировать нефть в любую точку мира. Босфор и Дарданеллы играют здесь особую роль, во-первых, позволяя России получать дополнительную прибыль за транзит азербайджанской и казахстанской нефти, и, во-вторых, как уже отмечалось, являясь удобным путем на западные рынки. Переориентация своего нефтетранзита на Балтику для России невыгодна ввиду ограниченных возможностей местных терминалов и низкой пропускной способности Балтийских проливов²².

В то же время в России также осознают и опасность постоянно увеличивающейся нагрузки на Черноморские проливы. В этих условиях Россия активизировала поиск альтернативных путей транзита нефти, остановив свой выбор на проекте Балканского нефтепровода²³.

Таким образом, поиск путей транспортировки нефти сохраняет актуальность проблемы Проливов в российско-турецких отношениях. Понятно желание Анкары обезопасить Босфор и Дарданеллы от транзита опасных грузов. В то же время Турция не может в одностороннем порядке регулировать свободу судоходства в Проливах. Однако и Россия должна понимать, что постоянная нагрузка на Проливы создает опасность экологических катастроф, что неоднократно приводило к тяжелым последствиям. Вследствие этого Россия должна искать альтернативные пути поставки энергоресурс-

---

²⁰ В настоящее время поставки нефти через Турцию осуществляются по трубопроводу Баку—Новороссийск и далее морским транзитом через Проливы.

²¹ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=50136>.

²² <http://www.profile.ru/items=8871>.

²³ 15 марта 2007 г. между Россией, Болгарией и Грецией было заключено соглашение о строительстве нефтепровода Бургас—Александруполис.

сов, что позволит разгрузить Проливы и избавит Россию от односторонней привязки к ним.

Несмотря на периодические осложнения между Россией и Турцией, их взаимоотношения в рассматриваемый период определялись традиционным партнерством и сотрудничеством. В июне 1992 г. при участии России и Турции была создана *организация Черноморского сотрудничества (ЧЭС)*, куда помимо России и Турции вошли еще 9 государств Причерноморского региона. Принятие новой редакции Регламента о судоходстве в 1998 г. показало способность Турции к компромиссу, ее умение учитывать интересы своего партнера. В ноябре 2001 г. в Нью-Йорке был подписан российско-турецкий План действий по сотрудничеству в Евразии для стабилизации обстановки на Балканах, Кавказе и Средней Азии. В декабре 2004 г. состоялся визит президента России в Турцию. По итогам встречи была принята совместная декларация о новом уровне двусторонних связей и многопланового сотрудничества. В январе 2005 г. в Москве с ответным расширенным визитом побывал Р. Эрдоган. В ходе встречи был обсужден ряд вопросов мировой и ближневосточной политики. Было намечено более тесное сотрудничество двух стран в Черноморском регионе. Все это свидетельствовало о том, что общая динамика развития российско-турецких связей весьма позитивна.

Активно ведется сотрудничество в рамках ЧЭС, где с 1 мая 2007 г. место председательствующего (после России) заняла Турция. Усиливается взаимодействие двух стран по поддержанию безопасности Черноморского региона (в рамках Черноморской группы ВМС «Блэксифор» для решения антитеррористических и пр. задач). В особенности активно сотрудничество двух государств развивается в топливно-энергетической сфере, ключевом направлении российско-турецких связей²⁴. Благодаря этому за 1992–2007 гг. торговый оборот между Россией и Турцией увеличился в 13 раз. При этом обе стороны полны решимости довести его в 2008 г. до 25–30 млрд. долл.²⁵. Многосторонние связи между нашими странами укрепляются и в сфере образования и культуры. Их итогом стало объявление 2007 г. годом российской культуры в Турции, а 2008 г. годом турецкой культуры в России.

Таким образом, проблема Проливов в российско-турецких отношениях не потеряла своей актуальности. В 1991–2008 гг. она характеризовалась стремлением двух стран найти оптимальный вариант

---

²⁴ Благодаря запуску «Голубого потока» к 2010 г. Турция выйдет на 1-е место по потреблению российского газа.

²⁵ Родина. № 4. 2007. С. 7, 9.

реализации своих национальных интересов. Постоянно нарастающий грузопоток через Проливы вынуждает турецкое руководство принять меры для минимизации рисков для своей страны. Немаловажную роль играет и заинтересованность Турции в переориентации части нефтяных и газовых потоков через свою территорию, что должно усилить ее позиции в регионе.

Политика России определяется необходимостью сохранения и укрепления своих политических, военных и экономических позиций в Черноморском регионе, в силу чего исключительную важность для нее приобретает свободный выход через Черное море и Проливы в Средиземное море к рынкам Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. При этом Россия готова учитывать интересы Турции. Об этом свидетельствует поиск ею альтернативных путей транспортировки энергоресурсов для уменьшения нагрузки на Проливы. В этой связи перспективы согласования российско-турецких интересов по проблеме Проливов видятся в продолжении традиционного сотрудничества двух стран в топливно-энергетической сфере, в рамках существующих Черноморских организаций, а также в умении России и Турции, опираясь на нормы международного права, находить компромисс со *всеми* государствами, заинтересованными в свободе судоходства через Проливы.

ИВАНОВА И. И.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИПРСКОГО ВОПРОСА

Кипрская проблема представляет особый интерес с точки зрения соотношения, тесного переплетения и взаимовлияния внутренних этноконфессиональных противоречий и внешних факторов. Внешние факторы в этом случае (прежде всего постоянное вмешательство во внутренние дела острова Греции, Турции и бывшей колониальной хозяйки Кипра — Великобритании), пожалуй, не имели по своим масштабам аналогов. Эти государства часто просто диктовали развитие событий на острове, исходя из собственных интересов, так что накануне провозглашения независимости Кипра им удалось добиться значительного ограничения возможностей правительства, формально независимого в области внешней и внутренней политики.

На Кипре с самого начала искусственно затруднялось развитие интеграционных тенденций, одним из основных двигателей которых в развивающихся странах выступает государство. Наряду с постоянным внешним вмешательством тенденции интеграции были ограничены тем, что в течение многих лет до и после получения независимости большинство населения Кипра выступало против существования республики Кипр: значительная часть греков-киприотов требовала присоединения острова к Греции, а турки-киприоты в целом были за раздел острова с последующим присоединением его частей к Греции и Турции. Таким образом, движущие силы будущего раскола существовали не только вне, но и внутри Кипра; уже имеющиеся здесь острые межобщинные противоречия были в дальнейшем многократно усилены деятельностью внешних сил.

Чтобы понять сущность и специфику кипрского конфликта, необходимо дать краткий исторический анализ событий, без которого будет практически невозможно оценить сегодняшнюю ситуацию на Кипре и вокруг него. Дело в том, что внутренние противоречия порождены историческим и этническим развитием острова восходят к XVI в., когда военное поражение Венеции от Османской империи привело к установлению турецкого господства над островом. Турки-победители рассматривали местное греческое население как людей второго сорта, облагали его значительно большими налогами

по сравнению с мусульманами-переселенцами, что в свою очередь служило постоянным источником недовольства среди греческого населения Кипра.

Восстание греков против Османской империи 1821–1829 гг. привело к образованию независимого греческого государства. В его границах были объединены далеко не все этнотерритории греков, и с этого времени эносис (т.е. присоединение к Греции всех населенных греками территорий) стал главным лозунгом борьбы греческого населения в Фессалии, на Кипре, Крите и других островах.

Турецкая община сформировалась на Кипре в период османского владычества на острове с 1571 по 1878 гг. в основном за счет переселенцев из Анатолии и представляла собой составную часть турецкого этноса, турки постепенно расселились по всей стране, в результате чего районы проживания общин постепенно настолько перемешались, что не осталось ни одной сколько-нибудь значительной по площади однонациональной единицы. Турки на Кипре издавна стремились исключительно к военной, административной или духовной карьере и свысока относились к ремеслу, торговле, ростовщичеству, чем активно занимались греки. Рост богатства и численности торговой прослойки в греческой общине Кипра не угрожал позициям турецкого населения, т.к. турки занимали господствующее положение в политической сфере. Когда же политическая власть в 1878 г. перешла в руки англичан, и Кипр оказался вне границ Османской империи, положение местных турок коренным образом изменилось: они утратили политическую власть и оказались на положении меньшинства по отношению к более многочисленной и экономически сильной греческой общине. Лидеры турок-киприотов, начиная с XX в. начали считать, что сотрудничество с колониальной администрацией поможет им избежать подчинения греческой общине, сохранить политическое влияние и обеспечить экономическое развитие общине¹.

Поэтому базой национально-освободительного движения на Кипре против колониального правления Англии стала община греков-киприотов, главным лозунгом которой продолжал оставаться эносис.

После Второй мировой войны греческая община (в том числе ее лидер — архиепископ Макариос) продолжала смотреть на правительство Греции как на естественного защитника своих интересов.

---

¹ *Attalides M.* Cyprus Nationalism and International Politics. N.Y., 1979. С. 61.

В 40–50-е гг. все политические организации Кипра продолжали борьбу под лозунгом эносиса².

Община же турок-киприотов сохраняла союз с колониальной администрацией, выступала ее союзником в подавлении освободительного движения греков-киприотов. В середине 50-х гг. численность турок-киприотов в полиции резко возросла и превысила 70%. Они принимали активное участие в разгонах антиколониальных демонстраций, арестовывали активистов освободительного движения, проводили обыски в греческих кварталах, что, естественно, вело к усилению враждебности между общинами.

В 1955 г. Национальная организация кипрских борцов — ЭОКА³ начала вооруженную борьбу против английского господства. ЭОКА требовала воссоединения с матерью-родиной (Греция), подобного воссоединению с Грецией Крита (1913 г.) и островов Додеканез (1947 г.). И, естественно, пушечным мясом, которое англичане использовали в борьбе с ЭОКА, стали турки-киприоты. Все это привело к тому, что антиколониальные акции ЭОКА стали сочетаться с ярко выраженной шовинистической антитурецко-кипрской деятельностью⁴. Взаимные террористические акции между общинами настолько накалили обстановку, что уже к 1958 г. повседневным фактом стали межэтнические столкновения, сопровождающиеся убийствами, погромами.

В условиях распада британской колониальной империи Лондон, отчетливо осознавая стратегическую важность острова, отверг эносис как форму реколонизации. Союзником Англии в противодействии эносису стала Турция. Надо сказать, что до 50-х гг. Турция фактически не проявляла сколь-либо повышенного внимания к судьбам Кипра. Однако, благодаря усилиям Англии, уже в 1955 г. турецкое правительство заявило, что эносис Кипра, находящегося всего в 60 км от побережья Турции, недопустим по соображениям стратегической безопасности Турции.

Здесь следует подчеркнуть, что греки-киприоты в этот период совершили большую стратегическую и тактическую ошибку, за которую они расплачиваются и поныне. Так, сознавая свое численное превосходство и требуя эносиса, греки-киприоты фактически полностью игнорировали интересы да и само существование турецкой общины. Такая позиция давала в руки англичан возможность вмеша-

---

² *Panteli S. A New History of Cyprus. L., 1984. С. 109.*

³ Подпольная организация ЭОКА была создана в 1951 г. греческим полковником, уроженцем Кипра Г. Гривасом.

⁴ *Small States in Modern World. Nicosia, 1976. С. 58.*

тельства в судьбы Кипра под предлогом защиты интересов турецкого меньшинства, а также вынуждала турок-киприотов искать внешней поддержки.

После Второй мировой войны турками-киприотами был выдвинут лозунг «таксима» — раздела острова между Грецией и Турцией. Активное противодействие «таксиму» со стороны греческой общины делало раздел архисложной задачей, и поэтому община турок в целом благожелательно отнеслась к идее Англии о предоставлении острову независимости при соблюдении интересов турецкого меньшинства.

В 1959 г. под давлением Англии (а это давление заключалось в угрозе передать часть Кипра Турции) Греция была вынуждена заявить об отказе от эносиса. По соглашениям, подписанным в Лондоне и названным цюрихско-лондонскими соглашениями, предусматривалось создание единого и независимого кипрского государства, в котором права обеих общин гарантировались строго фиксированным представительством в органах власти. Англия, Греция и Турция становились гарантами статуса острова и прав обеих общин. На основе этих соглашений была выработана конституция Республики Кипр, получившей независимость в 1960 г.⁵ На острове сохранялись экстерриториальные английские базы общей площадью более 150 кв. км, размещался определенный контингент греческих и турецких войск.

Короткий период существования политической системы, основанной на этих соглашениях (1960–1963 гг.) показал, что навязанный извне механизм урегулирования межобщинных отношений не был в состоянии разрешить межэтнический конфликт. Взаимный антагонизм, который развивался в 50-е годы, дал свои плоды и вылился в вооруженные межобщинные столкновения 1963, 1964, 1967 гг.

Здесь мы не будем подробно рассматривать поводы этих столкновений, поскольку причины лежат гораздо глубже. Следует лишь указать, что в 1964 г. лидеры турок-киприотов на ограниченной площади анклавов размером 1,5% территории острова сосредоточили около 50 тыс. человек. Туркам-киприотам удалось создать также собственные воинские подразделения, насчитывавшие 12 тыс. человек⁶.

В ответ на создание укрепленных турецких анклавов и воинских частей в них, правительство Кипра в мае 1964 г. ввело воинскую повинность. В Национальную гвардию было призвано 24 тыс. человек. Эту гвардию возглавил Гривас, который отождествлял Национальную гвардию Кипра с армией Греции. Деятельность президента

⁵ *Hitchens C.* Hostage to History. N.Y., 1989. С. 50.

⁶ *Suat Bilge.* Le Conflict de Chypre et les Cypriot Turk. Ankara, 1967. С. 13.

Макариоса, стремившегося сохранить независимость и суверенитет Кипра, была фактически парализована.

Превращение Национальной гвардии в оплот сторонников эносиса происходило на фоне изменения позиции греков-киприотов в отношении эносиса. В условиях тяжелого экономического положения «матери-Греции» и соответственно более низкого уровня жизни там идея эносиса теряла свою актуальность и привлекательность. А приход к власти в Греции непопулярной военной хунты (1967 г.) стимулировал отказ от идеи эносиса все большего числа греков-киприотов. Политическая нестабильность в результате грубого вмешательства греческой хунты в дела Кипра и террористические действия ЭОКА подталкивали турок-киприотов на действия, способствующие разделу острова⁷.

Президент Макариос всеми силами пытался прекратить акты террора и вмешательства извне, что вызывало крайне неблагоприятное отношение к нему террористов и руководства Греции.

В июне 1974 г. ЭОКА по указанию Афин попыталась свергнуть (а возможно и убить) Макариоса и привести к власти своего ставленника Сампсона. Макариосу чудом удалось спастись, однако на этот раз Турция под предлогом спасения обеих общин высадила свои войска на острове (20 июля 1974 г.). Впервые после греко-турецкой войны 1921–1922 гг. две страны начали на острове военные действия. Режим военной хунты в Греции пал. Ставленник Сампсон заявил о своей отставке. 24 июля 1974 г. власть в стране перешла к гражданскому правительству Караманлиса.

С 25 июля по 16 августа 1974 г. в Женеве проходили переговоры в отношении будущего острова министров иностранных дел стран-гарантов (Англии, Греции и Турции). По настоянию Греции в августе 1974 г. на переговоры были приглашены лидеры общин Клиридис и Денкташ. Турция и турки-киприоты настаивали на создании на острове федеративного государства, состоящего из автономных греческих и турецких областей. В случае принятий турецких предложений под контролем турок-киприотов остались бы все оккупированные Турцией территории, т.е. более 30%. Это, по мнению греков-киприотов и Греции, было неприемлемым ввиду численного превосходства греков-киприотов на Кипре: турки-киприоты составляли лишь 18% населения, их вклад в общий национальный продукт составлял лишь около 10%. Ни одна из сторон не пошла на уступки⁸. Взаимоприемлемый компромисс так и не был достигнут. Женевская конференция

---

⁷ *Denktash R.* The Cyprus Triangle. 1988. С. 60.

⁸ Там же. С. 136.

не дала никаких результатов. Турецкие войска вновь начали массированное наступление и к 16 августа 1974 г. достигли намеченной еще в середине 60-х годов линии раздела Кипра. Под их контролем оказалось свыше 30 % территории острова, включавшей часть Никосии, крупные порты Кирения и Фамагуста. На новых границах были установлены проволочные заграждения. Было осуществлено массовое изгнание греков-киприотов с «турецких земель» (т.е. земель, которые турки-киприоты наметили для своего проживания).

Турецкое наступление полностью разрушило благоприятные условия для нормализации положения на острове. Турция, турки-киприоты стремились скорее использовать подавляющее военное превосходство, опираясь на которое они получили реальную возможность добиться присоединения части острова к Турции.

Однако официальный отказ от эносиса со стороны Греции осложнил дальнейшее проведение «таксима». Поэтому формально лозунг «таксима» был снят и заменен требованием создания на Кипре федеративного государства. В феврале 1975 г. лидеры турок-киприотов в одностороннем порядке провозгласили на контролируемой ими территории Турецкое федеративное государство Кипр (ТФГК). Одностороннее провозглашение федерации и все последующие акции руководителей турок-киприотов не имели юридической силы, т.к. противоречили конституции Республики Кипр, принятой всеми сторонами конфликта.

Президентом ТФГК был провозглашен лидер турецкой общины Р. Денкташ. Было создано законодательное собрание и правительство ТФГК, большинство в котором составили сторонники «таксима». На территории ТФГК начали действовать собственные административные подразделения, дублировавшие деятельность служб Республики Кипр. О демагогическом характере федерализма турок-киприотов свидетельствовала принятая в июне 1975 г. конституция ТФГК, в которой подчеркивалось, что турки-киприоты «являются неотъемлемой частью великой турецкой нации», а все греки-киприоты, оставшиеся на севере острова, объявлялись иностранными гражданами, собственность которых подлежала конфискации в пользу лишь турецкой национальности.

Турция и руководство ТФГК стремились не допустить применения против них действенных санкций СБ ООН за продолжение незаконной оккупации севера Кипра. Они делали различные миролюбивые заявления, всячески затягивали переговоры, которые продолжались с перерывами около 10 лет. Это позволило ТФГК выиграть время, ослабить внимание международного сообщества к кипрской трагедии. В июне 1983 г. законодательное собрание ТФГК приняло

резолуцию о праве на самоопределение турецкой общины острова. 15 ноября 1983 г. была провозглашена независимая Турецкая республика северного Кипра (ТРСК). Руководство Турции тут же признало эту республику, на что рассчитывали лидеры турок-киприотов. Дипломатическая поддержка Турции сопровождалась оказанием значительной материальной помощи.

Расчет лидеров ТРСК на признание мусульманских государств не увенчался успехом, хотя позиции некоторых из них (например, Бангладеш, Пакистана) не совпадали с резолюциями СБ ООН. Ни одно государство мира, исходя из резолюций ООН и СБ ООН (за исключением Турции), не признало эту «республику» де-юре и продолжают рассматривать Кипр как единое государство, а правительство Кипрской Республики единственным законным правительством. Однако, несмотря на негативное отношение к ТРСК, страны Запада использовали сложившуюся ситуацию для расширения своего влияния в Восточном Средиземноморье. Денкташ предложил территорию своего «государства» в распоряжение НАТО и в 1986 г. в Лefкосии был построен военный аэродром, предназначенный для использования сил быстрого реагирования США.

Одновременно с дипломатическим маневрированием, лидеры турок-киприотов предпринимали меры по приданию видимости законности и полной политической самостоятельности ТРСК. 5 мая 1985 г. на севере Кипра был проведен референдум, одоббивший новую конституцию ТРСК, и являющуюся по сути копией конституции Турции 1982 г. 9 июня 1985 г. состоялись выборы президента и депутатов парламента ТРСК, которые свидетельствовали об укреплении позиций Денкташа и его сторонников (24 места из 50). Денкташ был избран на пятилетний срок.

Следует указать, что конец 80-х и начало 90-х годов характеризовались неуклонным ростом влияния турецких переселенцев на политическую жизнь ТРСК. Если в 1974 г. турки-киприоты насчитывали 120 тыс. человек (18% населения) (численность греков-киприотов составляла почти 500 тыс. человек), то к середине 80-х годов из Турции на север Кипра переселилось по данным кипрского правительства около 65 тыс. человек. Это не только повлекло за собой значительное изменение демографической ситуации на острове в пользу турецкой общины, но и стало причиной быстрого растворения элементов культурной самобытности турок-киприотов. Многолетнее проживание переселенцев, ведущее к укоренению и натурализации их на Кипре, придает, как это не печально, расколу острова необратимый в обозримом будущем характер.

Президент Кипра Клиридис (грек-киприот) считал, что неуклонный подъем экономики — залог выживания Кипра перед лицом «турецкой экспансии». Поэтому так или иначе экономические аспекты внутренней политики оставались приоритетными⁹.

На юге Кипра успехи экономики замечательны: уровень жизни и доходов на душу населения составил в 1994 г. 12 тыс. долларов. Гораздо сложнее дело обстоит с общегосударственной экономикой в масштабах всего острова¹⁰. Если греки-киприоты ушли в своем развитии далеко вперед, то турки-киприоты, тесно привязанные к Турции, сильно отстали. Причем, как нам представляется, затягивающаяся нерешенность кипрской проблемы отдаляла возможность тесного экономического взаимодействия двух общин.

Следует отметить, что дальнейшее углубление экономической изоляции турко-кипрской общины не всегда способствует созданию климата взаимного доверия. Скорее наоборот. Усиливающиеся санкции против «ТРСК» толкают этот режим на более тесные контакты с Турцией. Выйти из этого замкнутого круга могут помочь только диалог между двумя общинами, ведущийся через посредников ООН, и желание найти общий язык по многим, волнующим обе стороны вопросам, в том числе и экономическим.

С начала 90-х гг. в процессе урегулирования кипрского вопроса все активнее принимает участие ООН. Теперь ООН уже не ограничивалась просто посредничеством в организации переговоров со сторонами. С 1992 г. основой для переговоров становится пакет предложений, разработанных лично Генеральным секретарем ООН. Однако дальнейшие переговоры не принесли желаемых результатов из-за непримиримости обеих сторон.

В свою очередь, в марте 1995 г. ЕС принимает программу политики по развитию отношений с Кипром. Причем, поскольку признанным мировым сообществом был только греческий Кипр, во всех контактах с ЕС от имени всего кипрского народа выступали именно власти южного Кипра. С середины 90-х активно начинается процесс диалога между Кипром и ЕС. В июне 1995 г. Ассоциативным советом ЕС были проведены переговоры по вопросу перспективы вступления Кипра в ЕС. А в июле 1995 г. было принято решение начать конструктивный диалог по вопросу сближения Кипра с ЕС¹¹.

---

⁹ Cyprus Review, Nicosia, 1995. №72. С. 25.

¹⁰ Там же.

¹¹ The status of the two peoples in Cyprus. Legal opinions. 2nd edition. Turkish Republic of Northern Cyprus Ministry of foreign affairs and defense, Public relations department. С. 158.

Активное участие ЕС в переговорном процессе начинается на рубеже 1997–1998 гг. 13 декабря 1997 г. в Люксембурге прошла конференция стран ЕС, на которой было принято решение о возможном вступлении Кипра в ЕС. Однако Европейский Союз под правительством Кипра признавал только правительство его греческой части, а представителям турецко-греческой общины Кипра предлагал войти в состав делегации от этого правительства. Логическим продолжением подхода ЕС к решению кипрской проблемы стала резолюция от 10 марта 1998 г., в которой говорилось, что Турецкая республика Северного Кипра является «фактом, который невозможно признать»¹², и что ее признание как государства является препятствием к достижению мирного решения вопроса. Кроме того, было принято решение о том, что переговоры между представителями обеих общин могут проходить только на территории Южного Кипра.

Ответом на это стала совместная декларация президентов Турции и ТРСК, в которой они заявили, что такое решение ЕС подрывает все усилия по мирному разрешению вопроса, а существование Турецкой республики Северного Кипра является необходимым.

31 августа 1998 г. турецко-кипрская сторона выступила с предложением по урегулированию вопроса. Это было предложение о создании конфедерации. Оно основывалось на равенстве двух сторон, призывало провести конструктивные переговоры, нацеленные на достижение окончательного решения вопроса. Однако греческо-кипрская сторона, обнадеженная перспективой вступления в Евросоюз, сразу отвергла этот план¹³. Возобновить переговоры удалось только в 1999 г.

Новой попыткой решения вопроса стал план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Он предполагал создание единого государства Кипр, включая весь остров Кипр (за исключением британских военных баз). Объединенный Кипр по своему государственному устройству должен был напоминать модель конфедерации Швейцарии, т.е. стать свободной конфедерацией двух государств — греков-киприотов и турок-киприотов — соединенных вместе минимальным аппаратом федерального правительства. Представители греческой и турецкой общин поочередно становились бы президентами страны.

План включал федеральную конституцию, конституции для каждого государства, ряд конституционных и федеральных законов и предложений о флаге Объединенной республики Кипр и нацио-

---

¹² <http://www.trnccpresidency.org>.

¹³ <http://www.trnccpresidency.org>.

нальный гимн. Он также предлагал создание комиссии по примирению для сближения двух общин и разрешения споров прошлого. План устанавливал ограниченное право возврата беженцев между территориями обеих общин, а также позволил бы Греции и Турции сохранить постоянное военное присутствие на острове, правда, при значительном снижении числа войск.

План Аннана был представлен сторонам в ноябре 2002 г. и являлся основой переговоров до 2004 г. За это время он неоднократно претерпевал изменения, в него включались всевозможные поправки.

Последние переговоры по нему начались 19 февраля 2004 г. Все противоречия надо было уладить до 1 мая, поскольку на этот день была назначена дата официального вступления Кипра в ЕС. 24–31 марта в Швейцарии прошли новые переговоры, по результатам которых было принято решение о дате референдума на острове — 24 апреля 2004 г.¹⁴. В апреле 2004 г. «план Аннана» был представлен на референдум. Его итоги оказались достаточно неожиданными: более трех четвертей греков-киприотов отказались от создания единой модели государства по плану Аннана (за — 24 %, против 75,8 % при 88 % явке). Турки-киприоты проголосовали за (64,9 %, против 35,1 % при 87 % участвовавших в голосовании)¹⁵.

Греко-киприотов в данном документе не устроили следующие пункты: 1) недостаточные гарантии безопасности общин; 2) отсутствие четкого механизма применения плана; 3) сохранение турецкого военного присутствия на острове; 4) предоставление права проживания на острове всем переселенцам из Турции; 5) квоты, ограничивающие количество греко-киприотов, которым позволено вернуться на север острова и вернуть собственность, потерянную после ввода турецких войск¹⁶.

1 мая, как и планировалось, Кипр вошел в состав ЕС. Однако, поскольку руководство Европейского Союза не сменило своих позиций относительно ТРСК, получилась весьма деликатная ситуация. Так как ЕС отрицало существование ТРСК, а правительство греческой части Кипра претендовало на то, чтобы представлять все население Кипра, включая турецко-кипрскую общину, формально в состав ЕС вошла вся территория Кипра. Однако так как турецкая община не желает подчиняться решениям правительства Южного Кипра, и на севере острова находятся турецкие войска, законы ЕС не распространяются на эту территорию.

---

¹⁴ <http://www.trncpresidency.org>.

¹⁵ Фонд стратегической культуры 3.10.2005 (<http://fsk.rustrana.ru>).

¹⁶ <http://greek.ru>.

В то же время, попытки прийти к окончательному решению вопроса не прекращаются. В конце мая 2004 г. Генеральный секретарь ООН сделал доклад о результатах переговоров по Кипру и его миссии доброй воли. В своем докладе он заявил, что вина за столь медленный прогресс в переговорном процессе лежит на представителях Южного Кипра, которые должны проявлять свою приверженность принципам партнерства и равенства не только на словах, но и на деле¹⁷.

На данный момент разделение острова сохраняется. Попытки воссоединения общин остаются безрезультатными. Турецкая сторона настаивает на том, что решение вопроса достаточно проработано в плане Аннана, и если Южный Кипр не устраивают какие-либо пункты плана, то надо разрабатывать поправки к ним, а не отклонять весь документ.

Греческая сторона, в целом, готова принять замечания турок-киприотов. Кроме того, наметилось некоторое смягчение позиций Кипра по отношению к ТРСК и Турции. Однако на переговорах о вступлении Турции в ЕС Кипр планирует выдвинуть пять условий, без выполнения которых, он не поддержит ее кандидатуру:

1. Турция должна признать Республику Кипр как суверенное государство.
2. Турция должна прекратить практику наложения вето на членство Кипра в различных международных организациях.
3. Анкара должна прекратить расселение турецких граждан на оккупированных территориях острова.
4. Кипр требует от Турции компенсации за незаконно используемое имущество греко-киприотов на оккупированных территориях, захваченных в 1974 г.
5. Никосия категорически возражает против присутствия на острове турецкого оккупационного корпуса¹⁸.

На момент вступления в Евросоюз (1 мая 2004 г.) Кипр по-прежнему оставался разделенным на две части. Все законы ЕС и льготы от членства в союзе распространились лишь на греческий сектор, а слабо развитая турецкая часть Кипра осталась за пределами ЕС. Генеральный секретарь ООН опубликовал доклад (S/ 2004/ 437), в котором подчеркнул, что «в результате голосования, положение турок-киприотов требует внимания со стороны мирового сообщества в целом, включая Совет Безопасности» и указал, что «голосование турок-киприотов перечеркнуло все основания для давления на них

---

¹⁷ Aksu Fuat. Kibris Konusundaki son gelişmeler, www.turkishgreek.org.

¹⁸ <http://greek.ru>.

и их изоляции». Исходя из этого, К. Аннан настоятельно рекомендовал всем государствам сотрудничать как на двусторонней основе, так и в международных организациях в деле устранения ненужных барьеров, которые ведут к изоляции киприотов-турок и препятствуют их развитию.

Вскоре после референдума ЕС, учитывая положительное голосование турок-киприотов, пообещало выделить Северному Кипру 260 млн. евро в качестве экономической помощи, а также ослабить эмбарго на импорт товаров из непризнанной ТРСК. Однако на встрече министров иностранных дел Евросоюза в Брюсселе в ноябре 2005 г. некоторые из его участников подчеркивали: «Мы дали слово снять изоляцию, но ничего не смогли сделать. Подобную ситуацию надо менять»¹⁹.

Турецкие дипломатические источники указывают, что обещанные туркам-киприотам евро так и не были даны, что оценивается как «бессилие ЕС перед лицом греков-киприотов». А что касается прямой торговли с Северным Кипром, то Европейское сообщество демонстрирует свою решимость «пока забыть эту проблему»²⁰.

Таким образом, ЕС, обещавшее приложить усилия для снятия изоляции турок-киприотов, не держит своих обещаний в том числе, в первую очередь в связи с оказываемым давлением греков-киприотов, и, как представляется, роль Евросоюза в решении кипрской проблемы весьма ограничена.

По мнению многих политических кругов, вопрос Кипра должен решаться в рамках ООН. В этой связи заслуживает внимания статья, появившаяся в английской газете «Файнэншл Таймс» в конце 2006 г., посвященная Кипру и озаглавленная «Раскол представляется все более стойким». Специалист по Кипру, грек по национальности Филлипос Саввидис пишет, что зеленая линия на Кипре практически превратилась в международную границу, а обе общины острова проживают самостоятельно, отдельно друг от друга. Он подчеркивает следующее: «ЕС — это не организация для разрешения конфликта, необходимо снова передать кипрский вопрос для решения в ООН. Между тем, греки-киприоты потеряли доверие в глазах европейских партнеров»²¹. Комментируя это заявление, известный турецкий политолог Сами Кохен указывает, что оно отражает точку зрения все более распространяющуюся в мировом сообществе. Конечно, по его мнению, под воздействием лидера греков-киприотов Пападопуло-

---

¹⁹ Milliyet. 05.12.2005.

²⁰ Ibid.

²¹ Financial Times, 19.12.2006.

са ЕС может выдвигать все новые условия на пути членства Турции в этой организации. Так, например, пока Турция не откроет свои порты для Кипра, вопросы членства не будут обсуждаться. И так может продолжаться до 2009 года, при сохранении прежних проблем и напряженности. И даже если предположить, по мнению Кохена, что порты будут открыты, греки-киприоты могут поставить на повестку дня новые вопросы, связанные с признанием ТРСК²².

Основная цель турецкой дипломатии, указывает Кохен, вновь вывести кипрскую проблему на рассмотрение ООН. Даже греческий эксперт (вышеупомянутый) Ф. Саввидис разделяет эту точку зрения.

Однако включение кипрского вопроса в повестку дня ООН пока осложнено некоторыми моментами. Во-первых, архитектор плана кипрского урегулирования, отдавший ему столько труда, Кофи Аннан больше не Генеральный секретарь ООН. И требуется время, чтобы его южнокорейский преемник включился в данный процесс.

Во-вторых, греки-киприоты считают план Аннана «слабым». И таким образом, будет обсуждаться вопрос, на какой основе будут проводиться переговоры. Кроме того, Пападопулос в пике туркам-киприотам намерен «тянуть к себе план Аннана и получать все более компенсаций».

И, в-третьих, процедуры в ООН проходят не всегда, как того ожидают. Так, доклад Аннана по Кипру, который должен был вынесен на обсуждение Совета Безопасности ООН из-за противодействия Франции и России, так и не был обсужден. Хотя у греков-киприотов и нет права вето в ООН (как и в ЕС), они могут обеспечить поддержку других стран, обладающих таким вето²³.

После кипрского референдума кипрский вопрос стал инструментом давления на Турцию по вопросу её вступления в Евросоюз. Так, заместитель министра иностранных дел Греции Э. Стилианидис в интервью Афинскому агентству новостей 19 июня 2004 г. заявил, что возможность принятия Турцией с ЕС значительно зависит от того, признает ли она Южный Кипр единственным государством на острове, объединяющим всю его территорию²⁴.

Вместе с тем, после референдума по плану Аннана инициативы по разрешению кипрской проблемы все более «откладывались в долгий ящик», и Турция, озабоченная сложившейся ситуацией выступила с новыми предложениями. Их озвучил бывший в тот период

---

²² Milliyet. 20.12.2006.

²³ Milliyet. 20.12.2006.

²⁴ AB' den Türkiye'ye Kıbrıs Baskısı, <http://grtrnews.com.tr>.

министр иностранных дел А. Гюль 24 января 2006 г., и они получили название «План действий». План предусматривал проведение в жизнь следующих шагов:

- проведение до июня 2006 г. встречи на высшем уровне, в которой должны принять участие Греция, Турция, представители греческой и турецкой общин Кипра, а также ООН;
- в случае принятия плана Турция готова открыть свои порты для греков-киприотов;
- устранение всех препятствий для торговли на острове;
- открытие для международного сообщения порта Магосы и аэропорта Эрджан (Северный Кипр);
- достижение до конца 2006 г. решения проблем острова в рамках ООН;
- участие Северного Кипра в международных спортивных и общественных мероприятиях;
- практическое включение экономики Северного Кипра в рамки европейского таможенного союза;
- помощь ООН и Европейской комиссии по претворению в жизнь данных предложений и оказание поддержки туркам-киприотам. Гюль подчеркнул, что «План действий» ни в какой форме не наносит ущерб правовым и политическим позициям заинтересованных сторон²⁵.

Таким образом, в рамках данных предложений Турция выразила желание как можно скорее начать переговоры по урегулированию и продолжить переговоры о членстве с ЕС, которым ныне должна препятствовать кипрская проблема. Предлагается снятие изоляции Северного Кипра и начало прямой торговли с ним.

Хотя план получил поддержку в американском конгрессе, в ряде европейских стран, существенных действий по его претворению в жизнь на протяжении 2006 г. не было предпринято.

Не оправдала надежд встреча в Никосии Талата и Пападопулоса, проведенная по инициативе заместителя Генерального секретаря ООН И. Гамбари 6 июня 2006 г. Таким образом, состоялась еще одна попытка провести переговоры под эгидой ООН и вывести ситуацию из «тупикового состояния», что вполне отвечало бы интересам турок-киприотов. Однако важно и согласие лидера греков-киприотов на данные переговоры, и оно объясняется рядом причин: Пападопулос не хочет выглядеть в докладе ООН как сторона, препятствующая переговорам. Известно также, что в последнее время на руководство греков-киприотов оказывается давление со стороны

---

²⁵ <http://haber.detay.asp>. PID = 319 haber ID.

США и ЕС. Имеется также мнение, что и Афины недовольны позицией Пападопулоса и ему высказываются в этой связи ряд соображений²⁶. По некоторым из 5 пунктов, согласованных на встрече, наблюдается расхождение взглядов сторон. Для ТРСК очень важна формулировка первого пункта, где указывается «принцип политического равенства», основанный на «двухзональной двухобщинной конфедерации». С другой стороны, в положениях не определяется круг обязанностей созданных технических комитетов.

В целом, Турция посчитала, что начало нового переговорного процесса по Кипру принесло «некоторое облегчение» её отношениям с ЕС и «устранило возможный кризис с Евросоюзом по кипрской проблеме»²⁷.

Как показало дальнейшее развитие событий, подобные надежды для Анкары оказались временными. «План действий» не был претворен в жизнь, греки-киприоты «отодвинули в сторону ООН и заставили ЕС взять проблему под свое покровительство». Те переговоры под эгидой ООН, о которых было сказано выше, не дали никаких результатов, а на повестку дня был поставлен вопрос о портах²⁸.

Дело в том, что осенью 2006 г. кипрский вопрос стал основным камнем преткновения в переговорном процессе Турции с Евросоюзом о членстве. Европейская комиссия потребовала, чтобы Турция открыла грекам-киприотам свои воздушные и морские порты, иначе к Анкаре будут применены санкции, и 8 пунктов переговоров будут заморожены, а все другие пункты будут увязаны с условиями по Кипру²⁹. В ответ Анкара, утверждавшая, что «до тех пор пока не будет снята изоляция ТРСК, порты грекам-киприотам открыты не будут», заявила следующее: «Мы можем открыть один порт грекам-киприотам без предварительных условий. Но в случае открытия аэропорта Эрджан (Северный Кипр) для международных полетов»³⁰. Это заявление вызвало резкую реакцию в самой Турции. Так, заместитель генерального секретаря Народно-республиканской партии О. Оймен подчеркнул, что кипрский вопрос нельзя решить «политикой расщорочек», т.е. торгуясь «порт за порт» Оймен утверждал следующее: Европейский совет 24 апреля 2004 г. принял решение прекратить изоляцию турок-киприотов, поскольку они сказали «да» плану Аннана. И выполнение этого решения было возложено на Европейскую ко-

---

²⁶ Milliyet. 12.07.2006.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. 29.12.2006.

²⁹ Milliyet. 05.12.2006.

³⁰ Ibid. 08.12.2006.

миссию. Греки-киприоты препятствовали этому решению. А сейчас ЕС и руководство греков-киприотов требуют от Турции новых уступок. В подобных условиях Турция никак не должна рассматривать вопрос об открытии портов и аэропортов для греков-киприотов. Кипрская проблема не может быть решена такими «рассрочками»³¹. В рядах ЕС также не наблюдается единодушия по вопросу увязывания членства Турции и Кипра. Так группа стран, среди которых Англия, Швеция, Италия и Испания считает, что рекомендация комиссии очень сложная и нужно сократить количество пунктов переговоров, которые предполагается заморозить. Эта группа также отмечает, что удаление Турции от ЕС в связи с Кипром противоречит долгосрочным интересам Союза. Участники группы также подчеркивают, что решение кипрского вопроса надо передать в ООН³².

Вместе с тем, другая группа во главе с Францией и Германией, которые «прохладно» относятся к членству Турции, хотя отеснить Анкару, используя кипрский вопрос. Эти страны настаивают на том, чтобы Турция исполнила обязательство по портам в течение 18 месяцев и только после его выполнения можно будет вновь вернуться к рассмотрению членства Турции в ЕС³³.

Таким образом, Кипр является «козырем» для тех, кто не хочет членства Турции. Условие, которое канцлер Германии и президент Франции выдвинули Турции, следующее: в Турции выборы состоятся в 2007 г., в Европейском парламенте — в 2009. И если за этот период Турция не откроет порты грекам-киприотам, «Еврокомиссия специальным докладом оценит ситуацию»³⁴. Таким образом, сам факт увязывания членства Турции в ЕС с выборами очень любопытный. И нельзя не согласиться с турецким политологом С. Кохеном о том, что «порты — это лишь предлог»³⁵. Такие страны как Франция и Германия, выступающие против членства Турции в ЕС, «скрытно используют Пападопулоса в этой игре». Кохен пишет: «Если бы не было вопроса о портах, эти страны выдвинули бы другие основания и постарались бы помешать закрыть переговорный процесс. А в общем у немцев и французов нет особого интереса к самой кипрской проблеме»³⁶.

---

³¹ Ibid.

³² Milliyet. 05.12.2006.

³³ Ibid.

³⁴ Milliyet. 07.12.2006.

³⁵ Ibid. 05.12.2006.

³⁶ Ibid.

На саммите ЕС в декабре 2006 г., где решался вопрос о продолжении переговорного процесса с Турцией о вступлении в Евросоюз, вновь встал вопрос о Кипре. Еще до начала саммита канцлер Германии Ангела Меркель выставила ультиматум Анкаре: если через 18 месяцев Турция не откроет свои порты и аэропорты для греческого Кипра, то переговорный процесс будет заморожен³⁷. Председатель Европейской комиссии Мануэль Барросо также указал на необходимость открытия Турцией портов и аэропортов грекам-киприотам и предупредил, что в противном случае переговоры о членстве не могут быть продолжены³⁸.

По мнению турецких политологов, придирки европейцев уже привели к снижению популярности идеи вступления в ЕС среди турок. Если в 2004 г. за это выступали 67% турок, то к концу 2006 г. их число снизилось до одной трети³⁹. На саммите ЕС в Брюсселе 15 декабря 2006 г. была одобрена рекомендация Совета министров иностранных дел ЕС приостановить переговоры, которые ведутся с Турцией с октября 2005 г. по восьми пунктам: передвижение товаров, услуг, капиталов, рыболовства, сельского хозяйства, транспорта, таможенный союз и внешние связи. Этот шаг мотивируется тем, что Турция не открыла свои морские и воздушные порты для Южного Кипра⁴⁰.

Советник премьер-министра Турции Р. Эрдогана по международным вопросам Э. Багыш следующим образом озвучил ситуацию вокруг Кипра. «Еще рано говорить о двух государствах, федеральная структура рассматривается как наиболее приемлемая, и единственной основой для решения кипрской проблемы является ООН». Багыш указал, что греки-киприоты хотят перевести решение этой проблемы от ООН к ЕС, а «используя свое право вето в Евросоюзе, они все более осложняют ситуацию и держат всех членов ООН в заложниках»⁴¹.

Как справедливо подчеркивал уже упомянутый выше турецкий политолог, 2007 г. был «годом застоя» с точки зрения отношений Турции с Евросоюзом. И здесь свою роль играл ряд факторов: решение ЕС о замораживании ряда статей переговоров (о которых уже шла речь) и которое стало причиной того, что «турецкое общественное мнение лишилось прежнего интереса к переговорному

---

³⁷ Коммерсантъ-Власть. 11.12.2006.

³⁸ <http://bbc.co.uk/turkis.cu.report.update>.

³⁹ Коммерсантъ-Власть. 11.12.2006.

⁴⁰ <http://www.yenisafak.com.tr/yorum> 31.01.2007.

⁴¹ <http://www.trncpio.org/>

процессу». Кроме того, на повестке дня Турции вышли следующие первоочередные проблемы: Северный Ирак, отношения с США, армянский вопрос и новые моменты в кипрском вопросе. Тот фактор, что 2007 г. — «год выборов», также в известной степени ослаблял внимание к турецко-европейским отношениям. Вместе с тем, нельзя допускать, чтобы 2007 г. стал для этих отношений «потерянным годом». «Нельзя допустить, чтобы Турция потеряла тот импульс, который реформы приобрели в последние годы, и Турция продолжила свой курс на вступление в Евросоюз»⁴². В этой связи правительство полно решимости выстраивать «дорожную карту», при которой до 2013 г. будут определены политические, экономические, социальные реформы в стране⁴³.

Начало 2007 г. характеризовалось появлением новой проблемы, которая может негативно сказаться на межобщинных отношениях на Кипре и на всем переговорном процессе. Дело в том, что в международных водах вблизи кипрского побережья были открыты богатые нефтяные месторождения. По предварительным данным на расстоянии 170–180 миль имеются залежи 6–8 млрд. баррелей нефти на общую сумму 400 млрд. долларов. Греко-кипрское руководство заключило соглашение с Египтом и Ливаном и Сирией о совместной деятельности по разведке и добыче этой нефти⁴⁴.

Таким образом, греко-кипрская сторона, по мнению турецких политологов, преследует здесь следующие цели: объявить суверенитет Республики Кипр над всем островом и заставить забыть о существовании ТРСК; представить себя в глазах мирового сообщества в качестве важного производителя нефти; взять Турцию «в тиски», т.е. противопоставить Анкаре её арабских партнеров, таких как Ливан, Сирия, Египет.

Турецкая сторона уже заявила свой протест греко-кипрскому руководству и потребовала, чтобы Египет и Ливан не ввязывалась в подобные авантюры. Лидер Народно-республиканской партии Д. Байкал считает, что турецкая нефтяная компания ТПАО должна заключить соглашение с ТРСК и совместно проводить поиски нефти⁴⁵.

В целом, можно утверждать, что в обозримом будущем Турция не отойдет от своей поддержки ТРСК. Вместе с тем представляется разумным и оправданным линия турецкого руководства на то, чтобы кипрский вопрос решался в рамках ООН.

---

⁴² Milliyet. 14.02.2007.

⁴³ Ibid. 06.01.2007.

⁴⁴ Milliyet. 08.02.2007.

⁴⁵ Ibid.

В начале 2008 г. на Кипре произошли важные события, создавшие возможности для начала конструктивного диалога между общинами острова. 24 февраля президентом Республики Кипр был избран генеральный секретарь Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЕЛ) Д. Христофиас. Его предшественник на посту президента Кипра Пападопулос, отличавшийся крайней неуступчивостью в отношении кипрского урегулирования, «плана Аннана», потерпел поражение еще на первом туре голосования. Опытный политик, разбирающийся в тонкостях кипрской проблемы, Христофиас, отвечая на вопрос, почему именно с его именем связывается надежда на новые подходы к решению кипрского вопроса, дал следующий ответ: «Возглавляемая мной партия АКЕЛ всегда выступала за воссоединение острова и гармоничное сосуществование двух общин. Мы ни при каких обстоятельствах не принимали участие в кровавых столкновениях прошлых лет. Напротив, мы всегда разъясняли, что интересы обеих общин требуют взаимопонимания и сотрудничества, а не шовинистских подходов низколобых националистов. Программа, на основе которой я был избран президентом Кипра, очень ясна, и я буду её выполнять»⁴⁶.

21 марта 2008 г. состоялась ключевая встреча Христофиаса и лидера турок-киприотов М. А. Талата. Переговоры прошли в никосийской резиденции спецпредставителя генсека ООН М. Моллера. Впервые за долгие годы стороны выразили обоюдное желание продвигаться вперед в решении многолетней проблемы острова. На проведенной после переговоров пресс-конференции Талат и Христофиас подчеркнули, что «они договорились о сближении». Талат указав, что «они ставят своей целью достичь решения в самый короткий период», вместе с тем, подчеркнул: «Мы не вдавались в подробные дискуссии, старались обсудить последующий процесс и предпринять новые шаги». Лидер греков-киприотов Христофиас, в свою очередь, заявил: «Мы друзья. За 40 лет мы испытали многое и сейчас делаем все, что в наших силах. Давайте подождем и посмотрим, что будет. А дружба Талата и Христофиаса будет способствовать общему делу»⁴⁷.

В результате соглашения, достигнутого на встрече Талата—Христофиаса, был проведен демонтаж заграждений, разделявших столицу Кипра Никосию на протяжении свыше 44 лет. Это явилось своего рода символическим мероприятием, призванным стать первым реальным шагом к урегулированию многолетнего противостояния

---

⁴⁶ Время новостей. 25.03.2008.

⁴⁷ Milliyet. 22.03.2008.

между турецким севером и греческим югом острова. Дальнейшие переговоры должны проходить после ознакомления с результатами деятельности совместных рабочих групп и технических комитетов, которые сформированы для решения ряда практических вопросов. Переговоры будут идти под эгидой ООН.

Успешное начало переговоров лидеров двух общин Кипра было тепло встречено заявлениями МИД России, госдепа США и ряда стран Евросоюза.

Но переговорный процесс Христофиаса—Талата только начинается. Впереди обсуждение таких проблем, как преодоление последствий оккупации, возвращение беженцев, прекращение процесса переселения на остров людей из Турции, создание совместных государственных органов власти и общественных институтов. Эти вопросы ждут решения уже многие годы. Но главное — лидеры двух общин Кипра уже работают вместе.

Подводя некоторые итоги, можно указать, что кипрская проблема в её нынешнем виде — это классический образец того, как относительно быстро в современном мире межнациональные конфликты перерастают в региональные. Для Турции кипрский вопрос является национальной проблемой, и какое бы турецкое правительство не было у власти, во внешней политике страны этот вопрос будет иметь доминирующее значение.

Таким образом, в кипрском вопросе, сложном не только своим внутривосточным этно-культурным содержанием, но и сплетением разновекторных внешнеполитических интересов и цивилизационных различий вовлеченных в него сторон и государств, отразились глобальные международные столкновения XX века. На примере кипрского конфликта просматриваются новые культурно-цивилизационные проблемы, встающие на пути интеграционных и миротворческих усилий, предпринимаемых международным сообществом.

Сейчас, когда разделенный Кипр живет в ожидании урегулирования, как никогда необходимы поиск и выявление общих интересов, очевидных совпадений в жизненных ценностях, нуждах и потребностях всех киприотов, и эти совпадения должны быть реализованы в интересах устранения межобщинных противоречий.

Киприотам предстоит еще сложный путь для достижения единства их родины. Здесь не обойтись без взаимных уступок, терпения и такта, нужен прорыв на новый уровень политического мышления, выход на новые рубежи политической практики.

ИВАНОВА И. И.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В начале XXI в. Турция после десятилетий относительной пассивности в регионе Ближнего Востока начала проявлять себя здесь как важный дипломатический фактор. За последние несколько лет Турция наладила тесные связи с Сирией и Ираном, странами, с которыми у нее были весьма натянутые отношения в 80–90 гг. прошлого века. Она приблизилась к проблемам палестинцев и улучшила отношения со всем арабским миром в целом.

Начавшийся относительно недавно процесс фокусирования на Ближнем Востоке, вовсе не означает, что Турция повернулась спиной к Западу. И этот процесс вовсе не является свидетельством «ползучей исламизации», как утверждают некоторые оппоненты. Новая деятельность Турции — это ответ на те структурные перемены, которые произошли в её окружении, и это может стать благоприятной возможностью для Вашингтона и западных союзников использовать страну как своего рода «мост» на Ближний Восток.

Сегодня на Ближнем Востоке Турция столкнулась с рядом проблем: растущий сепаратизм курдов, ситуация в Ираке, рост влияния Ирана, дробление Ливана, частично из-за радикальных групп, имеющих тесные связи с Сирией и Ираном. И поскольку большинство этих событий происходит на южной периферии Ближнего Востока, Турция начала все более внимательно относиться к происходящим здесь событиям.

Вместе с тем, главным вектором турецкой политики продолжает оставаться вступление в ЕС на правах полноправного члена.

Важное место в турецкой ближневосточной политике стала ситуация вокруг Ирака, и в этой связи турецко-американские отношения. В январе 2003 г., в разгар подготовки Вашингтоном силовой акции против Багдада, Анкара усилила свои заявления о необходимости осуществления любых действий против режима С. Хусейна на основе решений Совета Безопасности ООН и начала активную челночную дипломатию в регионе, целью которой являлось урегулирование иракской проблемы политическими средствами. Тем не менее, Вашингтон предпринимал попытки склонить Турцию к широкомасштабному участию в военной акции против Ирака, задействуя при

этом и мощный финансовый рычаг. Предложения Вашингтона были тщательно изучены на заседании правительства Турции. Заместитель премьер-министра А. Шахин, давая оценку дебатам в правительстве, заявил, что его страна извлекла урок из войны в Персидском заливе в 1991 г., когда поддержка в ней американцев обернулась для турецкой стороны только материальными убытками на сумму 50 млрд. долларов. Вашингтон неоднократно обещал компенсировать их, но эти обещания так и остались на бумаге.

Несмотря на целый ряд «осечек» в процессе подготовки Турции к принятию позитивного для США решения по вопросу дислокации своих войск на турецкой территории для участия в военной операции против Ирака, Вашингтон продолжал «лобовое давление» с целью добиться выполнения своих требований. В результате проект закона о разрешении на дислокацию американских войск на турецкой территории был вынесен 1 марта 2003 г. на голосование в парламент. Законопроект не набрал требуемого в соответствии с конституцией страны его одобрения абсолютного большинства голосов депутатов.

Крупнейшие турецкие средства массовой информации, в частности, газета «Миллиет», охарактеризовали голосование как «холодный душ для Вашингтона», назвав его историческим свидетельством того, что Турция умеет отстаивать свои национальные интересы¹.

Поскольку расчеты на Турцию как своего верного союзника не оправдались, США вынуждены были отложить дату начала военной операции и пересмотреть путь переброски войск в Ирак.

Одной из главных причин, по которой турецкие лидеры опасались американского вторжения в Ирак, был курдский фактор.

Хотя турецкие лидеры не питали особой любви к С. Хусейну, но он обеспечивал стабильность на южной турецкой границе, и вместе с тем они опасались, что его свержение приведет к расчленению Ирака, усилит курдский национализм и таким образом создаст угрозу безопасности Турции. После американского вторжения самые большие опасения турецких руководителей оправдались. Ирак оказался перед угрозой возможного распада. Иракские курды выступили за автономию и фактически имеют её на севере страны. Турецкие официальные круги выражают озабоченность тем, что создание курдского государства на границе Турции усилит сепаратистский нажим среди турецких курдов и создаст угрозу территориальной целостности страны.

И это серьезный аргумент. В конце 80-х — 90-е годы прошлого века с всплеском насилия организованного Рабочей партией Кур-

---

¹ Milliyet. 04.03.2003.

дистана (РПК), которая вела партизанскую войну в юго-восточных районах страны, жертвами стали свыше 35 тысяч человек. И лишь после поимки лидера партии А. Оджалана в 1999 г. РПК объявила об одностороннем прекращении огня. Но в июне 2004 г. боевики РПК вновь взяли за оружие. С января 2006 г. РПК провела серию нападений на турецкие территории с убежищ в Кандильских горах (Северный Ирак), в результате которых погибло несколько сотен турецких военнослужащих².

Правительство Эрдогана неоднократно обращалось за американской военной помощью с тем, чтобы ликвидировать тренировочные лагеря РПК в Северном Ираке. Но Вашингтон не был готов к таким мерам. В качестве аргумента приводилось следующее: Пентагон не может тратить свои подразделения, которые необходимы для борьбы с мятежниками в Ираке. Кроме того, американские стратеги опасались, что действия против РПК создадут нестабильность в Северном Ираке, который является наиболее стабильной частью страны. Курды были наиболее лояльными сторонниками американской политики в Ираке, и без их поддержки надежда на удержание страны была очень слабая.

Наряду с деятельностью РПК для Турции имелась еще очень важная проблема — а именно: Киркук, расположенный в Северном Ираке. За последние годы сотни тысяч курдов, изгнанные из этого богатейшего нефтяного города в результате проводимой Саддамом политики «арабизации» Киркука, вернулись обратно и заявили о своих претензиях на жилища и собственность. Теперь курды Ирака стремятся сделать Киркук столицей курдского регионального правительства на севере Ирака. Но турецкая сторона озабочена курдизацией города. Турецкие официальные круги считают, что власть в городе должны разделить все этнические группы, в том числе и туркмены (проживающие здесь со времен Османской империи).

На протяжении 2004–2006 гг. курдская тема была основным вопросом турецко-американского диалога. Анкара требовала от Вашингтона решительных действий против отрядов РПК, базирующихся на территории Северного Ирака. Министр иностранных дел Гюль отмечал в своих заявлениях, что в Северном Ираке находится свыше 5 тысяч турецких курдов, среди которых террористы, скрывающиеся от турецких властей. Премьер-министр Эрдоган неоднократно настаивал на том, что США должны пересмотреть свое отношение к курдскому вопросу и объединиться с Турцией в борьбе с РПК.

---

² Foreign Affairs, July-August 2007.

Турецкие аналитики, подводя итоги взаимных визитов высокопоставленных деятелей двух стран, делали вывод о том, что американцы были не заинтересованы в жестких мерах против РПК, хотя как и Европейский Союз, признали эту организацию террористической. Одна из причин такой позиции заключалась в том, что такие меры «взорвут» Ирак, обстановка в котором и без того накалена до предела. Кроме того, сохранение проблемы РПК в подвешенном состоянии позволяло американской администрации удерживать Анкару в фарватере своей региональной политики³.

Курдская проблема сохраняла свою остроту и в 2007 г. Непрерывно нарастающие нападения на турецкие вооруженные силы со стороны боевиков Рабочей партии Курдистана (РПК), обосновавшихся в Северном Ираке, в том числе произошедший 7 октября 2007 г. инцидент, в ходе которого было убито 13 военнослужащих — привели к тому, что турецкий парламент санкционировал проведение операции в Северном Ираке против баз боевиков РПК.

12 октября 2007 г. премьер-министр Эрдоган заявил, что его страну не останавливают никакие возможные последствия вторжения в Ирак⁴. Несмотря на уговоры властей Ирака и США, Турция начала трансграничную операцию. Подразделения турецкой армии, взявшие в плотное кольцо курдских сепаратистов на границе с Ираком, перешли границу.

И аналитики, и турецкие политики полагали, что без каких-либо конкретных совместных с США действий против РПК общественное мнение Турции о США будет и впредь ухудшаться. По словам Г. Актана, бывшего посла Турции, а ныне депутата парламента, «турки раздражены, и многие напряженно ожидают и от США понимания стоящей перед Турцией проблемы». «Никто не хочет крушения всех отношений, — продолжает Актан, — ни американцы, ни турки. Все стараются максимально контролировать ситуацию, но никто не может предсказать, как будут развиваться события»⁵.

Можно утверждать, что визит премьер-министра Турции Эрдогана в США стал важным поворотным моментом в турецко-американских отношениях.

5 ноября 2007 г. в Белом доме состоялась встреча Буша и Эрдогана, которая прошла успешно. Эрдоган подчеркнул, что «получил все, что хотел, и не осталось сомнений, которые предшествовали встрече». Тот факт, что Буш вновь охарактеризовал РПК как террористи-

---

³ Türkiye Uluslararası İlişkiler ve stratejik Analizler Merkezi. 21.12.2005.

⁴ Milliyet. 13.10.2007.

⁵ Euraseanet. 23.10.2007.

ческую организацию и выразил решимость в проведении совместной борьбы, очень важен.

Эрдоган также указал, что в ходе переговоров стороны остановились на взаимодействии по следующим пунктам:

- уничтожение лагерей РПК;
- арест её лидеров;
- прекращение материально-технической помощи;
- предотвращение политической деятельности РПК в Северном Ираке и обмен разведанными.

Таким образом, можно говорить о начале нового этапа в турецко-американских отношениях. Начался активный обмен разведанными, а заместители начальников генеральных штабов обеих стран при участии главнокомандующего американским военным контингентом в Ираке создали в Анкаре консультационный совет⁶.

Примечательно, что впервые за много лет Буш вновь заговорил о «стратегическом партнерстве». Анкара довольна последним развитием событий. Закрыты бюро РПК, прекращена материальная помощь, на экранах телевизоров люди могут видеть, как перекрываются дороги, проводится тотальный контроль приграничных районов. Следует также указать, что глава региональной администрации М. Барзани, который ранее вел себя в отношении Турции вызывающе, поменял свою риторику и выступил против присутствия РПК в Ираке. Подобные перемены демонстрируют, по мнению турецких политологов, тот факт, что курдское руководство хотя бы официально не было против турецкой трансграничной операции.

Можно также констатировать, что в дипломатической и политической сфере Турция смогла завоевать поддержку мирового сообщества в «борьбе с террористами», но самым важным являются изменения в стратегии Вашингтона после встречи Буша — Эрдогана. Как отмечают турецкие обозреватели, тот факт, что США, осуществляя сотрудничество с Турцией, перешли к действиям против РПК, и участие в данном процессе Барзани открывает новые перспективы⁷.

Визит турецкого президента Гюля в Вашингтон и его встреча 8 января 2008 г. с президентом Бушем, которые прошли в высшей степени «позитивно», имели особое значение. По мнению турецких политологов, создается впечатление, что Белый дом полон решимости оказывать Турции поддержку в целом, и особенно в совместной борьбе против террора РПК.

---

⁶ Milliyet. 10.11.2007.

⁷ Ibid. 17.12.2007.

Турецкие эксперты цитируют высказывания американского президента, который указывает, что рассматривает Турцию как «мост между Европой и исламским миром» и что членство Турции в ЕС важно для дела мира и имеет глобальное значение.

На переговорах был затронут и вопрос Киркука, и Буш выразил поддержку тезису Гюля о том, чтобы за городом был признан особый статус под наблюдением ООН, которая поможет всем группам региона обрести основу для договоренности.

Отвечая на комментарии скептиков в отношении того, что Буш уходит через несколько месяцев, и кому нужны эти заявления, турецкий политолог С. Идрис подчеркивает: «Стремление США вновь оживить отношения с Турцией не является краткосрочным проектом. Кто бы ни пришел к власти в США — республиканцы или демократы — международные реалии, перед которыми они окажутся, меняться не будут». И очевидно, что эти реалии в отношении Турции не ограничиваются лишь проблемой Ирака⁸.

Что касается других основных направлений турецкой ближневосточной политики, можно утверждать, что важное место здесь принадлежит укреплению отношений с Сирией и Ираном. Как было сказано выше, эти отношения в 80–90-е годы прошлого века были достаточно напряженными в силу ряда причин, в том числе из-за того, что Сирия и Иран пытались использовать Рабочую партию Курдистана (РПК) для дестабилизации обстановки в Турции. Однако в последние годы связи Турции с этими государствами были значительно улучшены, во многом благодаря тому, что три государства имеют общие интересы в сдерживании курдского национализма и предотвращения появления независимого курдского государства на их границах.

Турецко-иранские отношения после смены режима в Иране в 1979 г. были достаточно напряженными. Турция опасалась экспорта исламской революции, о которой открыто провозглашали иранские лидеры, взаимное соперничество в Центральной Азии и на Кавказе за сферы влияния после распада СССР также не добавляло позитива в эти отношения⁹.

После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития в 2002 г. отношения между Турцией и Ираном начали приобретать новое содержание. Ирану импонирует турецкая происламская партия, и улучшению отношений способствовало также появление для обеих стран новых вызовов и угроз их безопасности.

---

⁸ Ibid. 07.02.2008.

⁹ www.printable report. 276=view.

В январе 2003 г. в разгар подготовки Вашингтона к силовой акции против Багдада Анкара усилила свои заявления о необходимости осуществления любых действий против режима С. Хусейна только на основе решений СБ ООН и начала активную челночную дипломатию в регионе, целью которой являлось урегулирование иракской проблемы политическими средствами. В орбиту челночной дипломатии были включены Сирия, Иордания, Египет, Саудовская Аравия, Ирак, а также Иран. Был организован ряд встреч на уровне министров иностранных дел, посвященных совместному решению иракской проблемы.

Вашингтон не придал должного значения связям соседей Ирака в этом формате, а ведь именно в нем наиболее активной была ось Анкара—Тегеран, которая в последующие два года переросла в действующий «треугольник»: Анкара—Тегеран—Дамаск. Именно в этот период резко возросло количество турецко-иранских и турецко-сирийских контактов на уровне руководителей министерств и ведомств, в ходе которых присутствовала иранская тематика.

Сотрудничество Турции с Ираном усиливалось по вопросам безопасности. Во время визита турецкого премьер-министра Эрдогана в Тегеран в июле 2004 г. обе стороны подписали соглашение о сотрудничестве, в котором дается определение Рабочей партии Курдистан (РПК) как террористической организации¹⁰, и с этого времени обе страны начали сотрудничество по защите границ. В мае 2006 г. состоялся рабочий визит в Турцию Генерального секретаря Высшего совета национальной безопасности Ирана Лариджани. Он провел в Анкаре переговоры со своим турецким коллегой генеральным секретарем Совета Национальной безопасности Турции И. Альпдоганом, министром иностранных дел А. Полем и главой правительства Эрдогана, в ходе которых стороны договорились наращивать взаимодействие по ликвидации лагерей и баз РПК¹¹.

В апреле—мае 2006 г. Тегеран провел ряд успешных военных операций по уничтожению боевиков иранского филиала РПК, их баз, в том числе на территории Северного Ирака, выдал турецкой стороне несколько арестованных функционеров этой организации¹².

Турецко-иранский диалог подкрепляется сегодня и развивающимися, хотя и с наличием ряда проблем, торгово-экономическими связями двух стран, а также сотрудничеством в области энергетики. Объем торговли между двумя странами составляет 4,5 млрд. долла-

---

¹⁰ Hürriyet. 22.07.2004.

¹¹ www.centrasia.ru/news A = 1148019960.

¹² Ibid.

ров. В Иране действует свыше 40 турецких фирм, причем привлекательность иранского рынка для турецких инвесторов растет. Иран является вторым после России поставщиком в Турцию природного газа и предполагается увеличение поставок газа из Ирана с 6,7 млрд. куб м в 2005 г. до 9,6 млрд. в 2010 г.¹³

В феврале 2007 г. Турция и Иран подписали два новых энергетических соглашения: одно из них позволяло турецкой нефтяной компании (ТПАО) вести разведывательные работы по нефти и газу в Иране, другое — транспортировать газ из Туркмении через иранскую территорию в Турцию (а затем и в Европу). Этот проект противоречит политике Вашингтона, который хочет исключить Иран из всех мероприятий по транспортировке газа Каспийского моря, и если он будет реализован, то может стать предметом серьезных трений в турецко-американских отношениях¹⁴. В ноябре 2007 г. Турция и Иран подписали в Анкаре Соглашение о сотрудничестве в сфере электроэнергетики. С турецкой стороны соглашение подписал министр энергетики и природных ресурсов Х. Гюлер, с иранской — министр энергетики П. Феттах. Это соглашение предусматривает совместное строительство и эксплуатацию трех теплоэлектростанций (две в Иране, одна в Турции) и одной гидроэлектростанции на иранской территории. Кроме того, предусмотрена модернизация высоковольтных линий электропередач, связывающие два соседних государства¹⁵.

Вашингтон немедленно и жестко отреагировал на подписание турецко-иранского документа. Представитель по печати посольства США в Турции К. Сэллоу заявила, что Иран не должен быть задействован в политике Турции по диверсификации источников поступления в страну энергоресурсов и их транспортировки на Запад. Тегеран не сотрудничает с СБ ООН и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) и не выполняет их решения. «В такой ситуации мы против всяческого сотрудничества с Ираном, тем более в сфере энергетики», — констатировала американский дипломат. Официальная Анкара в ответ на негативную реакцию США заявила, что «Турция ни у кого не обязана спрашивать разрешения на выгоды с точки зрения национальных интересов действия». А сотрудничество с Ираном в газовой сфере — это выгодно и Турции и Европе. В турецких политических и дипломатических кругах, анализируя ситуацию с подписанием турецко-иранского соглашения о сотруд-

---

¹³ Global Strateji Enstitüsü. 18.10.2007.

¹⁴ Turkish Daily News. 28.11.2007.

¹⁵ Milliyet. 21.11.2007.

ничестве в электроэнергетике, отмечалось, что попытки Вашингтона «заморозить» отношения Анкары и Тегерана провалились¹⁶.

Тегеран, «цементируя» отношения с Турцией своей позицией по курдскому вопросу, рассчитывает на поддержку Анкары вокруг острой ситуации вокруг иранского ядерного досье и Ирана в целом. Вместе с тем, Анкара поддерживает право Ирана на мирное использование ядерной энергии, однако призывает Тегеран быть максимально прозрачным в отношениях с МАГАТЭ.

Таким образом, США считают, что Иран продолжает разрабатывать атомную программу и, чтобы воспрепятствовать этому, требует ужесточения против него санкций. Турция, которая хотя и испытывает некоторую озабоченность в отношении иранской ядерной программы, является сторонником устранения конфликта дипломатическими методами¹⁷. Как справедливо указывает турецкий политолог А. Биранд, в иранском конфликте Турция «фактически участвует в отношениях между США и ЕС, с одной стороны, и Ираном, с другой, и играет роль неофициального посредника»¹⁸.

Действительно, в докладе комиссии ЕС по вопросу вступления Турции в эту организацию, подчеркивается, что Евросоюз с одобрением воспринимает содействие Анкары убедить Тегеран соответствовать требованиям мирового сообщества¹⁹.

Как указывает бывший сотрудник турецкого отдела американского госдепартамента, а ныне исследователь Принстонского университета Дж. Волкер, «правительство Эрдогана пытается сохранить умелый баланс между политикой США в отношении Ирана и развитием экономических и политических связей со своим крупнейшим и наиболее сильным ближневосточным соседом. Эрдоган все более подчеркивает необходимость для Турции иметь хорошие отношения с Ираном, ослабляя международную озабоченность по ядерному Ирану и срывая попытки Вашингтона оказать объединенное давление на эту страну. Учитывая дружескую атмосферу в турецко-иранских отношениях, может быть, пришло время для Вашингтона и Брюсселя начать рассматривать Анкару как посредника для начала диалога с Ираном. Турция могла бы стать идеальным кандидатом для этой роли»²⁰.

---

¹⁶ Hürriyet. 22.11.2007.

¹⁷ Milliyet. 26.03.2008.

¹⁸ Ibid. 14.02.2007.

¹⁹ Milliyet. 02.11.2002.

²⁰ Turkish Daily News. 28.11.2007.

Известно, что на протяжении длительного периода наиболее сложными были отношения Турции с Сирией, и одной из главных проблем являлось оказание Сирией поддержки боевикам Рабочей партии Курдистана (РПК). В сентябре 1998 г. турецкая армия сосредоточила на сирийской границе военный контингент и потребовала высылки из страны лидера РПК А. Оджалана. В результате его высылки из Сирии и поимки турецкими спецслужбами между Турцией и Сирией было подписано соглашение, по которому Сирия брала на себя обязательства прекратить какую-либо помощь РПК и сотрудничать с Турцией по данному вопросу. В рамках соглашения Сирия передала Турции ряд руководителей этой партии, находящихся на её территории²¹. Отношения, таким образом, были нормализованы, однако импульс они получили после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) в ноябре 2002 г. И это новое направление оказалось неожиданным для тех, кто долгое время считал, что Турция и Сирия, учитывая их конфликтующие интересы, не смогут развивать нормальные отношения.

Развитие событий в регионе сблизило обе страны, и в центре этого сближения было то, что Турция и Сирия выступали против вторжения США в Ирак, а в дальнейшем — за сохранение территориальной целостности этой страны. Они озабочены стремлением США ослабить Ирак за счет его обустройства на федеральной основе без сильного центрального правительства, что может привести к созданию независимого Курдского государства. Визит сирийского президента Башара Асада в Турцию в январе 2004 г. в обеих странах был назван историческим, поскольку стал первым визитом сирийского президента после 2-й мировой войны. Во время переговоров подчеркивалось, что Турция и Сирия имеют больше точек соприкосновения, чем различий, и это составляет прочную основу для развития добрососедских отношений. Сирия приветствовала турецкую инициативу выступить посредником в возобновлении сирийско-израильских мирных переговоров. Вместе с тем, развитие отношений с Сирией, которая подвергается давлению со стороны США и Израиля, является своего рода вызовом Турции.

В декабре 2004 г. в ходе визита в Дамаск премьер-министра Эрдогана было подписано соглашение о свободной торговле. Премьер-министр Сирии М. Отри подчеркнул, что «отношения между странами будут развиваться во всех областях, и в первую очередь в торговле».

---

²¹ Hürriyet. 05.10.2003.

Это, в свою очередь, отвечает интересам турецкого торгового капитала, поскольку расширяет его возможности в Сирии, а также позволит использовать Сирию как транзитный торговый центр для выхода на рынки других арабских стран.

Эрдоган на заключительной пресс-конференции подчеркнул, что «итоги визита демонстрируют насколько далеко продвинулись отношения между двумя странами»²².

В апреле 2005 г. президент Турции Н. Сезер посетил Сирию, несмотря на открытый нажим Вашингтона, стремящегося воспрепятствовать этому визиту.

Новым импульсом к сближению стал очередной визит в Турцию в середине октября 2007 г. сирийского президента Башара Асада. Визит проходил в обстановке растущей напряженности между Дамаском и Вашингтоном. Сирия в условиях давления со стороны США в отношении Ливана, Ирака, арабо-израильского конфликта ищет союзников и за пределами арабского мира с тем, чтобы смягчить трудности в вопросах безопасности, а также продолжить развитие экономических связей «со все более процветающей Турцией»²³.

Политика Анкары в отношении Израиля и палестинцев также претерпела известные перемены. С 1996 г. Турция поддерживала с Израилем тесные связи, в первую очередь в области обороны и разведки. Это сотрудничество было выгодно для обеих сторон: оно помогало Израилю выйти из региональной изоляции и оказывать давление на Сирию, а Турция получала возможность приобретать оружие и современную технологию в период, когда она сталкивалась со все более ограниченными военными поставками из США и Европы.

В первое время после прихода к власти ПСР отношение к Израилю стало меняться. Формально оставаясь союзниками, Анкара и Тель-Авив заняли диаметрально противоположные позиции в отношении американского вторжения в Ирак. В то время, как Израиль всячески подталкивал Вашингтон к военным действиям, турецкое руководство пыталось его предотвратить.

Визит израильского президента М. Кацава в Турцию в июле 2003 г. стал первой попыткой укрепить политическую составляющую «стратегического союза». При обсуждении вопросов региональной политики израильский президент не преминул обвинить сирийского президента Б. Асада в «создании проблем между Израилем и Сирией». Однако этот выпад в сторону сирийского руководства был

---

²² Al-Gazeera. 14.04.2005.

²³ Gulf News. 18.10.2007.

воспринят в Анкаре достаточно сдержанно. Уже в то время она имела совершенно другие планы в отношении Дамаска, договариваясь о визите Б. Асада в Анкару.

Турецко-израильские отношения существенно обострились весной 2004 г., когда турецкий премьер Эрдоган выступил с несколькими резкими заявлениями по поводу силовых методов Израиля в процессе ближневосточного урегулирования, а после ликвидации израильскими спецслужбами лидеров Хамас, шейха Ясина и позднее его преемника А. Рантиси даже назвал политику Израиля близкой к «государственному терроризму».

Определенным индикатором ухудшения турецко-израильских отношений стала также отсрочка на неопределенный срок визита израильского министра промышленности и торговли Э. Ольмерта в Турцию, запланированного на середину апреля 2004 г. В качестве предлога указывалось на «чрезвычайную занятость» турецкого руководства кипрской проблемой. В то же время это не помешало правительству Турции в те же дни принять в Анкаре саудовского министра иностранных дел Сауда аль Фейсала²⁴.

Тем не менее, исходя из приоритетов в сфере безопасности и баланса интересов на Ближнем Востоке, турецкое руководство пошло на активизацию своих отношений с Израилем. Точкой отсчета нового этапа двусторонних отношений стал визит Эрдогана в Израиль в мае 2005 г. 1 мая турецкий премьер прибыл в Израиль и сразу же начал вести переговоры о продолжении военного сотрудничества. В результате был подтвержден контракт на продажу Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков дальнего радиуса действия «Харон» на общую сумму 200 млн. долларов.

Правительство ПСР стремилось наладить более тесные связи с палестинским руководством. Через несколько недель после выборов на палестинской территории в феврале 2006 г. Турцию посетила делегация Хамас во главе с Х. Машаалом. Эрдоган надеялся, что визит позволит Анкаре играть важную роль в процессе ближневосточного урегулирования. Данный визит вызвал огромное недовольство в США и Израиле, да и большинство турецких СМИ также выступили против визита. На данном этапе пришлось констатировать, что попытка наладить контакты с Хамас не дала никаких результатов. В Анкаре Машаал не только не выразил стремления к диалогу с Израилем, но, напротив, заявил, что «прибыл не слушать, а давать советы»²⁵.

---

²⁴ www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/493/46477.

²⁵ Star Gazete, Radikal, 18.02.2006.

Серьезным испытанием для турецко-израильских отношений явились события вокруг Ливана летом 2006 г., вызванные боевыми действиями израильской армии против Хизбаллы и вторжение Израиля в южные районы Ливана. В Турции эти действия Израиля сразу же вызвали подъем антиизраильских настроений, нашедших поддержку и у значительной части правящей элиты страны.

Уже 1 августа 2006 г. в Стамбуле по предложению Анкары состоялось срочное заседание организации «Исламская конференция» (ОИК) на экспертном уровне для обсуждения вопроса об оказании Ливану гуманитарной помощи.

Эрдоган принял решение о посылке воинского контингента в 1000 человек для участия в миротворческих силах в Ливане. Этот его шаг подвергся критике со стороны ряда политических партий, и даже внутри своей партии он столкнулся с оппозицией. Многие политические деятели опасались, что Турция будет втянута в противостояние с Хизбалла. Решение Эрдогана породило открытый раскол между президентом Сезером и Эрдоганом. Сезер выступил против присутствия турецких военных в Ливане, аргументируя это тем, что Турция не несет ответственности «в защите других национальных интересов». Эрдоган в свою очередь указывал, что Турция «не может защищать свои интересы, оставаясь простым наблюдателем, и должна принимать участие в мирных процессах». Как пишет известный турецкий политолог М. Биранд, никогда ранее отправка миротворческих сил в другие страны не вызывала подобных полемик, напротив, посылка турецких военных в Афганистан или Боснию сопровождалась чувством гордости. И причиной дискуссий вокруг решения Эрдогана стало, по мнению автора, демонстрация Партией справедливости и развития присущего ей «взгляда на мир, новой политики и подходов»²⁶.

Вместе с тем, несмотря на имевшиеся трения, турецко-израильское сотрудничество в политической, военной, торгово-экономической сфере неуклонно развивается и приносит Турции ощутимые дивиденды. Здесь можно привести высказывания посла Турции в Израиле Намига Тана, сделанные в мае 2007 г. и достаточно полно характеризующие весь спектр этих отношений: «Стратегическое сотрудничество Турции и Израиля очень важно как с региональной, так и с глобальной точки зрения. Обе страны являются светскими и демократическими государствами Ближнего Востока. В то же время, Турция имеет исторические связи с регионом, и, в отличие от Израиля, сотрудничает со всеми находящимися здесь странами.

---

²⁶ Milliyet. 06.09.2006.

У нас имеются хорошие связи с Сирией, Саудовской Аравией, Ираном. В то же время мы с Израилем являемся стратегическими партнерами. На протяжении всей истории Турция относилась к еврейской общине с уважением. Турция первая из мусульманских стран признала независимость Израиля. За 59 лет турецко-израильское сотрудничество не прекращалось»²⁷.

Далее посол дал характеристику турецко-израильского сотрудничества в сферах сельского хозяйства, туризма, высоких технологий, обороны и безопасности. Он указал, что «в регионе у Турции нет такого сильного экономического партнера, как Израиль». «Товарооборот между нами составляет 2,5 млрд. долларов, и мы намерены в ближайшие годы увеличить эту сумму до 5 млрд. Каждый год Турцию посещают 450 тысяч израильских туристов, т.е. каждый день к нам приезжает в среднем 1500 израильтян. Израильяне любят Турцию и чувствуют себя здесь в безопасности. Мы намерены реконструировать в Тель-Авиве одно из зданий османского периода и открыть там Культурный центр Турции»²⁸.

Посол также напомнил, что «сотрудничая с Израилем, вы имеете дело не только с жителями этой страны, но и еврейским лобби, обладающим большим авторитетом в таких странах, как Франция, Италия, Германия и США, и представляющим реальную политическую силу. В этом плане нельзя переоценить роль наших еврейских друзей в защите интересов Турции»²⁹.

В середине ноября 2007 г. Турцию одновременно посетили президент Израиля Шимон Перес и глава палестинской автономии Махмуд Аббас, которые впервые обратились к миру с трибуны турецкого парламента. В трехсторонней встрече Переса, Аббаса и президента Турции Гюля стороны обсудили в Анкаре дальнейшие шаги по ближневосточному урегулированию накануне международной конференции в американском Аннаполисе по этой проблеме³⁰.

Как пишет турецкая газета «Миллиет» с отсылкой на израильскую «Джерусалем Пост», принято решение о продаже Израилем Турции ракетно-баллистической оборонительной системы «Эрроу» и одной из систем спутников-разведчиков «Офек»³¹.

---

²⁷ www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas/1/msg/2007/05/m_90635.htm.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ USAK (Uluslararası, Stratejik Araştırmalar Kurumu) Stratejik Gündem 13.11.2007.

³¹ Milliyet. 13.11.2007.

Во время встречи Гюля с Пересом обсуждался вопрос об Иране. Гюль попытался смягчить позицию израильского президента в отношении этой страны, указав, что слова Ахмединеджата: «Хочу стереть Израиль с карты», всего лишь риторика. Однако в этом вопросе Перес остался непреклонен, подчеркнув, что «Иран не собирается использовать ядерную энергию в мирных целях и поддерживает терроризм».

Перес указал, что израильская сторона положительно оценивает турецкое предложение начать паромное движение между портами Хайфа и Фамагуста (Северный Кипр) а также открыть на Северном Кипре израильское торговое представительство³².

На трехсторонней встрече было принято соглашение «Анкарский форум». По этому соглашению три страны выразили готовность создать крупную промышленную зону на Западном берегу реки Иордана в районе Таркуми под Хевроном. Этот проект может способствовать сближению сторон и обеспечить рабочими местами сотни палестинцев³³.

В ходе переговоров было продемонстрировано, что Турция на стороне Аббаса готова поддерживать его как политически, так и экономически³⁴.

На конференции в Аннаполисе (США), посвященной ближневосточному урегулированию и проходившей в конце ноября 2007 г., министр иностранных дел Турции А. Бабаджан подчеркнул, что Турция играет в палестино-израильском процессе мирного урегулирования «роль не стороннего наблюдателя, а активного участника», и выразил пожелание, чтобы этот процесс был завершен к концу 2008 года³⁵.

В последние годы наблюдается укрепление отношений Турции и Саудовской Аравии, что было продемонстрировано в ходе визитов короля Абдаллы в Турцию в августе 2006 г. (первый визит саудовского короля за последние 40 лет) и в ноябре 2007 г. Обе стороны договорились о совместных действиях по ускорению арабо-израильского мирного процесса³⁶.

Были сделаны важные шаги по расширению сотрудничества с Египтом. Выражением плодотворного диалога между Турцией и Египтом стали взаимные визиты на высшем уровне. В ноябре

---

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Milliyet. 14.11.2007.

³⁵ Yeni Sabah. 28.11.2007.

³⁶ Ibid.

2006 г. Турцию посетил премьер-министр Египта А. Назиф и министр торговли и промышленности Рашид, в январе 2007 г. в Египте провел переговоры государственный министр Турции Кюрсар Тюзмен. В ходе переговоров подчеркивалось, «что двустороннее сотрудничество поднялось на новый уровень с точки зрения экономических связей, политического согласия, развития мира, безопасности и стабильности в регионе»³⁷.

Объем двусторонней торговли увеличился с 2004 до 2005 г. на 220 млн. долларов, составив 996 млн. Предполагается, что после заключения соглашения о свободной торговле этот объем возрастет в 2 раза. К концу 2007 г. турецкие капиталовложения в египетскую экономику составили 1 млрд. долларов. В 2007 г. в Египте начали действовать свыше 100 турецких фирм³⁸. Общий объем товарооборота за 2007 г. составил 1,5 млрд. долларов³⁹.

В ходе визита в Турцию в марте 2007 г. президент Египта Мубарак и турецкое руководство подписали ряд соглашений, предусматривающих начало нового стратегического диалога и партнерства, направленных на сотрудничество в области энергетики и региональной безопасности.

Как заявил в интервью египетской газете «Аль-Ахрам» государственный министр Турции К. Тюзмен, «сегодня турецко-арабские отношения переживают золотой век. Действительно, в прошлом было много ошибок, но сегодня они устранены. Арабский мир начал понимать добрые намерения Турции и оказывать достаточную поддержку. Наша основная задача — сделать необходимые шаги для стабильности арабского мира, поскольку мы живем на одном географическом пространстве»⁴⁰.

Отношения Турции и Иордании всегда были традиционно дружественными, регулярно проходил обмен визитами на высшем уровне. В ходе визита короля Иордании Абдаллы в Турцию в декабре 2007 г. состоялись его встречи и переговоры с премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом и президентом А. Гюлем. На встрече Гюль подчеркнул, что «данный визит дает возможность придать новый дополнительный импульс развитию отношений двух стран». Была достигнута договоренность по расширению экономического сотрудничества, подчеркивалось, что будет проводиться регулярный обмен мнениями по политическим вопросам.

---

³⁷ Al-Ahram. 08.01.2007.

³⁸ Ibid.

³⁹ Milliyet. 17.01.2008.

⁴⁰ Al-Ahram. 08.01.2007.

Турецкий президент также заявил следующее: «Сотрудничество между Турцией и Иорданией является важным вкладом в обеспечение мира и стабильности на Ближнем Востоке». В свою очередь, король Абдалла указав, что на переговорах стороны обсудили вопросы угрозы региональной безопасности, в первую очередь терроризма, подчеркнул: «Мы осуждаем все виды террора, в том числе агрессию РПК против Турции и выступаем за территориальную целостность и политическое единство Ирака»⁴¹.

Новым важным моментом миротворческой деятельности Турции на Ближнем Востоке можно назвать и посредническую роль между Сирией и Израилем. Эту деятельность озвучил президент Сирии Б. Асад, указавший, что она началась еще год назад (в апреле 2007 г.) и подчеркнувший, что Эрдоган передал информацию о полученном от израильского премьер-министра сообщении о том, что готов возвратить Сирии Голанские высоты⁴². Таким образом, начат процесс «Мир в обмен на возвращение Голанских высот».

Как справедливо подчеркивает турецкий политолог С. Кохен, «начало после долгих лет процесса примирения Сирии и Израиля, пусть и в косвенной форме, является событием, которое вселяет надежду на фоне мрачной картины ближневосточных событий»⁴³.

Голанские высоты имеют большое стратегическое значение для обеих сторон. Ими с войны 1967 г. владеет Израиль. Сирия хочет возвращения высот, а Израиль предъявляет требование, чтобы в обмен на это Сирия отказалась от поддержки Хамас и Хизбаллы и гарантий её неучастия в действиях, которые угрожают его безопасности. Таким образом, премьер-министр Израиля Ольмерт, отдавая Голаны, надеется получить ряд гарантий. Для сирийского президента Б. Асада, возвращение важной территории, утерянной еще при его отце, означает выигрыш в плане роста его популярности и авторитета и преодоления международной изоляции⁴⁴.

Известно также, что в обеих странах есть силы, выступающие против подобного урегулирования, и поэтому пока стороны ведут косвенный диалог. Для Турции имеет большое значение играть в этом процессе роль «главного актора», и это неудивительно: ведь она является одной из немногих стран, которая может осуществлять посредническую роль между Сирией и Израилем. Для Турции подобная миссия очень выигрышная, поскольку с обеими сторонами

---

⁴¹ Milliyet. 11.12.2007.

⁴² Ibid. 25.04.2008.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Hürriyet. 26.06.2008.

отношения заслуживают доверия. Вместе с тем, эта миссия очень трудна, и можно констатировать, что процесс только начинается.

В начале XXI в. значительно активизировалась деятельность Турции в Организации Исламская конференция (ОИК), направленная на то, чтобы эта организация могла играть важную позитивную роль как в исламском мире, так и на международной арене.

По инициативе и при содействии Турции начался диалог между ОИК и Россией. Министр иностранных дел России С. Лавров, выступая на конференции министров иностранных дел стран-членов ОИК (Стамбул 16 июня 2004 г.), подчеркнул следующее:

«Организация Исламская конференция и Россия вместе могут сделать очень многое, чтобы не допустить раскола мира по цивилизационному, религиозному признаку, а также для того, чтобы мировой порядок строился не на основе попыток доказать превосходство той или иной религии, системы, мировоззрения, а на коллективных началах, на основе взаимного понимания, уважения, совместного поиска путей борьбы с новыми общими для всех угрозами — это и терроризм, и распространение оружия массового уничтожения, наркотрафик и организованная преступность, которые сейчас не имеют национальных границ»⁴⁵.

В марте 2008 года на одиннадцатом саммите ОИК в столице Сенегала Дакаре был принят новый устав, по которому, как считают турецкие политологи, «в работе ОИК могут произойти важные исторические и структурные преобразования, которые смогут придать организации в исламском мире функции, приближенные к ООН»⁴⁶. Среди актуальных понятий нового документа были обозначены такие темы, как диалог цивилизаций, демократия, верховенство права, права женщин, защита окружающей среды, умеренность ислама и борьба с терроризмом⁴⁷.

Как пишет влиятельная турецкая газета «Миллиет», важную «роль локомотива» в структурных изменениях ОИК сыграл турецкий профессор Э. Ихсаноглу, избранный в 2004 г. её генеральным секретарем. Во многом, подчеркивается в газете, перемены в ОИК становятся возможны также благодаря действиям турецкого правительства, которое рассматривает ОИК «как важный стратегический инструмент своей внешней политики»⁴⁸.

---

⁴⁵ www.mid.ru. 17.06.2004.

⁴⁶ Milliyet. 14.03.2008.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

Усиление политической активности Турции на Ближнем Востоке подтверждает, что правительство ПСР при некоторых просчетах показало свою способность решать задачи колоссальной важности и сложности с учетом турецкой специфики.

Опираясь на большинство в парламенте и местных органах власти, правительство ПСР смогло вывести Турцию из экономического кризиса и доказать, что оно способно на деле реализовывать и претворять в жизнь лозунг: «Ислам и демократия не исключают друг друга». Большая вовлеченность Турции в ближневосточные дела — это последовательная диверсификация турецкой внешней политики, которую Анкара начала проводить после окончания холодной войны и которая особенно активизировалась в период правительства Эрдогана.

В статье Эрдогана, опубликованной в немецкой газете «Süddeutsche Zeitung» 18 февраля 2008 г., турецкий премьер-министр подчеркивает, что растущее значение Турции не ограничивается только Ближним Востоком. На Балканах, в регионе Черного и Средиземного моря, а также в Афганистане, Пакистане, Центральной Азии и Африке «Турция стала партнером номер один и важным посредником в достижении стабильности и позитивных перемен».

КИРЕЕВ Н. Г.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТУРЦИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Военный переворот 12 сентября 1980 г. ознаменовал собою начало нового этапа внутривнутриполитического развития страны. Учрежденный генералами Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с начальником генерального штаба Кенаном Эвренем распустил парламент, отстранил от власти правительство С. Демиреля, приостановил, а вскоре и вовсе запретил деятельность существовавших тогда ведущих политических партий — Партии справедливости (ПС), Народно-республиканской партии (НРП), Партии национального спасения (ПНС) и Партии националистического движения (ПНД). Их лидеры подверглись аресту. СНБ взял на себя временное исполнение законодательной и исполнительной власти, а К. Эврена назначил главой государства. В то же время военное руководство заявило о твердом намерении восстановить гражданское правление после того, как будут созданы для этого необходимые условия. Было сформировано правительство военного режима во главе с отставным армейским адмиралом Бюлентом Улусу. Министром по вопросам экономики в нем стал Тургут Озал, экономический советник распущенного правительства Демиреля, один из главных авторов Решений 24 января 1980 г., известных как программа перехода к рыночной экономике¹.

Против происламской Партии национального спасения, обвинявшейся в нарушении конституционного принципа лаицизма, а также против профашистской Партии националистического движения (ПНД) военная прокуратура организовала судебные процессы; предстали перед военным судом и активисты левацких террористических организаций. Одновременно военные власти провели массовые и жесткие преследования левых партий и организаций.

Роспуск в октябре 1981 г. всех партий позволил СНБ вмешаться в процессы формирования политических группировок — будущих заново созданных партий. Учрежденные военными временные ор-

¹ Турция 2003. Подготовлено Агентством турецких новостей по заказу Главного управления печати и информации при правительстве Турции. Анкара, 2003. С. 141. Далее: Турция. Анкара, 2003.

ганы верховной власти в целом продолжили реализацию программы экономической стабилизации от 24 января 1980 г. За обновление стратегии экономического развития, за отказ от многих исторически отживших принципов государственного вмешательства в экономику выступала большая часть политической элиты страны. Вместе с тем даже апологеты крайнего либерализма признавали, что «не следует выступать в целом против государственного патернализма», это «может плохо кончиться для предпринимателя». Известный социолог Дж. Талас, предупреждая о чрезмерном увлечении монетаристскими идеями М. Фридмена, писал о стабилизирующей роли государства в социальной жизни, в частности в попытках увеличить занятость, ликвидировать безработицу.

Точки зрения различных кругов по поводу возможных путей совершенствования модели «смешанной экономики» были сопоставлены на организованном в 1981 г. Втором экономическом конгрессе в Измире (по аналогии с первым, который состоялся в 1923 г.). Тургут Озал подчеркивал на конгрессе, что этатизм для Турции — дело прошлое, и он «был не целью экономического развития, а вынужденной необходимостью переходного периода».

Разработанный временным консультативным меджлисом проект новой Конституции был принят на всенародном референдуме 7 ноября 1982 г., а Кенан Эврен стал президентом. В новой конституции подтверждался республиканский, демократический, светский и социально-правовой статус турецкого государства, а также основные права и свободы личности, включая свободу частного предпринимательства, право частной собственности и право наследования имущества. Положения конституции в целом уточняли модель смешанной экономики, вместе с тем функции государства были полностью сохранены в социально-экономической сфере, а некоторые — заметно расширены. Были подробно перечислены задачи планирования, подтверждалось, что «природные богатства и ресурсы находятся под юрисдикцией и во владении государства, право на их поиск и разработку принадлежит государству»².

После принятия новой конституции военные власти последовательно осуществляли меры по переходу к гражданскому правлению. С этого времени можно говорить о более решительном обращении правящей элиты страны к либеральной платформе внутренних преобразований. Не противостоя военной верхушке, ПО в то же время сумела предложить свою, гражданскую альтернативу военному режиму.

---

² Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. Kanun №2709. İstanbul, Yıldız kitabevi, 1982.

Согласно новому законодательству о политических партиях и парламентских выборах, в стране под жестким контролем военных была поэтапно разрешена политическая деятельность, заново созданы политические партии — правоцентристские Партия националистической демократии /ПНД/ во главе с отставным армейским генералом Тургутом Сунальпом, Партия отечества /ПО/ Тургута Озала (он вышел в 1982 г. из правительства Б. Улусу), и левоцентристская Народническая партия /НП/, которую возглавил Недждет Джальп, бывший советником в правительстве Улусу. Учреждены были также Партия верного пути /ПВП/ как преемница распущенной ПС и Социал-демократическая народная партия /СОДЕП/ во главе с сыном Исмета Инёню — Эрдалом Иненю, однако они не смогли принять участие в выборах нового состава Великого Национального Собрания Турции 6 ноября 1983 г., поскольку СНБ запретил участие в политической деятельности большинству из учредителей этих партий. В выборах приняли участие лишь три партии — ПО, ПНД и НП. По итогам голосования победила Партия отечества; обеспечив себе поддержку приверженцев некоторых запрещенных военными партий, она получила 45,1% голосов избирателей³. 13 декабря 1983 г. Т. Озал сформировал однопартийное гражданское правительство.

Судебные расследования против руководства некоторых прежних партий продолжались в течение ряда лет. Так, лидер распущенной ПНД Альпарслан Тюркеш, арестованный вместе с другими 21 активистами партии, из-под стражи был освобождён в июле 1981 г., но до 1985 г. находился под следствием. Среди арестованных исламистов был и их лидер Н. Эрбакан, но и после выхода на свободу ему были возвращены политические права только в 1987 г., после чего он был избран генеральным председателем учрежденной в июле 1983 г. Партии благополучия (*Рефах партиси*); с тех пор в исламских кругах Турции Эрбакан долго оставался лидером легального политического движения. Партия имела свое отделение в Германии, которое под именем *Милли гёрюш* действовало как самостоятельное легальное общество, которое и поныне считается самой влиятельной исламистской организацией среди всех турецких обществ в Германии, действующих от имени почти трёх миллионов проживающих в этой стране турок.

Что касается лидеров возрождавшихся тарикатов, чаще других в турецких СМИ встречалось имя Фетхуллага Гюлена, руководителя религиозной общины, носящей его имя, но считавшей себя последовательницей религиозного ордена *нурджистов*, основанного Саи-

---

³ Турция. Анкара, 2003. С. 142.

дом Нурси⁴. Последний в 30–40-е годы активно преследовался властями Турции за призывы создать в Турции государство на принципах шариата⁵. 13 сентября 1980 г. военные власти предприняли попытку арестовать Ф. Гюлена за пропаганду шариата, но ему удалось скрыться. Силы безопасности вновь задержали Гюлена в 1986 г., однако вскоре освободили: считается — по инициативе самого Т. Озала⁶.

Важным внутривластным событием периода первого правительства Озала было проведение 6 сентября 1986 г. референдума по поводу отмены ряда запретов на политическую деятельность в стране. В результате референдума Бюлент Эджевит получил возможность возглавить объединенную Демократическую левую партию (ДЛП), Сулейман Демирель — Партию верного пути, Альпарслан Тюркеш — Партию националистического движения (ПНД), Неджметин Эрбакан — Партию благополучия (ПБ)⁷.

ПО осталась у власти и после новых (досрочных, по инициативе Т. Озала) выборов в ноябре 1987 г. Нет сомнения, что этому способствовало решительное продолжение и углубление под руководством Т. Озала крупных социально-экономических реформ, которые в конечном счете отражали новую концепцию развития всего турецкого общества с ориентацией на гражданское общество и экономику свободного рынка. Суть первых законодательных инициатив правительства Т. Озала состояла в отмене монополии государства над целым рядом отраслей экономики и социальных институтов, в допуске в эти сферы и отрасли частной инициативы. При нём началась уже не декларативная, а фактическая, и при том масштабная приватизация государственных экономических организаций (ГЭО), их акций в компаниях со смешанным капиталом. В законах 80-х годов впервые в истории республики конкретно прописывались формальности, согласно которым государственное объединение, предприятие, а также государственные доли (иногда объединяемые в «пакеты») акций в смешанном государственно-частном либо частно-государственном предприятии становились частными и подчинялись уже Торговому кодексу. Общим глубинным итогом всех этих мер стал начавшийся процесс либерализации самого общества, заметное освобождение его от этатистских шор.

Смелым для того времени шагом правительства Т. Озала считается принятый в июне 1986 г. закон 3291, получивший в Турции на-

---

⁴ Milliyet. 13. 12.1994.

⁵ Türk ve Dünya Ünlüleri Ansiklopedisi. Anadolu Yayıncılık. Cilt 9. 1983. С. 4864.

⁶ Cumhuriyet. 26. 08. 1995; 22. 02. 1998.

⁷ Турция. Анкара, 2003. С. 142.

именование Кодекса приватизации. Согласно статьям пятого раздела закона, государственное предприятие или учреждение, объединение даже самого высшего уровня, подчас занимавшего монопольное положение в какой-либо отрасли, а также государственный пакет акций в капитале смешанной компании могли стать частной собственностью — личной или корпоративной⁸.

Участие государства в экономике, социальной инфраструктуре правительство Т. Озала предполагало ограничить лишь теми областями, где частный сектор не мог рассчитывать на получение приемлемого дохода. Речь шла также и о таких сферах, как оборонная промышленность, коммунальное обслуживание, здравоохранение, образование, промышленная инфраструктура. Все, что могло быть приватизировано по новому законодательству, стало доступно (как правило, через торги) для местного и иностранного частного капитала. Вместе с тем, вслед за первыми шагами по приватизации государственной собственности последовали и первые решения судебных инстанций, чаще всего Конституционным суда, по отмене некоторых актов продажи. Таких решений, как свидетельствует практика приватизации, было принято немало, однако до своего поражения на выборах в октябре 1991 г. правящая тогда Партия отечества смогла подготовить список 112 государственных компаний, подлежащих приватизации⁹.

Главное содержание внутривластной жизни Турции конца 80-х — начала 90-х годов — проведение в жизнь принятых реформ, их модификация, осмысление итогов новых выборов, прошедших в 1987 г., определенная демократизация политической жизни, укрепление гражданской власти. Во внутривластных дискуссиях активно участвовали практически уже все вновь созданные партии, особую активность в борьбе за электорат проявляли правопоцентристские и левоцентристские партии. Ослабление авторитарности все более сказывалось на политической жизни Турции. Заметно возросла деятельность оппозиции и ее критика властей, в стране все более активными стали выступления демократических кругов. Возросло давление на государство независимых профессиональных институтов — торговых и промышленных палат, конфедераций, профсоюзов. С конца 1987 г. стала обсуждаться возможность легальной деятельности Объединенной коммунистической партии Турции, созданной в результате слияния КПТ и Рабочей партии.

---

⁸ *Özmen S. Türkiye’de ve Dünyada KİT’lerin özelleştirilmesi.* İstanbul, 1987. С. 199–249.

⁹ *Ekonomik Rapor 1992.* TOBB. С. 112.

Как можно судить по итогам вторых при Т. Озале выборов, ПО продолжала оставаться самой крупной партией, вместе с тем доля поданных в ее поддержку голосов заметно сократилась. Примечательно, что в это время происходил постепенный рост влияния Партии благополучия, возглавляемой Н. Эрбаканом; правда, она еще оставалась вне парламента, набрав на выборах 1987 г. немногим более 7% голосов избирателей.

После истечения срока президентских полномочий Кенана Эвре-на и спустя два года после повторной победы ПО на выборах 1987 г. её лидер Тургут Озал 9 ноября 1989 г. был избран новым главой государства. Премьер-министром стал Йылдырым Акбулут, который на состоявшемся в том же месяце съезде ПО был избран новым генеральным председателем этой партии. Но уже в 1991 г. генеральным председателем ПО вместо Йылдырыма Акбулута был избран Месут Йылмаз. Первым делом возглавленное им правительство объявило о проведении еще одних досрочных при власти ПО выборов, партия надеялась таким образом сохранить за собою хотя бы относительное большинство в ВНСТ. Выборы состоялись 21 октября 1991 г. и не оправдали надежд ПО — она понесла поражение, была отодвинута на второе место (115 депутатов) уступив первое политическому конкуренту — близкой по идеологии Партии верного пути (ПВП) во главе с С. Демирелем (178 депутатов). Третьей стала Социал-демократическая народническая партия (88 депутатов), четвертой-исламистская Партия благополучия (62 места) во главе с Н.Эрбаканом и пятой — Демократическая левая партия во главе с Б. Эджевитом, получившая 7 мест. По инициативе ПВП 20 ноября было сформировано коалиционное правительство во главе с С. Демирелем. Новому правительству удалось обеспечить оживление экономического роста, повышение реальных доходов населения и осуществить ряд демократических реформ.

На этом перемены во власти не закончились, 17 апреля 1993 г. неожиданно скончался Т. Озал. Новым главой государства был избран Сулейман Демирель. На освободившуюся должность генерального председателя ПВП 13 июня 1993 г. была избрана Тансу Чилер. Став первой в истории Турции женщиной — главой правительства, она сформировала коалицию на основе ПВП—СДНП, которая находилась у власти с 25 июня 1993 г. по 25 декабря 1995 г.¹⁰

В рассматриваемый период происходили события глобального значения — завершался процесс распада СССР и формирования на пространствах Евразии новых государств. Турцией незамедлитель-

---

¹⁰ Турция. Анкара, 2003. С. 145.

но были установлены тесные связи с провозгласившими свою независимость республиками Закавказья и Центральной Азии. В этих условиях в Турции оживились некоторые группировки исламистского и пантюркистского толка с видами на «особые отношения» с вышеуказанными государствами, однако в конечном счёте отношения с ними Турции приобрели характер стабильности и взаимовыгодности. Турция также играла важную роль в решении балканских проблем. Её значение в евразийском регионе возросло после создания по её инициативе в июне 1992 г. Организации Черноморское Экономическое Сотрудничество (ЧЭС), охватывающей государства Закавказья, Балкан и всего причерноморского региона. Реализация политики добрососедства открыла перед Турцией новые горизонты на пути ее превращения в «региональную державу».

Политические силы страны по разному осмысливали и предлагали обществу планы политического и экономического развития страны в новых условиях, поиска места Турции в регионе и глобализирующемся мире. Участие Турции в качестве союзника США в войне в Заливе подтвердило её готовность сохранить в максимальной степени все свои связи с Западом, прежде всего с Соединёнными Штатами, используя эти связи не только в интересах развития экономики и культуры страны, но и для укрепления собственных позиций в евразийском регионе — сообразно политическим задачам участвовавших во власти партий.

В эти годы стала более компромиссной политика светских властей в религиозной сфере. Либерализации «по Озалу» способствовала восстановлению исламом статуса одного из самых влиятельных институтов не только духовной, но и социально-политической жизни в стране. При нём появились многочисленные религиозные фонды-вакуфы социального назначения, стипендии для неимущих учащихся школ и вузов, интернаты для таких учащихся. Часто за такими вакуфами стояли воссоздаваемые религиозные ордена, а за орденами и их руководителями — крупный капитал — как свой, так и исламских государств. Новое законодательство предоставило особые льготы инвесторам из богатых нефтедобывающих мусульманских стран. Вместе с тем на протяжении долгого времени власти, по инициативе прежде всего военного руководства страны, продолжали преследовать в судебном порядке сторонников шариата, противников светской власти, то ужесточая, то смягчая практику реализации соответствующих правовых норм.

Государство, сохраняя формально жесткие нормы защиты светского режима и ссылаясь одновременно на демократические принципы Европейского Сообщества, уже не могло как ранее, вмешиваться

во все сферы религиозной жизни, защитники которой, расширяя зону своего влияния в обществе, получали все больше возможностей интегрироваться в политическую и социальную жизнь, а также и во власть — и на местном уровне, и в центре — в парламенте, в органах исполнительной власти, в правительстве и даже в армии. Как уже отмечено, фактически утвердилось (под разными названиями), несмотря на сопротивление прежде всего армии и на периодические запреты (по решению Конституционного суда), легальное политическое движение, что привело к сохранению влиятельной, весьма активной исламистской партии. Во-вторых, возродилась, «осовременилась» и небывало расширилась, переросла национальные границы (особенно после распада СССР), деятельность религиозно-культурных обществ и орденов.

Это стало очевидным по итогам прошедших в декабре 1995 г. парламентских выборов — они обеспечили в меджлисе относительное большинство происламской Партии благополучия (*Рефах партиси*). Из 550 мест в меджлисе она получила 158, далее следовала ПВП — 135 мест, третьей оказалась Партия Отечества, возглавляемая Месутом Йылмазом (132 места). Значительно отстали от этих лидеров две левоцентристские партии — Демократическая левая партия (ДЛП) во главе с Б.Эджевитом (76 мест) и Народно-республиканская партия Д. Байкала (49 мест). Остальные партии, в том числе националистическая, возглавлявшаяся А. Тюркешем, не преодолели десятипроцентный рубеж и оказались вне меджлиса.

Успех партии «Рефах» встревожил светскую элиту страны — и гражданскую, и военную. В течение 1996 г. шли разговоры об угрозе возрождения шариатского режима в Турции. Вместе с тем некоторые турецкие авторы отмечали, что провозглашенный Кемалем Атаюрком путь Турции на Запад, в Европу, уже несовместим с ограничениями в правах человека, запретами религиозной деятельности под предлогом ее политизации. Сами же исламисты активно прибегли к ссылкам на права человека, как норму европейской жизни. Распространение получили высказывания о приемлемости «умеренного ислама» в Турции, идея которого якобы поддерживается США и предназначена для применения не только в Турции, но и в других странах мусульманского мира, включая государства Центральной Азии. Не разделял опасений по поводу успеха партии «Рефах» известный турецкий исламовед Метин Хепер, в то время — профессор Принстонского университета. Он утверждал, что «сегодня демократия в Турции не отвергает религию, так же как религия все более приспособляется к демократии». По его мнению, реформы периода республики переориентировали большинство народа с веры в ис-

лам на веру в нацию и только треть из 21 % избирателей, отдавших голоса Партии благополучия, предпочли ее как исламскую партию, остальные же поверили в ее социальные лозунги.

Очевидно, что не только религиозные мотивы побудили пятую часть турецкого электората проголосовать за Рефах. Своим успехом её лидеры были обязаны прежде всего лозунгам социальной справедливости, защиты «угнетенных и оскорбленных». Беднейшие слои общества оказались забытыми и Партией верного пути, и Партией Отечества, погрязшими, как утверждали их политические противники, в коррупции и бесплодных спорах между собою.

Партии «Рефах» не сразу удалось реализовать свой успех на выборах, поскольку конфликт между армией и ПБ принял острую форму. Возникшая было светская коалиция Йылмаз—Чиллер просуществовала недолго, межпартийная и личная вражда между двумя лидерами не была преодолена, коалиция в июле 1996 г. распалась. Только после этого Н. Эрбакан сумел договориться с Т. Чиллер о новой коалиции, соглашение между ПВП и ПБ предусматривало периодическую смену на посту премьера лидера одной партии лидером другой. Первым возглавил коалиционное правительство Эрбакан, предложивший в рамках начавшейся 7-й пятилетки (1996–2000 гг.), программу оздоровления экономики через систему последовательно предлагаемых «пакетов по выявлению источников капиталовложений». К началу 1997 г. власти предложили уже четыре таких пакета, все они предусматривали в качестве главного инструмента оздоровления экономики ускорение приватизации, широкое вовлечение в этот процесс государственных земельных участков, зданий, принадлежащих ГЭО.

Находясь у власти, Н. Эрбакан попытался реализовать некоторые положения концепции *Милли гёрюш*, что проявилось во всё более открытых и настойчивых призывах к шариату, организацией митингов в его поддержку, тайными встречами исламистов. Основные контрмеры светской элиты во власти, прежде всего военных, вошли в историю страны как «меры 28 февраля» — настойчивые рекомендации властям, принятые на заседании Совета национальной безопасности 28 февраля, запретить ПБ, отстранить её от власти. В результате сильнейшего давления Эрбакан 18 июня 1997 г. объявил о сложении с себя полномочий премьера с тем, чтобы правительство возглавила его партнер — Тансу Чиллер. Но президент С. Демирель поручил сформировать новый кабинет Месуту Йылмазу, который организо-

вал его на основе коалиции ПО—ДЛП—ПДТ (Партия демократической Турции) и 12 июля получил вотум доверия в парламенте¹¹.

22 февраля 1998 г. Конституционным судом было принято постановление о закрытии партии «Рефах». Н. Эрбакан и еще пять руководителей партии были лишены депутатской неприкосновенности, самому лидеру к тому же было запрещено заниматься политической деятельностью и создавать политическую партию. В постановлении было немало положений, аргументирующих закрытие Рефах. Утверждалось, что Н. Эрбакан «в течение 28 лет остается последователем шариата», что он «призывал к строю, основанному на религии...»¹². Преемницей «Рефах» стала срочно созданная в 1998 г. парламентариями-исламистами партия «Фазилет» («Добродетель»), её руководителем стал Реджаи Кутан. «Фазилет» не порвала связи с Н. Эрбаканом, считая его своим духовным лидером. Власти сосредоточились на мерах судебного преследования кадров уже созданной «Фазилет», ссылаясь на статью 312 УК, которая запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и враждебности.

По итогам парламентских выборов 1999 г. первое место в ВНСТ по числу полученных голосов заняла Демократическая левая партия Б. Эджевита (22,1%), второе ПНД (17,9%) во главе с Девлетом Бахчели, третье — «Фазилет» (15,4%), четвертое — ПО (13,2%), пятое — ПВП (12%). Причины неуспеха «Фазилет» на этих выборах некоторые исламисты видели в том, что оставшиеся у руководства этой партии лидеры бывшей «Рефах» использовали поддержку верующих не для того, чтобы бороться за решение социальных нужд верующих, а чтобы «еще более упрочить своё материальное благополучие».

«Фазилет» оказалась последней партией, представлявшей «монополю» и легально политический ислам в стране: в июне 2001 г. по решению Конституционного Суда она была также закрыта — по тем же причинам, по которым закрывались её предшественницы¹³.

Оценивая всё происходившее тогда в исламистском движении *Милли гёрюш*, следует отметить главное — в сложившейся после драматических событий в США 11 сентября 2001 г. новой ситуации в мире это движение раскололось, часть его повернулась в сторону лидеров-новаторов, которые предложили движению новую тактику — дрейфовать в сторону так называемого «умеренного ислама», избегая действий и лозунгов, которые могут быть расценены в мире

---

¹¹ Турция. Анкара, 2003. С. 146.

¹² Refah Partisi İddianamesi ve mütalaası. İstanbul, 1997. С. 33.

¹³ <http://www.fp.org.tr>.

как экстремистские. Ожидалось, что такая тактика облегчит вступление Турции в ЕС, что обезопасит исламистов от постоянного и назойливого, по их мнению, контроля со стороны военных, обеспечит им немалую поддержку на Западе, особенно со стороны защитников прав человека. Итак, приверженцы *Милли гёрюш* после запрета партии «Фазилет» раскололись в парламенте и вне его на «традиционалистов» (во главе — Р. Кутан, 48 депутатов) и «обновителей» (во главе — Р.Т. Эрдоган, 52 депутата) и учредили свои партии: первые — партию «Саадет» («Счастье»), активно поддерживаемую Н. Эрбаканом, вторые — партию АК («Адалет ве Калкынма» — «Справедливость и развитие»), претендующую на модель умеренного ислама.

Свой вариант исламистской деятельности на просторах Евразии активно осуществлял в 90-е годы упоминавшийся выше Ф. Гюлен. Турецкие источники сообщают, что, узнав о падении Берлинской стены, он отправился в одну из известных в Стамбуле мечетей — Сулеймание, где приветствовал это событие, сразу же обратившись к прихожанам с призывом — «проникнуться проблемами приобретения независимости», возникшими перед населением распадающегося СССР. 11 января 1990 г. первая группа турецких миссионеров-исламистов, снаряжённая Ф. Гюленом, миновала через пограничный пункт Сарпы турецко-грузинскую границу, побывала в Аджарии и в Тбилиси, «везде встречая дружеский приём». В мае 1990 г. отправилась вторая миссия (37 человек) с целым караваном автомашин и автобусом, в которых находились книги, кассеты, подарки. Она посетила Батуми, Тбилиси, Казань, Гянджу, Баку. Затем миссия побывала в Узбекистане, Казахстане и Таджикистане. Так началась зарубежная миссионерская деятельность общины Ф. Гюлена, охватившая не только страны Центральной Азии, но и регионы России с мусульманским, тюркским населением, включая города Казань, Уфу, Москву, С.-Петербург и др. В турецких СМИ сообщалось, что после такого начала компании этого сообщества сумели создать в 90-е годы на свои средства учебные центры в Якутии, Туве, Хакасии, Башкордистане, Чувашии, Татарстане, а также в Кыргызстане, Румынии, Молдове, Албании, Украине (в том числе в Крыму), Пакистане, Марокко, Ираке, Ираке, Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Казахстане, Монголии¹⁴.

Открывшаяся перед общиной Ф. Гюлена новая, сугубо миссионерская перспектива на просторах Евразии, где проживают миллионы мусульман, к тому же тюрков, давала возможность Гюлену сводить к минимуму угрозу его уголовного преследования за анти-

---

¹⁴ Radikal. 15. 01.1997.

конституционную проповедническую деятельность на территории самой Турции. Однако ему всё же пришлось покинуть Турцию — на праздничном приёме 30 августа 2000 г. начальник Генштаба Турции генерал Кыврыкоглу публично потребовал начать судебное расследование деятельности Ф. Гюлена согласно вышеупомянутым «мерам 28 февраля»¹⁵. Не дожидаясь ареста, Ф. Гюлен перебрался в США.

Что касается раскола исламистов в лагере *Милли гёрюш*, то он пошел на пользу «обновителям», создавшим Партию справедливости и развития (ПСР), во главе с Т. Эрдоганом. Досрочные выборы 3 ноября 2002 г. в меджлис принесли этой партии убедительную победу — она набрала 34,28 % голосов. Получив 363 из 550 мест в меджлисе, ПСР стала единственно правящей партией, а Народно-республиканская партия (19,30 % голосов) оказалась единственной оппозиционной партией. Входившие до этих выборов в состав коалиционного правительства ДЛП, ПНД и ПО, а также главная оппозиционная Партия верного пути (ПВП), не сумев преодолеть 10 % барьер, не вошли в состав парламента.

Оценивая шансы АК на выборах 3 ноября 2002 г., многие турецкие газеты предрекали её победу прежде всего как протестную, признавая, что «коалиционное правительство, созданное после выборов 1999 г. с целью победить нищету и коррупцию, не преуспело ни в том, ни другом. Самый тяжелый в истории республики экономический кризис страна пережила именно в этот период, миллионы людей обнищали в результате снижения национального дохода, сравнимого с временами второй мировой войны. Не будь событий 11 сентября, потерпела бы крах и программа помощи, согласованная с МВФ. Участие Турции в афганской операции обеспечила ей в 2002 г. дополнительно 30 млрд. долларов».

По итогам выборов депутатом ПСР от провинции Кайсери Абдулахом Гюлем было создано 58-е правительство. После того, как генеральный председатель ПСР Реджеп Тайип Эрдоган добился устранения юридических преград, связанных с возможностями его избрания в меджлис, а затем, после его избрания депутатом на промежуточных выборах в Сиирте, он занял пост премьер-министра и сформировал 59-е правительство¹⁶.

Казалось бы, что за лидерами партии — Эрдоганом и Гюлем, другими активистами партии тянется прежний исламистский шлейф — они были близкими соратниками Эрбакана, лидера прошариатской исламистской организации *Милли гёрюш*, и совсем не считавшего

---

¹⁵ Cumhuriyet. 01. 09. 2000.

¹⁶ Турция 2003. Анкара, 2003. С. 147–148.

себя умеренным исламистом. Поэтому придя к власти, ПСР сочла полезным и нужным не возвращаться к прежним открыто радикальным лозунгам, не переступать пока «красную черту» в своем отношении прежде всего к тем принципам светскости, которые определены конституцией 1982 г. В тексте партийной программы ПСР нет положений со ссылками на Коран, требующих установления в стране шариатского режима, обязательного ношения платка, обязательного введения в систему образования религиозного фактора и т. п., то есть всего того, что формально позволяло бы считать АКП исламистской партией.

Партийная программа правящей партии содержит немало положений, свидетельствующих о намерении её лидеров действовать в политике под «мирными» знамёнами, обеспечить «соединение ислама с демократией»¹⁷. В программе подчёркивается, что «религиозный фактор — это сила, призванная не разделять общество, а объединять его», что партия выступает за «демократическое, светское и социально-правовое государство», за перестройку в этом направлении «всех государственных структур», причём «государство остаётся нейтральным в отношении религиозных верований и философских взглядов». Партия понимает светскость как «фундамент религиозной свободы и свободы совести». Религиозное обучение избирается самим гражданином, для детей — их родителями (опекунами). Запрет политических партий регулируется международным правом — прежде всего решениями Европейского суда по правам человека. В тексте программы неоднократно повторяется намерение пересмотреть конституцию, закон о выборах и другие акты — с ориентацией на демократизацию государства и создание гражданского общества.

Вместе с тем очевидно, что лидеры ПСР не намерены были отказываться от проведения некоторых мер, которые должны свидетельствовать об её «особой» приверженности к исламу. Например, был поднят вопрос перед военным руководством о нецелесообразности преследования в армии тех офицеров, которые ранее были замечены в склонности к шариату. Сообщалось также в СМИ о намерении реформировать Совет по высшему образованию, причём «не во имя движения его и университетов к большей демократии, автономии и современной структуре».

После вторых выборов 22 июля 2007 г., ПСР получила в меджлисе 340 мест (из 550), а два её главных оппонента — 98 мест (НРП) и 70 мест (ПНД). Второй человек в этой партии, Абдуллах Гюль, в конце августа 2007 г. был избран на заседании парламента прези-

---

¹⁷ www.akparti.org.tr/program.

дентом страны. Причины успехов происламской партии в давно уже светском государстве очевидны, прежде всего, они кроются в общем кризисе доверия к элитарным светским партиям после реформ президента Т. Озала, в их неспособности удовлетворить социальные нужды больших прослоек турецкого общества. Заполучив в свои руки и законодательную, и исполнительную власть, ПСР на исходе 2007 г. проявила намерение решительно приступить к выполнению своей партийной программы и предвыборных обещаний.

В соответствии с партийной программой и предвыборными заявлениями партия заявила о намерении предложить турецкому обществу свою трактовку понятия светскость, демократия, общество и т. д. Все эти намерения — вполне ожидаемый растянутый на несколько лет процесс серьезной социально-экономической реформации, причем лидеры ПСР убеждены, что их периодическое обращение в партийных и правительственных документах к понятию свобода, демократия, права человека, гражданское общество поможет им получить в начавшейся реформации поддержку от Европейского Сообщества, куда турецкая элита уже давно стремится вступить. «Наша партия считает, что демократическое общество является гарантией нашего существования», а «основами государства являются право, справедливость и свободы». Особо подчеркнута приверженность ПСР принципам и реформам Ататюрка.

Сообщалось в программе, что она намерена действовать не на основе некоей своей идеологической платформы, а на платформе современных демократических ценностей. «Наша партия — вместе со всеми гражданами страны, без различия пола, этнических корней, верований, мировоззрений». Партия опирается на принципы «единства страны, светского, демократического, социально-правового государства, гражданственности, демократизации, свободы веры и равенства возможностей». «Как сказал великий Ататюрк, силой, которая спасет нацию, является её собственная твердость и решительность». ПСР не рекламирует свои «корни» — прежние связи с движением *Милли гёрюш* и её лидером Н. Эрбаканом. Она предпочла начать свою реформацию с того, что было поддержано и даже инициировано ЕС. Например, в 2004 г. по решению парламента были внесены очередные изменения в ряд статей конституции, касающихся прав и свобод граждан, средств массовой информации, неприкосновенности личности, давления на власть военных кругов. Особо следует упомянуть полную отмену 143-й статьи, считавшейся одной из самых антидемократических. Она содержала положения о деятельности судов государственной безопасности, призванных

защищать «целостность и единство страны и нации», «демократический режим государства».

Поддерживая отмену антидемократического законодательства прежних времён, светская общественность в течение нескольких лет пребывания у власти ПСР пытается разобраться, в чём же состоит предлагаемая партией консервативная демократия, не является ли этот тезис попыткой в новой упаковке возродить прежние намерения *Милли герюш*, ввести в пределы этого понятия радикальные исламистские организации, ордена. СМИ гадали — изменился Т. Эрдоган или не изменился, остался исламистом, разделяющим прежнюю, под крылом Н. Эрбакана, радикальную идеологию, но уже в «умеренной» дозе. Также светская элита не уяснила в течение этих лет главное — что понимают под термином «светскость» лидеры ПСР. Конечно, в поведении власти религиозный подтекст присутствует, но он как бы привязан к защите интересов значительной части гражданского общества — верующих, т.е. к гуманизму, к защите прав человека и европейских ценностей, в том числе положений Хельсинкской хартии.

Правда, активисты партии все заметнее, особенно если они на местах, в провинциях — при официальной власти, прибегают к действиям, нарушающим пока еще сохраняющееся законодательство. 27 апреля 2007 г. в Интернете на сайте турецкого Генштаба появилось сообщение для печати, в котором отмечался «рост активности некоторых кругов в их упорном и постоянном стремлении подорвать фундаментальные ценности государства, прежде всего светскость». В качестве альтернативы национальным праздникам, символизирующим независимость государства и единство нации, проводятся другие празднества, причем «эксплуатируются святые религиозные чувства нашего народа, а подлинные цели маскируются под религиозные...» Например, в одном из районов Анкары 23 апреля в день праздника Национальной независимости и Праздника детей был организован конкурс на лучшего чтеца Корана. 22 апреля в некоторых городах в неуточное время, «когда детям следует быть в постели», их нарядили в «неподобающие возрасту одежды и предложили исполнить религиозные песнопения», попытавшись при этом снять портреты Ататюрка и убрать турецкие флаги. Приведены случаи распоряжений по линии министерства просвещения об организации в школах, особенно провинциальных, ряда религиозных церемоний и празднований.

На первом этапе реформации важнейшими оказались отношения с ЕС, поскольку туркам придется постоянно объяснять комиссии ЕС о реализации её очередных замечаний по поводу готов-

ности Турции стать кандидатом на принятие в ЕС, и выслушивать его требования и упреки. Для многих очевидно, что дело не сводится к устранению в законодательстве Турции отдельных норм права в гуманитарной и других сферах и даже не в уступках по кипрскому и курдскому вопросам. Как однажды в июле 2003 г. признал Т. Эрдоган, основные трудности с приёмом Турции в ЕС проистекают из межцивилизационных противоречий, поэтому его правительство и делает упор на то, что руководству ЕС «Турция представит модель демократического ислама». Тема конфликта цивилизаций обсуждается в Турции, активное участие в этом обсуждении принимают исламисты, причём они, как правило, не сомневаются в том, что упомянутый конфликт порождает страны Запада.

Проблема межцивилизационного сближения возникла в течение упомянутого пятилетия постоянно, например в связи с инициативами в США, Франции осудить геноцид армян в Османской империи в 1915 г. Поддержавший эти инициативы писатель Орхан Памук был привлечен к суду и ему грозило серьезное уголовное обвинение, позже снятое. В ноябре 2006 г. Орхану Памуку была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Проверкой на прочность провозглашенной толерантности стал визит папы XVI Бенедикта в Турцию в декабре 2006 г. по приглашению прежнего президента Сезера. Обе «стороны» — Европа и власти Турции оценили визит как удачный, но, судя по телекадрам «Евро Ньюс», это не очевидно. Некоторые граждане на улицах Стамбула, немусульмане, не спешили повествовать о толерантности режима в Турции. Как сообщила радиостанция «Свобода», во встречах с папой участвовал также патриарх Константинопольский Варфоломей. Корреспондент «Свободы» отмечал по этому поводу, что «Патриархия неоднократно подвергалась нападкам националистов, которые пытались сорвать службу, жгли изображения священников, закидывали самодельными бомбами православные соборы». Националисты выступали также против посещения папой мечети Айя-София, некогда крупнейшего византийского храма. В то же время «в знак уважения к мусульманам мира папа римский посетил Голубую мечеть, памятник мусульманской культуры. Бенедикт XVI встретился с духовным лидером армянской общины и раввином Стамбула».

Своеобразным ответом реакционеров на предпринимаемые властями Турции шаги по «сближению цивилизаций» стало громкое убийство в январе 2007 г. армянского журналиста Гранта Динка, гражданина Турции. На допросе семнадцатилетний Огюн Семест сознался в этом убийстве: «Я знал, что меня поймут. Видел камеры наружного наблюдения. Я не состою ни в какой организации. Прос-

то давно хотел его убить за все то, что он говорил про нашу страну». Во время похорон Динка многие участники траурной процессии несли в руках транспарант черного цвета «Мы все Гранты Динки»¹⁸. За этим убийством последовало позже и другое, также на религиозно-этнической почве — в г. Малатья были вырезаны турки — верующие протестанты. Под заголовком «Религиозная дикость» газета «Джумхуриет» писала в апреле 2007 г.: «После преступления в Трабзоне — убийстве католического священника Санторо — в Малатье пять человек напали на типографию Зирве, печатающую книги по христианству и постоянно получающую угрозы от националистов-религиозников». Трое сотрудников, в том числе Тильнман Гешке, подданный Германии, были убиты.

В обнародованной после очередных, июльских выборов 2007 г. программе нового правительства Т. Эрдогана утверждалось, что «у Турции нет проблем, которые она не могла бы решить». И власти, и поддерживающие их СМИ были единодушны в том, что 2008 г. будет годом «скачка», причем средоточием принципов обновления общества и государства станет новая конституция. Речь шла о демократическом, светском и социально-правовом государстве. На партийном совещании 24–25 ноября 2007 г. Эрдоган сообщил, что проект «гражданской и демократической» новой конституции уже подготовлен комиссией ученых — правоведов во главе с профессором Озбудуном. Как заверил Т. Эрдоган, это будет конституция не Партии справедливости и развития, а всех тех, кто готов участвовать в её обсуждении. Действующая конституция 1982 г. не может обеспечить переход страны в XXI век — «слишком тесны её одежды»¹⁹. Однако последовавшие за этим события показали, что властным структурам, партиям, военным кругам, да и организациям гражданского общества современной Турции, даже таким влиятельным, как Союз торговых и промышленных палат страны, потребуется много усилий и средств для того, чтобы принятие этого важнейшего документа страны прошло демократично, в условиях взаимных уступок и разумных компромиссов.

Одна из острых тем в полемике между правительственной партией и защитниками традиционного, конституционного режима запрещено или нет носить платок, повязку (тюрбан) в высших учебных заведениях. В условиях светской и в то же время управляемой умеренными исламистами Турции, платок на голове женщины, полоска ткани на голове девушки (тюрбан) оказались символами не просто

---

¹⁸ Свобода. 23.01.07; Свобода. 30.04.2007; Radikal. 06. 01. 2008.

¹⁹ <http://www.akparti.org.tr-beyanname.doc>.

веры, а активной приверженности, приобщения к исламу, шариату, даже реваншем за недавнее прошлое. Призывая к свободному, демократическому, а то и демонстративному пользованию этими символами, исламисты добиваются переосмысления кемалистской концепции светскости, поэтому столь настороженны все приверженцы и сторонники запрета платка-тюрбана — женщины с открытой головой при исламистском правительстве, президенте «окажутся беззащитными перед серьезным давлением и угрозами, будет узаконено давление на них со стороны соседей и родственников».

Полемика вокруг принятой в конце концов конституционной поправки по платку, разрешающей его использование в университетах, настолько обострилась, что в 2008 г. Конституционный Суд отменил указанную поправку. Все такого рода действия властей стали для противников АКП поводом к тому, чтобы пойти на крайность — обратиться в Конституционный суд с требованием закрыть АКП за её якобы антисветские шаги, за ориентацию на шариат. Летом 2008 г. КС отклонил это требование, к этому времени АКП уже не настаивала на восстановлении поправки о платке. Это на время смягчило внутривластическую обстановку в стране, но не устранило в целом противостояние между сторонниками умеренного ислама и приверженцами традиционной концепции лаицизма.

Поцхверия Б. М.

ПРОБЛЕМЫ ТУРЦИИ НА ПУТИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Многолетние переговоры Турции по вопросу о принятии ее в ЕС ни к чему не приводят. В последнее время из заявлений европейских лидеров следует, что Турции уготовано сохранение в ЕС, по существу, статуса ассоциированного члена. Это не приветствуется в США, стратегическим союзником которых является Турция. Президент Буш заявил в 2008 г., что Турция уже достигла успехов для вступления.

В ЕС иное мнение. Из итогов опросов, проводившихся в ряде европейских стран, следует, что в их общественном мнении преобладает отрицательное отношение к приему Турции по ряду факторов, среди которых нежелание видеть мусульманскую страну в европейском содружестве.

Германский канцлер Ангела Меркель считает достаточным для Турции привилегированное партнерство с ЕС, которое было отмечено в принципах программы Христиано-демократического союза¹. Президент Франции Николя Саркози также не видит Турцию среди членов ЕС. Ныне Франция предлагает создать Средиземноморский союз, как некое подобие ЕС, в который, как предполагается, войдет Турция². При этом для стран Средиземноморья в отношениях с ЕС предлагается привилегированный статус.

Что касается формальных препятствий на пути вступления Турции в ЕС, то основным ныне является пока еще неполное соответствие как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических факторов условиям, установленным Копенгагенским регламентом для его членов.

Одним из основных среди этих условий является стабильность отношений с соседними странами, отсутствие опасных ситуаций в отношениях с ними.

А отношения Турции с соседними странами — Арменией, Ираком, Республикой Кипр не отвечают требованиям ЕС.

---

¹ Hürriyet, 28 Haziran 2008; Milliyet, 4 Aralık 2007.

² Hürriyet, 28 Haziran 2008.

У Турции нет дипломатических связей с Арменией из-за отрицательной позиции Еревана. Шагом вперед в такой обстановке расценивались даже однодневный визит в Ереван турецкого президента А. Гюля (формально на футбольные матчи с участием турецкой команды) в 2008 г. В это время состоялись беседы А. Гюля с армянским руководством. Выяснилось, что оно согласно на установление дипломатических отношений с Турцией. Однако для этого Анкара должна, признав изгнание армян в 1915 г. в Османском государстве, возложить на себя ответственность за зверства султанского режима. Что касается событий 1915 г., то западная дипломатия давала им взвешенную оценку. Государственный секретарь США Лансинг в письме на имя президента Вильсона отмечал, что выселение армян из Анатолии в 1915 г. объясняется их нелояльностью по отношению к правительству и помощью, которую они оказывали русским, действуя в тылу турецких войск³. Среди армян определяющим было влияние дашнаков, которые были воинственным элементом и инициаторами антитурецких акций. Однако метод и масштабы осуществлявшихся турецкими властями мер по прекращению помощи армян русским в тылу турецкой армии не были адекватными. В сущности, это было массовое изгнание армян из Анатолии, что сопровождалось гибелью, даже по турецким подсчетам, сотен тысяч человек, а по другим данным в два раза больше — около 1,5 млн. человек.

День памяти жертв жестокого изгнания армян на Восток — в Сирию, Палестину, Ирак и другие области империи отмечается 24 апреля. В этот день были закрыты армянские повстанческие комитеты, по обвинению в действиях против государства арестованы их лидеры и началось осуществление акций по изгнанию армян из Анатолии⁴.

Ныне армянское руководство и весьма влиятельная в мире армянская диаспора добиваются возложения ответственности османского режима на нынешнюю Республику Турция. Однако Турция не представляется наследником османского режима по аспектам событий 1915 г.

Претензии Армении к республиканской Турции в связи с преступлением султанского режима в 1915 г. неправомерны, они являются искусственной преградой на пути установления дипломатических отношений между двумя странами, что наносит ущерб обеим сторонам. Такая обстановка, что касается Турции, не соответствует

---

³ Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing Papers, 1914–1920, Vol. I, Washington, 1939. С. 42.

⁴ Рецеп Karacakaya, A chronology of the Armenian Problem with a Bibliography (1878–1923), Ankara, 2002. С. 110; Притязания армян и исторические факты. С. 23.

условиям Европейского Союза. Если армянская диаспора добивается поддержки в некоторых европейских странах, то в США она не смогла повлиять на Конгресс. В заявлении председателя палаты представителей говорилось о том, что армянская проблема не имеет отношения к нынешней Турции, ее правительство не представляет Османское государство.

В последнем президентском послании Буша не было слова «геноцид». Буш сказал, что в тот памятный день до 1,5 млн. армян были обречены на смерть и высылку. Это была одна из величайших трагедий XX века⁵.

Тормозом в процессе установления дипломатических отношений может быть территориальные требования Армении, в частности, относительно турецкой области Карс, что записано в ее Конституции⁶.

Состояние турецко-армянских отношений ныне зависит от позиций Армении, которая заключается в следующем — пока Турция не признает изгнание в 1915 г. армян, Армения не откажется от ее утверждений о «геноциде» и не пойдет на нормализацию отношений⁷.

Депортацию армян в Османском государстве в 1915 г. после второй мировой войны отнесли к понятию «геноцид», которое официально появилось в международном лексиконе в 1948 г., когда ООН было принято соответствующее постановление.

Республика Турция выступает за установление дипломатических отношений с Арменией без каких-либо условий, она не видит оснований брать на себя ответственность за политику султанского режима. Непримируемость наряду с неправомерностью требования Еревана отодвигает на нескорое будущее установление дипломатических отношений с Анкарой, что может стать помехой на пути принятия Турцией в ЕС, хотя такая перспектива вряд ли возможна, так как, как уже было отмечено, Турция скорее всего будет отнесена к странам, которые станут основателями некоего средиземноморского союза.

Курдская проблема создает для Турции трудности и внутри страны и на международной арене. Эта проблема осложняет отношения Турции с Ираком, на севере которого расположена Курдская автономия.

В столкновениях турецкой армии и жандармерии с вооруженными отрядами турецкой Рабочей партией Курдистана (РПК) погибло более 40 тыс. человек.

---

⁵ Milliyet, 25 Nisan 2008.

⁶ Milliyet, 14 Aralık 2008.

⁷ Hürriyet, 28 Haziran 2008.

Курдские террористические организации используют для оправдания своих акций не только лозунг создания курдской автономии, но и крайне тяжелое экономическое положение в курдском регионе, на Юго-востоке Турции, где по признанию нынешних турецких властей нет дорог, воды, электричества, нет школ и больниц. Правящая «Партия справедливости и развития» заявила о необходимости ускоренного осуществления начатых ею реформ во многих сферах экономики и быта в курдских областях⁸.

В Турции еще до второй мировой войны, против курдов принимались жестокие репрессивные меры. После войны вводилось чрезвычайное положение. В 1978 г. начались репрессии, в то же время в Южной Анатолии была создана курдская террористическая группа. В 1984 г. начался курдский терроризм. В 1987 г. в Юго-восточной части Турции было объявлено чрезвычайное положение. С тех пор вооруженные операции Турции против курдов-террористов стали традиционными. Попытки решать с курдами спорные проблемы мирным путем ни к чему не приводят.

На Севере ее территории недалеко от границы с Турцией базируются боевики РПК. По Копенгагенским условиям (в связи с претензиями на вступление в ЕС) граница Турции с Ираком должна быть безопасной и стабильной. Однако в связи с постоянным несанкционированным (нелегальным) переходом боевиками РПК границы с Турцией ее военные с 1992 г. ведут активные разведывательные и боевые операции в Северном Ираке в районе дислокации боевиков РПК. В последние годы турецкая армия много раз переходила турецко-иракскую границу, наносила воздушные и артиллерийские удары по объектам РПК, расположенным недалеко от турецкой границы.

С декабря 2007 г. турецкая армия начала осуществлять уже крупные операции. В марте 2008 г. в турецкой прессе сообщалось об использовании против курдов-террористов на территории Ирака новейшего оружия — ракет с лазерным наведением на цели.

В последнее время усилия Турции против РПК находят понимание в США, Европе, в других странах. В 1999 г. РПК была включена в публикующиеся в США списки террористических организаций со всеми вытекающими, в том числе финансовыми, последствиями. В 2004 г. РПК была включена Евросоюзом в подобный список. Однако РПК имеет финансовые поступления, относительно которых контроль со стороны нереален.

---

⁸ Hükümet Programı. Başbakan Abdullah Gül tarafından TBMM'ne sunulan 58'nci Hükümet Programı. 23 Kasım 2002.

Наряду с активностью террористов РПК в Турции среди части курдов проявилось течение сторонников мирной борьбы за права курдов, что отвечает интересам руководства Турции, стремящейся вступить в ЕС. Одним из инициаторов этого течения была Лейла Зана (обладательница «медали Сахарова»). Она заявила в парламентской комиссии Турция—ЕС в декабре 2007 г., что террористская РПК немедленно и безусловно должна бросить оружие и не брать его в руки вновь. Она отметила, что Партия демократического общества не одобряет стратегию и агрессию РПК. Зана ссылается на находящегося в пожизненном заключении лидера РПК Оджалана, призывавшего курдов-террористов прекратить вооруженную борьбу⁹.

Английский посол в Анкаре заявил в турецкой газете «Миллиет», что если партии ПДО хотят мира и благосостояния, то они должны установить безусловную дистанцию с РПК, что ЕС осуществляет активную деятельность с целью ликвидации в Европе каналов поддержки РПК, Посол обратил внимание на безусловное прекращение поддержки РПК правительством Ирака и курдской администрацией. Он поддержал действия турецких вооруженных сил, правительства и турецкой нации¹⁰.

Сохраняющаяся сложная ситуация с РПК по-разному воспринимается и интерпретируется в Европе и может оказать влияние при конкретном рассмотрении возможности приема Турции в ЕС.

Постоянный, в течение многих лет, переход турецко-иракской границы террористами РПК, базирование их на Севере Ирака, где ими готовятся террористические акции, осуществляемые в Турции, являются нарушением Турецкого суверенитета, безопасности Турции, что не отвечает нормальным отношениям между Турцией и Ираком.

Только при реальной активной совместной борьбе Турции и Ирака против боевиков РПК, при недопущении нарушения ими границы между двумя странами Турция сможет утверждать, что отношения между двумя странами отвечают Копенгагенским критериям.

Тяжелым препятствием на пути Турции в ЕС является кипрская проблема. Она могла бы быть решена только совместными усилиями Греции и Турции. Однако между Грецией и Республикой Кипр с одной стороны, Турцией и ни кем, кроме Турции, непризнанной Турецкой республикой Северного Кипра (ТРСК), с другой, постоянно наблюдаются непреодолимые разногласия по кипрской проблеме. Наиболее значимая дискуссия затрагивает

---

⁹ Milliyet, 8 Mart 2008.

¹⁰ Milliyet, 4 Aralık 2007.

военно-стратегический аспект кипрской проблемы. Греческая сторона сторонник демилитаризации острова, Турецкая сторона придерживается противоположной позиции. Особенность Кипра заключается в том, что остров находится всего в 40 милях от анатолийского берега. Кипр прикрывает «уязвимое подбрюшье» Турции. Исходя из этого Турция размещает на территории ТРСК необходимые вооруженные силы на случай каких-либо осложнений. Они вместе с тем гарантируют безопасность населения ТРСК, что необходимо с учетом истории острова, взаимоотношений греческой и турецкой общин, хотя определенные меры и предусмотрены ООН с целью недопущения конфликта. Разногласия между общинами на Кипре заключаются в том, что греки высказываются за объединение острова, турки — сторонники федерации двух независимых государств. Греческая сторона за демилитаризацию острова, что противоречит интересам Турции. В начале декабря 2007 г. министр иностранных дел Греции обратила внимание на то, что в ТРСК размещены 35 тыс. турецких солдат, повторила греческий тезис об объединении Кипра, отклонив таким образом турецкий тезис о федерации двух независимых государств¹¹.

Кипрская проблема, несмотря на некоторые послабления в отношениях между общинами остается весьма тяжелой, тем более, что два члена ЕС — Греция и Республика Кипр имеют возможность заблокировать принятие Турции в ЕС, оказывать таким образом давление на Турцию. Характерно, что Республика Кипр была принята в ЕС без ТРСК, не имеющей международного признания.

Перспективы вступления Турции в ЕС в такой обстановке весьма призрачны.

Вместе с тем, проблема принятия Турции в ЕС, по видимому, уйдет в историю в связи с упомянутой инициативой Саркози по созданию Средиземноморской организации, в какой-то мере аналогичной ЕС.

---

¹¹ Milliyet, 4 Aralık 2007.

Шлыков В. И.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ (1983–2007)

На протяжении полувековой истории существования в Турции многопартийной демократии её партийная система выступает как ключевой вопрос в странной смеси успехов и поражений этой страны.

С одной стороны, Турция сохранила свою базовую демократическую форму, а с другой стороны, эта структура неоднократно разрушалась вследствие возникновения у государственной элиты представлений о том, что либо правящая партия ломает правила системы, либо соперничающие партии и лидеры неспособны сформировать стабильное правительство, либо радикальные партии угрожают самому существованию режима, либо некомпетентные партии неспособны принимать решения, которые необходимы интересам страны и людей.

Барри Рубин совершенно справедливо утверждает, что «... форма современной партийной системы частично является результатом прошлых вмешательств армии в политику и, возможно, ожиданием будущих»¹.

Далее, с одной стороны, Турция оказалась способна разрушить некоторые элементы своей довлеющей этатистско-бюрократической доминантной политической культуры, а с другой стороны, государство всё ещё обладает большей властью над политиками и процессом принятия решений, чем в какой-либо западной демократии². В то время как данное положение сдерживает политические партии, оно также убеждает их в необходимости установления собственных отношений с государством как принципиального приоритета. Это ослабляет их отношения с избирателями наряду с их желанием быть

---

¹ *Barry Rubin. Turkey's Political Parties: A Remarkably Important Issue // Barry Rubin, Metin Heper eds. Political Parties in Turkey. Turkish Studies, vol. 3, N° 1, Spring 2002. С. 2.*

² ЕС критиковал Турцию в трёх областях: ограниченный характер гражданских свобод, недостаточная защита меньшинств и необычное политическое влияние турецкой армии. См. *Ilter Turan. Unstable instability: Turkish politics at the crossroads? // International Affairs, vol. 83, N° 3. С. 328.*

внутренне более демократичными и отзывчивыми или необходимостью привлекать массовую базу.

Затем, с одной стороны, в Турции создано более сильное гражданское общество, чем то, которое существовало прежде, но, с другой стороны, оно остаётся относительно слабым и развилось в гораздо меньшей степени, чем надеялись или ожидали³. Едва ли политические партии внесли какой-либо существенный вклад в развитие этих новых для Турции институтов. Они не сделали своего вклада в усиление гражданского общества, потому что не предвидели получения выгоды от него, а их собственные структуры обычно остаются иерархическими и закрытыми для новых личностей или идей.

В целом у партий отсутствует сколько-нибудь существенная внутрипартийная демократия. Лидеры, совершающие крупные ошибки в ходе выборов, или будучи в правительстве, часто выживают. Разоблачение фактов коррупции не приводит к политическому краху, о чём свидетельствует пример Тансу Чиллер. Новые идеи не возникают внутри партий, где не поощряются дискуссии. Политической культурой партий правит скорее подчинение, чем дух соревнования. Особенно неудовлетворительно действовали в этих направлениях центристские партии, фактически поощряя активистов и электорат мигрировать на крайние фланги системы⁴.

Современный политический ландшафт Турции, особенно после парламентских выборов июля 2007 г., покажется наблюдателю весьма необычным, если он сравнит его с тем, каким он был в 50–80-х гг. Главное, что бросается в глаза — это уход в тень ранее доминировавших на политической сцене правоцентристских партий: Демократической партии (ДП) Аднана Мендереса в 50-х гг., Партии справедливости (ПС) Сулеймана Демиреля во второй половине 60-х — 70-х гг, Партии Отечества (ПО) Тургута Озала в 80-х гг. или же Партии верного пути (ПВП) Демиреля, а затем Тансу Чиллер — в первой половине 90-х гг. Все эти разительные изменения, разумеется, не произошли в течение короткого времени, а имели место на протяжении всего периода существования Третьей Республики, но особенно в 1990-х начале 2000-х гг., и их истоки следует искать в событиях 1980 г.

Ещё в 1997 г. политолог Э. Калайджиоглу отметил, что «современную политическую жизнь Турции потряс ряд дестабилизирующих факторов, которые перестроили традиционный спектр её партий. По-видимому, возникли культурные расхождения, чтобы заме-

---

³ См. *Ilter Turan*. *Unstable instability...* Op. cit. С. 327–328.

⁴ *Barry Rubin*. Op. cit. С. 3.

нить прежнее социально-экономическое разделение общественного мнения в рамках партийной системы Турции. Эти факторы включают в себя углубление международных кризисов на Балканах и на Кавказе, вызовы этнического национализма, эффективную мобилизацию исламистской ксенофобии и культурные расколы. Экономические неудачи 1994 г. ещё больше усугубили политико-культурный кризис. В результате, центр тяжести общественного мнения, вероятно, резко смещается из центра в пространство между правым центром и крайне правым флангом политического спектра⁵.

В 1990-е гг. влияние быстрой социальной мобилизации, углубление культурных расхождений и разрыв в межпоколенческой политической социализации имели своим результатом *фрагментацию и волатильность турецкого электората*. Особенно важным фактором, объясняющим большинство изменений в партийных предпочтениях в Турции является «религиозность», на которую в свою очередь глубоко влияет продолжительность и тип формального образования⁶. Как отмечает Нур Ялман, «представляется, что в Турции образовательная карьера определяет культурные ценности личности»⁷. В турецком обществе культурное разделение не является абсолютно новым явлением. Оно было унаследовано от Османской империи⁸.

Кроме того, запрет на названия партий и принудительные меры в отношении бывших видных политиков, введённые военным режимом в 1980-х гг., не были столь безобидными, как могло бы показаться, а породили массу сложностей в турецкой политике, и последствия тех мер ощущаются и поныне. Запрет нарушил непрерывность процесса политической социализации молодого турецкого электората. В 1960–1970-х гг. ежегодные темпы прироста населения составляли 2,5%, что означало достаточно быстрый рост электората, который должен был впервые голосовать в 1980-х гг. До переворота выбор политической партии происходил под влиянием родителей, семьи или даже больших родственных групп, ранее идентифицировавших себя с Народно-республиканской партией (НРП) или её основными конкурентами Демократической партией в 50-е гг. и Партией спра-

---

⁵ *Kalaycıoğlu E.* The Logic of Contemporary Turkish Politics // MERIA Journal, vol. 1, № 3, September 1997. С. 48.

⁶ См. *Kalaycıoğlu E.* Elections and Party Preferences in Turkey: Changes and Continuities in the 1990s // Comparative Political Studies, vol. 27, №3, 1994. С. 402–424.

⁷ *Nur Yalman.* Some Observations on Secularism in Islam: The Cultural Revolution in Turkey // Daedalus, №102, 1973. С. 139–167.

⁸ См. *Şerif Mardin.* Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics // Daedalus, №102 (1973). С. 52–81.

ведливости в 60–70-е гг., обычно разделявших между собой 80–90 % голосов электората⁹.

Именно совокупность названных факторов стала следствием возникновения и широкого распространения такого явления, как волатильность электората, которое сыграет существенную роль как в ходе выборов 2002 г. и 2007 г., так и их результатах. Независимые избиратели в большом количестве стали дрейфовать от одной политической партии к другой, хотя и не обязательно по всему лево-правому спектру¹⁰. Как отмечает профессор Э. Озбудун, «волатильность избирателей возросла, в то время как идентификация партий опускается до ещё более низкого уровня¹¹.

Возникший в 80-х годах *вопрос идентичности партий* сохраняет своё значение и в настоящее время. Причём в той или иной степени это касается практически всех партий, в том числе и ныне правящей Партии справедливости и развития (ПСР)¹².

Так, результаты недавнего опроса избирателей, проведённого среди «традиционалистов и модернистов» иллюстрируют различное содержание восприятия идентичности у сторонников ПСР и НРП.

Таблица: «Партийная идентификация и идентичность»

Идентичность голосующие за	ПСР%	НРП%
Я — турок	80,1	60,7
Я — мусульманин	88,3	38,0
Я — современный	18,1	42,2
Я — последователь Атаюрка	17,7	67,0
Я — гражданин	30,0	25,7
Я — демократ	13,5	28,5

Примечание. Возможен выбор нескольких вариантов ответов.

Источник: Birol Akgün. Türkiye’de Seçmen Davranışı, Partiler Sistemi ve Siyasal Güven. Ankara, 2007. С. 205.

⁹ Üstün Ergüder. Changing Patterns of Electoral Behaviour in Turkey // Boğaziçi University Journal, №8–9 (1980–1981). С. 45–47.

¹⁰ Ergun Özbudun. Contemporary Turkish Politics: Challenges to Democratic Consolidation Boulder. L., 2000. С. 76.

¹¹ Ergun Özbudun. Op. cit. С. 77.

¹² См. Ümit Cizre Sakallıoğlu. Liberalism, Democracy, and the Turkish Centre-Right; The Identity Crisis of the True Path Party // Middle Eastern Studies, vol. 32, №2, April 1996. С. 142–161; Yüksel Taşkın. AKP’s Move to “Conquer” the Center-Right: Its Prospects and Possible Impacts on the Democratization Process // Turkish Studies, vol. 9, №1, March 2008. С. 53–72.

Так, первоначально ПО попыталась объединить под своей крышей четыре различных и на вид несовместимых идеологических течения: консерватизм (традиционного суннитского) ислама, национализм, экономический либерализм и социальную демократию¹³.

Между тем число реально сильных партий, т.е. партий, которые могли бы сформировать правительство самостоятельно или в коалиции с другими партиями или же повлиять на результаты выборов и распределение голосов, возросло с 4 в 1970-х гг., до 6 в 1980-х гг. и 7 в 1990-х. Подобное развитие также указывало, что электорат ещё больше фрагментируется на множество голосующих блоков, приводя к фрагментации самой партийной системы. Не сработал и 10% избирательный порог, установленный для выборов в меджлис и изначально предназначенный для того, чтобы поощрить избирателей собираться вокруг 2 или 3 основных партий и отбить у них желание голосовать за радикалов, крайне правых и мелкие левые партии, как это было в недалёком прошлом. Военное руководство Турции, заложившее 10% порог в Закон о выборах, не смогло осознать, что подобное правовое препятствие работает только тогда, когда в партийной системе присутствуют высоко институционализированные партии с большим числом зарегистрированных членов с партийными билетами, а также сторонников и сочувствующих (симпатизантов). Даже при наличии подобного правового принуждения для того, чтобы иметь желаемый психологический эффект у электората, нужны также и другие факторы в виде партийной идентификации, чувства, которое удерживает избирателя от изменения выбора, желания покинуть свою партию и перехода в другой партийный лагерь. Всё положительное, что ожидалось от введения высокого проходного порога (*seçim barajı*) было в значительной степени сведено на нет присутствием неинституционализированных партий с незначительным числом отличительных признаков. Вероятно, избиратели, как пишет Э. Озбудун, фокусировали своё внимание, чаяния, надежды, страхи и ожидания на лидерах новых партий. Личность лидеров стала приобретать большие размеры, чем сами политические организации, которые они создали или которыми руководили¹⁴.

Ни одна из ведущих партий не демонстрирует желания позволить социально-экономическим группам играть какую-либо существенную роль в публичном процессе принятия решений. Только НРП работала в тандеме с социальными группами, но то были рефе-

¹³ *Ersin Kalaycıoğlu*. The Motherland Party: The Challenge of Institutionalization in a Charismatic Leader Party // Barry Rubin, Metin Heper eds. Political Parties in Turkey. Turkish Studies, vol. 3, №1, Spring 2002. С. 45.

¹⁴ *Ergun Özbudun*. Op. cit. С. 81–82.

рентные, а не социально-экономические группы. Более того, не все партии уделяют внимание к чувствам и мнению людей по таким ключевым вопросам как ислам и потребность в гармонии в государстве и обществе. Исключение составляют Демократическая левая партия (ДЛП) и Партия националистического движения (ПНД), а также религиозно-ориентированные партии. Не стало неожиданным, что религиозно-ориентированные партии попытались принять в расчёт желания и чаяния людей в отношении к исламу, но остались «забывчивыми» к людским желаниям видеть фундаментальную гармонию в обществе и государстве.

Итак, по мнению профессора М. Хепера «в наиболее влиятельных политических партиях Турции внутрипартийной демократии не существует»¹⁵. Родственной тенденцией, наблюдаемой как у правого центра, так и в политическом исламе является традиция безусловной лояльности харизматическому лидеру, которого считают подлинным выразителем движения и нации. Среди партий, придерживающихся этой традиции, насчитывается очень ограниченное число случаев, когда преемственность лидера решалась голосами партийных делегатов. Лидеры доминируют во всех партиях, и бывают нетолерантны не только к выражению разногласий, но также и к конструктивной критике. Единственной партией, которая продемонстрировала некое подобие внутрипартийной демократии была Партия Отечества с её «демократическим централизмом». Месут Йилмаз принимает советы от «других», но его решения носили окончательный характер; всякий кто бросал вызов лидеру, обнаружил бы его вышедшим из себя¹⁶. Партия верного пути стояла на другом конце спектра и ожидалось, что она будет продвигать только личные политические интересы своего лидера Тансу Чиллер. В таких политических партиях как ДЛП, ПНД и религиозно и этнически-ориентированных партиях лидеры в значительной степени действуют в соответствии с определёнными идеалами. В таких партиях как ПО и НРП ссылки делались на определённые цели, но лидеры не вселяли уверенности¹⁷.

Несмотря на тот факт, что первоначально лидерство Тайипа Эрдогана имело мишенью единоличное правление Эрбакана и использовалось как предлог для создания Партии справедливости и разви-

---

¹⁵ См. *Metin Heper*. The Consolidation of Democracy versus Democratization in Turkey // Barry Rubin, Metin Heper eds. *Political Parties in Turkey*. Turkish Studies, vol. 3, №1, Spring 2002. С. 138–146.

¹⁶ *Ersin Kalaycıoğlu*. The Motherland Party: The Challenge of Institutionalization in a Charismatic Leader Party // Barry Rubin, Metin Heper eds. *Political Parties in Turkey*. Turkish Studies, vol. 3, №1, Spring 2002. С. 41–61.

¹⁷ *Metin Heper*. *Op.cit.* С. 145.

тия (ПСР), а в день провозглашения создания ПСР он обещал, что никогда в партии не будет диктаторского правления, процитировав знаменитое высказывание Вольтера об уважении чужого мнения¹⁸. Однако достаточно быстро Эрдоган последовал традиционной линии поведения лидеров турецких политических партий, радикально изменив партийный Устав в течение менее двух лет. Вместе с изменениями в партийном Уставе он превратился в единственного непревзойденного авторитета при назначении руководства партии. На съездах было запрещено представлять альтернативные списки. Право избирать членов Центрального исполнительного комитета (ЦИК) — высшего органа партии было отнято у Руководящего совета и передано самому Эрдогану¹⁹.

Нестабильность политических партий на местном, провинциальном и парламентском уровнях вследствие неэффективного функционирования внутрипартийной демократии осложняется двумя другими факторами. Во-первых, политические партии функционируют, главным образом, как клиентельные сети, через которые распределяются выгоды, блага и преимущества, извлекаемые вследствие пребывания у власти вне зависимости от её уровня²⁰. В этом контексте оппозиционная партия может рассматриваться лишь как конкурирующая клиентельная сеть, стремящаяся к приходу во власть.

После каждых выборов депутатов меджлиса осаждают избиратели, чтобы продемонстрировать свои мандаты лиц, поддержавших партию, которая получила самое большое количество голосов на выборах²¹. Их первейшая просьба касается получения работы на государство, поскольку, хотя такая работа и оплачивается низко, но даёт гарантированную занятость и много побочных выгод. В своё время премьер-министр Тургут Озал утверждал, что низкий уровень зарплаты чиновников не имеет значения, поскольку «мои чиновники знают, как устраиваться». Как следствие, в глазах избирателей получение места чиновника в госучреждении является лучшей наградой²².

Вакуум, образовавшийся в результате ликвидации после военного переворота 12 сентября 1980 г. старых клиентельных сетей, по-

¹⁸ См. статью Эрдогана в газете «Заман» «Liderlik Sultası Yok», Zaman, 15.08. 2001.

¹⁹ См. Ak Parti'de tüm Yetkiler Tayip Edoğan'da Toplandı // Zaman, 02.02.2003.

²⁰ О роли патрон-клиентельных сетей см.: Sabri Sayari. Political Patronage in Turkey // Ernest Gellner, John Waterbury (eds). Patrons and Clients in Mediterranean Societies. L., 1977. С. 103–113; Ayşe Güneş-Ayata. Roots and Trends of Clientelism in Turkey // Luis Roniger, Ayşe Güneş-Ayata (eds) Democracy, Clientelism, and Civil Society. Boulder, 1994. С. 49–63.

²¹ Интервью председателя ВНСТ Бюлента Арынча — Milliyet, 09.03.2003.

²² Ersin Kalaycıoğlu. Turkish Dynamics Bridge Across Troubled Lands. N.Y., 2005, С. 138.

родил новые вызовы. Прежнее культурное противостояние центра и периферии, которое Шериф Мардин назвал в своё время «ключом к турецкой политике»²³ начало дробиться, с одной стороны, на дополнительные религиозные и этнические избирательные блоки, а с другой стороны, на различные патронажные сети, выстраиваемые вокруг кровных связей и земляческих уз. Как отмечает У. Хэйл, «...распространяющиеся тенденции усиливаются доминантной ролью, которую играет клиентелизм, в большей степени, чем идеологическое или политическое выравнивание в формировании и сохранении политических структур»²⁴. Культурные особенности, которые игнорировались в течение многих лет или принижались их значение, возникли вновь, чтобы разделить электорат на новые группы²⁵, включая деление на избирательные блоки турецких этнических националистов против курдских, турецких гражданских националистов против турецких этнических националистов, алевитов против суннитских братств, лаицистов против сторонников шариата²⁶.

Таким образом, существовавший ранее (1961–1980 гг.) идеологический раскол на социалистов и социал-демократов против либералов-консерваторов исчез вследствие двух основных причин, одна из которых носила внутренний характер, а вторая была связана с международными событиями. Первая причина заключалась, главным образом, в неудовлетворительных результатах пребывания НРП у кормила власти. Надежды тех, кто рассчитывал, что НРП сможет навести порядок и покончить с терроризмом, а также улучшить экономическую ситуацию в стране не оправдались.

Вторая причина связана с международными событиями, ещё больше подорвавшими позиции социалистов и социал-демократов в Турции. Главным из которых, бесспорно, являлась перестройка и политика гласности в СССР, начавшаяся после избрания М. С. Горбачёва Генеральным секретарём ЦК КПСС. А в Западной Европе начали обретать форму идеи либеральной рыночной экономики, и в 1979 г. в Англии к власти пришла Маргарет Тэтчер.

К началу 1980-х гг. левоцентристские партии были разгромлены. Падение этих организаций, исчезновение их сетей и эрозия их способности мобилизовывать обитателей «геджеконду», как уже

²³ *Şerif Mardin*. Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics // *Daedalus*, vol. 102, №3. С. 57.

²⁴ *William Hale*. Democracy and the Party System in Turkey // Brian Beely (ed.), *The Turkish Transformation: New Century — New Challenges*. Walkington, 2002. С. 183.

²⁵ *Ergun Özbudun*. *Op. cit.* С. 81.

²⁶ *Ersin Kalaycıoğlu*. *Turkish Dynamics*. С. 135.

говорилось, создало вакуум. Однако не слишком много времени потребовалось религиозным возрожденцам, курдским и турецким этническим националистам, чтобы заполнить этот вакуум. Военные власти посчитали, что они смогут использовать их в своих интересах для того, чтобы дать отпор «вызову коммунистов». Однако «ирония истории» заключалась в том, что на самом деле «кемалистское» военное правительство 1980–1983 гг., очевидно, сыграло ведущую роль в подрыве позиций «левых лаицистов» и внедрении на их место исламистских «возрожденцев» и «турецких этнических националистов», введя, в частности, обязательное религиозное обучение в школе. Неудивительно, что исламистские возрожденцы и этнические турецкие националисты наложили свой неизгладимый отпечаток на турецкие правительства в 1990-х гг. и позже.

К 1990-м гг. оформилось пять избирательных блоков, продолжающих существовать и поныне. Один такой блок, очевидно, представлен курдскими этническими националистами, другим является лаицистский блок, третий блок состоит из сектантов, принадлежащих к сообществу алевитов²⁷, четвёртый блок составляют верующие турки-сунниты, принадлежащие к ханифитской школе мусульманского права и верующие курды-сунниты, принадлежащие главным образом к шафиитскому мазхабу²⁸, пятый блок включает из этнических турецких националистов, рассматривающих турецкую идентичность как приобретаемую при рождении. В каждом блоке возникло более одной партии, чьё политическое счастье было со временем переменчивым и, следовательно, число эффективных политических партий, которые влияют на соперничество за сердца и умы избирателей колеблется²⁹.

Итак, слабая организационная институционализация политических партий, низкий уровень партийной идентификации и проблема идентичности партий, политические запреты и репрессивные меры военного правительства в отношении партий в начале 80-х гг. являются факторами, способствовавшими появлению слабых правительств. Другим дестабилизирующим фактором являются политический режим и правовая система страны, вносящие вклад в волатильность голосования в Турции, состояние партийной системы

---

²⁷ См. *Ayşe Kadioğlu*. The Paradox of Turkish Nationalism and the Construction of Official Identity // Middle Eastern Studies, vol. 32, №2, April 1996. С. 177–193.

²⁸ *Ali Çarıkoğlu ve Binnaz Toprak*. Türkiye’de Din, Toplum ve Siyaset. İstanbul, 2000. С. 17.

²⁹ *Ersin Kalaycıoğlu*. The Shaping of Party Preferences in Turkey: Coping with the Post-Cold War Era // New Perspectives on Turkey, №20. Spring 1999. С. 71–75.

и определяющие в буквальном смысле судьбу партий. За два десятилетия запрету подверглось 18 политических партий³⁰.

Ещё одним важным фактором, способствующим волатильности поведения электората, являлась неспособность правящих политических партий в составе коалиционных правительств решить экономические проблемы Турции. При ответе на вопрос о том, что они считают самой острой проблемой страны, опрашиваемые постоянно ставили на первое место безработицу, инфляцию и экономическую нестабильность. Опрос за опросом показывал, что не менее трёх четвертей населения избирательного возраста указывали на ненадлежащее управление экономикой как на самую острую проблему страны. Однако в 1983–2002 гг. ни одному правительству не удалось добиться какого-либо долговременного прогресса в обуздании высоких темпов инфляции³¹.

В период с 1991 г. по 2002 г. партийная система Турции имела целый ряд особенностей. Важнейшей из них являлась её *высокофрагментированная природа*, при которой каждый из трёх основных блоков политического спектра, включал в себя, по меньшей мере, две релевантные партии. ПО и ПВП занимали политическое пространство правого центра; СДНП (Социал-демократическая народническая партия), НРП и ДЛП находилась на левом социал-демократическом фланге; Партия благоденствия (ПБ) и ПНД представляли исламистский и националистический сегменты крайне правого крыла, соответственно. Однако в течение срока полномочий каждого созыва число партий в междлисе неизбежно возрастало.

Переход депутатов из одной парламентской фракции в другую, что является распространенной практикой в Турции, особенно в период нахождения у власти коалиционных правительств, приводит к появлению в междлисе новых партий. Так, например, после выборов 1999 г. в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) были представлены 5 партий, а в течение последующих трёх лет их число возросло до 11, когда почти 200 депутатов, или приблизительно 36 % всего состава депутатского корпуса покинули партии, от которых они были избраны и перешли в другие³². Существование многих из этих партий оказывается недолгим, и обычно они исчезают уже после следующих выборов. Тем не менее, смена партийного флага депутатами ещё больше усиливает фрагментарный характер струк-

³⁰ Erol Tuncer, Osmanlı'dan Günümüze Seçimler: 1877–1999. Ankara, 2002. С. 428–429

³¹ *Ersin Kalaycıoğlu*. Turkish Dynamics..С. 138.

³² *Sabri Sayari*. Towards a New Turkish Party System? // Turkish Studies, vol. 8, №2, 2007. С. 203.

туры партийной системы. И в тот период серьёзно осложняла задачу создания прочной правительственной коалиции. Дезертирство продолжилось и после оглушительной победы ПСР. В 2002–2007 гг. за счёт выхода ряда депутатов из фракций ПСР и НРП в меджлисе возникла фракция ПО.

Влияние фрагментации партийной системы на стабильность коалиционных правительств усилилось в связи с *отсутствием доминантной партии*, которая была бы в состоянии сама сформировать кабинет или же послужить ядром меняющихся коалиций, где она могла бы сохранить преемственность министерских постов и процессов формирования политики. Выборы 1991 г. обозначили окончание в Турции периода многопартийной системы с доминантной партией в лице ПО и положили начало десятилетию существования многопартийности без доминантной партии, определяющей чертой которого стало правление коалиционных кабинетов и политическая нестабильность. Фактически на протяжении этого периода возможности крупнейших партий, становившихся первыми в ходе выборов, постоянно уменьшались. Так, ПВП в 1991 г. контролировала 32 % депутатов; в 1995 г. доля ПБ упала до 28 %; у ДЛП в 1999 г. было только 24 %³³.

Три центристские партии ПО, ПВП и ДЛП имели самые длительные сроки пребывания в различных коалиционных кабинетах или же правительствах меньшинства, сформированных в промежутке между 1991 и 2002 гг. Однако периодическое изменение условий, на которых создавались коалиции, позволяло всем релевантным партиям в ВНСТ принимать участие в «несении бремени» правительственной власти. Примером этого может служить коалиционное трёхпартийное правительство Б. Эджевита, созданное по итогам выборов 1999 г., куда вошли ДЛП, ПО и ПНД.

Меджлис, разделённый на немалое число фракций, явился причиной возникновения третьей важной черты партийной системы Турции в 1990-х: *дисперсии политической власти между двумя и более политическими партиями*, участвующими в коалиционных правительствах. В отсутствие доминантной партии большинства Турция на своём опыте прочувствовала все прелести правления целой серии коалиционных кабинетов и правительств меньшинства. Средняя продолжительность жизнедеятельности восьми правительств, что находились у власти с 1991 г. по 2002 г. была чуть больше года. В то время как некоторые кабинеты, такие как, уже упоминавшаяся трёхпартийная коалиция, сформированная в 1999 г. Б. Эджевитом,

---

³³ Подсчитано по: *Sabri Sayari*. Towards a New Turkish Party System? С. 198.

относительно долго пребывали у кормила власти, то другие, как правоцентристская коалиция ПО и ПВП во главе с Месутом Йилмазом в 1996 г. распалась из-за разногласий между лидерами спустя всего три месяца³⁴.

Фрагментация партийной системы, нестабильный характер электоральной базы большинства партий, выражающийся в волатильности электората, межпартийные и внутривнутрипартийные столкновения партнёров, входящих в коалиции, препятствовали формированию стабильных и эффективных правительств. Дисперсия и фрагментация политической власти в сочетании с непостоянством парламентского большинства доказали свою разрушительную силу для процесса формулирования политики, её реализации и преемственности. Особенно в период с 1995 по 1999 г., когда Турция стала свидетелем возвышения и падения пяти коалиционных кабинетов и одного правительства меньшинства. Более того, слабость и нестабильность кабинетов оказали значительное влияние на военно-гражданские отношения и функционирование демократии. В 1990-х гг. Турция стала свидетелем несомненной экспансии армии на политическую сферу через механизм Совета национальной безопасности (СНБ), присвоивший себе центральную роль в формулировании важных политических направлений, особенно касающихся угроз, создаваемых политическим исламом и курдским национализмом³⁵.

Четвёртой важной характеристикой партийной системы в Турции в 1991–2002 гг. является её *относительно высокий уровень поляризации*, который в настоящее время продолжает углубляться. В отличие от предшествующего двадцатилетия, когда заметной чертой межпартийного соперничества была сильная идеологическая поляризация между правыми и левыми, поляризация партийной системы в 90-е гг. коренилась, главным образом, в разделении турецкого общества и политики по линии исламисты/лаицисты. Эскалация напряжённости между теми, кто стремится расширить роль религии, и теми, кто желает сохранить светские основы и институты Республики, становится одной из определяющих черт политической жизни Турции в 90-х гг. Эта *культурная поляризация* оказывала сильное воздействие на партийную систему, особенно после электоральных успехов происламской ПБ на муниципальных и парламентских выборах в 1994, 1995 гг. соответственно. Поскольку программные заявления и идеология ПБ демонстрировали заметные антисистемные

---

³⁴ Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics. С. 157.

³⁵ См. Ali Bayramoğlu. 28 Şubat. Bir Müdahalenin güncesi, İstanbul, 2001; Bedri Baykam. Ordu Satranç Oynarken. İstanbul, 2001.

тенденции, то большинство лаицистов сомневалось в её приверженности демократии и сохранению светских институтов в стране³⁶.

Партии левого центра, такие как НРП, являющиеся твёрдыми лаицистами, особенно энергично противостояли усилиям ПБ внести ещё больше религиозного элемента в политические институты и образовательную систему. Поляризация между про-лаицистскими и про-исламистскими силами неизбежно привела к крупному кризису 1997 г., который под нарастающим давлением со стороны армии вылился в отстранение от власти коалиционного правительства Н. Эрбакана и его замену новым коалиционным правительством працентристских партий³⁷.

В результате выборов 2002 г. произошла переконфигурация партийной системы, и фактически создание новой, основные характеристики которой существенно отличаются от модели партийной политики, которая преобладала в Турции с 1991 г. по 2002 г. Наиболее важные отличия связаны с сокращением числа парламентских партий, переходом от коалиционных или правительств меньшинства к однопартийному правлению большинства, с появлением ПСР как доминантной партии.

Итоги голосования в 2002 г. показали, что фрагментация на электоральном уровне сохраняется, хотя и с незначительным уменьшением по сравнению с 1999 г.³⁸ Вместо концентрации своих электоральных предпочтений всего лишь на нескольких партиях турецкие избиратели продолжают делить свою поддержку среди множества различных партий. Однако 10%-ный порог эффективно предотвращает трансляцию дробления голосов среди разных партий в меджлис. В противном случае более низкий электоральный порог, например, в 5%, позволил бы ещё 5 партиям ПВП, ПНД, Молодой партии (МП), ПО и прокурдской Демократической народной партии (ДНП) получить депутатские мандаты в дополнение к ПСР и НРП.

Можно утверждать, что сокращение числа парламентских партий в большей степени отражает следствие самой избирательной системы, чем результат сильного мажоритарного импульса среди турецких избирателей. Так же возможно предположить, что после выборов

---

³⁶ См. *Sabri Sayari*. Turkey's Islamist Challenge // Middle East Quarterly, vol. 3, №3 (1996). С. 35–43.

³⁷ *Ümit Cizre Sakallıoğlu*. The Anatomy of Turkish Military's Political Autonomy // Comparative Politics, vol. 29, №2 (1997). С. 151–165.

³⁸ *Ali Çarikoğlu*. The Rise of the New Generation Pro-Islamists in Turkey: The Justice and Development Party Phenomenon in the November 2002 Elections // South East European Society and Politics, vol. 7, №3 (Winter 2002). С. 133.

2002 г. началось существование двух различных партийных систем: электоральной партийной системы, где уровень партийной фрагментации остаётся относительно высоким, и парламентской партийной системы, где 2 партии ПСР и НРП, эффективно контролировали 98 % мест, Из двух систем именно последняя лучше всего описывает формат турецкой партийной системы в период после 2002 г. Как отмечает Дж. Сартори, «двухпартийный формат должен результативаться в понятиях депутатских мандатов, а не результатах выборов»³⁹. Базовая двухпартийность, возникшая в межджисе как результат выборов 2002 г. подчёркивает фундаментальный переход от высокодробного фракционного распределения мест среди множества партий, существовавшего в 1990-х гг. При этом увеличение числа партий в межджисе после выборов 2007 г. до четырёх (ПСР, НРП, ПНД, прокурдская Партия демократического общества (ПДО)) несколько не влияет на характер партийной системы и концентрации власти, т.к. ПСР сохраняет свои позиции доминантной партии.

Второе важное изменение в турецкой партийной системе после 2002 г. относится к переходу от правления коалиционных или же правительств меньшинства к единоличному правлению партии большинства. В отличие от периода 1991–2002 гг., когда Турция была свидетелем частых изменений в правительстве, подавляющее парламентское большинство ПСР привело к формированию однопартийного правительства большинства, которое, очевидно останется у власти на достаточно длительный срок, что и подтвердили выборы 2007 г.

Упрощение партийной системы сделало процесс формирования кабинета гораздо менее сложным, чем это было прежде. На протяжении 1990-х гг. за выборами обычно следовали несколько недель торгов и переговоров между партиями, заинтересованными в поиске партнёров по коалиции. Резким контрастом этому стало формирование правительства после выборов 2002 г., которое было прямым: ПСР быстро сформировала кабинет во главе с А. Гюлем и поставила себя у власти. Более того, впервые с 1987 г., результаты выборов играли решающую роль в формировании нового правительства. Замена коалиционных или правительств меньшинства однопартийным правлением большинства создаёт гораздо более благоприятное окружение для формулирования, реализации и преемственности политического курса, чем это было в 1990-х.

Хотя базовый формат партийной системы свидетельствует о значительных изменениях в результате выборов 2002 г., закреплённых

---

³⁹ *Giovanni Sartori. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976. С. 341.*

итогами выборами 2007 г., некоторые важные характеристики прежней партийной системы, а именно: высокий уровень поляризации во взаимодействии между партиями сохранились. Поляризация между про-лаицистскими и про-исламистскими силами в турецком обществе и политике продолжает оказывать сильное влияние на отношения между ПСР и НРП, которые представляют две различные политические и социальные субкультуры, основанные на противоположных взглядах в отношении роли религии в общественных делах.

С момента прихода к власти ПСР вообще воздерживается от реализации открыто про-исламистской политики и продвигает в целом скорее гораздо более прагматическую, чем идеологическую ориентацию. Например, несмотря на своё существование парламентское большинство ПСР в период своей первой легислатуры не стремилась пересмотреть запрет на ношение головных платков-тюрбанов для девушек-студенток, посещающих государственные университеты — политически наполненный и высоко символический вопрос, который поляризует турецкую политику и порождает конфронтацию на протяжении почти двух десятилетий. В отличие от предшествовавших про-исламистских партий, возглавлявшихся Н. Эрбаканом, ПСР вообще стремится избежать конфронтации с армией, чтобы минимизировать потенциал для возникновения политических кризисов. Однако под давлением со стороны более радикально настроенных местных партийных организаций руководство ПСР также попыталось протолкнуть, хотя и без успеха, такую спорную меру как объявление супружеской неверности уголовным преступлением⁴⁰.

Многие лаицисты в Турции продолжают сохранять недоверие в отношении к ПСР и сомневаются в степени, до которой премьер-министр Т. Эрдоган и его коллеги в руководстве партии отошли от своей прежней приверженности к необходимости изменения лаицистского конституционного порядка, которой придерживались, когда были лояльными последователями и помощниками Н. Эрбакана. Эта озабоченность и критика лаицистов были часто слышны во время парламентских дебатов со стороны НРП. В результате отношения между правящей ПСР и основной оппозиционной силой остаются высокополяризованными со дня выборов 2002 г.⁴¹

Мы уже говорили о «закате» правоцентристских партий, как о феномене партийной системы, а также проблеме идентичности

---

⁴⁰ Sabri Sayari. Towards a New Turkish Party System? // Turkish Studies, vol. 8, №2, 2007. С. 208.

⁴¹ См. Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics... С. 170–174.

партий. Но следует отметить, что симпатии к правому центру достаточно широко распространены среди населения Турции. С этим тесно связано и решение проблемы идентичности для ПСР. Уход ПО и ПВП породил вакуум, который она стремится заполнить.

ПО переживает кризис идентичности. С момента своего основания эта была партия лидера с т.н. «ситуационной харизмой», а в доминантной группе были представлены исламисты, либералы, националисты и умеренные левые. Но когда изменилось политическое окружение, она заметно стала терять своих членов и сторонников⁴².

В чём причины постепенной утраты «историческими» партиями, ПО и ПВП, позиций «локомотивов» правого центра? Они несут как объективный, так и субъективный характер, но, в конечном счёте, концентрируются вокруг проблемы партийной идентичности⁴³.

Начиная с 1950-х гг. электоральные победы правоконсервативских партий были следствием их способности породить надежды у преимущественно сельских масс⁴⁴. Тургут Озал был тем, кто заново сформулировал консервативную популистскую стратегию в ответ на нужды преимущественно городской Турции. Периферийные секторы уже не были больше изолированы в сельских районах, а их обитатели окружили городские центры со сравнительно более высокими ожиданиями, чем их удовлетворённые родители-выходцы из деревень. Параллельно неолиберальной перестройке Озала подъём нового дискурса экономизма расширил его влияние за пределы круга модернистской буржуазии и нашёл новых союзников в рамках вновь поднимающихся средних классов. Новая экономическая политика не только ослабила традиционные привилегии связанной с государством буржуазии и интеллигенции, но также открыла новые возможности для вертикальной мобильности перед теми социетальными акторами, которые долгое время оставались вне рамок доминантного властного альянса фазы национального развития. Политика Озала существенно способствовала возвышению новых экономических, политических и культурных контрэлит, которые выделялись своим периферийным происхождением, также как и своей исламской иден-

---

⁴² См. *Kalaycıoğlu E.* The Motherland Party: The Challenge of Institutionalization in a Charismatic Leader Party... С. 59.

⁴³ См. *Ümit Cizre Sakallıoğlu.* Liberalism, Democracy and the Turkish Centre-Right: The Identity Crisis of the True Path Party, *Middle Eastern Studies*, vol. 32, №2, April 1997. С. 142–161.

⁴⁴ Yüksel Taşkın, "AKP's Move to Conquer the Centre-Right... // *Turkish Studies*, vol. 9, no 1, March, 2008. С. 63.

тичностью. Эта новшество имеет значение, поскольку именно эти группы теперь широко представлены в ПСР⁴⁵.

В 80-е гг. ПО Тургута Озала была способна привлечь энергию и амбиции таких групп, которые происходили из экономической и культурной периферии Турции. Однако, после смерти Озала две правоцентристские партии ПО Месута Йилмаза и ПВП Тансу Чиллер — потерпели серьёзную неудачу: им не удалось продолжить давнюю традицию правого центра интегрирования поднимающихся контрэлит, которые теперь выделялись своей выраженной мусульманской идентичностью. Они утратили свою способность интегрировать не только политически амбициозные, но также и новые средние классы, чьё возвышение было ускорено именно политикой Т. Озала.

И М. Йилмаз, и Т. Чиллер были склонны придавать непропорциональный вес представлению деловых интересов крупнейших городов — в особенности Стамбула. Они также совершили фатальную ошибку, вычистив консервативное крыло своих партий, что стало серьёзным разрывом с консервативной популистской стратегией Озала. Данная стратегия делала возможным для правого центра при посредничестве консервативных крыльев своих партий представлять интересы т.н. «молчаливого консервативного большинства». Кроме того, и ПО, и ПВП попали также в ловушку систематической коррупции и вследствие этого, в частности, уступили инициативу армии и полиции в борьбе против Курдской рабочей партии и политического ислама. По сравнению с ранней правоцентристской традицией, возросшая дистанция этих лидеров от республиканского истеблишмента была следующей причиной того, почему верующие массы утратили симпатию к этим партиям. Ни ПО, ни ПВП не удалось воспроизвести традицию «консервативной модернизации» вместе со связанной с ней стратегией «консервативного популизма»⁴⁶.

Известный колумнист газеты «Миллиет» Таха Акйол пишет, оценивая кризисное состояние правых в 1990-х гг.: «Турецкие правые, которые изначально возникли как отклик на настрой крестьянских масс против кемалистско-якобинской бюрократии, переживают кризис политической философии в связи с неминуемым наступлением «индустриального общества», которое является также детищем собственной политики турецких правых.. Первостепенный вопрос, стоящий сейчас перед правыми, заключается в том, как наши традиционные, национальные и моральные ценности, корни которых

---

⁴⁵ *Yüksel Taşkın*. AKP's Move to... С. 56.

⁴⁶ *Yüksel Taşkın*. Op. cit. С. 59.

находятся в до-индустриальном обществе, будут представлены в урбанизировано-индивидуализированной Турции, которую мы трансформировали в индустриальное общество»⁴⁷.

Идеологическое наследие правого центра, напоминающее о 60-х гг., также как и его разочаровывающее политическое представление в 80-х и 90-х гг., подготовили плодородную почву для «ренессанса» ислама и наряду с этим для подъема политического ислама как *идеологии урбанизированной Турции*. Начиная с первой половины 80-х гг. первые исламистские партии, а затем в XXI веке ПСР как их пост-исламистский потомок оказались способны извлечь выгоду из растущей заметности и влияния ориентирующегося на город исламистского социального движения. За два десятилетия *им удалось стать партиями городской Турции*⁴⁸.

На всеобщих выборах 2002 г. доля ПСР в Стамбуле, Анкаре и Измире — крупнейших городах страны — составила соответственно 37,3; 38,1 и 37,7%, в то время как в среднем по стране 34,28%. На местных выборах 2004 г. эти показатели были 42,6; 49,1; 32,3%. В среднем по стране 41,67%. На всеобщих выборах 2007 г. 45,1; 38,2; 30,5%. Измир является традиционным оплотом НРП⁴⁹.

Накануне выборов 2007 г. ПО и ПВП вели переговоры об объединении. Для обеих партий это был по существу последний шанс, консолидировать свои силы и сохраниться на политической сцене в качестве эффективной парламентской партии. 5 мая 2007 г. было официально объявлено об объединении под новым названием Демократическая партия. Однако незадолго до выборов этот «союз правоцентристов поневоле» распался. Лидер ПО Эркан Мумджу снял свою подпись под протоколом об объединении, поскольку состоявшийся 2 июня съезд ПО не принял решения о роспуске партии. Но подлинной причиной являлись в первую очередь разногласия по поводу общего списка кандидатов. ПО сочла себя «обиженной» и в выборах не участвовала, а ПВП, сменив своё название на Демократическую партию, приняла в них участие и, получив 5,4% голосов, практически исчезла из крупнейших городов⁵⁰, тогда как в 2002 г. обе партии получили 14,6%. Таким образом, выборы лишней раз подтвердили эрозию правого центра, которая продолжается с начала 90-х гг. *Коллапс правого центра, постепенное размывание электора-*

---

⁴⁷ *Taha Akyol*. Seçim göstergeleri açısından Türkiye’de sağın sorunları — II // Türkiye Günlüğü, № 17, Kış 1991. С. 4–10.

⁴⁸ *Yüksel Taşkm.* Op. cit. С. 64.

⁴⁹ *Yüksel Taşkm.* Op. cit. С. 64–65.

⁵⁰ *Yüksel Taşkm.* Op. cit. С. 65.

та левого центра и доминирующее влияние происламистов и националистического движения явились определяющими характеристиками партийной системы Турции в 1990-е гг. В этом свете выборы 2002 и 2007 не столько отражают внезапный сдвиг в партийной системе, сколько, наоборот, свидетельствуют о дальнейшем продолжении тенденции 90-х гг. С другой стороны, выборы 2007 г. отмечают также резкий спад фрагментации и волатильности электората, который мог бы быть интерпретирован как признак более стабильной партийной системы⁵¹. Однако эта возросшая стабильность, как считают политологи Э. Шекерджиоглу и Г. Арыкан, не обязательно является свидетельством появления новой партийной системы, а кульминацией процессов, которые начались в начале 1990-х гг.⁵²

С момента прихода к власти после победы на выборах 2002 г. ПСР приступила к реализации широкой программы реформ для того, чтобы довести до конца длительный процесс вступления Турции в ЕС. Партия также провозгласила свою идеологию как веру в консервативную демократию, дистанцируясь от наследия политического ислама. Эрдоган в речи на открытии Международного симпозиума «Консерватизм и демократия», проходившем 10–11 января 2004 г., сказал: «Значительное большинство в обществе желает видеть современность, не исключаящую традиции; универсальность, не исключаящую самобытное, рациональность, не отрицающую веру и перемены, которые не являются фундаментальными»⁵³. Все эти шаги можно также рассматривать как часть хорошо продуманной стратегии заполнения вакуума на правом центре политического спектра. На самом деле руководство партии претендует на преемственность с миссией Демократической партии (ДП), которая с 50-х гг. создала прецедент последовательных электоральных побед правого центра. Так, для включения в списки кандидатов на выборах, которые состоялись 22 июля 2007 г. лидеры ПСР пригласили многих видных деятелей с правоцентристским или социал-демократическим прошлым⁵⁴.

Выборы 2007 года явно продемонстрировали сдвиг ПСР в сторону правого центра и стремление позиционировать себя как партию, порвавшую или отошедшую от идеологии «Милли гёрюш» (Национальный взгляд) и предъявить свои претензии на наследие Аднана

⁵¹ См. Sabri Sayari. Towards a New Turkish Party System? // Turkish Studies, vol. 8, №2, 2007. С. 197–209.

⁵² Eser Şekercioğlu; Gizem Arıkan. Trends in Party System indicators for the July 2007 Turkish Elections // Turkish Studies, vol. 9, №2, 2008. С. 215.

⁵³ Ankara: Ak Parti Yayınları, 2004. С. 7–17.

⁵⁴ Yüksel Taşkm. Op. cit. С. 54.

Мендереса. Ещё в мае 2003 г. Т. Эрдоган заявил в интервью газете «Заман»: «Мы сняли рубашку Милли гёрюш... Люди возложили на нас миссию осуществления демократии впервые со времен Мендереса. Мы являемся второй эрой Мендереса»⁵⁵. Накануне выборов 2007 г. Т. Эрдоган серьёзно пересмотрел списки кандидатов и осуществил самую настоящую чистку, вычеркнув из списка 156 действующих депутатов, идентифицировавших себя с традицией «Милли гёрюш»⁵⁶.

ПСР пытается претендовать на правоцентристское наследие «консервативной модернизации» и её *sine qua non* политическую стратегию «консервативного популизма». «Консервативный популизм» в Турции основывается на балансировании между «молчаливым мусульманским большинством» и «непропорционально активным и влиятельным западничеством меньшинством». Его сторонники верят, что завоевание ведущих политических, экономических и культурных позиций является справедливым и легитимным действием в обновлении их аутентичности или в их возвращении к давно отлучённым подлинным сынам нации (*Milletin hakiki evlatları*)⁵⁷.

ПСР, вероятно, должна стать правоцентристской партией в одном ряду с прецедентом созданным Партией справедливости, руководимой Сулейманом Демирелем. Глядя на события, связанные с этими двумя партиями, напрашивается много аналогий. ПС была основана в 1961 г. как наследница ДП, которая была отстранена от власти в результате военного переворота 27 мая 1960 г. Сначала республиканский истеблишмент и высшая военная элита в особенности имели подозрения в отношении «подлинных намерений» партии или наличия скрытого желания отомстить. Вот почему в 1961 г. они оказывали любое возможное давление, чтобы воспрепятствовать выдвижению ПС профессора Али Фуада Башгиля кандидатом на пост президента. Интересно заметить, что те же самые силы сделали всё возможное, чтобы предотвратить возможность избрания президента из рядов ПСР в 2007 г.

Однако на этом сходство не заканчивается. За десять лет Демирель оказался в состоянии создать для ПС образ умеренной партии как самой главной защитницы статус кво. С важными преимуществами, которые ПСР могла бы использовать за столом переговоров, весьма возможно, что в ближайшие годы она станет самой сильной и прочной правоцентристской партией, а силы, заинтересованные в уве-

---

⁵⁵ *Erdoğan R.T.* Milli Görüş değil Demokrat Parti'nin Devamıyız // Zaman, 17.05.2003.

⁵⁶ «Radikal», 05.06.2007.

⁵⁷ *Yüksel Taşkın.* Op. cit. С. 55.

ковечении *статус кво* придут к согласию с партийной элитой. Когда рассматриваются отношения западно-ориентированной бизнес-элиты, представленной наиболее значимо ТЮСИАД, к ПСР, то можно, как полагает политолог Ю. Ташкин, утверждать, что это сближение уже произошло⁵⁸. Однако, всё ещё трудно предвидеть предпримет ли новый «владелец» правого центра серьёзную демократизацию страны или нет, просто потому, что прецедент, созданный ПС указывает, что ограниченная демократия была бы предпочтительнее для сил, собравшихся вокруг стола переговоров элит и контрэлит, несмотря на противоположные желания демократических сил.

Говоря о перспективах умеренных исламистов, следует обратить внимание на то, что в 2007 г. Отдел по выборам при руководстве ПСР провёл социологическое исследование руководящих кадров партии, начиная от ячеек (бельде) до уездов (ильче) и крупнейших единиц (город). Из 2682 человек, ответивших на анкету только 11,5% были старше 55 лет. Функционеры в возрасте от 25 до 34 лет составляют 9,8%, от 35 до 44 лет — 39,7% и от 45 до 54 лет — 38,9%. Эти данные ясно показывают, ПСР способна привлечь очень молодую группу новых политиков в члены партии. Это, фактически, подчёркивает причины, почему партия выражает желание снизить возраст для права быть избранным с 30 до 25 лет. Ясно, что электоральная политика должна отвечать на возрастной фактор, поскольку 43% избирателей составляют лица в возрасте до 25 лет⁵⁹.

Реформисты (*Yenilikçiler*), основавшие ПСР, представляют новое поколение политиков, большинство из которых в 1970-е гг. симпатизировали «Милли гёрюш». Когда в университетах доминировали левые активисты, эти лица, как правило, избегали политических стычек между правыми и левыми экстремистами на улицах. Знакомство с официальными биографиями членов первого и второго правительств ПСР раскрывает поразительные факты о происхождении министров. Отцы премьер-министра Т. Эрдогана и президента А. Гюля были рабочими в государственном секторе. В целом отцы шести министров из 23 были рабочими, отцы семи министров были земледельцами, а у 6 министров — торговцами. Только четыре члена кабинета были старше 60 лет⁶⁰.

***

Динамика политической системы Турции, которая носит многоуровневый и взаимозависимый характер, развивается под влиянием

---

⁵⁸ *Yüksel Taşkın*. Op.cit. С. 68.

⁵⁹ *Yüksel Taşkın*. Op.cit. С. 60.

⁶⁰ См. *Yüksel Taşkın*. Op. cit. С. 60.

целого ряда процессов и её нельзя рассматривать изолированно от них: во-первых, это процессы, протекающие внутри организационных структур самих партий, во-вторых, процессы, происходящие в турецком обществе, и, наконец, в-третьих, процессы изменений в мире под влиянием глобализации. Поэтому все изменения в ней носят опосредованный характер, включая демократизацию, рост гражданского общества, ослабление позиций государственных элит и т. п. Можно выделить пять взаимосвязанных социологических процессов, облегчающих ПСР, как наиболее «привилегированному» претенденту, реализацию движения к правому центру:

во-первых, растущее влияние и заметность культурной контрэлиты, которая теперь поставляет значительные кадры и обеспечивает идеологическую поддержку ПСР;

во-вторых, возникновение политической контрэлиты и её поколенческий вызов долговому доминированию политической геронтократии;

в-третьих, поддержка курдской элитой ПСР как ответ на крушение её надежд в отношении турецкого и курдского национализмов;

в-четвёртых, подъём новой «мусульманской буржуазии», которая формирует базис «политической экономии» движения ПСР к правому центру;

в-пятых, неудача партий правого центра в ответе на онтологический кризис, приближающийся в результате дестабилизирующих последствий глобализации, гражданской войны и нерегулируемой урбанизации⁶¹.

Даже, если бы парламентские выборы 2002 г. не обозначили тенденцию в сторону стабилизации электората, а неопределённость в отношении его будущего направления, сохранилась, итог голосования привёл к значительным изменениям в партийной системе Турции. Вновь сформированная партия с исламистской родословной стала доминирующим игроком на политической сцене, а ряд «старых» авторитетных партий, таких как ДЛП, ПВП и ПО утратили значительную часть электоральной поддержки и организационной жизнеспособности, резко сократилась партийная фрагментация в меджлисе. В равной степени важно, что результаты выборов 2002 г., закреплённые в 2007 г., обозначили переход от коалиций или правительств меньшинства к однопартийному правлению партии большинства, что означает новое качество управляемости, возможность принятия решений и проведения собственной политики, конец эры компромиссов. Принципиальными факторами изменения

---

⁶¹ *Yüksel Taşkın*. AKP's Move to "Conquer" the Center-Right. С. 54.

партийной системы являлись неудовлетворённость электората большинством прежде авторитетных «исторических» партий, влияние финансово-экономического кризиса 2001 г., а также политические следствия избирательной системы страны.

Так как изменения в партийной системе Турции не сопровождаются существенной стабилизацией электората (2007 г. показал стабилизацию лишь в отношении НРП и увеличение у доминантной партии), то пока далеко от уверенности, что сама партийная система стабилизировалась. Процессы в партийной системе в ближайшей перспективе в большой степени будут зависеть от того, сохранит ли ПСР своё доминантное положение в электоральной и парламентской политике. В прошлом нахождение в правительстве являлось в Турции электоральной помехой. 10 из 11 правительств, пришедших к власти в период с 1985 г. по 2002 г., все правящие партии теряли голоса на выборах, следовавших за окончанием срока их нахождения в кабинете. В среднем число голосов, поданных за правительство, сокращалось на 8,3 %. Только в одном случае партия, входившая в состав коалиции как партнёр, укрепила свои позиции на следующих выборах⁶².

Плата за «время власти» в Турции значительно выше, чем в Западной Европе, где в период между 1945 и 1999 гг. в 33 % случаев партиям, входившим в правительство, удавалось на следующих выборах увеличить число поданных за них голосов⁶³. Известный политолог Сабри Саяри задаётся вопросом: Окажется ли ПСР исключением из сложившейся в Турции тенденции в отношении последствий для партии пребывания у власти и продолжит ли её сохранять⁶⁴? Выборы 2007 г. показали, что ПСР таким исключением является. Опросы общественного мнения, проводимые с 2002 г. показывают, что ПСР удерживает значительный перевес над всеми другими политическими партиями. Аналогично опросы также показывают, что Эрдоган остаётся самым популярным лидером партии в Турции.

Нынешнее состояние партийной системы Турции, характеризующее наличием доминантной партии в лице умеренно исламистской Партии справедливости и развития, сильным и дееспособным правительством, является результатом социально-экономического и политического развития турецкого государства и общества на протяжении всего периода существования Третьей Республики.

---

⁶² Sabri Sayari. Towards a New Turkish Party System? С. 207.

⁶³ W.C. Müller, K. Strom. Conclusions // W.C. Müller, K. Strom eds., Coalition Governments in Western Europe. L., 2000.

⁶⁴ Sabri Sayari. Towards a New Turkish Party System? С. 208.

Ульченко Н. Ю.

Турция — новая индустриальная страна?

Ответ на вопрос «Относится ли современная Турция к числу новых индустриальных стран?», очевидно, определяется тем, что вкладывается в саму дефиницию «новая индустриальная страна» (НИС или newly industrialized country). Этот термин впервые был использован ОЭСР в 1979 г. в отношении группы развивающихся стран, которые осуществили экономический рывок за счет проведения политики экспортной ориентации — Республики Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг. В последующем ряд исследователей предлагал расширить данную группу стран посредством включения в нее НИС второй, третьей и даже четвертой волны (поколения). Однако данная инициатива не получила единодушной поддержки в исследовательском сообществе. Таким образом, на сегодня можно говорить о наличии существенных разночтений в определении понятия «новая индустриальная страна». К тому же в 1997 г. Международный валютный фонд (МВФ) ввел новую систему мировой классификации, в рамках которой четыре первые страны НИС и Израиль, были объединены с группой стран традиционно известных как индустриальные. Основанием для этого стал достигнутый ими высокий уровень экономического развития, в том числе, уровень подушевого национального дохода, высокий уровень развития финансовых рынков, диверсифицированная структура экономики, характеризующаяся к тому же высокой долей и выраженным динамизмом сектора услуг. Учитывая устоявшееся значение термина (старые) индустриальные страны, данная группа стран и пять новых стали именоваться «развитыми экономиками» (advanced economies). Но в этой новой группе «новые индустриальные страны Азии» являются особой подгруппой. Тем не менее, произошедшая ревизия в классификации стран мира позволила ряду исследователей сохранить название «новые индустриальные страны» лишь за странами более поздних волн, куда, таким образом, довольно уверенно вошла и Турция. Так, в одном из российских изданий новые индустриальные страны определяются как «государства, основу экономики и экспортного потенциала которых в результате динамичного хозяйственного развития в 70–90-е годы составили трудоемкие отрасли промышленности. В Юго-Вос-

точной Азии к их числу относятся Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины, в Западной Азии — *Турция* (здесь и далее курсив Н. У.), в Латинской Америке — Чили, Бразилия и др.»¹. Этой же позиции придерживаются и авторы некоторых зарубежных справочных изданий, которые по состоянию на 2007 г. относили к группе НИС, такие страны, как Мексика, Бразилия, Южная Африка, *Турция*, Индия, Китай, Таиланд, Малайзия, Филиппины. При этом категория НИС определялась как группа стран, экономики которых еще не достигли уровня промышленно развитых стран, но которые по макроэкономическим показателям обогнали развивающиеся страны. Кроме того, категориальными отличиями считались высокие темпы роста, как правило, экспорториентированной экономики и процесс индустриализации в начальной или продолжающейся стадии².

Между тем, сам МВФ, отнеся новые индустриальные страны Азии к числу развитых экономик, не присвоил статус НИС каким-либо новым государствам. По его классификации все вышеперечисленные в качестве НИС последующих поколений страны относятся к группе стран с формирующимися рынками и развивающихся стран (emerging (market) and developing economies)³.

Определенную осторожность с экстраполяцией статуса НИС на большую группу государств Азии и Латинской Америки проявляет и Институт мировой экономики и международных отношений РАН: он выделяет в группе развивающихся стран большую группу стран-экспортеров промышленных изделий, среди которых отдельное место занимает подгруппа, состоящая из четырех НИС первой волны. Прочие же страны — Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Таиланд, *Турция* и Филиппины — имеют общий статус экспортеров промышленных изделий⁴.

Институт географии РАН определяет новые индустриальные страны как группу развивающихся стран, в которых за последние десятилетия возник ряд отраслей промышленности (особенно наукоемкие отрасли), в результате чего они существенно расширили поставки промышленной продукции на мировой рынок. При этом предлагается несколько более широкий список НИС: Сингапур, Республика Корея, Тайвань, а также НИС второй волны Малайзия,

---

¹ Мировая экономика. Учебник под ред. А. С. Булатова. М., 2007. С. 847.

² См., например, http://en.wikipedia.org/wiki/Newly_industrialised_country

³ См., World Economic Outlook Database, April 2008. — www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/01/weodata/weoselagr.aspx

⁴ См.: Мировая экономика в эпоху глобализации. Прогноз ИМЭМО РАН до 2020 г. Приложение.

Таиланд, Филиппины. Но далее подчеркивается, «что некоторые ученые-географы относят к этой группе стран и наиболее развитые страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика и др.), но это не совсем верно». Таким образом, Турция в данную редакцию списка НИС, видимо, также не была включена.

При всем различии подходов к термину «новые индустриальные страны» даже те эксперты, которые предлагают в связи с переходом НИС первой волны в группу развитых государств передать данный статус новой группе стран-последователей, признают наличие существенных различий между Южной Кореей, Сингапуром, Гонконгом и Тайванем и государствами, которые они относят к НИС в новой ситуации.

Очевидно конкретный анализ этих различий, в данном случае при сравнении с НИС первой волны Турции, есть путь к пониманию реального уровня экономических достижений тех стран, которые, если и не приблизились к уровню НИС первой волны, то стремятся так или иначе повторить их успех. Следует отметить, что многие турецкие исследователи, анализируя успехи и проблемы в экономическом развитии Турции, сопоставляют ее именно с Южной Кореей. Так, известный турецкий экономист З.Ониш, рассматривая ход экономической либерализации в Турции, начавшейся в 1980-е годы, называл Южную Корею «государством-прототипом», а восточно-азиатскую модель экономического развития моделью-прототипом⁵.

Экспорториентированная индустриализация в странах НИС первой волны осуществлялась в несколько последовательных этапов. Первый из них, начавшийся в 1960-е годы, характеризовался тем, что в качестве основы для включения в систему международной конкуренции поначалу использовались сравнительные преимущества в трудоемких производствах таких, как текстильная, кожевенная промышленность, производство игрушек, изделий деревообрабатывающей промышленности. После первого нефтяного шока эти страны перешли к созданию капиталоемких и техноемких отраслей тяжелой промышленности — черной металлургии, судостроения, машиностроения, электротехники, словом, тех производств, в которых конкурентоспособность развитых стран снизилась ввиду высокой инфляции.

Наконец, нынешней этап характеризуется активным переходом к производству и экспорту высокотехнологичной (наукоемкой) продукции.

---

⁵ *Oniş Z. The State and Economic Development in Contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism and Beyond. С. 163, 171.*

В Турции начало индустриализации экспорториентированного типа, пришедшей на смену импортзамещению, относится к 1980-м годам. Экспорт страны, составлявший в 1983 г. 5,7 млрд. долл. в 2007 г. исчислялся 107,2 млрд. долл. При этом в 1983 г. доля промышленных товаров в общей стоимости экспорта составляла около 50 %, а в 2007 г. — 94 %⁶. Тем не менее, естественно ожидать некоторое отставание Турции от стран НИС первой волны с точки зрения преобладания определенного типа промышленной продукции в ее экспорте.

Подробное исследование структуры экспорта обрабатывающей промышленности Турции в конце 1980-х — середине 1990-х годов провел турецкий исследователь Я. Кепенек в своей работе «Некоторые технологические аспекты экспорта обрабатывающей промышленности Турции»⁷. Он использовал принцип классификации экспортной продукции, применяемый статистическими службами ОЭСР. В соответствии с этим принципом отрасли обрабатывающей промышленности на основе соотношения научно-исследовательских расходов и величины оборота подразделяются на высокотехнологичные, среднетехнологичные и низкотехнологичные. Одновременно в статистической практике ОЭСР обрабатывающие отрасли подразделяются на пять подгрупп: ресурсоемкую, трудоемкую, базирующуюся на навыках рабочей силы, дифференцированную и наукоемкую. Отрасли ресурсоемкой и трудоемкой подгрупп считаются низкотехнологичными, отрасли подгруппы, базирующейся на квалификационных навыках относят к среднетехнологичным, а отрасли дифференцированной подгруппы и наукоемкой — к высокотехнологичным. Структура турецкого промышленного экспорта, основывающаяся на выделении пяти вышеназванных подгрупп, представлена в таблице 1.

Таблица 1
Основные группы экспорта обрабатывающей промышленности Турции, (%)

Группа	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Ресурсоемкая	12,4	11,7	13,9	12,8	12,2	13,3	13,4	12,9
• пищевкусовая	9,2	8,6	11,0	10,7	10,6	11,3	11,5	11,3
• лесная	0,4	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4	0,4	0,3
• нефтепереработка	2,8	2,8	2,6	1,9	1,3	1,5	1,5	1,2

⁶ TOBB. İktisadi Rapor 1987. Ankara, 1988, с. 182, 189; TOBB. Ekonomik Rapor 2007. Ankara, 2008. С. 99.

⁷ *Kepenек Y.* Some Technological Aspects of the Turkish Manufacturing Exports During the 1990s. Maastricht, 1998. С. 7.

Таблица 1 (продолжение)

Группа	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Трудоемкая	44,8	46,2	45,9	47,5	47,2	44,9	46,2	44,9
• текстильная	21,5	20,6	21,0	21,4	20,7	22,0	21,5	22,5
• швейная	21,9	24,4	23,6	24,5	24,7	20,6	22,9	20,1
• обувная	0,9	0,8	0,9	1,0	1,1	1,4	0,9	1,1
• мебельная	0,4	0,4	0,4	0,5	0,7	0,8	0,9	1,2
Базирующаяся на квалификационных навыках	36,6	34,1	31,1	30,0	31,3	32,1	30,0	30,0
• бумажная	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	1,0	0,8	0,8
• химическая	12,4	9,2	7,6	6,7	6,0	6,2	6,0	6,1
• производство резины и пластмасс	1,7	1,2	2,0	2,2	2,1	2,3	2,6	2,5
• производство неметаллических изделий	3,2	3,9	4,4	4,3	3,7	3,7	3,6	3,8
• черная и цветная металлургия	16,7	16,9	13,8	12,5	15,5	15,0	11,9	11,1
• производство автотранспортного оборудования	2,0	2,3	2,6	3,4	3,3	3,8	4,9	5,5
Дифференцированная	4,6	5,1	5,9	7,3	7,2	7,6	8,5	10,0
• металлообработка	1,3	1,5	1,5	1,9	1,7	1,6	1,8	2,0
• неэлектрическое машиностроение	2,2	1,9	2,3	2,8	3,0	3,4	3,7	4,2
• электромашиностроение	1,1	1,7	2,1	2,6	2,5	2,6	3,0	3,8
Наукоемкая	1,6	2,8	3,1	2,4	2,0	2,0	1,9	2,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: INTECH. Kepenek Y. *Some Technological Aspects of the Turkish Manufacturing Exports During the 1990s*. Maastricht, 1998. С. 7.

Анализируя собранные данные, Я. Кепенек пришел к следующим выводам. На протяжении первой половины 1990-х годов доля отраслей ресурсоемкой и трудоемкой подгруппы оставалась стабильно высокой: на них приходилось свыше половины турецкого экспорта. Одновременно за исследуемый период снизился удельный вес подгруппы, базирующейся на использовании квалификационных навыков рабочей силы, в основном за счет химической промышленности и черной металлургии. В то же время экспорт транспортных средств, прежде всего, моторных, рос темпами более высокими, чем экспорт в целом, в результате чего его доля с 2% на начало периода повысилась до 5,5%. Обращает на себя внимание удвоение к концу периода удельного веса дифференцированной подгруппы, в основном за счет роста экспорта электрического машиностроения и электроники. Таким образом, темпы роста экспорта в данной подгруппе также

опережали общие. Но удельный вес наукоемкой группы оставался незначительным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Переходя к структурированию экспорта на основе выделения низкотехнологичных, среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей, вывод Я. Кепенек можно сформулировать следующим образом: турецкий промышленный экспорт в 90-е годы в основном оставался представленным продукцией низкого технологического уровня, но экспорт по отдельным позициям высоко и среднетехнологичных товаров рос быстрее, чем экспорт в целом, что свидетельствовало о возможности благоприятных структурных изменений в дальнейшем.

Используя данные, приведенные Я. Кепенек, несложно вычислить и собственно долю высокотехнологичной продукции в экспорте Турции, рассматриваемая ее как сумму долей дифференцированной и наукоемкой продукции: в 1996 г. она составила 12,2 %.

По данным официальных турецких источников в 1996 г. данный показатель составлял лишь 6,6 % экспорта продукции обрабатывающей промышленности (см. табл. 2).

Таблица 2
Структура экспорта обрабатывающей промышленности Турции

Вид продукции	1996	2000	2002	2006
Высокотехнологичная	6,6	7,8	6,2	6,0
Среднетехнологичная	20,1	40,9	47,1	55,4
Низкотехнологичная	73,3	51,3	46,8	38,7

Составлено по: Preliminary National Development Plan (2004–2006), С. 21 — <http://ekutup.dpt.gov.tr/plan/p-ndp.pdf>; Ninth Development Plan (2007–2013), 2008 Annual Programme, с. 159 — <http://ekutup.dpt.gov.tr/program/2008i.pdf>.

Следовательно после 1996 г. уверенного роста доли высокотехнологичной продукции не наблюдалось, так что и в 2005 г. Турция имела показатель в 6 %. В то же время данные таблицы 2 подтверждают уверенный рост удельного веса среднетехнологичных товаров — тенденцию, начало развития которой отмечал Я. Кепенек: их доля выросла с 20 до 55 %, что и стало основным фактором почти двукратного снижения доли низко-технологичных товаров с 73 до 38 %.

По данным Всемирного банка в 2006 г. доля высокотехнологичного экспорта в экспорте обрабатывающей промышленности Республики Кореи составил 32 %, для Сингапура 58 %, для Гонконга —

11 %⁸. Очевидно заметное отставание Турции от стран НИС первой волны по доле высокотехнологичной продукции в промышленном экспорте, который пока представлен в основном средне и низкотехнологичными товарами. Пребывание Турции на сравнительно более ранней стадии экспорториентированной индустриализации или, другими словами, специализация на производстве промышленной продукции с более низкой добавленной стоимостью, во многом объясняет и более низкую долю промышленности в ВВП по сравнению со странами НИС первой волны: если в Турции в 2006 г. по оценкам ВБ этот показатель составил 27 %, то в Республике Корея — 40 %, Сингапуре — 35 % и лишь в Гонконге — 9 % (2005). Что касается последнего показателя, то в Гонконге складывается новая хозяйственная структура, в которой все более выражено доминирует современный сектор услуг — в 2006 г. его доля в ВВП составила 91 %⁹. Более низкая величина добавленной стоимости производимой промышленной продукции при одновременно более архаичной структуре сектора услуг является одним из важных факторов отставания Турции по такому важнейшему агрегативному показателю экономического развития, как ВНД на душу населения: по оценкам ВБ данный показатель составил в Турции в 2006 г. по текущему обменному курсу 5 400 долл. США против 17 690 долл. в Корее, 28 730 долл. в Сингапуре и 29 040 в Гонконге, то есть правомерно говорить о 3–4-х кратном превосходстве стран НИС. При сопоставлении по паритетам покупательной способности (ППС) подушевой доход в 2006 г. составил в Турции 8 410 долл. против показателей для трех стран НИС первой волны соответственно 22 990 долл., 43 300 долл. и 39 200. То есть при сопоставлении данных по ППС разрыв составил уже 3–5 раз¹⁰.

Более низкая по сравнению с указанными странами НИС доля высокотехнологичной продукции в экспорте Турции и связанное с этим отставание по ряду других показателей, важных с точки зрения определения общего уровня экономического развития страны, является, как было отмечено выше, вполне ожидаемым результатом с учетом более позднего начала в Турецкой Республике индустриализации экспорториентированного типа. Вместе с тем встает вопрос: обусловлено ли отставание Турции исключительно сдвигом временных рамок в прохождении схожих с НИС этапов догоняющего развития? Иными словами, не является отставание Турции на пути

⁸ 2005 World Development Indicators. Wash, 2006. С. 314–316.

⁹ WB small data base. — <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ/showReport.do?method-showReport>.

¹⁰ WB small data base. — <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ/showReport.do?method-showReport>.

углубления и диверсификации экспортоориентированной индустриализации результатом дополнительных факторов объективного и субъективного свойства? По-видимому, и действие такого рода дополнительных факторов также проявилось.

Если численность населения Турции в 2006 г. по оценкам ВБ составила 68,6 млн. чел. (национальная статистика оценивала население страны в 70,5 млн. чел.¹¹), то в Республике Корея в том же году проживало 48,4 млн. чел., в Сингапуре — 4,5 млн. чел., в Гонконге — 6,9 млн. чел.¹² Таким образом, минимальное абсолютное превосходство Турции по численности населения составило 20 млн. чел., а максимальное относительное при сравнении с населением Сингапура — более 15 раз. Сравнительная малонаселенность стран НИС, а следовательно, ограниченная емкость внутреннего рынка, усугублявшаяся последовательным проведением жесткого курса на ограничение потребления частного сектора, делала для них выход на внешние рынки безальтернативной моделью развития, которая реализовывалась с жесткой последовательностью. Японский исследователь М. Соката писал, оценивая «восточноазиатское чудо»: «Но экономисты, восхищающиеся экономическими успехами этих стран, закрывают глаза на факт существования в них диктатуры или авторитарного режима, оправдывая это тем, что сильное государство было необходимо для мобилизации ограниченных ресурсов, их наиболее эффективного использования в интересах нации и для контроля за частным капиталом в целях экономического роста. Быстрый экономический рост в странах восточноазиатской модели не был случайностью, он был тесно связан с существованием диктатуры»¹³. Российский исследователь С. А. Былиняк, отмечал, что, взяв курс на развитие промышленности, ориентированной на экспорт, Южная Корея стала страной с одним из самых продолжительных рабочих дней в мире. Он достигал 12 часов при 7-дневной рабочей неделе. Осуществлялся жесткий контроль над рабочим и профсоюзным движением. Эта была обратная сторона быстрого экономического продвижения Кореи. Но иным путем совершить экономический рывок было невозможно. «Корейское «чудо» — это прежде всего итог точного расчета проду-

---

¹¹ ТОВВ. *Ekonomik Rapor* 2007. С. 126.

¹² WB small data base. — <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ/showReport.do?method-showReport>.

¹³ Соката М. Государственный капитализм или авторитарный режим: к вопросу о сущности «социалистической рыночной экономики» в Китае // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2003, Сер. 5, Вып. 2 (№ 13). С. 81.

манных жертв и соизмерения своих возможностей на каждом этапе развития» — резюмировал С. А. Былиняк¹⁴.

В Турции ситуация развивалась несколько иначе. Во-первых, более позднее начало перехода от импортзамещения к экспорториентированной модели само по себе, видимо, может быть объяснено сравнительно большей емкостью национального рынка и его способностью на более длительный период обеспечить жизнеспособность промышленного производства в расчете на своего потребителя. Во-вторых, сам выбор в пользу развития экспорта не сразу получил окончательный и необратимый характер. Идеолог турецкой либерализации Т. Озал, занявший в 1983 г. пост премьер-министра, «держал глаза открытыми» и вполне отдавал себе отчет, что успех задуманных им структурных преобразований, подобных тем, что проводились в НИС, требовал решительных мер, демократический характер которых не был безусловным. Именно в силу данного обстоятельства в работах турецких авторов можно встретить оценку методов деятельности Т. Озала на посту премьер-министра как авторитарных. Автор очерка об Т. Озале Р. Акар, опубликованного в книге «Турция в биографиях ее лидеров» отмечал: «Озал, защищая либерализм в экономике, в политике продолжал придерживаться авторитарной концепции»¹⁵.

Приверженность Озала использованию полуавторитарных методов управления подтверждается, в том числе, тем фактом, что он довольно неохотно отказывался от ограничений, которые правительство военных, находившееся у власти в 1980-1983 гг., наложило на рабочее движение. В большой мере сохранению этих ограничений способствовал пятилетний запрет на политическую деятельность для ее наиболее значимых до 1980 г. акторов. Турецкая исследовательница А. Бугра в качестве одной из основных особенностей периода Т. Озала отмечала наличие существенных препятствий для деятельности рабочих организаций в силу оказывавшегося на них значительного политического и идеологического давления. Только после 1988 г. в Турции были открыты возможности для активизации забастовочного движения. Основания опасаться недовольства наемных рабочих у правительства Т. Озала были: премьер твердо придерживался линии на снижение реальной заработной платы. Необходимость сдерживания ее роста была более чем очевидна в условиях перехода к экспорториентированной стратегии роста, основанной на выво-

¹⁴ Былиняк С.А. Адаптация к мировому хозяйству: опыт Азии и российские проблемы. М., 1998. С. 21.

¹⁵ Akar R. Turgut Özal. Özal'a 488 Yıl Geriden Bakmak // *Homopolitikus. Lider Biografilerindeki Türkiye*. İstanbul, 2001. С. 216.

зе трудоемких товаров. На мировом рынке конкурентоспособность малоознакомой и часто еще не в полной мере соответствовавшей его требованиям по уровню качества продукции могла обеспечить лишь низкая цена. От тактики снижения реальной заработной платы правительство Т. Озала отказалось лишь однажды в сугубо популистских целях в 1987 г., который был годом очередных парламентских выборов. В итоге А. Бугра констатировала, что за период с 1978–1979 гг. по 1988 г. рост реальной заработной платы в промышленности на 32 % отстал от роста потребительских цен¹⁶.

Придерживаясь в сфере оплаты труда политики, которая, казалось бы, не оставляла шансов на поддержку наемных работников, Озал сумел найти некие механизмы для обеспечения баланса интересов. Турецкий экономист и социолог К. Боратав отмечал, что период правления Т. Озала стал годами, когда в отношении народных масс проводилась политика «однобокого» популизма. Эта политика была, в первую очередь, адресована городской бедноте. Механизмы для ее проведения во многом были обеспечены тем обстоятельством, что на протяжении 1984 г. значительная часть городских муниципалитетов перешла под более или менее полный контроль Партии Отечества. Суть этой политики заключалась в том, что переселенцам из сельской местности, которые стихийно возводили бедняцкие кварталы — *геджеконду*, считавшиеся ранее незаконными постройками, предоставлялись права на владение возведенной недвижимостью или в их интересах проводились юридические амнистии по фактически появившемуся жилью, или выдавались разрешения на строительство, не предусмотренное планами развития городов. По мнению К. Боратава, цель этой политики заключалась в том, чтобы, лишив эту массу жителей собственного классового сознания, создать из них многочисленную группу поддержки программы и идеологии капитала, читай Партии Отечества¹⁷.

Добившись благодаря искусному маневрированию между группами интересов успехов по многим направлениям социально-экономической политики, правительство Т. Озала вопреки своим горячим предвыборным обещаниям так и не смогло решить проблему инфляции. Продолжавшийся рост цен стал одной из основных экономических проблем, снизивших популярность Партии Отечества на очередных парламентских выборах 1987 г, когда она сумела набрать

---

¹⁶ *Buğra A. Kapitalizm, Yoksulluk ve Türkiye’de Sosyal Politika. İstanbul, 2008. С. 200.*

¹⁷ *Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi. С. 153.*

32,7% голосов против 43% на выборах 1983 г.¹⁸ Тем не менее, Т. Озалу вновь удалось возглавить кабинет министров страны. Но цены продолжали расти: годовой уровень инфляции по состоянию на начало января 1988 г. достиг 60%, а по состоянию на июнь 1988 г. — уже 67%. Поэтому правительство было вынуждено предпринять очередную попытку повысить сбалансированность государственных финансов. Определенные успехи в этом отношении были достигнуты: бюджетный дефицит по итогам 1987 г. составил 4,8% ВВП. Но снижение темпов роста денежной массы привело к сжатию внутреннего рынка и сокращению темпов роста в 1988 г. до 1,5% против 9,8% в 1987 г. При этом антиинфляционный эффект экономической политики не был достигнут — среднегодовой уровень инфляции составил почти 70%¹⁹. Экономика страны вступила в период стагфляции: падение темпов роста производства сопровождалось дальнейшим развитием инфляционного процесса. Главным «виновником» инфляции, сопряженной со спадом, стала инерция хозяйственных агентов: опыт предшествующих лет жизни в условиях постоянного роста цен убеждал в правомерности ожидания дальнейшего удорожания использовавшихся факторов производства. Поэтому устойчивые инфляционные ожидания продолжали тянуть цены вверх даже спустя некоторое время после предпринятых мер по ограничению прироста денежной массы.

В 1989 г. произошло падение стоимости экспорта. И хотя его абсолютные размеры не были значительны, тем не менее, в отличие от эпизодических снижений экспорта, имевших место в предшествовавшие годы и объяснявшихся колебаниями конъюнктуры мирового рынка, снижение 1989 г., грозило перерасти в долгосрочную тенденцию. Дело в том, что высокие темпы роста экспорта на протяжении 80-х годов в большой мере обеспечивались за счет субсидирования экспортеров государством. Дальнейшее проведение этой политики становилось невозможным в связи с принятием Турцией обязательств в рамках ГАТТ и подготовкой к вступлению в таможенный союз ЕС. Сокращение объемов финансовой поддержки экспортеров в конце 80-х годов стало основной причиной последующего снижения темпов роста экспорта.

Таким образом, к концу 80-х годов экономика Турции столкнулась с двумя проблемами: вступлением в период стагфляции и сложностями в дальнейшем наращивании экспорта. Если в качестве быстрого выхода из состояния стагфляции экономическая теория

---

¹⁸ Подсчитано по: Türkiye İstatistik Yılığ 2000. Ankara, 2001. С. 190.

¹⁹ См. *Ульченко Н. Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации. С. 7–8.

предлагает обращение государства к проведению стимулирующей фискальной политики, предполагающей рост государственных расходов, то снижение темпов роста экспорта еще более актуализировало переход к модели роста, в большей мере ориентированной на емкость внутреннего рынка. В результате со второй половины 1989 г. правительство пошло по пути увеличения реальной заработной платы, и тем самым — расширения внутреннего рынка и поддержания экономического роста за счет не только и не столько экспорта, но и внутреннего спроса.

Кроме названных выше причин внесения изменений в стратегию роста следует обратить внимание на некоторые дополнительные факторы. Известный турецкий экономист З. Ониш подчеркивал, что политика длительного лоббирования экспорта к концу 1980-х гг. привела к росту антиправительственных настроений у части экономических агентов, интересы которых были связаны с внутренним рынком: части национальной промышленной буржуазии, не занимавшейся экспортными операциями, сельских производителей, положение которых ухудшилось из-за ослабления финансовой поддержки аграрного сектора, наемных рабочих. По мнению З. Ониша, важную роль в пересмотре экономической политики в конце 80-х годов сыграл и процесс реставрации демократического режима, в результате чего в 1991 г. начался новый наступательный раунд борьбы профсоюзов, когда в преддверии парламентских выборов они настойчиво требовали повышения реальной заработной платы. Давление на власти по вопросу о заработной плате З. Ониш рассматривал как «важный фактор на макроэкономической арене», обусловленный наличием в Турции институциональной структуры, в рамках которой, по крайней мере, в государственном секторе экономики, наблюдалось фактическое доминирование профсоюзов. Суммируя сказанное, З. Ониш констатировал сложность проведения политики экспорториентированного развития в стране, подобной Турции, с емким внутренним рынком²⁰ и, добавим, — с частично сформировавшимися демократическими традициями. Усиление в начале 90-х годов партий — политических конкурентов Партии Отечества и их приход к власти в начале 90-х были связаны именно с тем, что им удалось привлечь голоса части экономически активного населения, испытавшей на себе негативные последствия экспорториентированного развития.

---

²⁰ *Öniş Z.* The political economy of export-oriented industrialization in Turkey // Turkey: political, social and economic challenges in the 1990s. Leiden, 1995. С. 117–118.

В итоге, 1989 г. стал поворотным моментом в макроэкономической политике Турции: правительство встало на путь проведения стимулирующей фискальной политики: реальная заработная плата начала повышаться, а дисбаланс в системе госфинансов усиливаться.

Стремление повысить темпы роста экономики посредством расширения емкости внутреннего рынка отодвинуло на второй план задачу снижения инфляции: речь шла уже не столько о балансе между темпами роста и макроэкономической стабильностью, сколько о безоговорочном выборе правительства в пользу первых.

В конце 1989 г. Т. Озал стал президентом Турецкой Республики. И видимо, совсем не случайно уход Озала совпал с изменением самого стиля экономической политики: искусство виртуозного компромисса, сочетавшее популистские уступки со стратегическим курсом на структурную перестройку экономики, сменилось открытым и зачастую опасным по своим последствиям экономическим популизмом. Больше не удавалось достичь договоренности с профсоюзами и сдерживать их натиск в борьбе за повышение заработной платы. В итоге, если в 1991–1992 гг. норма сбережений составляла в Гонконге 30 %, Южной Корее 35 %, В Сингапуре — 47 %, то в Турции в 1993 г. — менее 23 %²¹.

Таким образом, наличие альтернативных возможностей развития, проистекавших из сравнительно емкого внутреннего рынка и при этом активно лоббировавшихся демократической традицией, которая ограничивала возможности нейтрализации рабочего движения и действовала в пользу включения в тактику правительств популярных экономических мер, привели к ослаблению на рубеже 1980–90-х ориентации Турции на экспорт, замедлили его дальнейшую структурную диверсификацию.

Политика удержания государственных расходов на высоком уровне продолжалась вплоть до 1998 г., несмотря на то, что в 1994 г. страна пережила валютно-финансовый кризис.

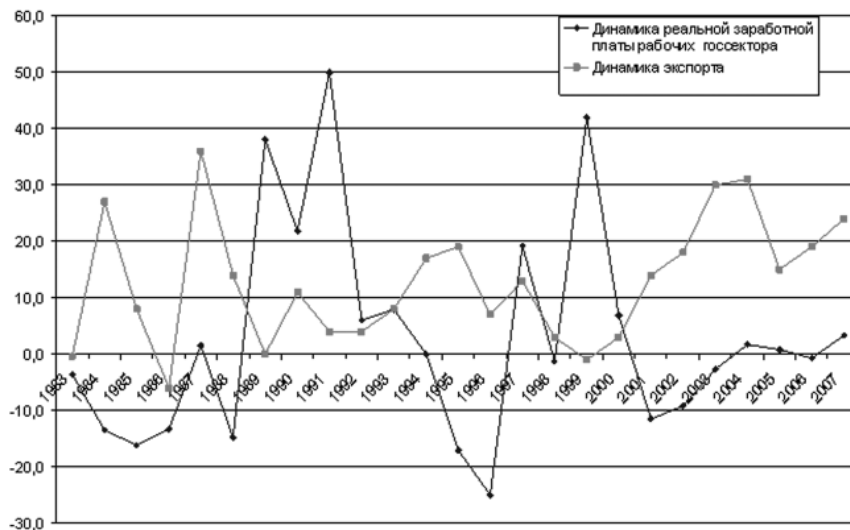
В 2001 г. после нескольких попыток финансовой стабилизации Турция вновь пережила валютно-финансовый кризис, основными причинами которого стала неудавшаяся попытка преодоления сформировавшейся еще в начале 1990-х годов на фоне хронической потребности госсектора в дефицитном финансировании зависимости национального финансового рынка от динамики притока краткосрочного иностранного капитала. В период относительно устойчивой финансовой стабилизации страна вступила в 2002 г.

---

²¹ *Иноземцев В. Л.* Пределы «догоняющего развития». М., 2000. С. 168–169; См. *Ульченко Н. Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации. С. 221.

Периоды ослабления внимания к развитию экспорта в экономической политике страны синхронизируются с периодами повышения реальной заработной платы, то есть расширения внутреннего рынка, и наоборот (см. график 1).

*График 1
Динамика экспорта и реальной заработной платы
рабочих государственного сектора*

Кроме сравнительно менее прочной приверженности Турции развитию экспорта, следует отметить и меньшую по сравнению со странами НИС первой волны продолжительность устойчивого экономического роста экспортоориентированного типа, охватившая всего лишь 13 лет (1981–1993) против 30 лет в среднем для стран НИС первой волны (1966–1996). Данное обстоятельство также следует учитывать среди факторов сравнительного отставания Турции.

Каковы перспективы дальнейшего развития Турции? Обладает ли страна возможностью дальнейшего продвижения в рамках модели догоняющего развития, предложенной НИС первой волны, или же ее удовлетворяет имеющийся на сегодня статус страны экспортера промышленных изделий невысокого технологического уровня?

Признавая несомненные успехи Турции в области финансовой стабилизации (рост цен на потребительские товары в 2007 г. составил 8,75%, дефицит бюджета центрального правительства — всего 1,6% ВВП), следует попытаться выявить источник удивительного

сочетания в турецкой экономической модели успехов стабилизационной политики и экономического роста. При общих позитивных макроэкономических тенденциях, большую настороженность вызывает стремительно растущий дефицит по счету текущих операций платежного баланса. Данный показатель имел более, чем скромные значения в 2002 году — около 1,5 млрд. долл. Неуклонно повышаясь, он достиг в 2006 г. 31,9 млрд., а в 2007 г. — 37,6 млрд. долл.

Нынешнюю политику экономического роста турецкие экономисты определяют как «политику высоких процентных ставок и низкого валютного курса». Центральный банк Турецкой Республики (ЦБР) использует процентную ставку в качестве важного инструмента достижения финансовой стабилизации и контроля над инфляцией. В результате у турецких инвесторов сформировалось устойчивое предпочтение в пользу иностранного рынка при поиске привлеченных источников. Лишившись из-за высоких ставок банковских институтов в качестве источника инвестиций, турецкие предприниматели ищут ресурсы на фондовом рынке, который активно привлекал и привлекает из-за рубежа «горячие деньги». Доходность стамбульской биржи для иностранных инвесторов составила к концу 2007 г. 76%. Притягиваемый высокими доходами и одновременно не вызывающими беспокойства макроэкономическими показателями иностранный капитал, в первую очередь, спекулятивный охотно приходит на турецкий рынок, обеспечивая удержание на низком уровне курса турецкой лиры, что также обеспечивает свой вклад в антиинфляционную политику. Но одновременно происходит и дальнейший рост импорта, увеличивающий потребность экономики страны во внешних источниках финансирования.

Сегодня в Турции основной заемщик краткосрочных средств — частный сектор. Его долг данной категории срочности с 15 млрд. в 2002 г. вырос до 40 млрд. в 2006 г. при одновременном росте удельного веса краткосрочной задолженности в общей сумме внешнего долга страны с 13% до 20%. По итогам 2007 г. краткосрочная задолженность увеличилась до 41 млрд. долл., хотя ее удельный вес снизился до 17%. Одновременно объем среднесрочного и долгосрочного долга частного сектора вырос к 2006 г. с 29 млрд. долл. в 2002 г. до 82 млрд., а его доля в данном виде внешней задолженности — с 26% до 50%. В 2007 г. объем среднесрочной и долгосрочной задолженности частного сектора составил уже 121 млрд. долл., а ее удельный вес — почти 60%²². Таким образом, урегулирование проблемы госдолга происходило одновременно с нарастанием долговых проблем в час-

---

²² Подсчитано по: TOBB. Ekonomik Rapor 2007. Ankara, 2008. С. 122.

тном секторе страны. Привлекаемые им средства способствовали ускорению экономического роста.

Частично проблему быстрого роста задолженности частного сектора облегчает беспрецедентный рост прямых иностранных инвестиций: в 2006 г. их чистый приток составил 19 млрд. долл. против 9 млрд. в 2005, а по итогам 2007 г. — 20 млрд.²³ Но как справедливо отметил в своем выступлении председатель Союза турецких палат и бирж Р. Хисарджиоглу, даже если пока удастся профинансировать столь значительный дефицит по счету текущих операций, в будущем это создаст проблемы. То есть Турция будет оставаться весьма чувствительной к конъюнктурным колебаниям мирового рынка, влияющим на поведение как спекулятивных инвесторов, так и кредитных институтов. Поэтому предотвращение развития очередного валютно-финансового кризиса требует от Турции привнесения определенных новых моментов в экономическую, прежде всего, промышленную политику. Турции надлежит решить давно назревавшую проблему повышения добавленной стоимости экспортной промышленной продукции, перехода к поставкам на внешний рынок более дорогостоящих изделий и урегулирования на этой основе проблемы дефицитности внешней торговли и текущего счета платежного баланса.

Собственно данная задача в качестве одной из важнейших была официально поставлена Девятым планом экономического развития Турции (2007–2013).²⁴ Впервые в экономической истории Турецкой Республики в текст плана включен раздел под названием «Обеспечение в промышленности и сфере услуг сдвига в пользу продукта с высокой добавленной стоимостью», в котором подчеркивалось: «Главная задача — увеличить долю продукта с высокой добавленной стоимостью с целью повышения конкурентоспособности экономики и достижения более высокой доли в мировом экспорте». Следует обратить внимание на реализм в подходе к решению этой задачи: речь не шла идет о труднореализуемой структурной перестройке в экономике Турции за счет повышения удельного веса отраслей, изначально характеризующихся высокой добавленной стоимостью. Напротив, основной акцент предлагалось сделать на усложнении продукции, которая производится в рамках сложившихся «традиционных» от-

---

²³ ТОВВ. *Ekonomik Rapor* 2007. С. 115.

²⁴ Планы развития разрабатываются официальным органом Турецкой Республики — Государственной плановой организацией (*Devlet Planlama Teşkilatı*), которая была создана в начале 1960-х годов, когда в соответствии с вновь принятой турецкой Конституцией 1961 г. принцип планирования был положен в основу экономического развития страны.

раслей обрабатывающей промышленности Турции — текстильной, швейной, кожевенной, черной металлургии, автомобилестроения, производстве бытовой техники. Например, в плане отмечалось, что «в текстильной, швейной и кожевенной промышленности будет поощряться производство продукции многоцелевого назначения, которое, в том числе, предполагает использование передовых технологий и проведение научно-исследовательских работ. В этих отраслях конкурентоспособность будет поддерживаться за счет быстрого реагирования на новые тенденции моды, участие в формировании моды и диверсификации продукции посредством разработки собственных дизайнерских предложений». На основе разработки собственного дизайна намечалось при поддержке государства разработать оригинальные потребительские товары в таких отраслях, как текстильная, швейная, кожевенная, производство керамических изделий, изделий из стекла, предметов мебели и ювелирных украшений. В этих целях планировалась подготовка квалифицированных дизайнеров, поддержка создания национальных и международных товарных марок, оказание экспортерам консультационных и маркетинговых услуг.

Поддержка научно-исследовательских разработок в целях создания высококачественной продукции с высокой долей добавленной стоимостью планировалась и в сталелитейной промышленности.

Кроме того, план предусматривал превращение Турции в один из крупнейших центров по производству средне и высокотехнологичной продукции автомобилестроения, бытовой техники, машиностроения и электроники.

Что касается автомобилестроения, то его планировалось превратить в отрасль, производящую продукцию с высокой добавленной стоимостью, имеющую достаточный уровень конкурентоспособности, ориентированную на экспорт в развитые страны и имеющую достаточный уровень научно-технического обеспечения. В плане подчеркивалась важность тесного сотрудничества между основными и вспомогательными производствами, начиная с разработки концепции и дизайна автомобиля.

В электронной промышленности в целях обеспечения производства продукции с высокой добавленной стоимостью предполагалось расширить номенклатуру производимых компонентов продукции, сочетать усилия по улучшению дизайна с использованием современных форм контроля качества, осуществлять в приоритетном порядке научно-исследовательские работы.

Кроме того, к числу отраслей, требующих использования знаний и новых технологий, и которые при этом имеют перспективы развития в Турции были отнесены оборонная промышленность, авиаци-

онная, космическая, химическая отрасли и генетические исследования для растениеводства.

Планировалось за счет кредитной поддержки Эксимбанка расширить экспорт турецких инвестиционных товаров на рынки стран Среднего Востока, Африки, тюркских республик СНГ и стран Европы, не являющихся членами ЕС.

Предполагалось уделить особое внимание возможностям развития тех отраслей, в которых страны ЕС теряют свое преимущество, демонстрируя стремление к перемещению производства в другие страны.

Хотя в тексте плана многократно подчеркивалась важность научно-исследовательской деятельности, признавалось и то, обстоятельство, что решить эту задачу Турции будет непросто: в 2002 г. доля расходов на научно-исследовательскую деятельность составляла 0,67% ВВП, что являлось достаточно низким показателем: например в Республике Корея за период с 1996 по 2002 гг. средние значения этого показателя составили 2,53%, в Сингапуре — 2,15% и лишь в Гонконге — 0,6%²⁵. Даже с учетом того, что после 2005 г. государственное финансирование по данному направлению существенно увеличилось, доля расходов на НИОКР оставалась ниже 1% ВВП. В 2002 г. численность исследовательского персонала с полной занятостью составляла в Турции 13,6 человек на 10 тыс. занятых против 66,6 в странах ОЭСР. При этом свыше 70% исследователей работали в университетах, тогда как в развитых странах аналогичная доля исследовательского персонала работает в частных компаниях.

Что касается тактики реализации намеченной стратегии, то можно назвать следующие наиболее важные шаги. К 2010 г. ожидается повышение доли расходов на НИОКР до 2% ВВП. Для поощрения научно-исследовательской деятельности компании, работающие в составе так называемых зон технологического развития, освобождены от налогов на прибыль и добавленную стоимость до 2013 г. Что касается других компаний, то они имеют скидки по уплате указанных налогов в размере 40% расходов на НИОКР.

В 2007 г. специальным циркуляром премьер-министра был учрежден Комитет по повышению конкурентоспособности промышленности. Цель его деятельности — выявление общих проблем промышленного развития и проблем отдельных отраслей, разработка конкретных предложений и общих контуров промышленной политики, осуществление специальных исследований и обеспечение пос-

---

²⁵ 2005 World Development Indicators. С. 314–316.

тоянного контакта с заинтересованными представителями государственного и частного сектора.

Кроме того, в целях повышения конкурентоспособности признавалась целесообразность дальнейшего развития кластерного подхода и разработка общих контуров кластерной политики.

Определенную роль в решении поставленных задач должно сыграть Общество научным и техническим исследованиям Турции (TÜBİTAK), задача которого состоит в контроле и координации фундаментальных и прикладных исследований в научных центрах страны. В 2005 г. под его эгидой начала реализовываться программа Исследовательская деятельность в Турции, которая предусматривает сбор информации и разработку планов деятельности в рамках таких проектов, как «Государственная поддержка научно-исследовательской деятельности», «Поддержка научно-исследовательской деятельности в промышленности», «Поддержка научно-исследовательской деятельности в оборонной и космической промышленности» и др.

Учитывая высокий удельный вес малых и средних предприятий в общей численности производственных единиц в промышленности, для Турции исключительно важное значение имеет поддержка данной группы предприятий с целью предоставления им возможностей для выхода на производство технологически более сложной продукции, то есть продукции с более значительным компонентом добавленной стоимости. Одним из аспектов такой поддержки является создание организованных промышленных зон и малых промышленных зон (комплексов). Предоставляя возможности для создания лучших условий для производства, они одновременно позволяют придать регулируемый характер процессам индустриализации и урбанизации, снизить отрицательное воздействие промышленного производства на окружающую среду. К концу 2006 г. при кредитной поддержке Министерства промышленности и торговли было завершено сооружение 93 организованных промышленных зон и 403 малых промышленных комплексов. К концу 2007 г. предполагалось завершить строительство 10 зон и 14 комплексов²⁶.

В целях удовлетворения нужд малых и средних предприятий признавалась необходимость дальнейшего совершенствования системы их поддержки, в том числе, укрепления бюджета одного из основных государственных институтов, призванных решать данную задачу — Управления по поддержке малых и средних предприятий

---

²⁶ Ninth Development Plan (2007-2013), 2008 Annual Programme. С. 158 — <http://ekutup.dpt.gov.tr/program/2008i.pdf>.

(КОСГЕВ, КОСГЕБ). Представление о масштабах предоставляемой им финансовой помощи дает таблица 3.

Таблица 3

Объемы финансовой помощи, предоставляемой КОСГЕБ малым и средним предприятиям Турции, млн. новых тур. лир

	2004	2005	2006
Помощь, предоставленная на основе возвратности	53	56	6
Безвозвратная помощь	91	38	30
Всего	144	94	36

Составлено по: *Ninth Development Plan (2007–2013), 2008 Annual Programme*. С. 160 — <http://ekutup.dpt.gov.tr/program/2008i.pdf>

Годовая программа-план на 2008 г., разработанная в рамках девятого плана экономического развития, предусматривала следующие мероприятия, направленные на повышение промышленного экспорта, особенно среднетехнологичной и высокотехнологичной продукции. Во-первых, предоставление КОСГЕБ льготных кредитов на инвестиционные цели 100 предприятиям малой и средней промышленности, занятым в средние и высокотехнологичных отраслях. Помимо основной суммы кредита в 100 тыс. новых турецких лир на инвестиционные цели КОСГЕБ брал на себя обязательство предоставить каждому из 100 предприятий кредит в 10 тыс. новых турецких лир на цели развития экспорта, повышения качества, использование новых технологий, разработку бренда. Во-вторых, планировалась начать реализацию решения о создании Турецких торговых центров за рубежом с целью оказания содействия выходу и дальнейшему закреплению на зарубежных рынках позиций турецких производителей инвестиционных товаров. В-третьих, предполагалось увеличить кредитные ресурсы Эксимбанка, расширить набор используемых им финансовых инструментов, ввести в действие программы среднесрочного кредитования, страхования и предоставления экспортных гарантий. При этом предполагалось особое внимание уделить таким вопросам, как доступность кредитов для малых и средних предприятий, разработка собственных торговых марок в рамках реализации программы Турецкое качество²⁷.

Что касается успехов в реализации намеченной программы, то в тексте Годовой программы на 2008 г. отмечалось, что с интеграцией в мировое хозяйство таких стран, как Индия и Китай, которые

²⁷ *Ninth Development Plan (2007–2013), 2008 Annual Programme*. С.159 — <http://ekutup.dpt.gov.tr/program/2008i.pdf>.

отличаются низкой стоимостью рабочей силы, конкуренция, основанная на снижении издержек производства, стала весьма затруднительной. В результате такие традиционные отрасли, как текстильная, швейная и кожевенная, начиная с 2002 г., испытывают значительные сложности в наращивании объемов производства²⁸. Следовательно, можно говорить о том, что стратегия увеличения стоимости продукции низкотехнологичных трудоемких отраслей себя в полной мере не оправдывает, тем более в условиях как периодически проявляющейся в Турции тенденции к повышению реальной заработной платы, так и ее удержания на чрезвычайно низком уровне в названных странах. И действительно, по оценкам Всемирного банка, средняя годовая стоимость рабочей силы в расчете на одного рабочего еще в 1995–1999 гг. составляла в Турции в около 8 тыс. долл. против 729 долл. в Китае и 1192 долл. для Индии²⁹.

В то же время отмечалась тенденция роста как производства, так и экспорта в среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслях турецкой промышленности: автомобилестроении, машиностроении, электронике и бытовой техника. Рост их вывоза на мировые рынки наблюдался все последние годы, хотя в электронной промышленности в 2006 и 2007 г. его поддержать не удалось.

Отмеченные тенденции подтверждаются и данными таблицы 2, но пока можно говорить лишь о первых успехах Турции на пути изменения структуры промышленного экспорта. Но важность задачи в полной мере осознана турецкой элитой, которая активно предпринимает конкретные шаги по ее решению. Возможно, на нынешнем этапе дополнительный шанс на успех Турции дает жесткое отсутствие альтернатив развития: обостряется проблема дефицита по счете текущих операций и при этом крайне важно избежать неоднократно повторявшегося болезненного опыта валютно-финансовых кризисов, отсутствуют эффективные способы решения данной задачи за счет сырьевого или сельскохозяйственного экспорта. Так что следует ожидать продвижения Турции по пути усложнения и удорожания основных товаров национального экспорта, а значит, и более уверенного приближения к статусу новой индустриальной страны в его классическом понимании.

---

²⁸ Ninth Development Plan (2007-2013), 2008 Annual Programme. С. 167–168 — <http://ekutup.dpt.gov.tr/program/2008i.pdf>.

²⁹ 2000 World Development Indicators. Was., 2001. С. 58–60.

ТУРЕЦКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Основным содержанием современного этапа развития подавляющего числа освободившихся государств является решение задач, связанных с преодолением отсталости и переводом хозяйства, все еще отмеченного многими традиционными чертами, на современную индустриально-техническую основу. Каждая страна в зависимости от внутренних и внешних условий, исторических и культурных традиций, обеспеченности ресурсами и демографическими особенностями решает эти задачи, используя апробированные в развитых и наиболее продвинутых развивающихся странах модели открытых рыночных экономик.

Спецификой Турции было то, что она много раньше других бывших колоний и полуколоний взяла курс на независимое политическое и экономическое развитие и ее экономика на некоторое время оказалась в условиях, близких к автаркии, опираясь преимущественно на внутренние ресурсы и рынок. Другой отличительной чертой Турции было то, что обретение ею независимости сопровождалось сменой цивилизационной модели. Она стала первым в мусульманском мире светским государством, целью которого была объявлена вестернизация и модернизация по образцу Запада с тем, чтобы, как говорил первый президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль (Ататюрк), «возвысить свое бытие до уровня наиболее развитых и цивилизованных стран»¹.

Создание условий для достижения этой цели в мусульманской стране, недавней полуколонии, потребовало кардинальной ломки всех прежних устоев, внедрения новых общественно-политических и экономических норм и институтов. В первые десятилетия Республики в Турции были осуществлены радикальные преобразования, направленные на ликвидацию прежней феодально-теократической системы, базировавшейся на исламе и шариатском праве. Не менее решительно осуществлялись меры по устранению иностранных колониальных институтов, в первую очередь таких, как Управление Османского долга, контролировавшего налоговую систему стра-

---

1 *Ülken Y. Atatürk ve iktisat // Atatürkçü düşünce. Ankara, 1992. С. 991.*

ны, Оттоманского банка, выполнявшего эмиссионные и казначейские функции. Был осуществлен выкуп принадлежавших иностранному капиталу инфраструктурных и коммунальных предприятий, ограничено число филиалов иностранных банков. Тем самым было существенно ослаблено влияние на турецкую экономику западного капитала, подорваны позиции сотрудничавшей с ним инациональной буржуазии. Одновременно с секуляризационными и антиколониальными преобразованиями создавалась правовая база путем адаптации к турецким условиям западного законодательства, что было особенно важно для становления турецкого частного предпринимательства. Для экономики страны, основой которой было отсталое сельское хозяйство, событием первостепенной важности стало упразднение в 1925 г. исламской десятины — налога ашар — и откупной системы сбора налогов, которая была одной из главных причин застоя сельского хозяйства в османский период. Среди первых мер, направленных на его развитие, было преобразование Сельскохозяйственного банка, превращенного в главный институт, решавший задачи по вытеснению из аграрной сферы ростовщиков и торговых посредников, расширению прямого кредитования крестьянских хозяйств и повышению их товарности через созданную сеть кредитных и сбытовых кооперативов, а также структур по материально-техническому обеспечению и обслуживанию аграрного сектора.

По инициативе и при непосредственном участии Мустафы Кемала в 1924 г. был создан Деловой банк, на который были возложены задачи по «оказанию содействия формированию турецкого капиталистического класса»², и который стал крупнейшим финансовым институтом страны как по масштабам кредитных операций, так и по учредительской деятельности. Позднее с его участием был создан ряд национальных страховых компаний, банков, промышленных и других предприятий. Важное значение было придано подготовке условий для создания национальной промышленности. В 1928 г. был издан Закон о поощрении промышленности, предоставивший инвесторам существенные льготы: бесплатное выделение земельного участка до 10 га, освобождение от налогов и пошлин, скидки при транспортных перевозках и другие привилегии. С первых лет Республики государство приступило к строительству железных и шоссейных дорог, необходимых для развития торговли с соседними государствами и создания единого национального рынка.

Вплоть до середины 1929 г. турецкая экономика оставалась открытой, но ее возможности проводить самостоятельную торгово-экономическую политику были ограничены условиями Лозаннского

---

² ODTÜ. Planning in Turkey. Ankara, 1967. С. 14.

мирного договора, в частности Турция не могла повышать установленные в 1916 г. низкие импортные пошлины. Как и в османский период, конкуренция иностранных промышленных товаров, которые абсолютно преобладали в турецком импорте, продолжала препятствовать развитию местного промышленного производства.

Низкий уровень развития производительных сил, общая слабость и зависимость турецкой экономики от внешнего рынка с особой силой проявились в условиях мирового экономического кризиса (1929–1933). Падение мировых цен на сельскохозяйственную продукцию — основную тогда статью турецкого экспорта, состоявшего из ограниченного числа товаров, выручка от которого шла на оплату импорта промышленных товаров, — имело для Турции разрушительные последствия. После принятия защитительных мер, предельно ужесточивших внешнеторговое и валютное регулирование, развитие турецкой экономики было переведено на закрытый режим, который с небольшими послаблениями, введенными в 50-е годы, действовал до начала 80-х годов. Эти меры рассматривались как условие создания национальной промышленности, которое стало для Турции безотлагательной задачей. За ее решение при слабости частного предпринимательства взялось государство. На бюджетные средства были созданы отраслевые банки (Сумербанк, Этибанк и другие), наделенные широкими функциями по организации и финансированию строительства промышленных предприятий, обеспечению их необходимым оборудованием и сырьем, рабочей силой, осуществлению сбыта произведенной продукции. В рамках пятилетнего промышленного плана (1933–1937) было построено около 20 предприятий в легкой и обрабатывающей отраслях, ориентированных на использование местного сырья. Они позволили сократить импорт и снизить остроту внутреннего спроса на ряд товаров потребительского и производственного назначения — текстиля, изделий из стекла и керамики, строительных материалов, химикатов, цемента, металлургической продукции и некоторых других изделий. Активная деятельность государства по созданию промышленности, наряду с продолжением начатого ранее дорожного и другого инфраструктурного строительства, способствовала развитию других отраслей хозяйства. С появлением предприятий легкой промышленности расширились посевные площади под хлопком, сахарной свеклой и другими техническими культурами; возросла добыча минерального сырья (каменного угля, железной руды и других полезных ископаемых). Политика этатизма в целом отвечала интересам развития частного сектора, за которым с введением импортных ограничений был закреплен внутренний рынок, создались условия для

расширения предпринимательской деятельности, в том числе в промышленности.

Многие частные фирмы были привлечены к выполнению государственных заказов и подрядов. Вместе с тем политика этатизма с ее жестким регулированием и регламентированием, которое не ограничивалось внешней торговлей и было распространено также и на внутренний рынок, сковывало частную инициативу. Имело место некоторое сокращение численности частных предприятий, прежде всего в отраслях, где создавались госпредприятия. Число частных предприятий, на которые распространялся Закон о поощрении промышленности, в 1939 г. снизилось до 1144 против 1472 в 1932 г., а в 1941 г. — до 1052³. Политика государства была по-прежнему направлена на поддержку частного бизнеса. В 1938 г. был создан государственный Народный банк, который должен обеспечивать кредитом малые и средние предприятия, образующие основную массу предприятий в частном секторе. Но его капитал был невелик, и он не мог справиться с этой задачей. Мобилизуемые при помощи налогов и внутренних займов финансовые ресурсы, сконцентрированные в госбюжете и в ведущих банках, направлялись на государственные инвестиции в промышленность. Использование иностранных кредитов в 30-е годы было минимальным — один был на льготных условиях предоставлен СССР для сооружения текстильных фабрик в Кайсери и Назилли, второй — английской компанией — для строительства комбината черной металлургии в Карабюке.

Особенностью кемалистской политики было то, что создание основ национальной промышленности и инфраструктуры было достигнуто без серьезных нарушений экономической стабильности. На протяжении 1933–1939 годов Турция имела сбалансированный бюджет и небольшой внешнеторговый дефицит, устойчивое денежное обращение. Создание системы светского образования позволило снизить неграмотность, которая в первые годы после создания Республики была почти поголовной, наладить подготовку инженерно-технических кадров.

После окончательного распада колониальной системы позитивные результаты кемалистской экономической модели привлекали внимание и использовались в качестве образца при выработке национальной экономической стратегии рядом освободившихся стран. Турецкий исследователь наследия Мустафы Кемала Ататюрка профессор Юксель Улькен выделяет следующие основные концептуальные установки этой модели. Во-первых, при осуществлении эконо-

---

³ *Kepek Y. Türkiye Ekonomisi. Ankara, 1983. С. 101–103.*

мического развития в слаборазвитой стране необходимо *вмешательство государства*. Но оно должно происходить не бессистемно, а *на основе планирования*, т. е. при координации общественных усилий в форме, исключающей расточительство ограниченных источников. Во-вторых, необходимо *совместное участие* в экономическом развитии государственного и частного секторов, но ни тот, ни другой не должны абсолютно доминировать в экономике; в-третьих, необходимо сочетать заинтересованность людей с их равенством, так как поддержание и защита национального единства должны базироваться на безупречной *справедливости распределения национального богатства* и благополучия людей труда. В-четвертых, бдительное поддержание национального самосознания в целях защиты *национальной независимости*. В-пятых, политический режим, базирующийся на элементах свободы и демократии, не имеет альтернативы; основой общественной жизни должен быть *гуманизм*, возвышающий человека и делающий его борцом *против внутренней и внешней эксплуатации*. В-шестых, необходимо участвовать в *международном сотрудничестве и солидарности*⁴.

При проведении экономической политики, нацеленной на устойчивое и динамичное развитие, кемалистская модель предусматривала содействие быстрому и сбалансированному накоплению капитала, поддержанию устойчивости внешнеторгового и платежного балансов, недопущение инфляции, равномерное распределение дохода, достижение полной занятости, укрепление частного предпринимательства и сотрудничество с иностранным капиталом⁵. Большинство этих установок оставались в Турции неизменными на протяжении послевоенных десятилетий. Они включались в программы политических партий, фиксировались в текстах пятилетних планов, но практически не выполнялись. Несмотря на характерный для кемалистской модели патернализм, он не оказывал большого влияния на распределение национального богатства, которое характеризовалось большими контрастами. Реализация кемалистского курса происходила в условиях жесткого авторитарного режима, его преемственность в послевоенные десятилетия обеспечивалась армией. Ее неоднократное вмешательство в общественно-политическую жизнь, в том числе в форме военных переворотов, сопровождалось смещением гражданских правительств, допуская отступления или создававших угрозы этому курсу. Лишь в последние десятилетия в Турции происходит конституционно закрепленное продвижение к демократии.

---

⁴ Iken Y. Указ. соч. С. 992.

⁵ Aysan M. Atatürkün ekonomik görüşü: devletçilik // Atatürkçü düşünce. С. 1004.

В годы Второй мировой войны, в которой Турция не принимала прямого участия, ее экономика и в особенности ее сельское хозяйство переживали глубокий спад. В связи с ростом военных расходов и нарушением внешних экономических связей произошло сокращение государственных инвестиций, развилась сильная инфляция. В конце войны в стране не имелось достаточного количества сельскохозяйственных товаров для экспорта — единственного тогда источника валюты.

В послевоенный период восстановление и продолжение экономического роста в возрастающей степени стало опираться на привлечение внешних ресурсов, первое время поступавших из США и международных финансовых организаций — Международного Валютного фонда и Всемирного банка, в которые Турция вступила в 1946 г. В дальнейшем в оказание помощи Турции включились и другие промышленно развитые государства Запада, рассматривавшие ее в условиях начавшейся холодной войны как стратегического партнера в геополитически важном регионе Ближнего и Среднего Востока. Расширившееся поступление в страну иностранного ссудного капитала позволяло импортировать оборудование для инфраструктурного строительства в рамках госсектора, а также оплачивать поставки вооружения и продовольствия. Первоначально западные кредиты и займы предоставлялись на льготных условиях — в виде безвозвратных субсидий (даров) или имели длительные сроки погашения, низкие процентные ставки. Начиная с 60-х годов эти условия стали ужесточаться, а в 80–90-е и последующие годы основная часть поступавших в Турцию кредитов и займов предоставлялась на коммерческих условиях.

Привлечение внешних ресурсов носило противоречивый характер и имело неоднозначные последствия. С одной стороны, повышалась роль интенсивных факторов экономического роста. С поступлением в страну современных машин и оборудования, новых технологий более производительным становилось использование внутренних ресурсов и накоплений, росла производительность труда, занятость и общая деловая активность. С другой, оно вело к образованию внешнего долга, сопровождалось усилением влияния Запада на экономическую политику Турции. При возникавших в ходе развития финансовых и экономических кризисах стало нормой вмешательство Международного валютного фонда, который обуславливал выделение Турции поддерживающих (*stand-by*) займов принятием своих рекомендаций и стабилизационных программ. В 50-е годы эксперты США и Всемирного банка настаивали на отказе Турции от планирования, строительства предприятий тяжелой промышлен-

ности, предлагали приватизировать государственный сектор, сделать приоритетным развитие сельского хозяйства, либерализировать внешние экономические связи. Под давлением США правительство Демократической партии во главе с Аднаном Мендересом, пришедшее к власти в 1950 г., осуществило ряд шагов в этом направлении. Был ослаблен валютный и внешнеторговый режим, издан Закон о поощрении иностранного капитала, отклонен проект пятилетнего плана. К концу 50-х годов, когда в результате проводимой политики страна оказалась в тяжелейшем кризисе, правительство ДП было отстранено от власти армией. В период правления военных было восстановлено планирование, которое с тех пор и по настоящее время используется в качестве важного инструмента государственного регулирования экономического и социального развития. Первый пятилетний план (1963–1967) был нацелен на продолжение индустриализации, в основу которой была положена стратегия импортзамещения.

В 60–70-е годы турецкая экономика приобрела смешанный, государственно-частный характер. Государство большую часть инвестиций направляло на создание капиталоемких инфраструктурных и промышленных предприятий общенационального хозяйственного значения, с длительными сроками строительства, низкой финансовой отдачей. По этой причине многие государственные предприятия были убыточными.

Частный сектор к этому времени уже занимал прочные экономические позиции. Капиталы, накопленные им в предвоенные и особенно в военные годы — на торговых и посреднических операциях, уже в первые послевоенные десятилетия стали во все растущих объемах вкладываться в создание промышленных предприятий, причем основным направлением при вложении капитала в промышленность были «не традиционные “старые”, а современные отрасли, создаваемые с привлечением иностранного капитала»⁶. В 60–70-е годы в частном секторе сформировалась фракция крупных многоотраслевых компаний — холдингов (семьи Коча, Сабанджи, Эджзаджибаши, Зорлу и др.), действующих в легкой и обрабатывающих отраслях промышленности, строительстве, торговле, имеющих собственные банки, налаживших деловые связи с крупным зарубежным бизнесом. По объему инвестиций в экономику частный сектор сблизился с государством, которое, используя налоговые и иные методы регулирования, старалось направить их в приоритетные отрасли и регионы. К выполнению запланированных проектов были подключены и за-

---

⁶ *Киреев Н.Г.* Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции. М., 1968. С. 99.

падные страны-кредиторы, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которой был создан консорциум по оказанию помощи Турции.

С введением планирования Турция существенно продвинулась по пути индустриализации. Рост промышленного производства в годы выполнения первых трех пятилеток (1963–1979) сопровождался заметными изменениями в его отраслевой структуре. Удельный вес потребительских товаров в стоимости продукции обрабатывающей промышленности снизился с 62 до 40,5%, тогда как промежуточных изделий — вырос с 28 до 41,7%, а инвестиционных — с 10 до 17,8%⁷. Указанные изменения произошли в немалой степени благодаря сотрудничеству Турции с СССР, на кредит и при содействии которого в рамках госсектора был построен и вошел в эксплуатацию ряд промышленных предприятий тяжелых отраслей (комбинаты: черной металлургии в Искендеруне, алюминиевый в Сейдишехире, нефтеперерабатывающий в Алиага, сернокислотный завод в Бандырме и др.). Таким образом, был заложен фундамент для развития национального производства.

В конце 70-х годов Турция располагала уже достаточно диверсифицированным народнохозяйственным комплексом, но который был ориентирован почти целиком на внутренний рынок. Продолжение индустриализации и экономической модернизации объективно нуждалось в выходе за его пределы, а значит — в отказе от жесткого государственного регулирования, которое существенно ограничивало возможности частного сектора расширять деятельность как внутри страны, так и извлекать выгоды от участия в международном обмене. Безотлагательность назревших перемен диктовалась хронической нехваткой валюты, необходимой для оплаты растущего импорта, выполнения обязательств по амортизации внешних долгов и выплате процентов. Принятие мер в этом направлении было ускорено очередным резким обострением проблемы платежеспособности, вызванным повышением мировых цен на нефть, на импорт которой был к тому времени в значительной степени ориентирован турецкий энергобаланс. Скачок средней цены за баррель нефти с 2,50 долл. в 1972 г. до 11,65 долл. с 1 января 1974 г. и до 18,1 долл. в 1979 г. нанес удар по Турции такой силы, что она оказалась на грани государственного банкротства. Выходом стало соглашение, достигнутое в результате длительных переговоров с западными кредиторами о рефинансировании турецкого долга и предоставлении новых кредитов. В ходе этих переговоров Турция дала согласие на

---

⁷ *Karlık S. R. Türkiye ekonomisi. İstanbul, 2002. С. 235.*

внесение кардинальных изменений в свою экономическую стратегию. Решения, принятые турецким руководством 24 января 1980 г., предусматривали отказ от государственного вмешательства в экономику, превращение ее в открытую систему, функционирующую целиком на рыночной основе, переход от импортзамещающей к экспорториентированной стратегии индустриализации.

Этими решениями была подведена черта под периодом развития турецкой экономики по этатистской модели. В долгосрочной перспективе новая модель должна была придать дополнительные импульсы процессам экономического роста и модернизации, поднять эффективность и конкурентоспособность турецкой экономики и тем самым укрепить ее положение в мировом хозяйстве. В краткосрочном плане задача состояла в идентификации турецкой экономики с рыночными экономиками других стран и расширении с ними торгово-экономических связей на двусторонней и многосторонней основе и таким образом создании благоприятных условий для продвижения на внешние рынки своих товаров и услуг.

Хотя переход Турции на открытую, рыночную модель был объективно необходим и неизбежен, многие условия для этого отсутствовали. Предстояло внести изменения в законодательство, создать институты, отвечающие новым требованиям, обновить систему образования и подготовки кадров. Эти преобразования, которые осуществлялись, как правило, одновременно с мерами по гармонизации турецкой экономики со стандартами Евросоюза, сопровождалась техническим переоснащением предприятий и банков, учебных заведений — компьютеризацией, включением в международные сети Интернета, приобщением к другим техническим инновациям. Отказ от активного участия и государственного вмешательства в экономику означал и отход от привычного государственного патернализма, что прямо или косвенно затрагивало интересы населения. Особенно с большими трудностями продвигался процесс приватизации государственного сектора, игравшего большую не только экономическую, но и социальную роль. Ей противились как бюрократия, так и профсоюзные объединения; болезненную реакцию аграрного сектора вызвало свертывание политики государственных закупок сельскохозяйственной продукции по твердым и высоким ценам.

Многие нововведения поначалу проводились методами проб и ошибок. Так, например, было при предоставлении банкам свободы установления процентных ставок по депозитам, которое привело в начале 80-х годов к кризису в банковской системе и восстановлению государственного регулирования. Перевод турецкой экономики на открытую, рыночную основу осуществлялся неравномерно.

С самого начала на первый план выдвинулось преобразование внешнеэкономической сферы, тогда как многие внутренние реформы растянулись на многие годы и до сих пор остаются незавершенными (приватизация, налоговая, пенсионная и некоторые другие реформы). В результате рыночный статус Турции с некоторыми оговорками получил международное признание, в том числе — Евросоюза — лишь в конце прошлого — начале текущего века.

В этой связи следует кратко сказать о некоторых наиболее важных факторах, влияющих на экономическое развитие Турции в условиях ее перевода на рыночную модель. К числу благоприятных факторов можно отнести выгодное географическое и геополитическое положение страны; наличие динамичного предпринимательского класса; прагматизм правящей элиты, ее приверженность кемалистским идеалам вестернизации и догоняющего развития; хорошо налаженную подготовку рабочей силы, которая в рамках начальной и средней школы получает обязательное бесплатное образование и в дальнейшем имеет возможность повышать свою квалификацию и менять специальность благодаря развитым формам профессионального обучения, в том числе — нестационарным⁸. Среди факторов, сдерживающих и осложняющих развитие, следует назвать напряженную демографическую ситуацию, связанную с высокими темпами роста населения, численность которого с 13 млн. чел. в 1927 г. возросла до 73 млн. чел. в 2006 г. Эти темпы с 1,9% в среднем за год в период 1926–1950 гг. увеличились до 2,5% в период 1960–1990 годов, что вдвое превышало создание рабочих мест⁹. Лишь со второй половины 90-х годов рост населения несколько снизился и составлял в начале текущего века около 1,5–1,7%. Опережающими темпами росло население городов¹⁰, в которых в настоящее время проживает около 67% всех жителей страны. Урбанизация, ускоренная механизацией сельского хозяйства и другими процессами капиталистического развития, привела к обострению социальных и коммунальных проблем, росту безработицы, которая достигает в последние годы около 10% занятых, а с учетом неполной занятости — 14–15%¹¹. В 2002 г. численность официально зарегистрированных безработных составляла 3,4 млн. чел.¹² Хроническая высокая безработица является фактором,

⁸ *Ли Ю. А.* Реформы в системе образования Турецкой Республики. М., 2006. С. 17–28.

⁹ *Karluk S. R.* Указ. соч. С. 219.

¹⁰ Городами в Турции считаются населенные пункты с числом жителей в 20 тыс. чел.

¹¹ *Eren A.* Türkiye ekonomisi. Ankara, 2006. С. 32–33.

¹² Там же.

сдерживающим техническое обновление производства, сохраняющим его трудоемкий характер и поддержание на низком уровне оплаты труда. С трудностями трудоустройства и низкой зарплатой связана масштабная миграция за рубеж трудоспособного населения Турции. За период с 1961 по 2004 г. на выезд из страны получили официальное разрешение 1936,5 тыс. чел.¹³ С учетом распространенной нелегальной эмиграции в зарубежные страны, главным образом западноевропейские, из Турции выехало за указанный период свыше 3-х млн. чел.

Другим фактором, с которым связаны растущие трудности экономического развития и индустриализации, является нынешняя относительная узость сырьевой базы Турции, все сильнее дающая о себе знать с ростом промышленного производства и его потребностей в минеральном и сельскохозяйственном сырье. Собственного сырья уже недостаточно, а для разработки имеющегося потенциала — весьма высокого — требуются значительные капиталовложения, средств на которые пока нет ни у государства, ни у частного сектора. Турция в последние десятилетия вынуждена увеличивать импорт минерального и сельскохозяйственного сырья. По мере роста энергоемкости турецкой экономики наиболее уязвимой ее стороной стало усиление зависимости от импорта энергоресурсов, в первую очередь — нефти и газа. Если в 1970 г. 79% потребляемых страной энергоресурсов обеспечивалось внутренними источниками, то в 2004 г. — только 27,8%, остальные 72,2% импортировались¹⁴. В условиях роста мировых цен на углеводородное сырье это оборачивается увеличением затрат дефицитной валюты. Для снижения энергозависимости в Турции в последние годы намечено (и уже осуществляется) расширение мощностей гидроэнергетики, располагающей значительным потенциалом, а также использование других альтернативных источников энергии — солнечной, ветряной, геотермальной; предусмотрено сооружение двух АЭС.

Серьезным фактором, сдерживающим развитие страны, является тяжелое бремя военных расходов, которое Турция уже более полувека несет, как член блока НАТО, в силу возложенных на нее обязательств по содержанию более чем полумиллионной армии, — второй после США по своей численности среди стран, входящих в эту структуру. Помимо этого уже четверть века Турция вынуждена затрачивать крупные материальные и финансовые ресурсы на вооруженную борьбу с курдскими сепаратистами. Общий уровень ее во-

---

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ Там же. С. 335.

енно-полицейских расходов составлял в послевоенные десятилетия не менее 4–5% ВВП. Только в период с 1983 по 2001 г. на нужды обороны и безопасности было выделено около 15% всех ассигнований консолидированного бюджета Турции¹⁵.

Начало рыночных преобразований, связанных с переводом экономики на новую модель, было осложнено глубоким социально-экономическим и политическим кризисом. Падение ВВП в 1979 г. составило 0,7%, а в 1980 г. — 2,8%. Программа стабилизации, разработанная при участии МВФ, включала ряд непопулярных мер, в том числе девальвацию лиры, курс которой решениями от 24 января 1980 г. был снижен вдвое — с 35 до 70 лир за 1 доллар США. Это, наряду с другими факторами, привело к скачку инфляции — рост цен в 1980 г. достиг 100%. Одновременно была заморожена заработная плата. Находившееся у власти коалиционное правительство во главе с С. Демирелем оказалось не способным справиться с охватившим страну недовольством и было смещено в сентябре 1980 г. в результате очередного военного переворота. Последовавшие за этим чрезвычайные меры позволили вывести экономику из кризиса. Начатое правительством С. Демиреля продвижение по пути экономической либерализации при военном режиме было продолжено. Было ограничено государственное регулирование цен, ослаблено регламентирование внешнеторговых и валютных операций. В соответствии с курсом на экспорториентирование были приняты меры для поддержки экспортных производств и экспортеров. Был создан внебюджетный «фонд поддержки экспорта» для кредитования на льготных условиях закупок оборудования и сырья предприятиями, нацеленными на расширение производства продукции на экспорт. Такие предприятия освобождались и от уплаты таможенных пошлин, могли пользоваться системой возврата налогов при экспорте. К развитию экспорториентированных производств были подключены зарубежные инвесторы. Согласно декрету о поощрении иностранного капитала, принятому в числе решений от 24 января, доля иностранного капитала могла достигать в смешанных предприятиях 49%, но при этом предприятия с его участием должны были производить на экспорт определенную часть продукции — для пищевой промышленности она была установлена в 30%, для текстильной и швейной отраслей — 50%, для лесобработывающей — 60%, при производстве грузовых машин — 25%, металлоизделий — 30%¹⁶.

---

¹⁵ *Pakdemirli E.* Cumhuriyet dönemi ekonomik büyüklükleri (1923–2002). Ankara, 2003. С. 162.

¹⁶ *Tecer M.* Türkiye ekonomisi. Ankara, 2003. С. 83.

С восстановлением в конце 1983 г. гражданского правления и приходом к власти однопартийного кабинета Партии Отечества во главе с ее лидером Тургуттом Озалом — профессиональным экономистом, прошедшим школу работы во Всемирном банке — либерализация турецкой экономики стала углубляться¹⁷. Расширение государственной поддержки частного сектора, направленной на стимулирование его участия в создании экспорториентированных промышленных предприятий, сопровождалось сокращением государственных инвестиций, свертыванием государственного предпринимательства. Была ликвидирована государственная монополия в ряде отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, акционирован ряд государственных инфраструктурных объектов, в том числе некоторых крупных электростанций и гидросооружений. Началась подготовка и сделаны первые шаги по приватизации государственного сектора. Была либерализована деятельность национальной банковской системы — ее перевод на рыночную основу сопровождался технической модернизацией, расширением круга операций и предоставляемых услуг, выходом на зарубежные денежные рынки. Согласно новому закону о банках, принятому в 1985 г., турецкие банки должны были составлять регулярные отчеты, отвечающие международным требованиям. После полувекового перерыва вновь открылась Стамбульская фондовая биржа, благодаря чему получил развитие рынок капитала, существенно упростилась и приобрела легальный характер купля-продажа облигаций, акций, векселей, формирование финансовых инвестиционных фондов. С августа 1989 г. был открыт доступ для ведения операций на Стамбульской фондовой бирже иностранным инвесторам. Для них были сняты ограничения на ввоз и вывоз капитала и прибыли. Была углублена либерализация внешнеторгового и валютного режимов.

К концу 80-х годов турецкая экономика была преобразована в систему, уже в большой степени открытую для движения как местных, так и иностранных капиталов, товаров и услуг. Рыночные преобразования, переход на экспорториентирование и связанное с этим повышение темпов роста, прежде всего в промышленности, позитивные перемены в сфере услуг, расширение внешних экономических связей и некоторые другие успехи, достигнутые за короткий срок, позволяли даже говорить о турецком экономическом чуде. Это побудило некоторые постсоветские государства с тюркоязычным населением объявить о своем намерении следовать турецкой модели. Со своей стороны Турция стала оказывать им гуманитарную и финансовую помощь, включавшую программы

---

¹⁷ Подробно см.: *Ульченко Н.Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002.

по переводу их экономик на рыночную основу, активно содействовала в налаживании связей этих государств с международными финансовыми организациями, западным бизнесом¹⁸.

Однако уже скоро Турция стала сталкиваться с многими проблемами и трудностями. Имея переходную экономику с незавершенными рыночными преобразованиями, с относительно небольшим ВВП и среднедушевым доходом (около 25 % среднего уровня Евросоюза), с хроническими дефицитами государственного бюджета и внешней торговли, при общей крайне низкой платежеспособности, она по мере все более тесного включения в мировое хозяйство, в возрастающей степени становилась зависимой от конкуренции на мировом рынке, подверженной влиянию конъюнктурных изменений, а тем более глобальных спадов и кризисов. С конца 80-х — начала 90-х годов экономический рост страны становится все более неустойчивым, прерывистым и непредсказуемым.

Таблица 1
Основные показатели экономики Турции

Годы	Население, млн. чел.	ВВП, млрд. долл.	ВВП на душу населения, долл.	Инвестиции в основной капитал к ВВП, %	Темпы роста, %			
					сельское хозяйство	промышленность	услуги	ВВП в целом
1980	44,4	69,7	1975	19,7	1,3	-3,6	-4,1	-2,8
1981	45,5	72,7	2020	19,0	-1,8	9,9	5,8	4,8
1982	46,7	65,9	2031	18,0	3,3	5,1	2,3	3,1
1983	47,9	62,3	2064	18,8	-0,8	6,7	5,3	4,2
1984	49,1	60,8	2157	17,9	0,6	10,5	8,2	7,1
1985	50,3	68,2	2194	20,0	-0,3	6,5	5,0	4,3
1986	51,4	76,5	2291	23,2	3,6	13,1	5,2	6,8
1987	52,6	87,7	2462	24,1	0,4	9,2	13,2	9,8
1988	53,7	91,0	2444	24,0	8,0	2,1	-0,8	1,5
1989	54,9	108,7	2431	22,4	-7,6	4,6	0,9	1,6
1990	56,1	152,3	2596	22,4	6,8	8,6	10,3	9,4
1991	57,1	152,4	2566	22,6	-0,9	2,7	-0,6	0,3
1992	57,9	160,7	2690	22,2	4,3	5,9	6,5	6,4

¹⁸ Подробно см.: Уразова Е.И. Экономическое сотрудничество Турции и турецких государств СНГ. М., 2003.

1993	58,8	180,0	2867	22,4	-1,3	8,2	10,7	8,1
1994	59,7	131,1	2653	24,4	-0,7	-5,7	-6,6	-6,1
1995	60,6	172,0	2824	24,8	1,3	12,5	6,3	8,0
1996	61,4	184,7	2979	24,5	4,4	7,1	7,7	7,1
1997	62,4	194,4	3175	21,4	-2,3	10,4	8,6	8,3
1998	63,4	205,9	3247	23,8	8,4	2,0	-5,1	-5,3
1999	65,7	187,6	3004	23,6	-4,6	-5,0	8,9	7,4
2000	67,5	201,5	3142	24,6	3,9	6,0	-7,6	-7,4
2001	68,6	147,2	2832	16,4	-6,5	-7,5	3,4	3,9
2002	69,6	181,7	2619	18,9	6,9	9,4	...	7,8
2003	70,7	239,2	3383	19,7	-2,5	7,8	...	5,9
2004	71,8	299,5	4172	23,9	2,0	9,4	...	9,9
2005	72,0	360,9	5008	20,5	...	6,0	...	7,6
2006	73,0	410,0	5300	21,1	2,9	6,7	...	7,5

Источники: Karluk R. Türkiye Ekonomisi. İstanbul, 2002, с. 46, 188; Pakdemirli E. Cumhuriyet dönemi ekonomik büyüklükleri (1923–2002). Ankara, 2003, с. 49; ICC. Turkey in Figures. İstanbul, 2005, с. 11, 12; İstanbul Ticaret, 06.07.07.

За последние 15 лет Турция пережила три сильных финансово-экономических кризиса: в 1994 г. под влиянием кризиса в Мексике, в 1998 г. после того, как кризисы потрясли экономики стран Юго-Восточной Азии и России; в 2000 г., когда начался экономический спад в США и странах Западной Европы.

Одним из наиболее впечатляющих результатов развития турецкой экономики после ее перевода на открытую рыночную модель является абсолютный и относительный рост экспорта, сопровождавшийся кардинальным изменением его товарной структуры: сокращением доли сельскохозяйственной продукции в пользу промышленных изделий, что было результатом индустриализации и превращения Турции из преимущественно аграрной в промышленно-аграрную страну.

Таблица 2
Динамика и структура экспорта Турции

Годы	Объем, млн. долл.	Отношение к ВВП, %	Товарная структура, %		
			сельскохозяйствен- ная продукция	промышлен- ная продукция	минеральное сырье
1950	263	4,4	92,6	1,4	5,6
1960	321	4,2	76,0	17,9	6,1
1970	588	3,2	74,9	18,4	6,6
1980	2910	4,2	57,4	36,0	6,6
1985	7958	11,6	21,6	75,3	3,1
1990	12 960	8,4	17,4	79,9	2,5
1995	21 600	12,8	10,7	87,4	1,9
2000	27 774	15,7	6,0	91,9	1,4
2001	31 342	21,2	6,3	92,0	1,1
2002	36 059	19,9	4,9	93,5	1,1
2003	47 253	19,8	4,5	93,9	1,0
2004	63 121	21,1	4,0	94,3	1,0
2005	73 275	20,1	4,7	93,8	1,0

Источники: Karluk R. *Türkiye Ekonomisi. Istanbul, 2002, с. 598; Pakdemirli E. Cumhuriyet dönemi ekonomik büyüklükleri (1923–2002). Ankara, 2003, с. 43; Eren A. Türkiye Ekonomisi. Ankara, 2006, с. 195.*

Эти результаты были достигнуты благодаря комплексным мерам по поддержке частного сектора, как крупного, так и малого и среднего, включавшим не только, как уже отмечалось, полное или частичное освобождение экспортоориентированных производств от налогов и импортных пошлин, выделения им кредитов на льготных условиях, установление пониженных тарифов на электроэнергию, водоснабжение и другие виды продукции и услуг государственных предприятий, но и создание на территории страны сети свободных и промышленных зон, оборудованных необходимой инфраструктурой также в значительной мере на государственные средства. Рост экспортноориентированного промышленного производства сопровождался диверсификацией, в результате чего наряду с потребительскими товарами — текстилем, готовой одеждой, мебелью, изделиями из кожи, бытовой техникой — расширялась доля продукции черной и цветной металлургии, химических товаров, металлоизделий, автотранспортных средств и другой продукции производственного использования.

Рост экспорта опирался на рост импорта, который происходил опережающими темпами. Его стоимость с 7,9 млрд. долл. в 1980 г. до-

стигла в 2005 г. 116,6 млрд. долл. Соответственно его доля в ВВП Турции увеличилась с 11,3 до 32,4%, тогда как доля экспорта поднялась с 4,2 до 21,1%. Эти данные могут служить показателями значительно возросшей включенности Турции в мировое хозяйство. В отличие от экспорта структура импорта изменилась мало — в нем по-прежнему доминировали машины и оборудование, сырье и полуфабрикаты. После либерализации импортного режима, а затем вступления Турции в 1996 г. в Таможенный союз ЕС расширилось поступление в страну потребительских товаров и стал расти их удельный вес в импорте.

Таблица 3
Структура турецкого импорта, %%

Годы	Инвестиционные товары	Сырье и полуфабрикаты	в том числе нефть	Потребительские товары
1980	20,0	77,9	52,2	2,1
1990	18,1	71,3	15,7	9,3
1995	22,7	68,4	8,2	6,8
2000	20,8	62,9	7,7	13,3
2005	17,5	70,5	12,6	12,0

Источники: Kerenek Y., Yentürk N. *Türkiye ekonomisi*. İstanbul, 1997, с. 258; Eren A. *Türkiye ekonomisi*. Ankara, 2006, с. 199; TOBB. *İktisadi Rapor 1981*. Ankara, 1982, с. 121–122.

Перевод турецкой экономики на открытую рыночную модель сопровождался возрастанием ее импортной зависимости. Низкокачественная промышленная продукция, до этого поступавшая на внутренний рынок практически на безконкурентной основе, могла стать конкурентоспособной и пользоваться спросом на внешних рынках лишь при условии повышения в ней импортного компонента. В 1998 г. его удельный вес составлял в среднем 53,5% в готовых изделиях, предназначенных для экспорта¹⁹. Этого удалось достичь благодаря росту использования при их производстве импортных оборудования, промежуточных изделий и технологии. Как отмечалось в исследовании, выполненном в Объединении промышленников и деловых людей Турции (ТЮСИАД), чем выше импортный компонент в турецких товарах, тем больше гарантий для их продажи на мировом рынке. Далее в нем говорилось, что большинство турецких предприятий, наиболее полно использующих свои производственные мощности и увеличивающих выпуск продукции, зависят

¹⁹ TÜSIAD. *Türkiye'nin üretim yapısı. Girdi–Çıktı modeli ile temel bulgular*. İstanbul, 2005. С. 32.

от импортных поставок; к ним относятся также предприятия, использующие передовые технологии. Как правило, в таких предприятиях участвует иностранный капитал. Экспорт выпускаемых ими изделий на 10% выше импорта аналогичных товаров. К их числу принадлежат текстиль, мебель, моторизованные средства, электrorаспределительное оборудование²⁰. Таким образом, успех экспорториентированной стратегии был напрямую увязан с преодолением промышленного и технологического отставания, что было бы невозможно без роста импорта и привлечения иностранного капитала.

В свою очередь необходимость расширения импорта, расходы на который не покрывались доходами от экспорта, при сохранении узости других внутренних источников накопления валюты потребовало привлечение заемных средств, что стало причиной стремительного роста государственного долга. Только внешний долг Турции с 15,2 млрд. долл. в 1980 г. увеличился в 1990 г. до 49,1 млрд., в 2000 г. до 118,6 млрд., а в 2007 г. до 237 млрд. долл. Таким образом, внешняя задолженность Турции достигла 52,7% ВВП по сравнению с 21,5% с 1980 г. Еще большим было увеличение внутреннего долга. Государственные ассигнования на амортизацию основных сумм долга и выплату процентов в последнее десятилетие превратились в главную статью расходов, на которую в период 2000–2005 годов выделялось ежегодно в среднем 45% средств консолидированного бюджета Турции²¹.

Переключение значительной части ресурсов государственного бюджета на обслуживание государственного долга означало сокращение его социально-экономических функций. Об этом свидетельствовало уже то, что доля бюджетных средств, выделяемых на инвестиции, которая еще в начале 80-х годов составляла 16–18%, к первой половине текущего десятилетия сократилась до 5–6%²². Во многом это было связано с заложенным в новую стратегию свертыванием государственного предпринимательства. В то же время это одновременно было результатом ослабления доходной части бюджета в результате значительного увеличения государственной поддержки частного сектора, осуществлявшейся в виде освобождения от налогов и пошлин экспорториентированных и других приоритетных производств, ежегодного субсидирования закупок по высоким ценам сельскохозяйственной продукции, значительного снижения импортных пошлин и сборов, наконец, широко распространенного в Турции уклонения от налогов. Ослабление доходной базы бюджета при продолжении роста его расходов привело к возрастанию дефици-

---

²⁰ Там же.

²¹ *Eren A.* Указ соч. С. 114.

²² Там же.

та во всех звеньях турецкой бюджетной системы. Среднегодовой бюджетный дефицит по отношению к ВВП, составлявший в период 1971–1980 гг. 1,9%, в 1981–1991 годах увеличился до 3,4%, а в 1991–2001 гг. достиг 8%²³. Наряду с использованием займов для финансирования бюджетных дефицитов расширилось использование и дополнительной денежной эмиссии, что вызвало развитие сильной инфляции. О ее масштабах позволяют судить данные о среднегодовом росте оптовых цен²⁴ (в процентах).

1971–1980 гг.	1980–1983 гг.	1983–1991 гг.	1991–2001 гг.	2001–2007 гг.
27,1	47,0	49,0	72,0	21,7

Ползучая инфляция первых послевоенных десятилетий, начиная с 80-х гг., превращается в галопирующую. Добиться снижения ее темпов удалось лишь во второй половине текущего десятилетия в результате выполнения стабилизационных программ и поступления массированных кредитов МВФ и Всемирного банка.

Инфляция имела крайне негативные последствия для турецкой экономики, затрудняя ее перевод на рыночную основу, негативно влияя на социальные процессы, общий общественно-политический климат в стране.

Рост цен и процентных ставок привел к ухудшению отраслевого размещения инвестиций, вложение основной части которых перешло к частному сектору. В инфляционной обстановке наиболее предпочтительными для частных инвесторов, как известно, являются отрасли производства с быстрым оборотом капитала. Это — легкая промышленность, жилищное строительство и особенно сфера услуг. В значительной степени именно из-за высокой инфляции происходившие в турецкой экономике структурные изменения, отмеченные резким снижением доли в ВВП сельского хозяйства, сопровождались повышением сферы услуг и в гораздо меньшей степени ростом доли промышленности.

²³ Pakdemirli E. Указ соч. С. 185.

²⁴ Там же, с. 212. Темпы инфляции в период 2001–2007 гг. основаны на данных о росте розничных цен, который составил в 2001 г. 68,5%, в 2002 г. — 29,7%, в 2003 г. — 18,4%, в 2004 г. — 9,35%, в 2005 г. — 7,72%, в 2006 г. — 9,65%, в 2007 г. — 8,39% (Milliyet, 04.01.08).

Таблица 4
Изменение отраслей структуры ВВП Турции,
в %%, на основе текущих цен

Отрасли	1962	1972	1982	1992	1996	1998	1999	2001	2002	2003	2004	2005
Сельское хозяйство	36,3	27,9	22,7	15,8	16,9	17,5	15,3	12,1	11,6	11,7	11,2	10,3
Промышленность	18,0	18,1	21,9	26,5	25,2	22,9	23,2	25,3	25,2	24,7	24,9	25,4
Услуги	45,7	54,0	55,4	57,7	57,9	59,6	61,5	62,6	63,2	63,6	63,9	64,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Eren A. Türkiye ekonomisi. Ankara, 2006, с. 78.

Влияние инфляционной обстановки негативно отразилось и на использовании фонда накопления — его существенная часть помещалась в покупку недвижимости, тезаврировалась, уходила за рубеж и т. д. Отношение инвестиций к ВВП (инвестиционный коэффициент) продолжало оставаться на относительно низком уровне в сравнение со многими другими развивающимися странами, не достигая, как правило, наметок, закладывавшихся в пятилетние планы. Инфляция отрицательно сказывалась и на реализации многих инфраструктурных проектов, в которые направлялись государственные инвестиции — их выполнение растягивалось на многие годы. Одним из характерных примеров может служить проект Юго-Восточной Анатолии (ГАП), начатый еще в 80-х годах и представляющий часть программы, нацеленной на решение многих важных проблем регионального и общенационального значения. Рост цен, сопровождавшийся перманентной девальвацией лиры, постоянно требовал выделения дополнительных средств на его выполнение. В 2006 г. проект был реализован лишь на 56,4% при уже затраченных на него 21 млрд. новых тур. лир²⁵.

Инфляция наряду с политической нестабильностью, усилившейся в 90-е годы прошлого и начале первого десятилетия нового века, была одним из основных факторов, сдерживавших поступление в Турцию прямых иностранных инвестиций. Их приток в период 1980–1998 годов составил 12 млрд. долл., а с учетом репатриации капитала, перевода прибыли лишь около 9 млрд. долл.²⁶ Это было много меньше того, в чем нуждалась турецкая экономика. На отраслевое размещение прямых иностранных инвестиций также повлияла инфляционная обстановка. Если в 1980 г. их вложение в промышленность составляло 87,3% общего притока, а вложения в сферу услуг — 12,9%, то к середине 90-х

²⁵ Турция 2007. Анкара, 2007. С. 180.

²⁶ Турецкая Республика (справочник). М., 2000. С. 260.

годов вложения в промышленность снизилось до 55%, а в сферу услуг поднялись до 42%²⁷. Поступление прямых иностранных инвестиций заметно возросло лишь во второй половине текущего десятилетия после снижения инфляции и принятия в 2003 г. закона о прямых иностранных инвестициях, заменивший прежний закон о поощрении иностранного капитала. Новым законом были сняты остававшиеся ограничения и до минимума упрощена бюрократическая процедура. Уже в 2005 г. их приток составил 8,5 млрд. долл., в 2006 г. — 17,6 млрд., в 2007 г. — 19,2 млрд. долл.²⁸ В том же 2007 г. было зарегистрировано 3,7 тыс. новых иностранных компаний²⁹. Существенно выросло также поступление иностранных портфельных инвестиций.

Одним из проявлений усилившейся под влиянием инфляции и других факторов макроэкономической несбалансированности стала в последнее десятилетие стагнация сельского хозяйства, продолжающего оставаться базовой отраслью турецкой экономики, в которой занято свыше трети ее трудоспособного населения. Если сравнительно недавно Турция входила в число немногих стран, достигших продовольственного обеспечения и еще в первой половине 90-х годов экспортировала продукцию, стоимостью в 6 млрд. долл. в год, то в 2007 г. экспорт продовольственного и сельскохозяйственного сырья принес лишь 3,7 млрд. долл., в то время как затраты на их импорт, который включал хлопок, зерно, мясомолочные продукты и другие товары, достигли 4, млрд. долл.³² Помимо таких факторов, как рост населения, расширение спроса на сырье легкой промышленности, в основе отставания аграрного сектора лежит сохраняющаяся традиционная система землевладения и землепользования, преобладание маломощных мелких и мельчайших хозяйств. В 2005 г. 65% из 3-х миллионов хозяйств аграрного сектора располагали земельными наделами менее чем в полгектара, их возможности использования современных методов и агротехнических средств предельно ограничены. По урожайности большинства возделываемых культур Турция все больше отстает от среднемировых показателей, в том числе достигнутых в странах Евросоюза. Например, урожайность пшеницы — основной зерновой культуры страны — составляет 22,4 ц/га, тогда как в Германии — 81,2 ц/га, во Франции — 71,9 ц/га. С многими проблемами сталкивается животноводство — сокращается поголовье скота, производство мясомолочной и другой продукции.

---

²⁷ *Keçenek Y., Yentürk N. Türkiye ekonomisi. Ankara, 1997. С. 288.*

²⁸ *Milliyet, 15.04.08.*

²⁹ *Bugün, 28.06.08.*

Одной из причин ухудшения положения в турецком аграрном секторе в последние годы стало изменение государственной политики под давлением Международного валютного фонда и Всемирного банка. Это изменение было связано с сокращением субсидирования и других мер поддержки, как противоречащих принципам перевода отрасли на рыночную основу. МВФ и прежде выдвигал это требование, но турецкое руководство воздерживалось от резких шагов в этом направлении. В 2001 г. при предоставлении очередного кредита для проведения стабилизационной программы по ликвидации последствий кризиса 2000 г. МВФ настаивал на необходимости этих мер для оздоровления государственного бюджета. А заключенное в 2002 г. кредитное соглашение со Всемирным банком включало «Проект аграрной политики по поддержке сельского хозяйства и проведения сельскохозяйственной реформы»³⁰. В соответствии с ним Турция отказывалась от прежних методов поддержки сельского хозяйства и должна была: отменить субвенций по сельскохозяйственным кредитам; устанавливать государственные цены на сельскохозяйственную продукцию без учета уровня инфляции; сократить список и количество продуктов, закупаемых по поддерживающим ценам; закрыть государственные компании, субсидирующие сельское хозяйство — «Рыба и Мясо», «Молочная промышленность», «Управление по техническому оснащению сельского хозяйства», «Управление лесной продукцией», а также свернуть деятельность государственных имений — чифтликков. Активы этих компаний и предприятий должны были перейти к частному сектору. В годы, последовавшие за подписанием этого соглашения, указанные госкомпании были приватизированы, а меры, предложенные МВФ и Всемирным банком, были положены в основу аграрной политики. Пользование услугами, которые прежде были бесплатными, как, например, водоснабжение, или же приобретение машин и техники, которые можно было купить в кредит на льготных условиях, было переведено на коммерческую основу. Эти меры сыграли свою роль в стагнации аграрной сферы. По заявлению Ибрагима Йеткина — гендиректора «Объединения турецких землевладельцев», — «Хотя засуха и была главной причиной падения в сельском хозяйстве, на него серьезно повлияла проводимая политика. Сократилось производство тех видов продукции, поддержка которых была прекращена, например, пшеницы и сахарной свеклы, тогда как производство культур, продолжавших пользоваться поддержкой — кукурузы, подсолнечника, риса, — росло несмотря на засуху»³¹.

---

³⁰ Milliyet, 17.04.06.

³¹ Milliyet, 14.04.08.

Результаты сельского хозяйства Турции продолжают сильно зависеть от условий погоды. В текущем десятилетии оно уже трижды из-за засухи переживало падение — в 2001, 2003 и 2007 годах. Кроме того, в результате эрозии почвы за последнее десятилетие на миллион гектаров сократилась площадь обрабатываемых земель. Медленно продвигались работы по ирригации и мелиорации, в 2004–2005 годах лишь на 19,5% обрабатываемых земель велось орошаемое земледелие, на них с применением современных агротехнических методов расширятся производство овощей, фруктов, цитрусовых и других субтропических культур, в том числе и для экспорта. В истекшее десятилетие это позволило Турции войти в число ведущих стран — поставщиков некоторых видов этой продукции на мировой рынок. Последствия отставания аграрного сектора, его стагнации Турция остро ощутила после взлета мировых цен на продовольствие, вызванное подорожанием энергоносителей и переходом стран — экспортеров продовольствия к использованию части сельхозпродукции (кукурузы, рапса и др.) для производства топлива. Уже к середине текущего 2008 г. потребительские цены на ряд товаров местного производства были взвинчены компаниями-посредниками. По данным Шамси Байрактара, возглавляющего Объединения сельскохозяйственных палат Турции, в июле 2008 г. разрыв между ценой производства и ценой потребительского рынка вырос на фрукты и овощи — на 413%, на рис — на 326%, мясомолочные продукты — на 212%.³²

Укрепившееся после прихода к власти правительства ПСР состояние турецкой экономики вновь оказалось под угрозой в результате начавшегося в 2007 г. финансового (ипотечного) кризиса в США, распространившегося в 2008 г. на мировое хозяйство. По мнению американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Джозефа Стиглица, мировой экономический кризис безусловно отразится и на Турции — «ближайшие риски для нее связаны с давлением на платежный баланс растущих цен на энергоносители и продовольствие в результате использования новейших технологий для производства биотоплива»³³. Турцию, считает Д. Стиглиц, «ожидает усиление инфляции и безработицы, снижение реальной заработной платы и сокращение покупательной способности населения»³⁴.

В заключение можно сказать, что перевод турецкой экономики на открытую рыночную модель, потребовавший огромного напряжения и преодоления многих трудностей, уже привел к позитивным переменам, которые будут нарастать в предстоящие годы. Несмотря на уси-

---

³² Sabah, 30.06.08.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

ление неравномерности экономического роста, его средние темпы за 1980–2004 годы составляли 4,1% при 2% на душу населения³⁵, что уже было хорошим результатом. Начиная же с 2002 г. их средний уровень составлял около 7%³⁶. Развернувшаяся в процессе включения Турции в мирохозяйственные связи модернизация производства и сферы услуг способствовала качественным изменениям в турецкой экономике, повышению ее конкурентоспособности. Поднявшись на более высокую ступень в своем развитии, Турция вплотную приблизилась к показателям, являющимся условием ее принятия в полные члены Евросоюза. В то же время обновленная, открытая модель значительно расширила ее возможности и направления развития экономических связей со многими другими, в том числе — соседними странами, что способствовало укреплению ее потенциала и позиций в мировом хозяйстве, повышению ее региональной роли. Ярким примером этого может служить развернувшееся в последнее десятилетие многоплановое торгово-экономическое сотрудничество Турции с Россией и другими государствами СНГ.

---

³⁵ Eren A. Указ соч. С. 69.

³⁶ ДТМ. Türk cumhuriyetlerinin ekonomik yapısı ve dış ticaret. Ankara, 2008. С. 67.

Емельянова Н. М.

ЧАСТНЫЕ ШКОЛЫ В ТУРЕЦКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Утро каждого понедельника во всех школах Турции начинается с поднятия государственного флага. Перед началом занятий во внутренних дворах, на спортивных площадках и в залах школ собираются все школьники и учителя. Сосредоточенно наблюдают они за тем, как медленно поднимается вверх по древку, постепенно расправляясь, большое красное полотнище с полумесяцем и звездой. Каждое утро ученики начальных школ начинают с того, что хором произносят младшему быть честными, правдивыми, прилежно учиться, защищать младших и уважать старших, любить свою страну больше, чем самих себя. «Мы смотрим на тебя, Турция, мы готовы отдать тебе все силы», — этими словами студенческого гимна начинают занятия учащиеся турецких высших учебных заведений.

Современная турецкая система образования была основана в 1924 г., после того как Мустафой Кемалем Ататюрком были закрыты религиозные школы, и открыты новые светские образовательные учреждения, а посещение начальной школы было объявлено обязательным. Наследие Ататюрка настолько важно для турецкого народа, что его принципы сопровождают школьников на всем протяжении их обучения. По всей стране в каждом классе над школьной доской обязательно висит портрет основателя Турецкой Республики, в одном из мест школы обязательно вывешен плакат с обращением Ататюрка к турецкой молодежи, а в другом плакат с национальным гимном.

Прошло много лет, прежде чем сложилась общая структура турецкого образования. Закон об обязательном образовании был впервые введен в 1924 г. с последующим пересмотром его в 1962, 1980, 1997 годах. Обязательное государственное образование распространяется на детей в возрасте от 6 до 14 лет, согласно статье 42 Конституции страны. В 1997 г. период первичного обязательного образования возрос до 8 лет (Акт № 4306)¹.

---

¹ A Gender Review in Education, Turkey 2003. С. 10.

Среди школьных предметов — турецкий и иностранные языки, химия, математика, физика, литература, религиоведение, география, история и др. По завершении обучения в начальной школе сдается экзамен, который является пропуском для поступления в школу второй ступени и лицеи. По данным Государственного института статистики за 2001 г., общий процент грамотности среди совершеннолетних граждан Турции составил 83,6 %, среди них 91,4 % приходится на лиц мужского пола, старше 15 лет и 75,4 % женского в той же возрастной группе. Общий процент грамотных людей в городской местности составляет 89,9 % (96,1 % среди мужчин и 83,4 % среди женщин), и 80 % в сельской местности (91 % среди мужчин и 69,2 % среди женщин)².

Государственная образовательная система включает в себя пять ступеней: дошкольную подготовку, начальную, среднюю школу первой и второй ступеней, высшую школу (лицей) и университетское образование. Система дошкольной подготовки для детей в возрасте от 4 до 6 лет, которая не является строго обязательной, была основана в 1953 г. Потребность в дошкольных учреждениях была ограниченной ввиду нежелания родителей вручать воспитание своих малышей каким-либо учреждениям за пределами семьи. Дошкольные программы получили более широкое распространение в больших городах, где, начиная с 1980-х, наблюдается рост их численности и популярности. Тем не менее, в настоящее время государственное дошкольное обучение предоставляется лишь небольшому числу детей. В рамках проекта по базовому образованию около 1900 сельских школ, в которых стало меньше учеников из-за их переезда в центральные школы, используются в настоящее время для дошкольного образования³. Дошкольные учреждения Турции посещают всего 5–10 % турецких детей. Главным образом, это дети из семей, проживающих в больших городах, где работающие матери отдают своих малышей в детские сады. В основном дети начинают посещать их в возрасте от 4-х лет. Дошкольные предметы включают обучающие игры, пение, театр, рисование, нормы общественного поведения.

Начальное образование является обязательно совместным для мальчиков и девочек в возрасте от 6 до 11 лет. С начала 1980-х годов большинство детей в возрасте с 6 до 10 лет были школьниками. По оценкам на 1994/5 учебный год, в Турции насчитывалось около 46 тысяч начальных школ, в которых обучались 97 % населения соответствующих возрастных групп. Дети в деревнях охотнее и лучше

---

² A Gender Review in Education, Turkey 2003. С. 8.

³ A Gender Review in Education, Turkey 2003.

посещали школы, также в связи с тем, что в городах родителям проще держать своих детей, особенно девочек, дома.

В начальной школе классный руководитель ведет учеников, начиная с 1 и по 8 класс. То есть, один и тот же учитель занимается детьми от момента поступления до их выпуска из школы. Занятия в школах идут в две смены: до обеда и после обеда. В каждом классе обучается от 20 до 40 детей, однако в сельской местности, где учителей не хватает, численность классов может быть больше. Родители сами покупают детям униформу, карандаши, ручки, тетради. Если в государственных образовательных учреждениях школьники носят униформу, как правило, синего, иногда черного цвета, то униформа учеников в частных школах более красочна и орнаментирована. Первичное образование является бесплатным, за исключением частных школ, в которые ходит 2 % детей от общей численности всех учеников первичных школ. Однако некоторые школы собирают денежные пожертвования от семей⁴.

В средних школах первой ступени, программа которых рассчитана на два года, обучаются дети в возрасте от 12 до 14 лет. Девочки и мальчики обучаются совместно, и это образование является также обязательным, начиная с 1972 года. Однако власти не настаивают строго на посещение средней школы первой ступени, особенно в сельской местности, где численность средних школ невелика, и ученикам приходится преодолевать до них немалые расстояния. Министерство национального образования не публикует данные о посещаемости средних школ, однако эксперты высказывают заключение, что, скорее всего, она не превышает 60 % в соответствующих возрастных группах. Одним из главных стимулов увеличения посещаемости стало издание в 1983 г. закона, запрещающего принимать на работу молодых людей, не достигших 14-летнего возраста. Окончание средней школы является необходимым условием для поступления в высшую школу общего профиля, профессиональные, технические и ремесленные училища.

Посещение средней школы второй ступени не является обязательным. Эти школы не являются составной частью лицеев и колледжей или профессиональных училищ. По всей стране насчитывается приблизительно до 1300 таких школ, которые находятся под надзором Министерства по делам национального образования. Трехлетнее обучение в лицеях и колледжах также является совместным для обоих полов. Обучение во многих лицеях и технических колледжах в крупнейших городах страны ведется на двух языках: родном (турецком)

---

⁴ A Gender Review in Education, Turkey 2003. С. 11.

и иностранном (английском, французском, немецком). В стране открыты 12 лицеев для трех официально признанных национальных меньшинств — армянского, греческого и еврейского. Обучение во многих из профессиональных училищ проходит по четырехлетней программе. Профессиональная высшая школа включает специальные технические училища для молодых людей, школы домоводства для девушек, педагогические и медицинские училища, торговые и сельскохозяйственные школы, школы по подготовке мусульманских преподавателей и другие специализированные заведения. Получить высшее образование турецкие граждане могут в нескольких сотнях институтов, включая профессиональные школы, академии, институты, но прежде всего в 27 государственных университетах, в которых на 1993/4 учебный год числились более 450 000 студентов.

Согласно Закону об университетах от 1946 г., государство субсидировало и предоставляло автономию турецким университетам. Однако, начиная с 1980, а особенно в 1981, правительство стало дополнять Закон об университетском образовании, и университеты стали испытывать интенсивные вмешательства в свои дела со стороны правительства. Военные лидеры страны выражали уверенность в том, что именно университеты выступают центрами зарождения деструктивных политических идей и начинают угрожать стабильности государственного устройства. Таким образом, они добились, что в 1981 г. высшее университетское право и в 1982 г. соответствующие положения в Конституции были пересмотрены и подвергнуты серьезным изменениям. Например, обязательным условием Конституции стало то, что Президент страны назначает ректоров университетов, Конституция дала право правительству основывать новые университеты, назначать Совет по Высшему образованию (СВО). Новый Закон о высшем образовании запретил учителям и зачисленным в ВУЗ студентам состоять и работать в политических партиях и потребовал стандартизации учебных планов всех университетов.

СВО состоит из 25 членов, из которых 8 назначается непосредственно Президентом, 8 Межуниверситетским Советом, 2 Министерством по делам национального образования, 1 Генеральным штабом Вооруженных Сил. Руководитель СВО назначается непосредственно Президентом Республики. СВО наделено правом рекомендовать и назначать ректоров, деканов и профессоров, утверждать прием в университеты студентов, планировать новые университеты. Во власти СВО также перемещение сотрудников факультетов из одного университета в другой. На факультетские советы, которые до 1980 г. имели право издавать академические правила, теперь возлагались только консультативные функции.

В связи с тем, что образование имеет серьезное значение для продвижения по социальной лестнице, численность студентов, желающих поступить в университеты, с 1975 г. ежегодно увеличивается, превышая число выделенных мест. Чтобы быть зачисленным, поступающий должен успешно сдать общенациональный университетский вступительный экзамен, который назначается, контролируется и оценивается Центром по отбору и назначению студентов. Начиная с 1990-х, каждый год более 100 тысяч претендентов усаживаются на абитуриентскую скамью, чтобы сдать вступительный экзамен.

Вдобавок к пяти уровням, описанным выше, система включает широкий диапазон неформального профессионального образования для отдельных групп детей и совершеннолетних с нарушенной трудоспособностью. В целях повышения уровня образовательной системы, Министерство по делам национального образования также содержит частные средние школы и школы второй ступени с программами специального профессионального образования. Дополнительно, через свое Управление по обучению и неофициальному образованию, Министерство проводит неформальное профессиональное обучение умственно отсталых, тех, кто бросил школу, сезонных сельскохозяйственных рабочих, людей из городских неформальных секторов.

Всемирный Банк развития, вкладывающий деньги в фонды по созданию индустриальных тренинговых программ начиная с 1970-х, стал главным источником поддержки неофициальных профессиональных образовательных программ. Эти программы рассчитаны на подготовку квалифицированного персонала, дополнительно к персоналу, приходящему из системы официального профессионального образования

Правительственные планы связаны со значительным ростом неформальных профессиональных учебных программ: в 1994/5 г. 650 тысяч человек, достигших совершеннолетия, ожидали очереди, чтобы быть включенными в такие программы и в дальнейшем найти подходящую работу, в том числе 150 тысяч для прохождения профессиональной подготовки для работы в индустриальной сфере.⁵

В 1998/9 учебном году 208,472 детей в возрасте от 6 до 14 лет пользовались системой неофициального образования. Эта цифра включает практические ремесленные школы и институты для девушек; профессиональные курсы, открытые под кодовым номером 3308; публичные профессионально-технические курсы; курсы по

---

⁵ <http://www.bookrags.com/research/tureyededucation-system-ema-05/>

изучению Корана; частные профессиональные курсы; частные колледжи и др.⁶

1990-е годы стали свидетелем крупных прорывов в решении проблем, касающихся образования в Турции. В августе 1997 г. Парламент принял новый Закон о базовом образовании № 4306, согласно которому продолжительность обязательного школьного обучения была увеличена с 5 до 8 лет и определил улучшения в качестве и релевантности базового образования. Осуществлению программы базового образования способствовало расширение займа Всемирного банка в дополнение к правительственным фондам и дотациям.

Фундаментальными целями программы базового образования стали: расширение восьмилетнего непрерывного начального образования; повышение качества начального образования; увеличение эффективности системы⁷. После введения этой программы общий уровень вовлеченности в базовое образование возрос с 75,6% до 91,8%. Наибольший прогресс в уровне вовлеченности в сельской местности, где вовлеченность на уровне 6-го года обучения (первый год из увеличенного срока) за первый год осуществления программы возрос на 162%. Эти данные с того времени продолжают улучшаться⁸.

Министерством национального образования были созданы новые помещения для базового образования, 13 региональных школ продленного дня (из них 11 исключительно для девочек), и школ-интернатов, что привело к дополнительным возможностям для более чем 3 миллионов учащихся в системе базового образования.

В системе базового образования в 36 провинциях страны для нуждающихся учащихся раздают полные наборы бесплатных учебников. Предоставляется бесплатное питание в школах, работающих по программе обеспечения транспортом, в системе интернатов, а также учащимся, проживающим в подвергшемся землетрясению районах. 635 тысяч учащихся из тех деревень, где школы не могут организовать обучение с 6 по 8 классы, ежедневно предоставляют транспорт в более населенные центры, где имеются такие школы.

Чтобы содействовать посещаемости школ, в 2002 году Фонд общественной солидарности распространил финансовую помощь семьям, которые входят в группу с доходами ниже 6% в шести провинциях с целью. Наряду с этим, Министерство национального образо-

⁶ Данные Государственного Института статистики. См.: A Gender Review in Education, Turkey 2003. С. 20.

⁷ Оценочный доклад по образованию для всех — 2000. Сообщения по странам, Турция

⁸ ЮНИСЕФ, 2002

вания разработало план обеспечить все школы базового образования интернетными компьютерными технологиями. Высокий процент администраторов и учителей прошли подготовку в учебных центрах по обучению информационным технологиям.

На 2003 г. общее число школ в Турции составило 52,616. Из них 11,314 — дошкольные учреждения, 35,168 — первичные школы и 6,134 приходится на школу второй ступени⁹. Разница посещаемости школ в сельской и городской местности имеет различия. Нередко, чтобы добраться до школы деревенскому ребенку приходится проделывать путь более 2,5 километров. Путь в школу для городских детей гораздо короче. В соответствии с Законом № 4306, государство обязано обеспечивать транспортом детей, если их школа находится на расстоянии более чем 2,5 километров от места проживания¹⁰.

В своем исследовании турецкий образовательной системы А. С. Сельджук говорит, что в последние годы самые заметные споры вокруг системы турецкого образования касались больше бытовых проблем, но в их числе были и «разрешение посещения занятий девушками в головных платках, вопрос о перенаселенности школ, наказание детей за пропуск занятий работой, растущие по всей стране как грибы частные университеты...». Исследователь приходит к выводу, что «Продолжая тенденции, возникшие в позднеосманское время, решение проблем, вне всякого сомнения, станет отражением борьбы идеологий и соперничества за ресурсы»¹¹.

В обзоре ЮНИСЕФ по гендерным проблемам в сфере образования за 2003 г. говорится, что несмотря то, что поддержку базовому образованию в Турции, начиная со времен османской империи, были приняты различные законы и правила, состояние образования остается препятствием для развития — особенно в отношении женщин. И хотя после провозглашения Турецкой Республики начальное образование было объявлено обязательным, что впоследствии было подтверждено статьей 42 Конституции 1982 г., тем не менее, статистика показывает, что безграмотность и относительно низкая школьная посещаемость продолжают оставаться проблемой турецкого общества.

Существуют гендерные различия в грамотности (80,6 % для женщин при 93,9 % для мужчин по данным переписи 2000 г.). Современные данные охваченностью школьным образованием (91,8 % для

⁹ A Gender Review in Education, Turkey 2003. С. 21.

¹⁰ A Gender Review in Education, Turkey 2003. С. 21.

¹¹ Somel, Aksin Selcuk. The Modernization of Public Education in the Ottoman Empire, 1839–1908. Leiden, Netherlands: Brill, 2001. Электронная версия: <http://www.enjoyturkey.com/info/facts/Education.htm>

девочек и 100 % для мальчиков для начального уровня) также демонстрируют неравенство в плане охвата образованием.

В сельской местности гендерные различия выше, чем в городах. 16,6 % женщин в городах не умеют читать или писать и 30,8 % в сельской местности являются неграмотными, тогда как только 3,9 % в городах и 9 % в сельской местности мужчин неграмотны.

Миграция из сельской местности в города (особенно из восточных регионов в западные) в Турции по-прежнему распространена, так что проблема женской неграмотности переносится в город. Наиболее высокий уровень неграмотности наблюдается на юго-востоке, где 39 % женского населения является неграмотным, за этим следуют восточный регион и регион Черного моря, где уровень составляет соответственно 35 % и 21 % (перепись населения 2000 г. Государственный институт статистики, 2003).

Таким образом, эксперты ЮНИСЕФ приходят к выводу, что, несмотря на зафиксированные положения во Всемирной декларации прав человека, Конвенции о правах ребенка и об образовании для всех, уровень неграмотности в Турции показывает, что государство не исполняет обязанности обеспечить одинаковый доступ к образованию для женщин¹².

Итак, в настоящее время в Турции существует государственная система обязательного восьмилетнего образования, общая же школьная подготовка ведется на протяжении 12 лет. В то же время в стране существует определенное число частных и международных школ, которые, хотя и труднодоступны для большинства населения по экономическим причинам, но, тем не менее, пользуются большой популярностью.

Отношение к исламу, его модернизации — это один из ключевых моментов для понимания современных процессов в Турции, в том числе и в сфере образования. С конца 1970-х годов по всей стране стали открываться школы по подготовке мусульманских кадров, именуемые *imam hatip okulları*. В начале 1990-х их насчитывалось 350 и в них обучались до 10 % от студентов всех высших школ Турции. Особый акцент в образовательной программе данных заведений делался на изучение религиозных предметов, но в остальном учебные планы *imam hatip okulları* похожи на программы других профессиональных училищ. Европейский исследователь Бенджамин Фортна в своем исследовании пишет о том, что в период однопартийной системы (1923–1945), правительство в своей национальной политике активно вводило светские школы, особенно для того, чтобы про-

---

¹² A Gender Review in Education, Turkey 2003.

двинуть вперед население сельских местностей. В борьбе за ликвидацию безграмотности, распространялась программа образовательных учреждений в деревнях, которые повысили бы процент грамотного населения. Широкое распространение успешных инициатив было приостановлено, когда на выборах в 1950 г. одержала победу Демократическая партия. В предвыборной кампании, когда правящая партия боролась за голоса своих избирателей, правительство дало больше свободы религиозным образовательным программам, таким как факультативное религиозное образование, специальное обучение проповедников в школах (1947). В 1949 г. был создан теологический факультет в Университете Анкары. После победы на выборах в 1959 г., Демократическая партия заметно расширила религиозное образование, нарушая таким образом секулярные принципы кемалистского государства. После возвращения к власти Республиканской Народной партии — партии, основанной Ататюрком, состоявшегося благодаря поддержке военных в 1960 г., произошло расширение сети специальных агентов (особенно в Анатолии), ведущих пристальное наблюдение за религиозными школами¹³.

Многие исследователи признают, что 1970-е годы были особенно сложными для страны. Аксин Сельджук Сомель так описывает этот процесс: «В 1970-е годы, когда Турция вошла в период политического беспорядка, образование вновь оказалось в эпицентре активных событий. Забастовки, протесты, жестокость и насилия в противостоянии между правыми и левыми... В это время большинство университетских кампусов уже стали безнадежно устаревшими, что привело к тому, что ряд академических сотрудников не стали безропотно молчать, а выплеснули свой гнев, протестуя против правительственной политики»¹⁴.

В середине 1980-х, период, когда Тургут Озал стал премьер-министром, его правительство санкционировало открытие первого частного университета Билькент. Это высшее некоммерческое учреждение было основано в Анкаре в 1986 году известным педиатром Ихсаном Дограмаджи (Ihsan Dogramacı). Университет имеет обширные партнерские связи с высшими образовательными учреждениями США и Европы и как нельзя лучше иллюстрирует международный характер турецкой высшей образовательной системы. За прошедшие

---

¹³ См.: Fortna, Benjamin C. *Imperial Classroom: Islam, the State and Education in the Late Ottoman Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2002; <http://www.enjoyturkey.com/info/facts/Education.htm>

¹⁴ Somel, Aksin Selcuk. *The Modernization of Public Education in the Ottoman Empire, 1839-1908*. Leiden, Netherlands: Brill, 2001. Электронная версия: <http://www.enjoyturkey.com/info/facts/Education.htm>

22 года в Билькенте получили образование более 10 тысяч студентов разных национальностей из 72 стран мира¹⁵.

Йедитепе (Yeditepe) в Стамбуле является самым большим университетом Турции и крупнейшим департаментом в турецкой образовательной системе. Университет был основан в 1996 г. и за прошедшие 12 лет в нем прошли подготовку более 10 тысяч студентов. Основатель и руководитель университета Йедитепе Бедретдин Далан, бывший мэр Стамбула, говорит: «Это лишь один из множества образовательных проектов, который в то же время играет определенную роль в международном образовательном процессе». Строительство университета продолжается на протяжении всех лет его существования. Из средств своего фонда Бедретдин Далан построил детский сад, школу элементарного уровня и высшую школу. Такая трехчастная система подготовки стала новейшей инициативой Йедитепе в турецкой образовательной системе.

По мнению ряда турецких специалистов, система образования в целом нуждается в усовершенствовании. Так, господин Далан уверен, что если страна желает максимально использовать потенциал своего молодого поколения, качество турецкой образовательной системы должно совершенствоваться. Сотрудники Йедитепе гордятся тем, что помимо высококачественных образовательных программ, в университете удалось создать хорошую атмосферу, и дружеское взаимодействие между студентами становится ключом к их поиску знаний¹⁶.

Одна из новых инициатив, взятых на себя университетом — программа образовательного обмена с США. Американские студенты могут проводить в Йедитепе один или два семестра. Ректор Ахмет Серпиль (Ahmet Serpil) рассчитывает, что летом 2009 года в университет прибудут до 500 американских абитуриентов и преподавателей. «Это хороший повод для установления и улучшения отношений между странами», — говорит он¹⁷.

Еще один из популярных турецких частных университетов — стамбульский Босфорский университет (Boğaziçi). В настоящее время на факультетах экономики, искусств, администрирования, научном факультете в нем обучается более 10 тысяч студентов. Университет поддерживает контакты со многими институтами по всему миру и участвует в многочисленных программах по обмену студентами.

---

¹⁵ <http://www.coutrystudies.us/turkey/50.html>

¹⁶ <http://www.yeditepe.edu.tr>

¹⁷ The New Turkey Today. August 18, 2008. См.: <http://www.nytimes.com/global/turkey/three.html>

В ходе командировки в Турцию в составе делегации Института востоковедения Российской Академии Наук (принимающая организация Платформа «Диалог Евразия»), автору удалось ознакомиться с работой системы частных школ и колледжей, основанных сторонниками движения Фатхулла Гюлена. Эти частные школы в своих образовательных программах следуют всем законам, касающимся общеобразовательной системы Турции. В то же время в них царит особая атмосфера, в своем бытовом устройстве, принципах социального общежития, отношениях между учителями и учениками эти школы следуют принципам своего учителя, современного социального реформатора Турции Ф.Гюлена.

Вот что говорит об этих школах крупнейший турецкий историк, директор музейного комплекса Топкапы, профессор Эльбер Ортайлы: «Я видел много таких школ в Турции, Средней Азии, России, Европе. Это интересные школы, очень похожие на французские учебные заведения Османской империи. Широкую поддержку им оказывают турецкие бизнесмены. В школах Гюлена хорошие учителя, ученики прекрасно усваивают иностранные языки. Фатхулла Гюлен — лидер движения модернизации в исламе, которое сейчас охватило весь мир. У него хорошие отношения с Ватиканом, еврейским миром, поэтому много исламских фундаменталистов выступают против него. Я люблю эти интересные школы, и хотел бы видеть в этой программе и русские школы в Турции»¹⁸. Пока такая частная школа, открытая русским бизнесменом есть только в Анталье, в ней учатся около 60 учеников, в том числе турецкие граждане.

Но вернемся к школам Гюлена. Путь к их созданию не был коротким, и во многом связан с процессами, происходящими в Турции, в 1970-е годы. В мечети одного из районов Стамбула — Ускюдаре, каждую пятницу толпы народа собирались с целью послушать молитвы и проповеди Гюлена. Их передавали по телевидению. Большое внимание Ф. Гюлен уделяет вопросам воспитания и образования молодежи. С этой целью его сторонниками в Турции и за ее пределами были открыты частные университеты, колледжи, школы, летние лагеря, сеть культурных учреждений. В 1990-е годы деятельность Фетхулла Гюлена была активно поддержана девятым президентом страны Сулейманм Демирелем.

Данную ситуацию нам попытался разъяснить заместитель главного редактора газеты «Заман» Абдул-Хамид-бей: «В 1980-е годы развитие Турции было остановлено. До 70 % населения жили в деревнях. Вся экономика, как и средства массовой информации,

---

¹⁸ Запись беседы с Э.Ортайлы от 03.05.2008. Архив автора.

находилась в руках государства. В настоящее время 80% экономики перешло в частные руки, 80% населения теперь живет в городах. Сегодня мы видим совершенно другую Турцию, это только на карте не меняются ее очертания. Имя Фатхуллы Гюлена связано с восьмым президентом Турции Тургутом Озалом, который фактически провел перестройку Турции. Раньше граждане Турции не могли получить паспорт для выезда за границу, нам было запрещено иметь иностранную валюту, 10–15 лет мы стояли в очереди на подключение телефона, все деньги находились в руках государства. Дети из деревень стали взрослыми, получили хорошее образование, а сейчас они хотят иметь право управлять страной. Но бывшие управляющие страной не желают делиться своей властью, поэтому в стране возникают серьезные политические проблемы, бывшая и новая действительность входят в противоречие. Вовлеченным в этот процесс оказался и фактор ислама, потому что люди старой генерации настаивают на недопустимости вовлеченности ислама в официальную жизнь страны, как того требуют принципы кемалистского государства. Но страна не может отказаться от своей религии, и в новой модернизированной форме ислам входит в систему государственного управления. В этих процессах во многом лежит ключ к пониманию современных политических процессов, происходящих в Турции. Мы — люди нового поколения, и Фетхулла Гюлен — это человек, который олицетворяет современное лицо Турции»¹⁹.

Эмзар Макарадзе отмечает, что в этих учебных учреждениях созданы самые лучшие условия для учебы²⁰.

В Стамбуле мы посетили Бурдж-колледж. При его открытии здесь обучались 240 школьников, через несколько лет число учеников выросло до 420 человек. В колледже 24 класса, в каждом из которых обучается не более 20 человек. У Бурдж колледжа есть 3 школы-побратима — 1 на востоке Турции, 1 в Стамбуле и 1 на Украине. В систему колледжа также входят 6 детских садов, 4 начальных школы и 4 лицея, общее число детей в которых составляет около 4 тысяч человек.

В системе гюленовских школ Стамбула действует и колледж под названием Фатих, включающий 6 первоначальных школ, 5 лицеев и несколько детских садов, колледж Уфук, включающий 8 учебных заведений. Всего в Стамбуле создано около 60 таких колледжей с общим числом учеников около 30 тысяч человек.

Бурдж колледж имеет договорные отношения с одним из американских лицеев, где его выпускники проходят дальнейшее обучение

---

¹⁹ Встреча в редакции газеты «Заман». Видеозапись от 03.05.2008. Архив автора.

²⁰ Макарадзе Э. Актуальные проблемы современной Турции. Батуми, 2000. С. 32.

и профессиональную подготовку. Мы могли лично убедиться в высочайшем уровне организации образовательного процесса в колледжах. Великолепно оборудованные компьютерные классы, химические и физические лаборатории, спортивные залы, бассейны, музыкальные классы, художественные студии, конструкторские кружки, классы по домоводству и сохранению традиционных промыслов, прекрасные кафетерии и столовые, но главное — отношение между преподавателями и школьниками, которое строится на любви, взаимовыручке и постоянной поддержке. Увиденное нами позволяет сказать, что это — образование, обращенное в будущее, заложенное лет на 20 вперед. Здесь присутствует удивительное внимание к мелочам: вся школа оформлена в теплых добрых хороших цветах, на ступеньках здесь написаны изречения, идиомы английского языка; на лестницах нарисованы маленькие ступни — они показывают правостороннее движение, где нужно идти вниз, а где вверх. Ребенок бежит по лестнице, а перед глазами английская идиома, и так — каждый день. Конечно, через некоторое время он уже будет наизусть помнить эти добрые английские изречения, в которых кроме языкового тренинга заложен и большой воспитательный смысл. Большинство учителей в школах Гюлена — люди, возраст которых не превышает 40 лет. Обязательное требование к учителям: они не должны курить и употреблять спиртные напитки.

Во время нашей встречи преподаватели Бурдж колледжа говорили: «У нас идет постоянный рост поступающих, потому что кроме образования мы уделяем большое внимание воспитанию. Ученики школ относятся с огромным уважением к своим родителям, семье и своей стране. В Стамбуле и других крупных городах много проблем с воспитанием, поэтому этот фактор немаловажен». У колледжа есть школы-побратимы из Украины и Америки, происходит взаимобмен учениками на 1–2 недели. Приезжающие (дети старше 6 класса) живут не в гостиницах, а домах студентов, именно так начинается диалог между учениками. Здесь учатся студенты из иностранных семей, которые для поступления обязательно должны знать турецкий язык. Обучение в колледже платное, в плату включается не только образование, но питание и пользование всей инфраструктурой.

В системе частных школ Гюлена есть программа для необеспеченных, но талантливых учеников, в каждый класс могут быть приняты 1–2 человека на бесплатной основе. В Турции около 60 тысяч человек после 5 класса сдают экзамены для поступления на следующий школьный уровень, и первая тысяча самых успешных студентов имеет право обучаться в системе частных колледжей Гюлена на бесплатной основе.

В один из вечеров мы посетили концерт, данный учениками Бурдж-колледжа в крупнейшем из бизнес-центров в районе аэропорта Стамбула. Огромный творческий коллектив — только в оркестре 400 исполнителей из разных школ колледжа, состоял из детей разных возрастов. На выступлении присутствовали высокие гости из числа спонсоров колледжа, представители властных структур Стамбула. Несколько тысяч зрителей — родственников, друзей и просто желающих посмотреть концерт собрались в огромном зале. Выступление коллективов школ, входящих в систему колледжа, проходило на высочайшем профессиональном уровне.

4 мая из Стамбула мы переправились на пароме через Мраморное море, и, прибыв в порт Елова, выехали в Бурсу, где 5 мая посетили колледж Нилюфер, а затем были приняты губернатором города господином Шарафетдином Харпутом. В своей речи г-н Харпут, в частности, рассказал о том, что, несмотря на то, что он не был в России, но в разное время посетил Киргизию, Казахстан, Узбекистан. В этих республиках его поразило, что во многих общественных местах, а особенно транспорте, он видел людей, которые читали книги, газеты: «А ведь читать для человека, это также важно как пить и дышать. Поэтому мы очень рады принимать академическую делегацию в Бурсе». Губернатор рассказал о Бурсе — городе с древней уникальной культурой, не похожий на другие города Турции. Достаточно сказать, что первые шесть турецких падишахов Османской империи жили именно в Бурсе. Это — древний термальный город с многочисленными минеральными источниками, берущими свое начало на снежных вершинах горы Улудаг. Губернатор Бурсы посетовал, что в городе практически нет русских туристов и бизнесменов: «Всего 4 месяца как я принял этот пост, и желаю, чтобы двери Бурсы как можно шире были открыты для российской науки, туризма, бизнеса». Шарафетдин-бей пригласил ученых России посетить город еще раз, возможно, провести здесь совместную конференцию, чему обещал свою полную поддержку. Зная о нашем визите в колледж Нилюфер, он сказал: «Мы поддерживаем школу, которую вы посетили. Школа является очень успешной, и мы рады с ней сотрудничать. Жаль, что многие люди, в том числе в России, не имеют достаточно сведений о школах Гюлена, и нередко получают необъективную, провокационного характера информацию. Очень важны общемировые человеческие ценности, которые заложены в основе работы этих школ. В один из моих приездов в Среднюю Азию, женщина — директор магазина, в который я зашел, очень благодарила меня. Я спросил: за что вы говорите мне «спасибо»? И она ответила: «Мой сын пошел в турецкую школу, раньше он был непослушным, отношения в се-

мье были напряженными. Теперь все изменилось, я будто второй раз обрела своего сына». Женщина обняла меня и еще раз поблагодарила. Я считаю моральную сторону образования в этих школах очень важной»²¹.

В Измире наша делегация побывала в колледже Яманлар. Осман-бей, заместитель директора школы, рассказал, что именно Яманлар стал первым учебным заведением, открытым сторонниками Фатхуллы Гюлена. Это произошло в 1982 г., таким образом у системы частных учебных заведения движения Гюлена уже накоплен более чем двадцатипятилетний образовательный опыт. В колледже 8 школ (общеобразовательные и профессиональные лицеи), 5 кампусов в которых учатся 8 тысяч студентов — 3 тысячи человек в лицее и 5 тысяч в начальной школе. В каждом классе 20–24 учеников. Создана система интернатов. Мы посетили школу, в которой учатся более 500 учеников. Из них 300 мальчиков и 50 девочек из 500 человек живут в интернате. Дети живут в разных зданиях, а обучаются в совместных классах. За 26 лет работы в высшие учебные заведения страны из колледжа поступили около 80 % выпускников. При этом Осман-бей подчеркнул, что из государственных школ в ВУЗы поступает всего 8 % выпускников. В 2007 г. 1,5 миллионов человек сдавали вступительные экзамены в ВУЗы, а выдержали конкурс 130 тысяч человек. Ученики частных школ проходят высокий конкурс и показывают, что качество их образования находится на самом высоком уровне. Колледж Яманлар занимает первые места на международных школьных олимпиадах, в которых участвует Турция. Причина этого кроется, как считает дирекция колледжа, в отношении учителей к своей работе. Несмотря на вечернее, не учебное время, все преподаватели были в школе. Они живут рядом и отдают все свое время школе, в субботу и воскресенье предоставляют дополнительные уроки для учеников, которым нужна помощь в учебе.

Сейчас, как нам сказали в колледже, практически нет никаких проблем с организацией образовательного процесса. Хотя в 1982 г., когда все только начиналось, приходилось преодолевать много трудностей, в том числе и связанных с политическими проблемами в стране. Тогда при закладке главного здания колледжа в Яманларе решили построить мечеть. Конечно, это стало бы вызовом общественной системе, которая категорически запрещает привнесение любых религиозных элементов в образование, перенося все нормы государственного устройства и на частные учебные заведения. Из предполагаемой мечети сделали библиотеку, нисколько не нарушив

---

²¹ Видеозапись встречи с губернатором Бурсы от 05.05.2008. Архив автора.

общий архитектурный ритм мечетной постройки. И сегодня внутреннее убранство библиотеки, тишина, царящая здесь, светлые орнаментированные ковры на полу большого зала, прекрасные лазуритовые изразцы на стенах и потолке настраивают проходящего сюда на молитвенный лад...

Еще один колледж, увиденный нами — Кылычаслан в горде Кайсери. Мы прилетели в Кайсери рано утром. От заснеженных вершин, которыми окружен город, веяло чистой прохладой. В школе нас уже ждали заместитель директора школы Алту-бей, администратор школы и преподаватель биологии Икрам-бей, ответственный за связи с общественностью Мурад-бей. Вместе с учителями нас встречали спонсоры школы. Мустафа-бей — руководитель фабрики, производящей спортивную обувь, Осман-бей (отец ребенка, обучающегося в школе), владеет фирмой, торгующей краской. Ахмет-бей — директор строительной фирмы, и хотя его сыну только 1 месяц, он оказывает помощь школе, будучи уверенным, что когда мальчик вырастет, то обязательно пойдет учиться именно сюда.

Колледж Кылычаслан был открыт в 1999 г., он включает в себя общеобразовательную школу и профессиональный лицей. Здесь большой спортивный комплекс, закрытые залы, теннисный корт. В системе Кылычаслан обучаются 450 студентов. Для того, чтобы поступить в школу, сдается вступительный экзамен. Оплата за обучение 8 тысяч долларов в год в год, но 200 учеников из 450 обучаются на бесплатной основе. Они также держат первые места в олимпиадах среди школ Турции, общегородских спортивных чемпионатах в тэквандо, шахматы, баскетбол.

На всем протяжении нашей командировки мы встречались с семьями учеников и бизнесменов, спонсирующих учебные заведения. Одним из главных лейтмотивов наших бесед было то, что в XXI в. страной будут управлять те люди, которые выйдут из этих школ. Нам интересовало, каким образом у молодых людей воспитывается чувство гордости своей страной, каково отношение к другим странам, взаимоотношения друг с другом, какие проблемы испытывают школы в построении своего образовательного процесса. Преподаватели колледжа Кылычаслан сказали, что самым большим нарушением, выявленным в школе за последний период, стали пять учеников, которые курили сигареты. Почти 100 % выпускников школы при поступлении в ВУЗы проходят конкурс. Одно из самых сильных впечатлений во время посещения колледжа Нилюфер в городе Бурса на нашу делегацию произвел небольшой плакат у дверей одного из классов. На нем остро отточенный карандаш рубил пополам кинжал, и турецкая надпись гласила: «Карандаш острее меча». Также как и ответ

одного из преподавателей на наш вопрос, в чем заключается мечта его жизни: «Я идеалист, и моя мечта заключается в том, чтобы наши ученики тоже стали идеалистами. Чтобы они любили весь мир, все человечество. Мы хотим, чтобы наши ученики стали настоящими людьми».

Ли Ю. А.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ТУРЦИИ (1980–2010 ГГ.)

Власти Турции во все времена ее республиканского развития уделяли и продолжают уделять внимание формированию образовательной сферы. Если в первые годы становления республики это была кампания по ликвидации неграмотности, деятельность разнопрофильных общеобразовательных и профессиональных курсов, затем начались системные реформы школ разного уровня, обусловленные политико-экономической необходимостью. Важнейшие из них принимались в последние два десятилетия XX века. Власти страны реформировали ряд звеньев национальной системы просвещения, с целью повышения качества рабочей силы и расширения профессионального выбора.

В силу исторических причин, в результате военного переворота 12 сентября 1980 г., когда парламент был распущен, деятельность политических партий приостановлена, власть в стране перешла в руки Совета национальной безопасности, который взял на себя законодательные функции. В первую очередь военная администрация начала борьбу с политическим экстремизмом: по стране прокатилась волна массовых арестов, при активной поддержке населения, уставшего от постоянно нестабильной обстановки. Очаги экстремизма подчас находились в среде учащихся средней и высшей школы: драки учеников происходили в учебное время в аудиториях, жертвами которых часто становились не только студенты, но и профессора и преподаватели. Официально была зарегистрирована гибель сотен студентов¹.

В ноябре 1982 г. в результате референдума была принята Конституция страны, которая во многом ограничивала демократические свободы, усиливала контроль государства, в том числе и в сфере образования. В этих обстоятельствах был принят закон №2547 О высшем образовании, главной целью которого было введение централизации в управление процессами подготовки специалистов высшего звена и проведения научных исследований². Принятие этого

---

¹ La Politique de l'Enseignement en Turquie. La Temp Modern. 1984. N°456, с. 350–352.

² Закон №2547. Т. С. Resmî Gazete. 06.11.1981.

закона, некоторые положения которого были достаточно жесткими, было вынужденной мерой.

Чтобы держать под контролем систему образования, по решению военного правительства, был создан Совет по высшему образованию (СВО), который должен был решать задачи подготовки кадров и организации научных исследований в системе высшей школы: организация и развитие системы школы — университетов, научных центров, подбор профессорско-преподавательского состава, определение числа поступающих в вузы страны. Новый закон вызвал противоречивую реакцию научных кругов Турции, как шаг назад из-за потери вузами автономии в подборе кадров и выбора научной тематики³. Конституция Турецкой Республики, принятая в 1982 году, закрепила основные постулаты закона №2547 О высшем образовании в статьях 130 и 131.

Ссылаясь на закон о чрезвычайном положении, СВО в 1982 г. провел сокращение числа преподавателей и студентов, что снизило качество обучения.

В этой непростой ситуации правящим кругам предстояло решить продолжать ли концентрацию учебных заведений Анкары, Стамбула, Измира, либо рассредоточить вузы по городам Анатолии и тем самым попутно ускорить культурное развитие ее территорий. Решение было принято в пользу рассредоточения университетов по регионам страны⁴.

В первую очередь СВО сконцентрировал обучение специалистов высшей квалификации в однотипных учебных заведениях — университетах, за счет ликвидации академий, большая часть из которых была упразднена, на базе других — созданы новые университеты. В дальнейшем пересмотр экономической политики Турции, направленный на формирование свободного рынка, создание открытой экономики, поощрение частного предпринимательства и ограничение государственного вмешательства вынудили руководителей системы национального образования пойти на организационные меры, направленные на структурные изменения высшей школы, в том числе открыть доступ к образованию большему числу молодежи⁵.

Поначалу острый болезненный процесс организации новых вузов в провинциальных городах страны, по прошествии времени начал приносить положительный эффект. Рассредоточение универ-

---

³ Систему управления университетов ввел М.К. Ататюрк в 1933 г. Первый закон об автономном статусе университетов был принят в 1946 г. Его положение были закреплены в статье 120 Конституции страны 1961 г.

⁴ Turkey 1986. Almanac. Ankara, 1986. С. 377.

⁵ Турция: история и современность. М., 1988.

ситетов устранило диспропорции в их размещении, обеспечило более высокие темпы развития отсталых в экономическом отношении районов, так как при создании вуза учитывались местные условия и потребности в специалистах, подготовка которых была ориентирована на рациональное использование природных ресурсов данного района, развитие производства.

В 80-х годах университеты появились в 18 городах страны, в 1996 г. уже в 67 многопрофильных вузов готовили кадры в 39 городах. К 2000 г. число университетов достигло 72, включая университеты на территории Республики Северного Кипра и в тюркоязычных республиках СНГ.

По состоянию на 2007 г. в стране насчитывалось 130 университетов. По существу, вузы теперь функционируют в каждом из центров провинции — илей.

Несомненно, создание новых университетов сопряжено со значительными трудностями и проблемами их становления. Но университет в регионе играет роль не только центра высшего образования, в его рамках постепенно создаются профессиональные школы разного уровня 4-х и 2-х годичные (последнее образование), что расширяет возможности получения профессии и ремесленных навыков для местного населения, тем самым облегчая проблемы трудоустройства молодежи. Подобного рода структуры занимают приблизительно третью часть в рамках высшей школы⁶.

Построение динамичной экономики, без успехов которой Турция не сможет занять достойное место в современном мире, во многом зависит от совокупного развития науки и системы образования. Включение Турции в систему международного разделения труда способствовало как сохранению и развитию традиционных отраслей ее экономики, так и созданию современных высокотехнологических производств, в том числе электроники.

Показателем успешного освоения Турцией высоких технологий стало применение в сферах производства и бизнеса информационных и компьютерных программ, мобильной телефонии. Турецкие власти придавали большое значение внедрению компьютерных технологий в экономику страны, что предусматривало необходимость интенсивной подготовки соответствующих кадров.

---

⁶ В 2002/2003 учебном году в составе 552 факультетов университетов функционировало 175 4-х годичных профессиональных школ и 446 — 2-х годичных (последнее образование). Где обучалось 27,6% учащихся вузов. Нередко в силу одномоментной необходимости при факультетах или кафедрах открывает профессиональные курсы. Milli Eğitim Bakanlığında Hoşgeldiniz. Ankara, 2.06.2008.

Специалистов сферы информатики готовят технические университеты страны: Средневосточный технический университет в Анкаре и Стамбульский технический университет. К концу XX в. начали функционировать технические университеты Акдениз (Анталья), Анатолийский (Эскишехир), Фырат (Элязыг), Докуз Эйлюль и другие⁷. Однако возможности государственных вузов в некоторой степени оказались ограниченными, их выпускники по уровню профессиональной подготовки часто не отвечали современным требованиям технического прогресса, особенно это касалось отраслей инжиниринга. Так, если в вузах стран Евросоюза, в частности Франции, Англии, Португалии доля специалистов-гуманитариев 9–10 %, то в Турции — 30 %, инженеров технологов — от 13 до 17 %, а в Турции — 11 %, программистов — от 3 до 7 %, в Турции — 1 %⁸.

Эти причины и обусловили открытие в конце 90-х годов частных университетов. Фирмы, фонды, корпорации и холдинги (такие как Коч, Сабанджи), заинтересованные в интенсивном развитии современных технологий, выступили инициаторами создания частных университетов, где с помощью квалифицированных национальных и частично иностранных преподавателей, при обеспечении учебного процесса современным оборудованием, и возможности стажировки молодых специалистов за рубежом, начался активный процесс обучения студентов по наиболее востребованным специальностям.

Программы обучения в частных университетах во многом идентичны учебным программам вузов Европы и США, в частности Лондонской школы экономики, Манчестерской школы бизнеса, университета города Портсмут. Они приблизительно на 80 % составлены с учетом свободного владения учащимися иностранными языками, в основном английским и французским. Устав вузов предусматривает длительные командировки и стажировки выпускников в зарубежных учебных и исследовательских центрах.

Тематика учебных программ различных подразделений частных вузов (за исключением медицинских) определяет основные направления обучения: современные промышленные и компьютерные технологии, компьютерная информатика, международные отношения в сфере бизнеса и финансов, отрасли инжиниринга.

Оплата за обучение в частных университетах Турции на порядок ниже, чем в странах Европы и США, что обусловило обучение там студентов из 50 стран, в том числе Китая и Японии.

---

⁷ The World of Learning 1997. L., 1998. С. 1431–1434.

⁸ Eğitim ne Sürdürülebilir Büyüme Türkiye Deneyimi. Riskler ne Fırsatlar. TÜSİAD Bülüme Stratejileri Dizisi. Ankara, 2007. №7. С. 57.

Правительство поощрило частную инициативу и в результате в XXI в. из 130 университетов в стране 33 являются частными. Они находятся в основном в Стамбуле, Анкаре и Измире. Именно там, где сосредоточены промышленные и научные объекты, оснащенные относительно передовыми технологиями.

Доля обучающихся в частных университетах на начало XXI в. составляла 1,9% от общего объема студенчества Турции. После сдачи вступительных экзаменов в частные вузы попадают от 30 до 60% желающих. Наибольшее число учащихся сосредоточено в университетах Билькент, Бильги, Едитепе, Фатих⁹.

Несмотря на увеличение к концу первого десятилетия XXI в. численности частных вузов, она остается незначительной по сравнению с экономически развитыми странами. Так доля частных вузов в Германии составляет 24%, Голландии 53, Бельгии — 64, Японии — 76, Южной Кореи — 78%¹⁰.

Расширение масштабов профессионального высшего образования, в частности, и за счет образования частных вузов, интенсификация процессов в промышленной и аграрной областях и сфере обслуживания способствовали повышению значения тех отраслей образования, которые питают именно эти сферы.

Однако те времена, когда полученных в ходе профессиональной подготовки знаний хватало на весь период трудовой деятельности, прошли. В век информационных технологий знания быстро устаревают. Поэтому процесс подготовки квалифицированных специалистов должен систематически обновляться. С конца 80-х годов в Турции был активно задействован новый для условий страны вариант расширения сферы профессионального образования, доступный более широкому кругу соискателей. Это разновидности нестационарного обучения: курсы профессиональной ориентации, «открытое обучение» и «непрерывное обучение». Нестационарное обучение превращается в важный компонент государственной системы образования. Расширение профессиональной подготовки предполагает решение нескольких задач: способствовать личностному развитию, контролировать усвоение изменений в производстве, повышать квалификацию работников, облегчать включение молодежи в профессиональную деятельность¹¹.

Все виды нестационарного обучения оказались удобными и весьма плодотворными по результатам, в том числе и для лиц, лишенных

---

⁹ Yükseköğretim Finansmanı. Yasal Düzenleme için Oneriler. İst. 2000. С. 145.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Turkey 2000. Ankara, 2000. С. 369.

возможности учиться в дневные часы, дали количественную и качественную отдачу. Молодежь из малообеспеченных семей использует возможности получить специальность или овладеть новой профессией в течение растяжимого отрезка времени.

Если в системе нестационарного обучения в 1989 г. приобрели квалификационную подготовку различного уровня 175 тыс. соискателей, то через 10 лет их число увеличилось до 460 тыс. К началу нового века в стране функционировало более 7 тыс. центров, где профессиональные знания получили более 4 млн. 508 тыс. человек¹².

В 2004 г. Министерством образования принята специальная программа, направленная на привлечение к обучению детей и подростков, в основном жителей пригородов, в том числе беспризорных, женщин, выпавших в силу объективных причин из формальной системы образования. В основном это курсы по ликвидации неграмотности и приобретение первичного рабочего навыка и различных ремесел¹³.

С середины 90-х годов формами нестационарного обучения стали широко пользоваться учащиеся провинциальных университетов, в основном из малообеспеченных семей, получившие таким образом доступ к приобретению профессии на растяжимом отрезке времени и за более низкую плату.

Для сравнения, если в университетах Анкары этой формой обучения воспользовались лишь 3% учащихся, в университете Гази и Хаджеттепе 4,6%, то в провинциальных вузах: Манисы (университет Джелеля Баяра) — 18%, Сиваса (университет Джумхуриет) — 28%, Кютахы (Думлупынар) — 49,7%¹⁴.

Начиная с 1992 г., в рамках нестационарного образования стало возможным получение диплома о высшем образовании не только в рамках бакалавриата, но и магистратуры, чем в 2000 г. воспользовались 21,6% бакалавров и 16,3% магистров¹⁵.

Общеизвестно, что роль образования определяется спецификой исторического периода. Национальное образование в Турции складывалось поэтапно. Об этом свидетельствуют проводимые реформы, постановления и законы, издаваемые в государстве.

В последние два десятилетия прошлого века были осуществлены реформы, коренным образом поменявшие устоявшуюся схему систе-

---

¹² Турция 2007. Анкара, 2007. С. 378.

¹³ Republic of Turkey Ministry of National Education Turkish Educational System. Ankara 2008. С. 22.

¹⁴ Cumhuriyet 05.04.1996.

¹⁵ DPT (2006). Economic ve & Sosyalterler (1950–2005).

мы образования. Это в первую очередь введение религиозного образования в рамках государственной школы. И, во-вторых, расширение образовательного цикла за счет обязательного бесплатного 8-летнего среднего образования как базы для профессиональной подготовки специалистов среднего звена, достаточное количество которых является стабилизирующей основой национальной экономики, особенно в условиях развития рыночных отношений.

С тех пор как в 1923 г. в Турции утвердился республиканский строй, и религия была отделена от государства, а школа от религии, изучение основ ислама происходило вне контроля государства¹⁶. Между тем отсутствие возможности обучать детей основам религии неоднозначно воспринималось в обществе. Особенно это было заметно в провинции, где большая часть населения привержена исламским традициям. В этих условиях задачу религиозного просвещения детей взяли на себя нелегальные учебные заведения, существовавших на частные пожертвования. Со временем оказалось, что практически по всей территории страны функционировала сеть тайных религиозных школ, обучение в которых велось в соответствии со средневековыми традициями.

Стремясь ограничить роль духовенства, а также будучи озабоченным общей религиозно-политической обстановкой в стране, особенно после победы исламской революции в Иране (1979 г.), правительство страны приняло решение ввести преподавание религиозных дисциплин в государственных начальных и средних школах, закрепив это решение конституционно. В 1982 г., впервые в истории республиканской Турции, в текст Конституции страны была введена статья (24-я) о преподавании основ мусульманской религии в государственной школе¹⁷. Преподавание религиозной культуры и нравственности вошло в число обязательных уроков сначала в начальных, затем в средних школах. Были воссозданы учебные заведения «школы имамов-хатибов», при организации которых ставилась цель подготовить преподавателей религиозных дисциплин для начальной и средней школы. Одновременно созданные лицеи «имамов-хатибов» должны были повысить уровень образования служителей культа для мечетей. Пик организации школ «имамов-хатибов» пришелся на конец 80-х годов.

---

¹⁶ До начала 70-х годов на государственном уровне функционировали лишь курсы по изучению ислама, контролируемые Управлением по делам религии. Периодически в 1949, 1956, 1967 гг. факультативное изучение теологии восстанавливалось в некоторых начальных, затем средних школах. Функционировали религиозные факультеты в университетах Анкары и Стамбула.

¹⁷ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. 1982. С. 24.

К концу 90-х годов число школ «имамов-хатибов» и религиозных лицеев достигло 800, в которых обучалось 511 тыс. учащихся. Эти заведения ежегодно выпускали более 80 тыс. теологов-специалистов среднего образования. Широкое распространение получило также и высшее теологическое образование. Преподавателей религиозных дисциплин и исследователей ислама стали готовить на соответствующих факультетах сначала в университетах Анкары и Стамбула, затем в провинциальных вузах. В XXI в. теологические факультеты функционируют почти во всех университетах страны, за исключением специализированных технологических и частных.

Постепенно число религиозных школ стало сокращаться, так как решением правительства Турции выпускников религиозных лицеев ограничили в правах продолжить образование в любом вузе страны. Выпускники религиозных лицеев путь к высшему образованию ограничили рамками теологических факультетов¹⁸. Между тем политическая ситуация в стране изменилась.

В ноябре 2002 г., когда в результате парламентских выборов в Турции к власти пришла происламская партия «Справедливости и развития», на рассмотрение был принят новый проект реформы образования, согласно которому выпускникам религиозных лицеев вновь было позволено поступать на любой из факультетов государственных университетов. Однако президент страны того времени Ахмед Неджей Сезер наложил «вето» на законопроект, облегчающий выпускникам религиозных лицеев поступление в университеты страны. В данном вопросе Турция не может не считаться с мнением Европейского сообщества, членом которого она стремится стать.

В феврале 2008 г. парламент страны принял закон, разрешающий студенткам вузов посещать занятия в мусульманском платке-хиджабе. Поправка была принята большинством в 411 голосов, для чего «Партии справедливости и развития» пришлось искать поддержки более радикальной «Партии националистического действия».

Решение парламента вызвало активное сопротивление оппозиции. Конституционный суд Турции поддержал оппозиционные партии, требовавшие признать исламскую одежду неподходящей для университетов. Судьи отклонили принятую меджлисом поправку, разрешающую студенткам находиться в учебном заведении в традиционном мусульманском платке. По мнению Конституционного суда, иницилируемый ПСР закон вступает в противоречие со 2-й статьей Конституции, введенной еще Кемалем Ататюрком, которая закрепляет светский характер государственного устройства. Ноше-

---

¹⁸ <http://www.dil.gov.tr/CJN-TR/nukumet-unicet/sowctr 2000 /eğitim.htmlt/>

ние хиджаба в государственных учебных заведениях, полагает суд, является нарушением этого принципа.

В то же время со стороны некоторой женской части студенчества, наиболее активно защищающей мусульманские традиции, запрет ношения платков квалифицируется как политический, нарушающий принципы демократии и ограничивающий свободу их выбора.

Введение в 1997 г. обязательного 8-летнего непрерывного обучения в государственной школе разрушило устоявшуюся систему религиозного образования. 18 августа 1997 г. был принят закон № 4306, затем была изменена 42 статья Конституции Турецкой Республики¹⁹, на основании чего 5-летняя начальная и 2-х летняя средняя школы были слиты воедино в «школы начального образования», где дети от 6 до 14 лет получают стандартное образование²⁰. В процессе реализации нового законодательства, помимо строительства новых школ, что естественно сопряжено со значительными финансовыми и организационными трудностями, с начала 1998 учебного года, в ранг общеобразовательной средней школы были перепрофилированы школы имамов-хатибов. В обновленную учебную программу были введены дополнительные предметы, в том числе иностранные языки. Лица, желающие непременно получить теологическую подготовку, имеют возможность, закончив общеобразовательную 8-летнюю школу, затем продолжить обучение в религиозном лицее²¹.

К моменту принятия закона № 4306 в стране насчитывалось 8,4 тыс. 2-х годичных школ — базовых для продолжения 8-летнего обучения, в которых учились 2,3 млн. учащихся. Естественно, не все регионы страны были одинаково подготовлены к реализации нового закона. Наиболее благоприятные условия сложились в Черноморском и Мраморноморском регионах, где начальным образованием было охвачено 90 % детей соответствующей возрастной группы. В районах Юго-востока страны процесс реализации закона об обязательном среднем образовании потребовал дополнительных средств и времени. С целью обеспечения доступа к образованию детей, проживающих в труднодоступных и сельских районах, Министерство образования, начиная с 2004 г., выделяет средства на регулярную доставку детей

¹⁹ Resmî Gasete. 18.08.1997.

²⁰ Таким образом, система государственного образования Турции в настоящее время представлена тремя уровнями: школа начального обучения, общеобразовательный или профессиональный лицей (средняя ступень) и университеты (высшая ступень). Прежде обязательное образование было ограничено 5 годами обучения в начальной школе. Среднее образование умело 2 уровня: 2-х годичная общеобразовательные школа и лицей. Высшая школа — университеты.

²¹ Zaman 26.12.1997.

в школы специальными автобусами и обеспечение их бесплатными обедами. Кроме того, были созданы дополнительные возможности для размещения учеников в интернатах-пансионах. В 2006/2007 учебном году в пансионах уже проживало 282 тыс. детей.

С 2003 г. при участии UNISEF Министерством образования проводится акция по привлечению в школу девочек, не посещающих школу или в силу объективных причин не завершивших обязательное образование. Сначала в 10 провинциях Юго-Восточной Анатолии, затем повсеместно началась выплата дотационных денежных средств некоторым малоимущим семьям с целью вовлечения их детей в учебный процесс. Благодаря чему в школу приняли 200 тыс. девочек. Немаловажно и то обстоятельство, что с 2004 г. ученики начальной и средней школы пользуются бесплатными учебниками. К 2006 г. реализовано 411,3 млн. книг²².

В решении проблем повышения уровня и качества образования очень важен интегрированный подход к реализации образовательной политики. В этом отношении в Турции в последние два десятилетия достигнут значительный прогресс, в том числе, за счет внедрения в процесс обучения современных информационных технологий. Этот процесс продемонстрировал намерение властей страны предоставить доступ широким массам населения к современным методам обучения, соответствующим рынку занятости.

Внедрению информационных технологий в обучение предшествовала сначала разработка, затем постепенное практическое воплощение проекта «Экспериментальная компьютерная школа». В рамках проекта были учтены результаты исследовательских работ, начатых еще в 1989 г., по составлению учебных планов, внедрению в процесс обучения уроков по практическим навыкам овладения компьютерной грамотой. При реализации проекта были предусмотрены изменения в системе экзаменов, принципах подбора учителей, переквалификация и стажировки педагогов.

К середине 1995 г. были пересмотрены учебные программы педвузов, сформулированы требования к будущим педагогам (за образец приняли соответствующую учебную программу университетов США), согласован отбор электронных технологий и учебного оборудования, был составлен список поставщиков электронного оборудования, оговорено содержание учебников.

В выбранных для эксперимента школах процесс обучения начался успешно там, где были профессионально подготовленные педа-

---

²² Republic of Turkey Ministry of National Education. Turkish Educational System. Ankara, 2008. С. 21, 22.

гоги, проявлявшие инициативу и творческий подход, к тому же получавшие финансовую поддержку со стороны Ассоциации учителей и родителей. В итоге стало возможным включение в проект строительство новых школ и, что очень важно, — в отдаленных районах страны.

Наконец в начале XXI в. проект компьютеризации школ перестал быть экспериментом. Первоначальные оценки результатов проекта показали, что и школа и общество приветствуют внедрение информатики в процесс обучения.

Первоначально в 2,8 тыс. начальных школ Турции было создано 3,1 тыс. классов «информационных технологий», где обучалось более 2-х млн. школьников. В 2006 г. уже в 3 тыс. школ функционировало 4 тыс. подобных классов. Для 4 тыс. начальных школ сельской местности закуплены учебные материалы²³.

В процессе подключения к Интернету в школах Турции было увеличено количество уроков компьютерной грамоты и навыков использования компьютерного оборудования. В 2006/2007 г. в рамках «Компании по оказанию содействия использованию информатики в обучении» было закуплено 2006 тыс. новых компьютеров, 85 тыс. учителей обеспечивают изучение основ компьютерной грамотности учащимися. К началу 2006 г. 86 % начальных школ и 95 % средних получили доступ к Интернету. Продолжаются работы по налаживанию необходимой инфраструктуры. В сентябре 2007 года в стране начали функционировать 22 тыс. кабинетов информатики, 14,5 тыс. из них в начальных школах²⁴.

По информации Министерства образования Турции, в 2008 г. доступ к Интернету имели 90 % начальных школ и 99 % средних²⁵.

Таким образом Турция в сравнительно короткие сроки оказалась готовой использовать современные средства информатики — важнейшего средства обучения молодежи.

Учащиеся и преподаватели в Турции составляют 30 % населения. Усилия властей страны направлены на предоставление учащимся образования высокого качества. Тем не менее этому процессу препятствует ряд обстоятельств, в том числе недостаток финансирования и в ряде случаев нерациональное использование уже имеющихся средств.

Существуют и определенные проблемы: дефицит информационного оборудования, низкие технические характеристики имеющего-

---

²³ Турция 2007. Анкара, 2007. С. 372.

²⁴ Там же. С. 372.

²⁵ Milli Eğitim Bakanlığı Dış Gelişkiler Genel Müdürlüğü. Ankara, 2008. С. 12.

ся оборудования, недостаток качественных учебных программ, помещений для учебных занятий, а также в ряде случаев — отсутствие необходимых навыков обучения информационным дисциплинам. Тем не менее поиски новых принципов обучения продолжаются. В этом смысле использование информационных технологий является одним из основных приоритетов нового подхода к совершенствованию обучения. Поступательное внедрение информационных технологий на всех уровнях обучения несомненно будет способствовать модернизации страны и общества, а также станет одной из важнейших составляющих вхождения страны в Европейский Союз²⁶.

Усилия Турции по адаптации к западной модели цивилизации имеют двухсотлетнюю историю, еще в период Османской империи страна избрала ориентацию на Запад с целью приобщения к его цивилизационным достижениям. После установления в 1923 г. республиканского строя западная ориентация Турции значительно усилилась.

Процесс присоединения Турции к единой Европе продолжается несколько последних десятилетий. Его начало ознаменовало подписание между Турецкой Республикой и Европейским экономическим сообществом Анкарского договора в 1963 г. Этот документ предусматривал поэтапный процесс интеграции Турции в Европу. Последующие усилия были направлены на достижение полноценного присоединения к Европе. После саммита Евросоюза в декабре 1999 г. в Хельсинки Турция получила статус кандидата в члены ЕС. Именно после саммита в Хельсинки получило ускорение сотрудничество Турции со странами ЕС в области образования. В структуре Министерства национального образования Турции был создан департамент по вопросам консультаций с ЕС по административным и научно-исследовательским проблемам, а также «Комиссия по приведению законодательства в соответствии с нормами ЕС». В задачу Комиссии входило принятие мер по приведению законов Турции в области образования в соответствие с достижениями ЕС в этой сфере. Целью международного сотрудничества является поиск инновационных решений в создании эффективных образовательных структур всех направлений — общего, технического и профессионального обучения для учащихся всех возрастов, а также подготовка педагогов для школ всех уровней.

---

²⁶ Согласно данным, опубликованным Государственным институтом статистики в среде населения в возрасте от 17 до 64 лет компьютерными установками пользовались 16,8%; Интернетом 13,3%. И только 9,9% семей имели персональные компьютерные установки. Turkey WAET 27/07/2008 <http://www.waet.uga.edu/wiki/index.php/Turkey>.

В 1998 г. в отчете Европейской комиссии по образованию указывалось, что уровень образования в Турции значительно ниже, чем в странах Европы, меньше и расходы на обучение одного учащегося²⁷.

В связи с этим было высказано пожелание Турции принять участие Образовательной программе Европейского Союза. Программа насчитывает несколько проектов: «Сократ», «Леонардо да Винчи», «Марко Поло»²⁸. Предложение было рассмотрено парламентом страны и одобрено, но лишено финансирования. Поэтому ряд проектов стали осуществляться поэтапно, главным образом в частном секторе, и лишь отдельные аспекты проектов — в государственных учебных заведениях, в частности проект Лингва по обучению иностранным языкам.

Только в 2001 г. Турция приняла решение участвовать в Болонском процессе²⁹. С 2004 г. уже на равных основаниях участвует в реализации образовательных программ ЕС, в частности, в проекте «Сократ», который предусматривает 6 направлений, в том числе, обучение детей школьного возраста, в проекте «Комениус» по обмену между странами учениками начальной и средней школы с целью приобретения современных навыков усвоения учебных дисциплин, в том числе, детьми мигрантов, беспризорных и цыган.

Программа для системы высшего образования «Эразмус» предусматривает предоставление грантов студентам вузов для расширения и углубления знаний на уровне европейских стандартов, а также обеспечивает возможности зарубежных стажировок школьных учителей и вузовских преподавателей для ознакомления с современными методиками преподавания.

Соглашение об участии в реализации программы «Эразмус» подписано 79 университетами Турции. В 2005 г. 2,9 тыс. турецких студентов были направлены на стажировку в различные вузы Европы. 900 иностранных студентов посетили Турцию. В 2006 г. за рубежом стажировались уже 4,1 тыс. студентов и 1000 преподавателей. В рамках этой программы в 20 раз увеличились ассигнования на научные

---

²⁷ Расходы на одного школьника в общеобразовательной школе Турции составляют 75 долл. в год. Для сравнения: в Дании — 790, во Франции — 1,2 тыс., в Италии — 1,1 тыс., в Болгарии и Сирии — 500 долл.

²⁸ The Socrats Programme pomoting Cooperation in Education General Discriptio of Whole of Socrates. С. 17. www.teipat.g/pages/ studexchang /Leonardo/ Socrat. html.

²⁹ Процесс Болонья (по названию места организации структуры) — объединение 29 государств Европы с целью выработки унифицированной квалификационной системы в сфере высшего образования.

исследования. Из 2,9 тыс. предложенных к реализации проектов ассигнование получили — 459³⁰.

Комплекс рекомендаций проекта «Леонардо да Винчи» нацелен на налаживание и интенсификацию процессов сотрудничества между центрами профессионального обучения в разных странах, а также — между работодателями и работниками. В его рамках около 3,4 тыс. рабочих, студентов, преподавателей прошли практическую переподготовку за рубежом.

Проект «Марко Поло», как составная часть транспортной политики ЕС не оказывает непосредственное влияние на систему образования в Турции. Однако на некоторых факультетах вузов Турции ведутся научные разработки по отдельным аспектам этого проекта. Так, на технологическом факультете Окан университета началось преподавание основ логистики. В 2005 г. администрацией университета подписан протокол о намерениях с Международным союзом перевозчиков и Международным обществом логистики³¹. Всего на реализацию указанных проектов в 2005 г. было выделено 30,9 млн. евро, в 2006—39,1 млн. евро³².

Турции в ее стремлении стать членом Европейского союза необходимо соответствовать уровню европейских стран не только в сферах социально-политического, административного развития, но и в не менее важной сфере образования.

Для получения более четкого представления о позиции Турции в сфере обучения трудоспособного населения при сравнении с другими странами Европейского Союза, следует сопоставить ряд показателей, как то уровень грамотности населения, перспективы и возможности профессионального роста, структуру распределения подготовки кадров по отраслям экономики.

Для сравнения соответствующих показателей в странах Европы и Турции отдано предпочтение опыту Франции, Великобритании, Португалии и Польши.

При сравнении прослеживаются схожие тенденции: к началу XXI в. в среде трудоспособных наличие неграмотных сократилось вдвое. Однако если в странах Европы с 7,1% до 4,8%, то в Турции с 60% до 30% (сведения 2003 г.). В рамках начального образования показатели иные. В европейских странах занятых с начальным уров-

---

³⁰ Republic of Turkey Ministry of National Education. Turkish Educational System. Ankara, 2008. С. 19.

³¹ The Socrat Programme pomotin Cooperation in Education General Discription of Whole of Socrates, с. 18. www.teipat.g/pages/studexchang/Leonardo/Socrat.html.

³² Oкан Üniversitesi. www.okan.edu.

нем образования стало меньше. В Турции наоборот возросло, что объяснимо. В результате школьной реформы 70-х (закон №1739) годов произошло размежевание общеобразовательной и профессиональной школы, что расширило сеть начальных школ в городе и частично в сельской местности.

К 2003 г. в группе трудоспособного населения Турции в возрасте от 15 лет и старше доля, имевших начальное образование, составила 63,0%, среднее — 21,4%, высшее — 9,7%³³.

Однако это средние показатели. Они значительно разнятся в зависимости от региона страны. В экономически развитых и насыщенных учебными заведениями регионах Мраморноморском и Центральной Анатолии уровень грамотности трудоспособного населения превышает 90%. Возможность посещать начальную школу доступна 100% детей, 41% занятых имеют диплом лицея, 29% — профессионального института.

В регионах Восточном и Юго-Восточном грамотность населения не превышает 80%, начальная школа доступна 70% детей, средняя — 26,9%, профессиональная — 0,9%, высшая — 6%³⁴.

Единственный показатель, который уравнивает Турцию со странами Европы в сфере образования — это период обязательного, бесплатного обучения в школе — 9 лет — результат реформы 1997 г. (Закон №4306)³⁵.

Однако уровень знаний школьников Турции значительно ниже, чем у их сверстников из стран Европы. В 2002 г. было проведено тестирование знаний учащихся по математике. Сравнивались знания учеников из школ Франции, Германии, Португалии (выборочно). Оказалось, что уровень знаний турецких школьников в области точных наук оценен в 2,7 балла, тогда как у их сверстников из выше указанных стран в 11,6; 12,2; 7,8 баллов соответственно. Подобные же результаты зафиксированы при тестировании деловой активности подростков: 5,1 балла, у турок против 11,7, 14,2, 17,5 баллов у европейцев³⁶.

Тормозом к воссоединению Турции с европейскими странами в рамках Европейского союза в XXI в. является также рынок труда. Эффективный рынок труда — ключевой фактор развития национальной экономики. Среди основных факторов, препятствующих

³³ Eğitim Sürdürülebilir Büyüme Türkiye, Riskler ve Fıratlar. TÜSİAT Büyüme Stratejileri Dizisi. №7. С. 51.

³⁴ Alay Filizetkin. Eğitim ve Demografi. İst., 2005.30.05. С.18. <http://www.ekg.sabanciuniv.esu/docs/ekg> — eğitim demoskaphi. PDF.

³⁵ Resmî Gazete. 08.1997.

³⁶ OECD Education At Glace (2005) verilerdir. С. 84–85.

созданию конкурентоспособной экономики Турции — высокий уровень безработицы, низкий уровень занятости и низкая доля работающих относительно всего трудоспособного населения, низкая подготовка и квалификация рабочей силы, слабая связь между образованием и занятостью.

Так, доля работающих относительно всего трудоспособного населения Турции составляла 48,3% (сведения 2005 г.). Неграмотные и закончившие начальную школу составляли в 2005 г. 67,3% всей рабочей силы, 68% всех занятых и 60,5% безработных. В то же время уровень безработицы в среде работоспособного населения составлял 10,3%, в том числе 4,5% среди неграмотных, 91,1% — среди выпускников начальной школы, 13,6% — среди выпускников средней школы, 13,3% — среди выпускников профтехучилищ, 10,2% — среди выпускников высшей школы³⁷. Уровень безработицы растет с ростом образовательного уровня. Основная задача — обучение рабочей силы навыкам и знаниям, необходимым для современной экономики.

Другой важный фактор — демографическая ситуация, характеризующаяся снижением доли возрастной группы 0–14 лет в совокупном населении и увеличении доли лиц пенсионного возраста.

В 1999 г. доля населения Турции в возрасте 4–14 лет составляла 19,9 млн. человек, к 2010 г. предполагается ее увеличение до 20,3 млн., к 2025 г. до 20,5 млн., т.е. рост всего на 2,5%. В то же время численность лиц пенсионного возраста увеличивается значительно: если в 1999 г. их было 2,2 млн., к 2010 г. возможно возрастание до 4,9 млн., а к 2025 — до 8,4 млн.³⁸. В основе многих проблем рынка труда также лежит низкий уровень занятости женщин. В 2005 г. доля работающих относительно всех трудоспособных женщин составляла в Турции 25% по сравнению с 63,5% в странах ЕС.

К факторам низкой эффективности рабочей силы в Турции следует отнести также низкое качество профессионального образования и торможение, по сравнению с 80–90-ми годами практики «обучения в течение всей жизни» — формы нестационарного образования. Недостаток эффективного взаимодействия между занятостью и образованием обернулся дисбалансом спроса и предложения на рынке труда. Это выражается в наличии значительного количества вакансий при одновременной высокой безработице среди специалистов профессионалов. Эта ситуация требует изменения политики в сфере занятости и образования. Необходимо привести професси-

³⁷ Republik of Turkey. Pre-accession Economic Programme 2006. Ankara, 2006. С. 75.

³⁸ Alay Filiztekin Eğitim ve Demografi. İst. 2003. С. 19.

ональное обучение в соответствии с нуждами рынка труда создать более качественную систему профессиональной подготовки. Именно с этой целью 21 сентября 2006 г. был принят закон об «Агентстве профессиональной квалификации», призванный создать национальную систему оценки квалификации работников и руководить ее функционированием. На основании этого закона срок обучения во всех профтехучилищах продлен до 4-х лет, пересмотрены 250 профессиональных стандартов. Начиная с 2006/2007 учебного года, по всей стране введен единый учебный план, позволяющий учащимся по желанию совершать выбор учебных программ в 42 сферах. Система разработана на базе Международного стандарта классификации образования (JSCED). Обучение по новой системе финансируется за счет гранта Программы Европа — Средиземноморье (MEDA)³⁹.

В 2003–2006 гг. Турецкое агентство занятости (İŞKUR) совместно с ЕС реализовало проект по повышению качества рынка труда, в рамках которого прошли обучение 50 тыс. человек, 9 тыс. из которых вскоре нашли рабочие места.

Очень важен интегрированный подход к реализации образовательной политики с целью решения проблем низкого уровня и качества образования как основной проблемы рынка труда.

В свете поставленных задач Министерством образования разработана программа развития всех ступеней национальной школы на 2007–2013 годы. Предполагается на основе творческого подхода и привлечения современных методик улучшить качество обучения в начальной и средней школах, в том числе, на основе привлечения информационных технологий. С этой целью в кратчайшие сроки планируется организовать и последовательно осуществлять переподготовку педагогического корпуса в усвоении новаций в этой области, продолжать разработку эффективной системы профориентации как для групп населения, так и отдельных лиц, ликвидировать неравное положение школ в зависимости от их месторасположения, снабдить новейшим учебным оборудованием, бесплатными учебниками. С этой целью предполагается предоставить контролирующие функции, наряду с Министерством образования, местной администрации.

В целях обновления ситуации в системе высшего образования предполагается частично изменить структуру Совета по высшему образованию (YÖK). Совет будет осуществлять функции планирования и координации, а административная, финансовая и научная автономия университетов будет расширена. Предполагается всемер-

---

³⁹ Republik of Turkey. Pre-accession Economic Programme 2006. Ankara, 2006. С. 75.

но поощрять участие частного капитала в функционировании школ всех уровней⁴⁰.

Тем не менее, следует констатировать, что в последние десятилетия достигнут определенный прогресс в повышении уровня образования населения Турции, включая внедрение современных информационных технологий и обновление всей системы обучения. Реформа введения обязательного бесплатного, непрерывного 8-летнего образования должна облегчить доступ к компьютерным технологиям для большего количества детей. Улучшение материальной инфраструктуры средних общеобразовательных учреждений позволило за последние 10 лет повысить долю обучающихся в начальной школе с 94,3% до 95,6%, в средней — с 57,1% до 85,2%, в высшей с 25,3% до 43,4%⁴¹.

На реализацию реформы базового образования, нацеленного на модернизацию системы общего, профессионального и технического образования, включая переподготовку преподавателей, и оснащения школ современным оборудованием в 2006 г. Всемирный Банк Реконструкции и Развития выделил 8 млн. евро.

Для удовлетворения спроса на специалистов с высшим образованием в стране значительно расширена сеть университетов. В рамках усилий по повышению качества высшего образования подготовлено и вступило в силу Положение об академической оценке повышения качества высших образовательных учреждений. Положение устанавливает общие принципы деятельности и обязанности этих учреждений, а также принципы оценки качества предоставляемых ими услуг посредством независимого внешнего аудита.

И хотя Турция постепенно решает общие для всех стран проблемы в сфере образования, а именно, увеличение финансирования, совершенствование методов обучения, повышение качества профессиональной подготовки, где главным является соответствие работника требованиям рынка труда, еще предстоит совершить прорыв, который позволит ликвидировать ее отставание от стран Европы и предложить партнерам по ЕС соответствующую современным квалификационным требованиям рабочую силу.

---

⁴⁰ National summary sheets on education systems in Europe and on going reforms 2008. www.eukydice.okg/resources/eukydice/PDK/047DN/047-TR-en-PDK

⁴¹ Republic of Turkey. Pre-accession Economic Programme 2006. Ankara, 2006. С. 75.

Сюкияйнен Л. Р.

РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ИСЛАМСКАЯ МЫСЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

СВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР ГОСУДАРСТВА:
КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА
ЛАИЦИЗМА И СПОРЫ ВОКРУГ ЕГО ТОЛКОВАНИЯ

*От приверженности исламским традициям
к восприятию европейского опыта*

На протяжении многих веков своей долгой истории Турция была одним из наиболее влиятельных центров мусульманского мира. Особенно заметно это проявилось в эпоху Османской империи, которая до сих пор по праву воспринимается примером традиционного ислама. Практически все стороны общественной и личной жизни подданных османского султана испытывали глубокое влияние ислама как религии и культуры. Это относилось и к правовой системе империи, а также к организации и деятельности государственных институтов.

Ислам играл неоднозначную роль в правовом развитии Османской империи и политике государства. В частности, ориентация на исламские традиции в течение нескольких столетий придавала османской власти такие черты, которые выгодно отличали ее от средневековых государств Европы. Для подтверждения такого вывода достаточно напомнить, что страдавшие от религиозного мракобесия и гонимые за свои взгляды европейцы очень часто находили убежище именно у османского султана. В империи они не только пользовались личными правами, но и имели возможность продвигаться по государственной службе вне зависимости от своих религиозных убеждений.

Однако со временем отдельные исламские принципы и институты стали тормозить поступательное движение страны. Это стало одной из причин глубоких политических и правовых реформ, принятых в Османской империи в середине XIX в. и получивших название Танзимата. В результате этих преобразований был взят курс на заимствование европейского опыта в организации государс-

твенного аппарата и правовой системе. Важнейшее значение имела правовая реформа, которая выразилась в принятии многочисленных законодательных актов, прямо основанных на европейских образцах. Исламское право, которое до этого времени являлось стержнем правовой системы империи, уступило лидирующие позиции европейской правовой культуре. Вместе с тем именно в ходе указанных реформ в 1869–1876 гг. была принята так называемая Маджалла — первая официальная кодификация исламского права ханафитского толка в истории мусульманского мира.

Начиная с реформ Танзимата, Турция является свидетелем непростого взаимодействия европейской и исламской культур в своем политическом и правовом развитии. Порой это взаимодействие приобретает характер диалога и позитивного сосуществования, но достаточно часто оно превращается в острое соперничество и непримиримое противостояние. Поворотным пунктом в это противоречивом процессе стали распад Османской империи после Первой мировой войны и провозглашение Турецкой Республики в 1923 г. С этого времени страна встала на путь лаицизма — принципа светскости государства и его правовой системы, что непосредственно связывается с деятельностью Мустафы Кемаля Ататюрка, основателя современного турецкого государства.

Политика лаицизма выразилась, в частности, в отмене Халифата в 1924 г. и радикальной перестройке всей правовой системы Турции, которая полностью отказалась от шариата и переориентировалась на европейскую правовую культуру. В 20-30-х годах прошлого века в стране было принято немало законодательных актов, которые заложили основы светского судопроизводства и образования. Все связанные с исламом вопросы стали решаться с учетом светского характера государства и подчиненности религии этому принципу. Такой подход получил закрепление на конституционном уровне.

Конституционное закрепление светского характера государства

Так, в Преамбуле к действующей конституции Турции, принятой 7 ноября 1982 г., говорится, что никакие взгляды и убеждения не должны противопоставляться национальным интересам Турции, историческим и духовным ценностям страны, а также реформам и преобразованиям Ататюрка. Одновременно подчеркивается, что в соответствии с принципом светского государства на государственные дела и политику никоим образом не должны влиять священные религиозные чувства. В соответствии с таким подходом ст.2 конституции

провозглашает Турцию демократическим, светским и социальным государством, основанным на нормах права. Причем установлено, что это положение не может быть пересмотрено или отменено.

Важно отметить, что в основном законе Турции уделяется особое внимание закреплению гарантий свободы совести. Например, в ст. 24 предусмотрено, что каждый имеет право на свободу совести, вероисповедания и религиозных убеждений, а богослужение, религиозные обряды и церемонии должны проводиться свободно. Никто не должен быть принужден к отправлению религиозных культов или участвовать в религиозных церемониях и обрядах, к проявлению своих религиозных верований и быть обвиненным или осужденным за свои религиозные убеждения. Воспитание и обучение религии и этике осуществляется под контролем и надзором государства. Обучение религиозной культуре и этике является обязательным элементом в учебных планах начальных и средних школ. Получение какого-либо другого религиозного воспитания и образования зависит от собственного желания лица, а для несовершеннолетних — от требования их законных представителей. Конституция запрещает эксплуатировать или злоупотреблять религией или религиозными чувствами для обеспечения личного или политического влияния или, пусть даже частично, ориентировать основные устои социального, экономического, политического и правового строя государства на религиозные принципы. Вместе с тем, согласно ст. 14 Конституции, никакие зафиксированные в ней права и свободы не должны осуществляться с целью нарушения территориальной и национальной целостности государства, создания угрозы его существованию, отмены основных прав и свобод, а также в интересах дискриминации по языку, расе, религии или вере. Никакое положение Конституции не должно быть истолковано способом, который предоставил бы право нарушать предусмотренные ею права и свободы. Одновременно ст. 10 этого акта устанавливает, что все равны перед законом независимо от языка, расы, мировоззрения, пола, политической ориентации, философских взглядов, религии и веры.

Важно иметь в виду, что принцип светского характера турецкого государства прослеживается и в ст. 42 Конституции, касающейся права на обучение и образование. В ней установлено, что никто не должен быть лишен права на обучение и получение образования, которые строятся на основе принципов и реформ Ататюрка с учетом достижений современной науки и методов образования под надзором и контролем со стороны государства. При этом не могут создаваться образовательные учреждения, нарушающие эти положе-

ния, а свобода обучения и образования не освобождает личность от верности Конституции.

Конституционный статус политических партий в Турции также отражает светский характер государства. В частности, ст. 68 и 69 предусматривают, что политические партии являются необходимым элементом демократической политической жизни. Они формируются без предварительного разрешения, и их действия должны соответствовать положениям Конституции и закона. Обращается особое внимание на то, что уставы и программы, а также деятельность политических партий не должны противоречить правам человека, а также принципам демократической и светской республики.

Принципиальное значение имеет ст. 174 конституции, в соответствии с которой основной закон Турции должен толковаться в духе принятых ранее законов, направленных на достижение турецким обществом уровня современной цивилизации и отстаивание светского характера Турецкой Республики. К ним, в частности, относятся законы об унификации образования 1924 г., о головных уборах 1925 г., о запрещении дервишеских орденов и обителей 1925 г., об упразднении обращений и титулов, подобных «эфенди», «бей», «паша», от 1934 г., о недопустимости ношения некоторых видов одежды от 1934 г.

Принципы лаицизма: судебные споры и политические конфликты

Приведенные конституционные положения создают прочные правовые гарантии светского характера современного турецкого государства, препятствуют вмешательству ислама в политику и ставят преграды его влиянию на правовую систему страны. Однако и сегодня споры относительно границ, разделяющих религию, политику и государство, в Турции не прекращаются. Более того, в последние годы они приобрели особенно острый характер. Важно иметь в виду, что такие споры порой вызывают конфликты между различными ветвями власти и государственными органами. В них оказываются вовлеченными законодательные и судебные учреждения. В отдельных случаях в разрешении этих конфликтов принимают участие даже международные судебные инстанции.

Политическая жизнь Турции последних лет дает примеры политических кризисов, которые внешне, казалось бы, далеки от споров о светском характере государства, но, по сути, коренятся именно в них. В центре таких событий, как правило, оказывается Партия справедливости и развития, которая впервые выиграла парламент-

ские выборы в стране в 2002 г., а ее лидер, Реджеп Тайип Эрдоган, с этого времени возглавляет правительство страны.

Противостояние различных политических сил Турции по поводу светского характера государства обострилось в апреле 2007 г. на парламентских выборах президента Турции. Правящая партия выдвинула кандидатуру Абдуллы Гюля, известного своими симпатиями к исламу и призывавшего к признанию роли исламских ценностей в общественной и политической жизни страны. В первом туре ему не хватило всего нескольких голосов, чтобы стать главой государства уже по его итогам. После отмены Конституционным судом результатов выборов главы государства в парламенте премьер-министр инициировал внесение поправок в Конституцию, предусматривающих выборы президента путем всенародного голосования. Проект был поддержан парламентом, но отклонен тогдашним президентом страны. Однако после его вторичного принятия подавляющим большинством депутатов закон вступил в силу. Вскоре Абдулла Гюль убедительно победил на всеобщих президентских выборах. Всем в Турции было ясно, что в центре спора были не процедурные детали выборов президента, а столкновение противоположных подходов к пониманию светского характера государства.

Однако Партии справедливости и развития не всегда удается добиться поддержки своего видения проблемы соотношения политики и ислама, доказать правоту собственного подхода к пониманию заложенного Ататюрком принципа лаицизма. Об этом свидетельствует конфликт вокруг запрета на ношение исламского головного платка в турецких университетах. Этот спор оставался в центре внимания турецкого общества в течение всей первой половины 2008 г.

Отталкиваясь от закрепленной в Конституции страны свободы вероисповедания, в январе лидер правящей партии предложил отменить указанный запрет, который в течение десятилетий сохранялся в Турции. Оценивая такую инициативу, генеральный прокурор Кассационного суда подчеркнул, что предложенный законопроект может подорвать светские устои государства, а политические партии, согласно конституции, не вправе ставить цель изменить светский характер государства. Однако парламент Турции большинством голосов принял закон о внесении поправок в ст. 10 и 42 конституции, которые фактически снимают запрет на ношение покрывающих голову платков в высших учебных заведениях страны, предусмотрев, что никто не может быть лишен права на получение высшего образования.

После подписания президентом Турции соответствующего закона о внесении изменений в Конституцию и его опубликования

в Конституционный суд был подан иск о признании данного акта неконституционным. В начале июня 2008 г. иск был удовлетворен, а указанный закон потерял силу на том основании, что он нарушает светский характер государства.

Суть непрекращающегося в Турции спора вокруг головных исламских платков в университетах становится яснее, если принять во внимание известное постановление, вынесенное Европейским судом по правам человека по иску Лейлы Шахин, которая в 1998 г. обратилась в указанный суд по поводу ограничения ее права на получение образования и дискриминации по религиозному признаку. Дело в том, что власти университета, где она училась, приняли распоряжение не допускать на занятия студентов, носящих бороды, и студентов в головных мусульманских платках. Европейский суд в своем решении отметил, что вмешательство в право на выражение своих религиозных убеждений в турецких университетах является оправданным и обосновано, помимо прочих причин, светским характером государства. Суд счел, что указанное вмешательство преследует законные цели защиты прав и свобод других лиц, поддержания общественного порядка и защиты демократической системы в Турции.

В одном из своих выступлений председатель суда подчеркнул, что постановление по делу Лейлы Шахин является одним из тех, которые формируют настоящую теорию демократического общества. Рассматривая дело по существу, суд установил, что нарушение права турецкой студентки на свободу вероисповедания отсутствует. Плюрализм мнений и толерантность являются одними из основополагающих принципов демократического общества. При этом также должна приниматься во внимание обязанность национальных властей защищать права и свободы других лиц, обеспечивать общественный порядок и гражданскую стабильность и настоящий религиозный плюрализм, который является жизненно необходимым для демократического общества. Суд установил, что в контексте, когда ценности плюрализма и уважения прав других лиц, равенство мужчин и женщин перед законом реализуются на практике, соответствующие органы власти должны стремиться сохранить светский характер таких образовательных учреждений и считать противоречащим этим ценностям позволение ношения религиозных облачений, в том числе исламских головных платков.

Интересно, что конфликт вокруг изменения Конституции и снятия запрета на ношение головных платков в университетах спровоцировал еще один спор, который, по сути, поставил Турцию на порог острейшего политического кризиса. Дело в том, что в марте 2008 г. генеральная прокуратура обратилась в Конституционный суд

с иском о запрете Партии справедливости и развития на том основании, что ее деятельность направлена на подрыв устоев светского государства. Одновременно ставился вопрос о лишении нескольких десятков ее представителей, включая премьер-министра и президента страны, права заниматься политической деятельностью в течение пяти лет из-за того, что они нарушают положения Конституции относительно светского характера власти. В частности, в обоснование таких обвинений приводилось принятие закона об изменении Конституции относительно запрета на ношение головных платков, ограничение на употребление алкоголя и запрет на рекламу, вступающую в противоречие с принципами шариата.

Следует напомнить, что ранее Конституционный суд неоднократно запрещал политические партии, которые, по его мнению, оуществляли деятельность, несовместимую с принципом светского характера государства. Однако иск о запрете Партии справедливости и развития был отклонен. В своем решении, принятом 30 июля 2008 г., суд не согласился с утверждением, что правящая партия ведет Турцию по пути превращения в исламское государство и отказа от лаицизма.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что ситуация с конституционным закреплением светского характера турецкого государства остается дискуссионной. В турецком обществе и среди авторитетных политических сил страны нет единства по этому вопросу. Важно, однако, что споры по такой острой теме ведутся в стране в целом в рамках закона и принципов демократического общества. Не случайно, что ключевую роль в разрешении всех конфликтов вокруг принципа лаицизма играют судебные органы. Это является признаком демократии.

Естественно, что роль ислама в современной Турции не сводится к конституционному закреплению принципов светского государства. Страна остается одним из самых авторитетных центров мусульманского мира. Это проявляется, в частности, в развитии современной исламской мысли, одним из самых ярких представителей которой является крупнейший турецкий мыслитель и общественный деятель Фетхулла Гюлен.

ДЕМОКРАТИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ВЗГЛЯД ФЕТХУЛЛЫ ГЮЛЕНА

Значение проблем демократии для развития современного мусульманского мира

Значение идей любого заметного мыслителя определяется не только их собственным интеллектуальным содержанием, ориентацией на фундаментальные источники или убедительностью аргументации. Известные мыслители могут считаться действительно крупными, если их взгляды непосредственно влияют не только на умонастроения и поведение отдельных социальных групп и слоев или даже общества какой-либо одной страны. Их идеи настолько масштабны, что способны охватить всю систему международных связей, отразить ситуацию в мире в целом. Почетное место среди таких деятелей по праву занимает Фетхулла Гюлен.

Чтобы проникнуть в глубину его учения и осознать их значимость, необходимо принимать во внимание целый ряд факторов локального, регионального и глобального характера. Прежде всего, крайне важно учитывать нынешнюю ситуацию в мусульманском мире. В этом отношении следует подчеркнуть, что в течение уже долгого времени этот регион мира переживает глубокий политический, социальный и культурный кризис. С одной стороны, этот кризис непосредственно влияет на состояние нынешней исламской мысли и образования, а с другой — он сам является отражением и результатом кризиса, поразившего исламскую научно-теоретическую мысль. Именно поэтому идеи Фетхуллы Гюлена надо оценивать по тому воздействию, которое они оказывают на развитие современного исламского знания, а также по вкладу, вносимому его учением в преодоление кризиса, характеризующего нынешний мусульманский мир.

В последнее время проблемы демократии и прав человека вновь приобрели особое значение и стали едва ли не самыми острыми в диалоге между Западом и мусульманским миром. Эти вопросы тесно связаны с другим фактором, который заслуживает внимательного к себе отношения при анализе взглядов Фетхуллы Гюлена на демократию. Речь идет о том состоянии, в котором сегодня находятся отношения между Западным миром и мусульманским Востоком. Весь комплекс этих проблем вызывает особый интерес и оказывается в центре внимания при прогнозировании развития стран ислама в ближайшем будущем.

Учет разнообразных сторон интеллектуального творчества Фетхуллы Гюлена представляется крайне актуальным для анализа состояния и развития демократии в мире в целом и, в частности, на мусульманском Востоке, а также для утверждения принципов прав человека и поддержания диалога между различными цивилизациями и культурами, между Востоком и Западом. Дело в том, что в настоящее время многие западные публицисты и аналитики впадают в ошибку, безоговорочно атакуя сам ислам как систему определенных ценностей, вместо того, чтобы давать оценку позициям и методам деятельности отдельных фигур, претендующих на единственно правильную трактовку ислама. В результате такие обозреватели безосновательно требуют отвергнуть ислам или, в крайнем случае, радикально реформировать его, тогда как проблема заключается в необходимости добиваться изменения поведения и умонастроений отдельных людей или социальных групп. В этом отношении ознакомление с взглядами такого крупного ученого, как Фетхулла Гюлен, на ключевые проблемы совместимости западного и исламского подходов к демократии и правам человека становится крайне продуктивным.

Относительно демократии высказываются самые разнообразные, в том числе взаимоисключающие оценки. Некоторые западные исследователи утверждают, что исламские принципы и институты напрямую противоречат демократическим ценностям в их современном понимании. По этой причине, на их взгляд, любой шаг, который делают мусульманские страны в направлении утверждения демократии, должен сопровождаться отказом от исламских политических и правовых традиций. Такую позицию разделяют многие сторонники либеральной демократии, как на Западе, так и в России, и даже представители некоторых мусульманских сообществ. Примечательно, что аналогичного взгляда (правда, с противоположным знаком) придерживаются идейные лидеры мусульманских экстремистов. Претендуя на единственно правильное понимание ислама, они также настаивают на том, что исламские основы власти, политики и прав верующих не имеют ничего общего с западными демократическими институтами. Более того, те, кто исповедуют такую радикальную трактовку исламских традиций, отвергают само понятие демократии, делая акцент на том, что власть народа по своей природе чужда исламу, который, в противовес данному началу, выдвигает принцип верховенства исламского права (шариата)¹.

---

¹ *Yilmaz Ihsan*. Ijtihad and tajdid by conduct // *Turkish Islam and the secular state: The Gulen movement*. M. H. Yavuz and J. L. Esposito, eds. Syracuse: Syracuse University Press, 2003. С. 208–237.

Вклад исламской правовой мысли в мировую правовую культуру

Широко известно, что исламская цивилизация внесла бесценный вклад в развитие астрономии, математики, медицины, морской навигации. К этому следует добавить, что история знает имена многих выдающихся мусульманских юристов и политических мыслителей, чье влияние на мировую правовую мысль невозможно переоценить.

Важно иметь в виду, что на протяжении столетий в рамках исламской правовой культуры сложились самые разнообразные взгляды на основы организации и деятельности государственной власти, сформировались неодинаковые представления относительно связей государства и индивида. Некоторые из этих концепций, вырванные из общего контекста исламской мысли и адресованные не высокообразованным мусульманам, иногда используются для того, чтобы отвергнуть восприятие любой демократической идеи или даже оправдать политический экстремизм. Но как в традиционной, так и в современной исламской политической и правовой мысли легко обнаружить прямо противоположные подходы к государству, которые к тому же более глубоко отражают истинную природу исламских правовых традиций и взглядов на власть и политику и поэтому категорически отвергают экстремизм.

Центральное место в теоретическом наследии ислама и в современной исламской мысли принадлежит не отмеченным выше догматическим взглядам, а совсем иным ценностям — таким, как поиск компромиссов, стабильность, защита жизни, чести и достоинства человека, диалог и взаимные консультации.

Такую позицию разделяет большинство наиболее известных мусульманских мыслителей, юристов, философов и политологов. Они привлекают наше внимание к важной характерной особенности исламского подхода к демократии. Данная черта определяется тем фактом, что исламская политическая теория крайне гибка и не связывает мусульман какими-либо жесткими рамками относительно выбора конкретной формы правления или политической системы. Наоборот, исходным началом исламской политической мысли является нацеленность на реализацию трех фундаментальных ценностей — равенства, справедливости и, прежде всего, консультации. Что же касается путей и форм их претворения, то их должны выбрать сами мусульмане. Иными словами, конкретный способ воплощения указанных трех принципов в политической практике может и должен определяться реальными условиями жизни мусульман, их традициями, культурными приоритетами и иными факторами.

Именно этого подхода придерживается Фетхулла Гулен, который делает акцент на понимании проблем демократии и прав человека не в духе формальных догматически трактуемых предписаний шариата, а в свете исходных начал ислама и его ценностей, их общего смысла и назначения. Только указанное осмысление ислама гарантирует сохранение и утверждение таких основных исламских ценностей, как справедливость, равенство и права человека, в наши дни. Мыслитель подчеркивает, что современная тенденция заключается в том, чтобы рассматривать демократию в качестве суммы политических традиций, определенных институтов и культурных представлений. Именно поэтому определение демократии сталкивается со сложностями. Ведь современный мир в культурном отношении весьма разнообразен, и ни одна культура не имеет монопольного права на представление демократического идей и единственно правильную форму их реализации².

Фетхулла Гулен уверен в том, что ислам, правильно понимаемый в просвещенном ключе, и демократия — в значительной мере совпадают и сочетаются друг с другом естественным образом. Они в равной степени отличаются мобильностью и представляют собой систему гибких идей, которые легко вписываются в условия различных обществ, отстаивая универсальные ценности и ориентируясь на сходные начала. Как ислам, так и демократия исходят из того, что все люди равны, а каждый человек не только обладает правами, но и несет определенные обязанности перед обществом. В своих исходных началах обе указанные системы относятся к людям с уважением и призывают их относиться к другим таким же образом.

Взаимодействие исламской и европейской правовых культур

Исламское право является одной из крупных правовых систем современного мира. Оно обладает рядом характерных черт, которые отличают его от иных правовых культур. Вместе с тем, общие принципы исламского права и большинство его конкретных норм сходны с основополагающими началами и частными предписаниями других правовых систем.

Конечно, Фетхулла Гулен не ставит знака равенства между исламским и европейским подходами к праву и государству. В частности, он видит определенные различия в их оценке наиболее приемлемой формы правления. Так, для ислама наиболее значимым признаком

---

² *Unal Ali and Williams Alphonse, eds. Fethullah Gulen: Advocate of dialogue. Fairfax: The Fountain, 2003. С. 147–149.*

такой формы является не наличие таких формальных институтов, как выборы, парламентские структуры и процедуры, политические партии и даже не обеспечение определенных прав человека. Главное заключается в содержании этих институтов, которые должны быть нацелены на обеспечение вполне конкретных исламских ценностей — защиту религии, жизни, разума, достоинства и чести, а также собственности. Вместе с тем, современная исламская политическая и правовая мысль рассматривает все указанные выше институты сами по себе в качестве крайне важного инструмента, обеспечивающего претворение отмеченных ценностей и целей.

Ф. Гулен подчеркивает, что исламское понимание демократии базируется главным образом на концепции «шура» — взаимных консультаций, без которых невозможно решать вопросы, затрагивающие интересы коллектива, отдельной общины и всего общества. С его точки зрения, консультации представляют собой краеугольный камень в фундаменте мусульманского сообщества³. Этот принцип олицетворяет способ и процесс осуществления государственной власти, общественную сторону образа жизни мусульман. В политическом отношении институт «шура» в целом, по своему смыслу, сопоставим с современной демократией.

Следует подчеркнуть, что коранические стихи (например, Коран 42:38), призывающие верующих стремиться к проведению консультаций между собой, следовать этому принципу и применять его на практике, не устанавливают его точных границ и не предусматривают детальных правил реализации этого исходного начала исламской концепции власти. Так, теоретически все граждане или поданные исламского государства вправе давать советы или обращаться за консультациями любого характера за исключением таких вопросов, которые однозначно решены в божественном откровении. Следовательно, все политические проблемы — включая, в частности, выборы правителя или конкретной формы правления, профиля политической системы или способа осуществления власти, ведения любых государственных дел или урегулирования иных вопросов политического характера — должны решаться на основе взаимных консультаций с участием всех членов общины, обладающих нужными для этого качествами.

Таким образом, в общественно-политической сфере принцип коллективных взаимных консультаций касается, прежде всего, двух основных вопросов — избрания главы государства и определения

---

³ *Gulen M. Fetbullab. The statue of our souls: Revival in Islamic thought and activism. Muhammed Crtin, trans. New Jersey: The Light Inc., 2005. С. 43–58.*

порядка осуществления власти вместе с контролем над действиями правителя и его аппарата с целью обеспечения их правомерности и эффективности. Относительно первого вопроса — избрания главы государства — Фетхулла Гюлен подчеркивает, что принцип коллективных консультаций чрезвычайно гибок и допускает самые разнообразные формы его решения. В частности, прямые или косвенные выборы он считает таким способом занятия должности главы государства или отбора членов законодательного органа власти, который вполне соответствует исламским критериям и удовлетворяет требованиям процедуры консультаций.

Что же касается второго вопроса — области осуществления власти и контроля над правомерностью и соответствием шариату действий исполнительных органов — то и здесь исламское право отличается большой гибкостью. Формирование законодательной власти путем прямых или косвенных выборов совместимо и исламом и является хорошим примером реализации взаимных консультаций. Наряду с наблюдением за действиями правителя представительные органы власти вправе законодательствовать по различным вопросам при условии, что принимаемые таким образом нормативные акты не нарушают неизменных и однозначно установленных исламских принципов и конкретных предписаний. Гюлен исходит из того, что мусульмане могут жить в любой стране или общине, где уважаются права человека, справедливость и равенство.

Согласно его подходу, создание политических партий также совместимо с требованиями исламского права. Эти институты могут свободно действовать в исламском государстве, если удовлетворяют всего двум условиям: они должны признавать ислам в качестве религии и права, а также не могут выступать против ислама, служить врагам мусульманских государств и действовать в их интересах.

Иными словами, в соответствии с взглядами Фетхуллы Гюлена в области политики и функционирования власти исламский принцип «шура» соответствует демократии и той роли, которую она играет в западных политических системах. Если демократия представляет собой власть народа, осуществляемая самим народом и для народа, то «шура» является исламским принципом, который гарантирует, что все вопросы, касающиеся народа, решаются им самим и в его интересах. Таким образом, основы демократии и исходные начала «шуры» в политической сфере сходны. Эти два понятия не противостоят друг другу.

Такая позиция в определенном отношении отличается от традиционной исламской концепции коллективных консультаций, которая всегда ориентировалась скорее на приоритеты ответственности, не-

жели на первоочередное значение субъективных прав. Вместе с тем, эта исконно исламская идея может пониматься как утверждение одного из основных прав человека и, одновременно, в качестве средства, обеспечивающего защиту и поддержание всех остальных прав человека в рамках исламского права. Прежде всего, речь идет о праве на равенство и свободу мысли, на свободное выражение своего мнения в интересах исправления всего отклоняющегося от исламского права, включая действия властей, не укладывающиеся в исламские рамки. Каждый человек имеет право и даже обязан исправлять несправедливость или требовать внести изменения в несправедливые действия и решения или иные отходящие от исламских критериев поступки, даже если они совершаются государственными чиновниками высшего уровня, включая самого правителя. В такой интерпретации взаимные консультации сами по себе становятся незаменимой гарантией реализации всех прав человека в исламе.

Наряду с разработкой современного понимания исламского принципа коллективных консультаций Фетхулла Гюлен уделяет особое внимание политическому процессу и методам достижения политических целей. Он отвергает возможность использования религии в качестве инструмента политики, поскольку смешение политики и религии всегда ведет к разрушению и деградации самой религии. Гюлен также категорически отказывается от использования насилия как средства достижения политических результатов обществе. Напротив, он подчеркивает значение права и порядка, исходит из того, что уважение к другим не может быть навязано силой, а современный мир нельзя построить путем принуждения. Придерживаясь прямо противоположных принципов, Гюлен настаивает на том, что в сегодняшнем мире наиболее эффективным путем утверждения любой ценности является убеждение и рациональная аргументация. Именно поэтому он называет тех, кто делает ставку на силу, интеллектуальными банкротами⁴.

Мыслитель убежден в том, что любое даже самое незначительное право человека пользуется уважением в исламе и не может быть объектом посягательства. Особенно важно подчеркнуть, что принадлежащее отдельному человеку право не может быть нарушено в интересах коллектива⁵. Эта идея является центральной в подходе Гюлена к концепции прав человека в исламе и интерпретации исламской традиции в свете данной теории. Он напоминает нам, что если на

⁴ Там же. С. 59–66.

⁵ *Gulen M.Fethullah*. In true Islam, terror does not exist // Terror and suicide attacks: An Islamic perspective. Ergun Capan, ed. New Jersey: The Light Inc., 2004. С. 1–4.

корабле находятся девять преступников и только один невиновный, ради наказания правонарушителей ислам запрещает отправить это судно на дно именно потому, что на его борту есть всего один человек, не причастный к преступлению. Коран, продолжает Фетхулла Гюлен, предписывает, что несправедливо погубивший одну жизнь подобен тому, кто лишил жизни всех людей, посягая на жизнь всего человечества. Одновременно он вспоминает слова Пророка Мухаммада, который говорил, что мусульманином является тот, кто не причиняет урона другим людям ни своей рукой, ни своим языком.

Гюлен убедительно доказывает, что исламский подход не противоречит современной концепции прав человека. Наоборот, принципы их понимания должны быть исходным пунктом современной интерпретации исламской традиции. Примечательно, что он считает права коллектива зависимыми от прав личности. В этом позиция Фетхуллы Гюлена перекликается с взглядами сторонников западной либеральной теории. Следуя такому подходу, он показывает, что Коран и обязанность мусульман подчиняться воле Аллаха могут способствовать утверждению прав человека в мусульманских странах. Например, права человека в области свободы вероисповедания закреплены в ряде стихов Корана, в частности, в божественном предписании «Нет принуждения в религии».

В своих трактатах Гюлен подробно анализирует различные признаваемые в исламе права человека. Они, в частности, включают свободу религии и вероисповедания в целом, мысли и выражения мнения, право собственности и неприкосновенности жилища, право вступать в брак и иметь детей, право вступать в отношения с другими людьми и свободу передвижения, а также право на получение образования. Он подчеркивает, что основополагающие начала исламской правовой мысли базируются на этих и других закреплённых исламом правах. Ныне все они приняты современными правовыми системами. Речь идет, в том числе, о защите жизни человека, религии, собственности, семейных отношений, здоровья человека и его разума. Это касается также исходных начал понимания равенства людей, основанного на том, что все они в равной степени являются человеческими существами и, следовательно, не могут подвергаться дискриминации по признаку расы, цвета кожи или языка. Фетхулла Гюлен обращает наше внимание на то, что все указанные права и свободы защищаются в качестве отдельных ценностей и считаются современными правовыми системами неотъемлемыми правами человека.

Подход Гюлена к рассматриваемой проблеме подтверждает, что он является одним из самых видных мыслителей, внесших серьезный вклад в разработку современной исламской концепции прав челове-

ка в ее сопоставлении с западной либеральной теорией. Он исходит из того, что хотя демократия все еще нуждается в дальнейшем совершенствовании, она сегодня является единственной жизнеспособной формой. Поэтому все должны стремиться к модернизации и консолидации демократических институтов с тем, чтобы построить общество, в котором индивидуальные права и свободы пользуются уважением и защитой. Вместе с тем, подчеркивая свою приверженность исламу, Фетхулла Гюлен подчеркивает, что повсюду люди настаивают на свободе выбора в рамках разделяемой ими веры, т.е. хотят пользоваться правами и свободами в такой форме, в которой они привыкли решать свои дела, с учетом их собственного опыта, отражающего их духовные и религиозные ценности.

Могут ли мусульмане превратить свои убеждения и ценности в реальность, не отказываясь от своих традиций, а, наоборот, в соответствии с ними? Ответ Гюлена на этот вопрос абсолютно ясен. Он категорически не согласен с утверждением, будто ислам догматичен, и делает акцент на серьезных отличиях между постоянными и допускающими модификацию выводами исламского права. В частности, политические вопросы в целом и, в частности, демократические институты и права человека регулируются такими исламскими юридическими нормами, которые не только могут, но и должны изменяться в зависимости от различий места, течения времени и возникновения новых обстоятельств.

Фетхулла Гюлен отмечает, что демократия развивалась и эволюционировала со сменой эпох. Подобно тому, как она пережила немало исторических этапов в прошлом, демократия будет продолжать изменяться и совершенствоваться в будущем. Исламские принципы равенства, толерантности и справедливости могут оказаться полезными для этого процесса. Конечно, при условии, что предписания Корана и сунны, а также конкретные выводы исламской юриспруденции будут переосмыслены, заново истолкованы и обоснованы в свете развивающегося знания и переживаемых обществом перемен.

Имея в виду указанное переосмысление исламских постулатов, Фетхулла Гюлен отмечает факторы, позволяющие предложить современное исламское толкование демократии. Главным из них является убеждение в том, что мусульмане могут и даже должны самостоятельно интерпретировать исламское право. Одновременно он обращает наше внимание на тот факт, что *иджтихад* по своему смыслу открывает перед различными обществами странами возможность учиться друг у друга⁶. С учетом этого Гюлен не отвергает возможность исполь-

⁶ *Gulen M.Fethullah. Key concepts in the practice of Sufism. Vol. 1. New Jersey: The Light Inc., 2004. С. xix.*

зования западных форм демократии современным мусульманским миром. Более того, он советует придавать таким воспринимаемым институтам «исламское измерение», т.е. осмысливать их на исламский лад, облекать их в исламскую форму. По его убеждению, такой подход открывает возможность сочетания светских и религиозных политических концепций. По мнению Фетхуллы Гюлена, исламская форма правления имеет много общего с современными демократическими моделями власти. Вместе с тем, она отличается некоторыми уникальными особенностями, касающимися методов осуществления политической власти.

Таким образом, подход Гюлена к обозначенным выше проблемам является веским доказательством того, что политическая концепция ислама носит демократический характер. Именно поэтому он убежден в том, что исламскую демократию и светский политический плюрализм не разделяет непроходимая стена. Тем самым Фетхулла Гюлен вносит заметный вклад в современную теорию исламского права, в частности, в понятие *иджтихада* и так называемых исключенных интересов (*масалих мурсала*) как источников исламского права⁷.

Значение исламской культуры для диалога между цивилизациями

Фетхулла Гюлен отмечает, что в современном мусульманском мире доминирующая исламская культура сосуществует и взаимодействует в политической сфере с демократическими формами, имеющими глобальный характер. Таким образом, концепция модернизации и демократизации совсем не означает неизбежной вестернизации. Более того, она допускает возможность восприятия многих достижений западной политической демократии в рамках исламских традиций.

В этой связи ценность исламской правовой культуры не ограничивается исключительно юридическими вопросами. Она может и должна сыграть важную позитивную роль в решении более общих и даже глобальных проблем. В частности, достижения исламской юриспруденции могут способствовать налаживанию конструктивного диалога между мусульманским миром и Западом, их сотрудничеству в разрешении таких сложных проблем, как глобализация, права человека и даже совместная борьба с международным экстремизмом и терроризмом. Язык права является наиболее универсальным в сегодняшнем мире. Поэтому исламская правовая мысль должна играть более активную и заметную роль в развитии современной цивилизации. Не следует забывать, что исламская юриспруденция была

---

⁷ *Yilmaz Ihsan*. Ijtihad and tajdid by conduct. С. 203–237.

и остается важнейшим компонентом исламской цивилизации. К сожалению, в наши дни ее достижения часто игнорируются. А в нашем мире, наоборот, они должны изучаться даже более пристально, нежели раньше, учеными-юристами как мусульманских, так и немусульманских стран.

Принимая во внимания эти выводы, Фетхулла Гюлен защищает ислам в его цивилизованном и просвещенном понимании, делая акцент на совместимости ислама со знанием и современной наукой. Он убежден в том, что реалии современного мира слишком сложны для понимания одним человеком самим по себе. Поэтому специалисты различного профиля, представляющие науку, этику и религию, должны соединить свои усилия в решении этих вопросов. Именно к ним надлежит обращаться за консультациями по проблемам, с которыми сталкивается современный человек. Гюлен настаивает на том, что проблемы, волнующие все мировое сообщество, не могут решаться узкой группой людей за закрытыми дверями. Все точки зрения, включая религиозные учения, должны иметь возможность участвовать в процессе взаимных консультаций.

Таким образом, ученый вносит неоценимый вклад в налаживание диалога между различными частями современного мира. Фетхулла Гюлен верит в то, что диалог, толерантность и образование являются единственным путем поступательного развития современно мира. Он напоминает, что поведение или взгляды отдельного человека не должны влиять на наше отношение к большим группам людей и, тем более, к целым сообществам. В то же время Гюлен не разделяет идеи политического доминирования священнослужителей. Ведь он уверен в том, что светские и религиозные идеи и ценности могут мирно уживаться друг с другом в рамках одного общества. Кстати, этот подход приобретает особую актуальность в свете диалога между Турцией и Евросоюзом.

Эти глубокие идеи подтверждают, что Фетхулла Гюлен вносит очень крупный вклад в современную исламскую мысль. Известно, что традиционная исламская теория различает три основных фундамента власти и политики — консультацию, равенство и справедливость. К этой триаде Гюлен добавляет другие принципы — толерантность, диалог, нацеленные на достижение позитивных целей активные действия, образование и сотрудничество в противостоянии общим вызовам и угрозам. Такие разработанные им основы политики и власти не менее значимы, нежели традиционные три, поскольку

они отражают специфику нашего мира, а также характер нынешних отношений ислама с другими верами и культурами⁸.

Ведущим принципом учения Фетхуллы Гюлена является интеллектуальное и духовное просвещение, основанное на традиционных исламских источниках. Его методология заключается в анализе любой проблемы, идущем от ее истоков к наивысшему уровню, а также в рассмотрении человека как центра и цели любого теоретического рассуждения. Гюлен советует мусульманам стремиться к самообразованию и использовать все возможности, которые дает им исламская интеллектуальная традиция и культура, чтобы внести свой достойный вклад в развитие современного мира. В своем призыве к диалогу и толерантности он сохраняет приверженность исламской цивилизации. Интеллектуальная активность Фетхуллы Гюлена наглядно демонстрирует, что мусульмане вполне в состоянии развивать свое наследие и строить свое будущее на пути духовного и научного возрождения, отражающего реалии сегодняшнего мира. Своими теоретическими разработками он доказал, что исламское интеллектуальное наследие и политическая культура должны получить адекватную оценку и пользоваться высоким уважением. Вместе с тем, прогресс мусульман в наше время напрямую зависит от развития исламских наук и образования. Что же касается исламской политической культуры и демократии, то они могут быть влиятельными и актуальными для нашей дней не путем изоляции мусульманского мира и его противопоставления иным культурам, а, наоборот, при условии передачи своих достижений остальному миру и использовании позитивного опыта других культур и цивилизаций.

Источники

(помимо указанных в примечаниях)

Karliga Bekir. Religion, terror, war, and the need for global ethics // Terror and suicide attacks: An Islamic perspective. Ergun Capan, ed. New Jersey: The Light Inc., 2004.

Kurtz Lester R. Gulen's paradox: Combining, commitment and tolerance // The Muslim World 95(3). 2005. С. 373–384.

Michel Thomas S.J. Sufism and modernity in the thought of Fethullah Gulen // The Muslim World 95(3). 2005. С. 341–358.

Saritoprak Zeki. An Islamic approach to peace and nonviolence: A Turkish experience // The Muslim World 95(3). 2005. С. 413–428.

Yilmaz Ihsan. State, law, civil society and Islam in contemporary Turkey // The Muslim World 95(3). 2005. С. 385–412.

---

⁸ *Gulen M.Fethullah.* In true Islam, terror does not exist . С. 37–45.

УТУРГАУРИ С. Н., РЕПЕНКОВА М. М.

НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

До последних двух десятилетий в турецкой литературе чётко прослеживалось несколько художественных направлений и течений. Художественное направление и течение — это не только объективно существующие явления, которые складываются под влиянием многих общественно-исторических и культурных факторов, функционируют в конкретном исторических условиях и характеризуются общностью социальных, политических, философских, нравственных идеалов, принципов художественного постижения жизни. Они к тому же — определённая система координат, позволяющая классифицировать исследуемый материал, ориентироваться в потоке явлений и факторов.

Для того чтобы понять, насколько изменилась литература Турции на рубеже XX–XXI вв., необходимо хотя бы коротко сказать о направлениях и течениях предшествующего периода. Начнём с литературы «социального реализма» (*toplumsal gerçekçilik*), которая сформировалась с приходом в национальную словесность яркой плеяды прозаиков (Орхан Кемаль, Кемаль Тахир, Яшар Кемаль, Самим Коджагёз, Кемаль Бильбашар и др.) и в последующие годы пополнилась за счёт притока самобытных талантов (Талип Апайдын, Факир Байкурт, Бекир Йылдыз, Керим Корджан и др.). Это были писатели — социалисты по убеждениям. Их объединяла идея необходимости изменения турецкого общества во благо народа. Творчество этих писателей сформировало художественное направление «социального реализма». С 40-х до середины 80-х гг. прошлого века оно занимало доминирующее положение в национальном литературном процессе.

В понимании социальных реалистов, общественные перемены, необходимость которых они утверждали, зависят от степени зрелости социального сознания демократических слоёв и определяемой им психологии поведения. Постигание глубин социальной психологии, её динамики как фактора общественного прогресса, одновременно с пристрастным изучением явлений, под воздействием кото-

рых она формируется, и становится центральным объектом художественного исследования писателей.

Анализ общественных явлений, непосредственно влияющих на изменение социальной психологии, вместе с осознанным стремлением исходить в оценке действительности из интересов народа, придают универсальность критике социальных реалистов, остроту их выводам о необходимости изменения существующей реальности.

В этот период значительное место занимает «литература буналым» (bunalım edebiyatı). Поскольку понятие «литература буналым» неоднозначно, мы интерпретируем его как «литература отчуждения», что наиболее точно отражает модель мира и личности в произведениях писателей данного течения. Не следует считать «литературу буналым» данью моде, подражанием Западу. Подобная точка зрения ещё может быть оправдана, когда речь идёт об эпигонской продукции модернистского толка, но совершенно не применима в отношении произведений талантливых и самобытных художников (Октай Акбал, Демирташ Джейхун, Бильге Карасу, Лейла Эрбиль и др.).

Оппозиция человек—общество позволяет отметить в «литературе буналым» две тенденции. Одна из них тяготеет к фрейдистской концепции личности (Неджати Тосунер), другая связана с экзистенциалистским мировосприятием (Демир Озлю, Лейла Эрбиль, Онат Кутлар, Юсуф Атылган, Бильге Карасу, Севги Соисал, Эрдал Оз и др.). Для первой тенденции характерно объяснение изолированности личности от общества биологическими причинами. Для второй центральной также является проблема отчуждения. Но решается она по-иному. В отличие от фрейдистской тенденции герой не изолируется от внешней реальности, но его судьба всецело зависит от слепой силы случая, имманентно присущей любому явлению и противостоять которой никому не дано. Экзистенциалистская тенденция является наиболее ярко выраженной. Объективно неся в себе критику существующих порядков, произведения её представителей являют собой как бы сложный синтез модернистской и реалистической концепции действительности, которая придаёт им социальное звучание, подтверждает мысль о том, что турецкий модернизм сам по себе неоднозначен и что, по крайней мере, у крупных художников он проявляется чаще всего не в «чистом» виде. В ходе эволюции «литературы буналым» в произведениях талантливых художников реалистическая концепция вытесняет модернистскую. Понять до конца этот процесс невозможно, не учитывая, что представители «литературы буналым» считали себя марксистами, реалистами и понимали свою деятельность как форму протеста против буржуазной действи-

тельности и вместе с тем как борьбу за обновление выразительных средств в искусстве.

Таким образом, внутренние противоречия «литературы буналым» привели к тому, что под воздействием общественно-политических и духовных процессов писатели-модернисты отходят от своих принципов и «литература буналым» изживает себя. Писатели перешли на новые позиции и продолжили свою творческую деятельность как художники, преданные национальным традициям, сохранив при этом обретенный в модернизме художественный опыт.

В отличие от «литературы буналым» всё более заметным становится социально-психологическое течение, которое в Турции названо «течением Саида Фаика» (Sait Faik cereyanı). В поисках путей художественного освоения действительности писатели социально-психологического течения утвердили себя как авторы реалистического искусства (Октай Акбал, Незихе Мерич, Бильге Карасу, Томрис Уяр и др.). Создавая свою концепцию действительности, они пришли к категорическому отказу от модернистской модели отчуждения, как непреодолимого зла, приводящего человека к некоммуникабельности и одиночеству. Не приняли они и концепцию социальных реалистов, которые рассматривают отчуждение как следствие определённой общественной формации, а потому считают возможным преодолеть его лишь путём переустройства общества и пробуждения личности к активному действию. Социально-психологическая проза предложила свою модель жизни и личности. Писатели этого течения объясняют отчуждение человека социальными причинами. Однако в их творчестве, при явственном критицизме, всё же отсутствует то открытое неприятие действительности, которое свойственно социальным реалистам. Они не выдвигают острых масштабных проблем, не исследуют причин социальных противоречий, не предлагают конструктивных идей решения проблемы отчуждения. Их внимание привлекает не столько социально-общественный аспект отчуждения, сколько исследование духовного состояния личности в условиях отчуждения. Озабоченные судьбой человека и общества, они постулируют самую возможность преодоления отчуждения. Но пути обретения человеческого в человеке они ищут в сфере этической. Социальная мотивированность конфликтов обнаруживается в произведениях этих писателей лишь при пристальном внимании к деталям.

Если социальные реалисты исследуют сам процесс отчуждения человека от общества в его социально-исторической обусловленности, а «литература буналым» интересует конечный результат этого процесса, то есть не процесс отчуждения, а состояние отчуждённос-

ти, то писатели социально-психологического течения концентрируют внимание на внутреннем состоянии личности, на духовном возрождении человека, на его возвращении к самому себе и тем самым к обществу. Таким образом, в социально-психологической прозе утверждается идея преодоления отчуждения посредством самосовершенствования человека.

В произведениях писателей субъективно-психологического течения (по определению турецкой критики «роман 12 марта») с особой силой выразился общий для турецкого искусства процесс политизации и идеологизации, особенно интенсивный в период необычайно обострившегося в конце 60-х — начале 70-х гг. минувшего века идейно-политического противостояния, втянувшего в свой водоворот широкие городские слои, демократически настроенную интеллигенцию, студенчество.

В этой новой идейно-эстетической тенденции обозначились три наиболее характерные разновидности турецкого политического романа (именно роман стал основным жанром этой тенденции): уже известные — беллетристический политический роман, документально-политический и принципиально новая его разновидность, которая определяется нами как субъективно-психологический роман. В произведениях Четина Алтана, Тарыка Дурсуна, Эрдала Оза, Севги Соисал отчётливо прослеживается обострённое внимание, с одной стороны, к психологическому исследованию внутреннего мира героя, с другой — к процессу формирования политического сознания турецкого общества в целом и его отдельных слоёв.

Осознание того, что события, связанные с 12 марта, не столько повлияли на дальнейший ход социального развития страны, сколько на её духовный климат, обусловило интерес к личности, эти события пережившей. Поэтому в центре романа оказывается не само по себе событие, а субъективное восприятие этого события, духовная эволюция человека. Но, обращаясь к внутреннему миру личности, мучительно осмысливающей трагизм происходившего, писатели не замыкают круг её личных переживаний, а экстраполируют их на окружающую реальность. В потоке внутренней речи героя, в ассоциациях, рождающихся из столкновений временных и пространственных пластов, раскрывается не только характер личности, самой реальностью поставленной перед нравственным выбором, но и образ современности, раздираемой противоречиями трагически сложной жизни общества. Выявление глубинной связи между внутренним миром личности и общественно-политическими событиями, которые личность как бы «пропускает через себя» и которые получают

сугубо «субъективную» интерпретацию, составляет художественную специфику произведений субъективно-психологического течения.

Субъективно-психологическая проза сложилась не без влияния западноевропейского романа. Однако вне творческого осмысления собственных литературных традиций, едва ли были бы созданы произведения, ставшие явлением национальной литературы. Субъективно-психологический роман аккумулировал мастерство психологического анализа «литературы буналым», структурное открытие романа Назыма Хикмета «Жизнь — прекрасная штука, брат мой!», острый критицизм социальных реалистов. От них он унаследовал и концепцию активной личности, но создал своего героя — интеллигента, участника бурных политических событий, сознательного протестанта.

Эта тенденция подтвердила, что творческие интересы смещаются в нравственно-психологическую сферу, с чем и связана углублённая разработка этических проблем.

Позже субъективно-психологический роман утратил политическую заострённость, сохранив, однако, интерес к нравственно-этической проблематике (Мехмед Эроглу, Кемаль Бильбашар, Бухран Гюнель, Селим Илери, Эрхан Бенер).

Не стоит полагать, что названные явления воплотили всё многообразие турецкой литературы. Мы обозначили лишь те тенденции, которые проявились как направление и течения, высветив специфические особенности турецкой литературы. В последние два десятилетия картина литературного поля претерпела кардинальные изменения. Размылись, а затем исчезли направления. Творческие индивидуальности развиваются, так сказать, в автономном движении. Тот факт, что «традиционные направления и течения утрачивают ясность и чёткость», замечают турецкие и критики, и литераторы¹. В то же время они отмечают появление новой тенденции, воплощающей принципы постмодернистской литературы. С констатацией этого факта нельзя не согласиться. Более того, мы считаем, что турецкая постмодернистская литература сложилась как, пожалуй, единственное художественное направление. Именно потому считаем целесообразным раскрыть её сущностные особенности.

Турецкий постмодернизм возник во второй половине 1980-х гг. Однако турецкие литературоведы и критики тех лет не смогли «оперативно» отреагировать на его появление. Дискуссии на тему постмодернизма в Турции начались позже, лишь в 1990–92 гг. Участники дискуссий называли новые явления в литературе то «авангардным

---

¹ *Okta*y A. Romanımızda ne oldu? İstanbul, 2003. С. 78.

направлением»², то «самым новым романом»³. Многие из них напрямую связывали появление постмодернизма на турецкой почве с общественно-политическими явлениями в стране 1980 — начала 1990-х гг.⁴. Отмечая необычную поэтику постмодернистских произведений, турецкие исследователи часто относили к постмодернистам всех писателей, для кого была характерна нетрадиционная художественная манера письма. Так, в разряд постмодернистов попали Огуз Атай, Юсуф Алтыган, Дуйгу Асена, не имеющие к постмодернизму никакого отношения.

И всё же уже в начале 1990-х гг. турецким критикам и литературоведам удалось уловить характерные художественные особенности постмодернистских произведений — интертекстуальность, плюрализм, авторскую игру и иронию. Исследовательница Йылдыз Эджевит так понимала термин «интертекстуальность»: современный писатель, будучи не в состоянии адекватно отразить в своём произведении собственные мысли об окружающем мире, поскольку тот становится всё более и более необъяснимым, предпочитает обратиться к чужому опыту, т.е. к произведениям предшествующих литературных традиций. Таким образом, возникает связь между текстами. Вдохновившись чужими идеями, постмодернистский писатель начинает вести игру с читателем, предлагая тому разгадать, на какие тексты он ссылается в своем романе. Постмодернистскому писателю так удаётся спрятаться за своими предшественниками, что возникает впечатление, что произведение не имеет автора вообще, а творит себя само. Игра автора в «прятки» и составляет в представлении Йылдыз Эджевит суть постмодернистского повествования⁵.

Берна Моран в исследовании, посвящённом генезису турецкого романа, называл «интертекстуальность» композиционным приёмом используемым писателями-постмодернистами. Автор работы утверждал, что философия постструктурализма открыла связь между каждым новым текстом и его предшественниками, т.е. ни один текст не может существовать автономно, ни один писатель не в состоянии описать реальность, не прибегнув к уже созданным до него текстам. Если в реалистической и модернистской традициях писатели пыта-

² *Moran B. Türk romanında eleştirel bir bakış. III. Sevgi Soysal'dan Bilge Karasu'ya.* İstanbul, 1994.

³ *Kabaklı A. Türk edebiyatı. Cilt V.* İstanbul, 1994.

⁴ *Aytaç G. Türk romanları üzerine incelemeler.* Ankara, 1999; *Ecevit Y. Orhan Pamuku okumak.* İstanbul, 1996; *Kabaklı A. Türk edebiyatı. Cilt V.* İstanbul, 1994; *Moran B. Türk romanında eleştirel bir bakış. III. Sevgi Soysal'dan Bilge Karasu'ya.* İstanbul, 1994; *Naci F. 50 Türk romanı.* İstanbul, 1997.

⁵ *Ecevit Y. Orhan Pamuku okumak.* İstanbul, 1996. С. 18–19.

лись скрыть эту связь между текстами, то, по мнению Берны Морана, постмодернистские авторы нарочито акцентируют внимание на ней. Таким образом, постмодернистский роман перестаёт быть просто повествованием, которое отражает внешнюю реальность и описывает философские, социологические или нравственные области человеческой деятельности. Роман превращается в игру с предшествующей традицией, подразумевающую многовариантность развязки и равноправность героев в дискуссии с автором⁶.

Декабрьский номер литературно-критического журнала «Варлык» за 1992 г. был полностью посвящён постмодернизму. В нём были опубликованы статьи турецких литераторов и критиков о новом культурном феномене, размещены отрывки из поэтических и прозаических произведений турецких постмодернистов. Участники дискуссии, развернувшейся на страницах журнала (Хильми Явуз, Оруч Аруоба, Мехмед Х. Доган, Хасан Б. Кахраман), сошлись во мнении, что постмодернизм пришёл в турецкую литературу с Запада, но в начале 1990-х годов не стал таким же ярким и массовым явлением, как на Западе. По мнению Мехмеда Х. Догана, причиной тому являлась недоступность многих западных постмодернистских текстов (как философских, так и литературных) для турецкой аудитории из-за отсутствия их переводов на турецком языке⁷. Хасан Б. Кахраман отметил, что появление постмодернизма на турецкой почве было связано со «всеобщими процессами», происходящими в мире. По его мнению, современный мир перестал делиться на полюса, представляя собой единую масс-медийную культуру, в которой географические границы и вообще любые пространственно-временные параметры теряют всякое значение. И в этом смысле постмодернизм помог Турции преодолеть своё периферийное положение на мировой арене⁸.

Очевидно, что турецкие литературоведы и критики в начале 1990-х гг. уже были склонны считать постмодернизм явлением, усвоенным и адаптированным национальной словесностью. При этом они больше констатировали факты и описывали их, чем давали им научно-теоретическое объяснение. К 2000-м гг. уровень турецкой литературной критики значительно вырос, изменились подходы к изучению постмодернизма. Возникновение турецкого постмо-

⁶ Moran B. Türk romanında eleştirel bir bakış. III. Sevgi Soysal'dan Bilge Karasu'ya. İstanbul, 1994. С. 98.

⁷ Soruşturma. Edebiyatımızda bir Postmodern Durumdan söz edilir mi? // Varlık. Edebiyat. 1992. С. 16.

⁸ Kabraman H. B. 'Total' kültrel bir olgu olarak Postmodernizm // Varlık. Edebiyat ve sanat dergisi. İstanbul, Ekim, 1992. С. 4.

дернизма на двадцать лет позже американского и европейского турецкие критики совершенно справедливо объясняют, духовным состоянием турецкого общества, которое позже, чем Запад оказалось «втянутым» в процесс глобализации, выражением которой в сфере искусства, литературы в частности, является постмодернизм. Так, по мнению Ахмеда Октая, в турецкой литературе именно после 1980-х годов начинают «отчётливо проявляться глобализационные тенденции, выражающиеся в развитии постмодернизма»⁹.

С другой стороны, нельзя забывать и том, что подобное «опоздание» было связано с прочным доминированием в национальной словесности XX в. реалистической, социально ориентированной литературы, ставшей на довольно длительный срок непреодолимым барьером для проникновения в неё унифицированных идей и принципов западной масс-медийной культуры, и своеобразием модернизма, который в принципе, не был «чистым» модернизмом. «Литература буналым» (литература кризиса, отчуждения) представляла собой весьма своеобразный национальный вариант экзистенциализма и фрейдизма, не всегда сопоставимый с классическими образцами модернистской традиции, что дало основание российским исследователям назвать её «литературой модернистской ориентации»¹⁰. Между тем, именно богатый и разнообразный опыт модернизма в постиндустриальных обществах Западной Европы в 1960–1970-х стал благодатной почвой для развития постмодернистской литературы, заимствованной Европой у Америки.

Турецкий постмодернизм, отличающийся разнообразием тенденций, занимает срединное положение между западной (американской и западноевропейской) и восточной (восточноевропейской) модификациями постмодернизма, находясь в некоей диффузной зоне, в которой происходит скрещивание признаков той и другой моделей. Впитав от западного постмодернизма тесную привязанность к постструктуралистско-постмодернистской теории, использование многообразных образцов западной массовой культуры в качестве одного из языков гибридно-цитатного сверхязыка симулякров, он обнаруживает много общего с восточной модификацией (русская, польская, македонская литературы): политизированность и пессимизм.

Если говорить о национальном своеобразии турецкого постмодернизма, то оно определяется, прежде всего, самим турецким язы-

---

⁹ *Oktaay A. Romanımız ne oldu? İstanbul, 2003. С. 44.*

¹⁰ *Умургаури С.Н. Современная турецкая проза. Основные тенденции развития. Дисс.... д-ра филол. наук. М., 1985. С. 50.*

ком (как первичной семиотической системой), использованным для создания языка литературного; присутствием в тексте деконструируемых цитаций из восточной культурной традиции и собственно турецкой культуры; вниманием к проблемам, особо важным для Турции, то есть к национальной проблематике, рассмотренной сквозь призму культурфилософии; национальным складом мышления, типом юмора и иронии.

Возникновение постмодернизма на турецкой почве было обусловлено многими причинами. Прежде всего, это была эстетическая реакция на разочарование во всех утопиях, существовавших ранее в обществе — социально-исторических, философских, научных и художественных. Турецкая литература постепенно начала обретать самостоятельность, свободу от подавляющего её социума, который она должна была обслуживать, осознать свою знаковую сущность и игровую природу. Здесь сказались и определённая исчерпанность предшествующих традиционных типов художественности — модернизма и социального реализма — что поставило перед художниками нового поколения задачу создания такой эстетической системы, которая отвечала бы требованиям «переходного» (в смысле «перехода» к новой расстановке литературных сил) времени. По сути турецкие постмодернисты пересматривали традиционное представление о литературе как отражении действительности. Они даже не пытались сохранить в глазах читателей иллюзию о том, что их произведения — это жизнь. Нет, они подчёркивали, что их произведения — это текст, уже не отражающий реальность, а творящий новую текстовую реальность, вернее даже полиреальность, на основе гибридно-цитатного пастиша из предшествующей литературной традиции, акцентирования вторичных коннотаций и активной деконструктивистской работы.

Такому восприятию реальности способствовало активное освоение компьютерных технологий, игр, виртуальных миров Интернета, власть СМИ, всё увеличивающееся их влияние на общественную психологию.

В предшествующие годы значительно расширились границы общения турецкой культуры с мировой, начался своеобразный «взаимообмен» эстетическими ценностями и открытиями. Турецкая литература, которая является относительно молодой, активно усваивала уроки произведений У. Эко, Х. Борхеса, с огромным интересом вчитывалась в философско-эстетические труды Ж. Дерриды, Ф. Лиотара, М. Фуко, Р. Барта. При этом в отличие от постмодернистской поэтики, которая «впитывалась» достаточно легко, постмодернист-

ская философия открывалась не для всех. Сказывались недостаточная эрудированность, незнание иностранных языков.

Для возникновения постмодернизма на турецкой почве в середине 1980-х гг. огромное значение имело то, что ведущие представители этого направления — Орхан Памук, Назлы Эрай, Пынар Кюр неоднократно стажировались в США, пройдя «школу американского постмодернизма» и усвоив основные постулаты нового мировидения: осознание многоликости истины, ощущение хаоса, фрагментарности современного мира, в котором отсутствуют какие-либо критерии ценностей. Каждый из вышеупомянутых писателей, а также Хильми Явуз, Латифе Текин, Муратхан Мунган, Бильге Карасу, Махир Озташ добавлял свои особенности в палитру постмодернистской поэтики. Являясь людьми разносторонне одарёнными, они создавали произведения на стыке прозы, поэзии и драматургии (Муратхан Мунган, Назлы Эрай), размывая границы литературного произведения и намечая пути к универсализму в рамках самой литературы. Но наряду с плодотворными тенденциями в турецком постмодернизме заявили о себе и другие, подчас просто пугающие. «Цитирование» без философии, элементарность, а то и пустота означаемого, к которому сводились аппроприированные деконструированные означающие, произвольное смешивание стилей разных направлений и эпох свидетельствовали о том, что сам факт следования принципам эстетики постмодернизма — ещё вовсе не гарантия успеха. И всё же именно постмодернизм внёс в национальную словесность новые идеи и концепции.

Постмодернистские произведения изначально противостоят идее однозначного прочтения. Воспринимая окружающий мир как знаковую систему (язык), постмодернисты отдают приоритет познания мира именно литературе. При этом литературное произведение из определённой художественной структуры превращается в лингвистическую знаковую структуру. В такой знаковой структуре процесс раскрытия кода (а точнее, кодов, так как знак, символ поддаются различным толкованиям) является определяющим.

Постмодернистские произведения можно толковать по-разному, в зависимости от того, какой код (или коды) удалось расшифровать. Как правило, на поверхности таких произведений лежат занимательные сюжеты детективного [романы — Бильге Карасу «Проводник» (1990), Орхан Памук «Чёрная книга» (1990), Пынар Кюр «Роман одного преступления» (1989)] или приключенческого характера [роман Орхана Памука «Белая крепость»], насыщенные часто элементами фантастики [романы — Махира Озташа «Комитет по охране Луны» (1987), Назлы Эрай «Бар влюблённого попугая» (1995),

«Человек, одетый в любовь» (2001); сборник повестей Муратхана Мунгана «Сорок комнат с тремя зеркалами» (1999)]. Задача авторов состоит в том, чтобы с помощью такого рода сюжетов заинтересовать как можно больше читателей, вовлечь их в бесконечную игру ключевых слов, кодов и смыслов. Количество же расшифрованных смыслов зависит только от интеллектуального уровня каждого читающего. Очень часто неискушённый читатель так ничего и не может постичь из подобного рода книг, кроме верхнего, поверхностного сюжета.

Признавая «открытость» своих произведений для понимания и истолкования, постмодернисты утверждают, что чем больше кодов в произведении, тем оно многозначнее, информативнее, более приближено к реальности. Многозначность произведения возрастает в зависимости от повышения нелогичности, невероятности соединения между собой знаков — символов, образов, мотивов. Например, Орхан Памук соединяет в своих романах в беспорядочный, хаотичный коллаж знаки различных художественных структур (прямо противоположных друг другу литературных стилей, мотивов и образов средневековой и современной восточной и западной литературных традиций). Пынар Кюр в предисловии к «Роману одного преступления» пишет, что чем более нелогичен, абсурден текст произведения, тем более он интенсивен как генератор реальности, которая должна быть осмыслена с помощью этого текста.

В турецком постмодернизме (так же как в субъективно-психологической и социально-психологической прозе) идея, связанная с духовными поисками личности, остаётся определяющей. Однако, в отличие от героев названных типов прозы, герой постмодернистских произведений, стремясь к нравственному самосовершенствованию, к духовному, интеллектуальному росту, проходит через нравственные искания, но в итоге осознаёт свою ничтожность, своё бессилие что-либо изменить в мире, то есть осознаёт себя ничего не значащей частицей всеобщего хаоса, частицей, в которой, как в капле воды, отражается вселенский хаос, и принимает это.

Выдвигая тезис о возможности постижения истины через постижение многозначности, алогичности, абсурдности внешнего мира, постмодернисты снимают границы между внешним миром и человеком и, таким образом, создают принципиально новую для турецкой литературы концепцию личности, в которой нет места разобщённости человека и окружающего мира. Новая концепция личности неминуемо создаёт нового героя, который осознаёт себя равным миру, неким микрокосмом, вбирающим в себя весь многозначный и абсурдный мир.

Пример постмодернистского «лирического» героя просматривается в романе Бильге Карасу «Проводник» (1991), в котором травестируется и пародируется образ автора-персонажа, обретающего теперь «статус» авторской маски, в основе которой — постмодернистский «архетип» гений/клоун. Иронизирующий над другими и пародирующий других автор-персонаж, которого всегда можно понять двойко, и никогда нельзя быть уверенным, что понял правильно, оказывается носителем нового типа сознания и нового языка — постмодернистского. Он многое не договаривает, и вытесненное в подтекст составляет лирическую ауру произведения.

Бильге Карасу (1930–1995) — писатель, философ, публицист — культовая фигура турецкой литературы. Его относят к тем авторам, которые написали мало, но при этом всегда оставались в авангарде литературной жизни страны. Он закончил философское отделение филологического факультета Стамбульского университета. Работал в Генеральном управлении по делам печати и туризма, а также в отделе иностранного вещания Анкарского радио. Писать начал рано. В 1953–1962 гг. первые рассказы Бильге Карасу, написанные в модернистской манере, появляются в турецкой периодике (журналы «Сечильмиш хикайелер», «Форум», «Дост»). В большинстве ранних рассказов писателя отчётливо ощущается влияние экзистенциализма — невозможность человека вырваться из-под власти слепой силы случая, роковых обстоятельств и совершить свободный выбор. В 1963 г. вышел первый новеллистический сборник писателя «В Трое была смерть», включивший в себя ранее напечатанные в журналах новеллы.

В 1963–64 гг. Бильге Карасу, получив стипендию Рокфеллера, стажировался в Европе, занимался переводами на турецкий язык известных европейских авторов. В 1963 г. его перевод книги Д. Х. Лоуренса «Человек, который умер», был отмечен премией Турецкого лингвистического общества.

В 1970–80-е гг. направление творческих поисков писателя круто изменилось. Он отошёл от модернизма и обратился к социально-психологической прозе («течению Саида Фаика»), о чём свидетельствуют сборники рассказов «Вечер одного долго длящегося дня» (1970)¹¹, «Сад сбежавших кошек» (1979), «Буфет счастья» (1982) и роман «Ночь» (1985)¹². Обретение человеком внутренней

¹¹ В 1971 г. сборник удостоен премии Саида Фаика.

¹² В 1991 г. роман «Ночь» получил престижную европейскую премию «Пегас», которая присуждается раз в десять лет, с формулировкой «за роман, представляющий одно из ведущих направлений турецкой романистики последнего десятилетия». Бильге Карасу был первым турецким писателем, удостоенным

гармонии посредством нравственного самосовершенствования реализовалось у Бильге Карасу в сложной системе образов-символов. Художественные особенности новеллы-аллегии «Дорога под землёй» (1971) были подробно рассмотрены С. Н. Утугаури в книге «Турецкая проза 60–70-х годов. Основные тенденции развития» (1982). В 1974 г. Бильге Карасу приступил к педагогической деятельности в университете Хаджеттепе, которую до конца своей жизни сочетал с творчеством.

Написание в 1990 г. романа «Проводник» свидетельствовало о повороте Бильге Карасу к постмодернизму. Это единственное постмодернистское произведение писателя, поскольку после «Проводника» он успел издать лишь две книги философско-публицистических эссе — «Ни без книг, ни без кошек» (1994)¹³, «Газель о гранате и инжире» (1995). Посмертное собрание сочинений Бильге Карасу было осуществлено в издательстве «Метин» под редакцией известной исследовательницы современной турецкой литературы Фюсун Акатлы — «Осень длинной в шесть месяцев» (1996), «Мать подземных ходов или Бейоглу» (1999), «Другие тексты» (1999). Параллельно с этим Фюсун Акатлы совместно с М. Г. Сёкменом подготовили книгу «Бильге Карасу среди нас» (1997), посвящённую жизни Бильге Карасу и его литературным пристрастиям. Это издание во многом основано на воспоминаниях друзей писателя.

Постмодернистская специфика романа «Проводник» была распознана не сразу. Турецкие критики рассматривали это произведение с позиций эстетики реализма¹⁴. Но даже при таком подходе косвенным образом оказались описанными некоторые его специфически постмодернистские черты: создание симулятивной реальности, в которой сон неотделим от настоящей жизни и в которой всё определяет игра; ощущение «многослойности» образов («мерцание» в персонажах-симулякрах кодов предшествующей культурной традиции); «странность» персонажа-рассказчика (авторской маски) и др.

Наиболее интересна для нас интерпретация романа, осуществлённая Берной Мораном¹⁵. Исследователь называет это произведение «авангардным, постмодернистским» и очень точно выделяет цитатные слои, используемые романистом: английский готический

премии «Пегас».

¹³ В 1994 г. книга была отмечена литературной премией Седата Семави.

¹⁴ *Akatlı F. Öyküleriyle-Masallarıyla Bilge Karasu // Öykülerde Dünyalar. İstanbul, 1998; Aruoba O. Kılavuz'a Kılavuz // Argos, Mart, 1991; Gümüş S. Kılavuz: Kendini Yazan Yazı // Adam Sanat, Ağustos, 1991.*

¹⁵ См. *Moran B. Türk romanında eleştirel bir bakış. III. Sevgi Soysal'dan Bilge Karasu'ya. İstanbul, 1994. С. 119–133.*

роман XVIII в. — Горацио Упол, Мэтью Грегори Льюис, Уильям Годвин, Анна Радклиф, Жак Казот, Чарльз Роберт Мэтьюрин); произведения, продолжающие эстетику готического романа в XIX веке — рассказы и сказки Эрнста Теодора Амадея Гофмана, рассказы Эдгара По «Чёрный кот» (1843) и «Падение дома Ашеров» (1839), романы Мэри Шелли «Франкенштейн» (1820), Брэма Стокера «Дракула» (1897), философская повесть Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» (1886); романы ужасов и детективы XX в. В серию цитаций (образов и сюжетных положений) Берна Моран включает и произведения турецкой литературы, в которых герой/героиня приезжает в загадочный дом, полный наводящих ужас призраков — романы Хюсейна Рахми Гюрпынара «Злой демон» (1912), Пеяими Сафа «Кресло мадемуазель Норальи» (1949).

Во то же время турецкий исследователь подчёркивает, что под пером Бильге Карасу и детектив, и ужас «превращаются в пародию»¹⁶, поскольку все ужасы имеют черты театрального действия, а в детективной линии ничего не разрешается. Берна Моран подчёркивает, что в романе ощущается игра всех и во всё, особенно в словах рассказчика (он мешает важное с пустяками, иногда даже забалтывается). Берна Моран вплотную подходит к понятию «авторская маска», но объяснить, почему Бильге Карасу настойчиво отмежёвывается от рассказчика, почему заставляет своего героя «болтать» и постоянно повторять, что он ненастоящий, начинающий писатель, не может. Верно указывая на приём «ребячества», используемый прозаиком, оставляет без ответа вопрос: «С какой целью в романе герои постоянно сравниваются с детьми?» Иными словами, не владея в достаточной степени теорией постмодернизма, Берна Моран не может связать в единое целое черты постмодернистской поэтики Бильге Карасу. Даже используя постмодернистскую терминологию (цитатность, пародия, игра и т. п.), исследователь производит анализ романа традиционно, с позиций всё той же реалистической эстетики. Поэтому многое для него в произведении и остаётся загадкой.

Сюжет романа «Проводник», как и любого другого постмодернистского повествования, необычен. В первой части молодой человек по имени Угур во время летнего отпуска, который он проводил в одном из маленьких городков на побережье Средиземного моря, решает подработать. По объявлению в газете он находит телефон некоего Йылмаз-бея, предложившего ему на две недели (т.е. на время своего отсутствия) работу в качестве помощника-секретаря для своего дяди Мюмтаз-бея. Угур не раздумывая принимает предложение

---

¹⁶ Там же. С. 122.

и отправляется по указанному адресу в другой курортный городок. С этого момента с героем начинают происходить странные вещи. Лицо Йылмаз-бея кажется ему поразительно знакомым. Возвращаясь уже с вещами в дом патрона, Угур переживает всё то, что он видел недавно во сне, причём герой воспринимает свой сон как фильм, который сам же и снимает: таксист Ихсан настойчиво предлагает ему свои услуги, привозит его в дом работодателя, который по каким-то странным причинам отсутствует, и остаётся на ужин. Ихсан рассказывает Угuru, что Йылмаз-бей уехал за город, поскольку в колодце его сада нашли труп неизвестного человека, по-видимому, иностранца. Таксист удивлён, почему Йылмаз-бей назвал Мюмтаз-бея «дядей». Ведь всем известно, что это его учитель, «профессор». Рассказы таксиста, ведущего себя как сыщик, заставляют героя всё время ощущать себя то в какой-то игре, придуманной не им, то в детективе, то в фильме ужасов («в доме с привидениями»). Довершает странности первого «рабочего» дня Угура телефонный звонок Йылмаз-бея с его просьбой чувствовать себя как дома и посмотреть видеокассету, оставленную на столе. После ухода Ихсана Угур просматривает кассету, которая приводит его в ужас. Фильм, снятый в необычной технике (происходящее показывается глазами человека, который не виден, что создаёт впечатление единого целого снимающего и зрителя), представляет собой ещё один сон героя (сами же сны имеют нумерацию и несут собой ощущение неизбежной беды). Угур видит на экране себя самого в своём сне. Рядом с ним находится незнакомый человек и обвиняет его в убийстве, которого Угур не совершал. После просмотра фильма герой впадает в панику. Ему кажется, что в доме кто-то прячется, что за ним следят. Он решает уехать из «дома ужасов», но в этот момент в дверях появляются Йылмаз-бей и таксист Ихсан. Йылмаз-бей просит молодых людей поехать и забрать дядю от его друга из городка Тебер.

Вторая часть романа повествует о 13-м дне пребывания Угура в странном доме. В ней ничего особенно не происходит, действие как будто замедляется. Пожалуй, самым таинственным является лишь исчезновение страшной кассеты. Угур и Мюмтаз-бей ведут бесконечные разговоры, из которых выясняется, что всё написанное является дневником/рассказом/романом Угура, который пробует свои силы в различных повествовательных жанрах. Замечания, советы «профессора», а также обдумывание и исправление текста автором-персонажем Угуром создают впечатление, что книга пишется как бы на глазах читателя. При этом постоянно поддерживается иллюзия непрекращающегося диалога с читателем. Но с самого начала ясно, что Угур — очень странный писатель, как бы играющий в «насто-

ящего писателя». Вместо высокомудрых поучений он придумывает что-то немыслимое (что не было на самом деле), болтает (чем подвергается критике «профессора»), словно играет с читателем, словно читатель нужен ему прежде всего как зритель, способный оценить его виртуозную словесную игру. Кроме того, вторая часть изобилует диалогами Угура и Ихсана, который всё больше и больше напоминает сыщика, ведущего расследование по делу странных смертей, с которыми, как ему кажется, связаны Йылмаз-бей и Мюмтаз-бей. Из рассказа Ихсана выясняется, что помимо трупа в колодце, год назад в номерах отеля были найдены самоубийцы-швейцарцы, общавшиеся с Мюмтаз-беем. Между Угуром и Ихсаном возникает гомосексуальная связь. Они посещают развалины античного театра, где Угур представляет себя участником дионисийского праздника.

Третья часть включает в себя 14 и 15-й дни «работы» Угура у Мюмтаз-бея. Ихсан всё больше пытается втянуть Угура в детективное расследование странных смертей. Его речи совсем не похожи на высказывания таксиста. Они напоминают то размышления аналитика-детектива, то заявления падкого до сенсаций журналиста. Молодые люди решают не расставаться и вместе вернуться в Анкару. К ним желает присоединиться и «профессор», предложивший Угуру «поработать» с ним и в Анкаре. Йылмаз-бей на прощанье дарит Угуру небольшую репродукцию знаменитого офорта Франциско Гойи «Сон разума порождает чудовищ». По дороге в машине все трое рассматривают пакеты с подарками от Йылмаз-бея. Так Угур обнаруживает в пакете всё ту же злополучную кассету, которую, как выясняется из приложенной записки, Йылмаз-бей по ошибке увёз с собой (правда, во время поездки кассета вновь исчезает). Ихсан находит осколок мрамора, найденный им в саду Йылмаз-бея у колодца с трупом. На камне по-гречески написано: «Пафос». Во время этой поездки Ихсан раскрывает Угуру настоящее лицо Йылмаз-бея: он являлся родным братом Бюлента, которого когда-то любил Угур и который умер от рака в Америке, считая, что его болезнь — это наказание за разрыв отношений с Угуром. Видимо, для того, чтобы поближе узнать близкого брату человека, Йылмаз-бей и пригласил Угура в свой дом, дав на удачу объявление в газету. Повествование обрывается внезапно: машина героев попадает в автокатастрофу. Роман заканчивается письмом Угура к Йылмаз-бею, свидетельствующем о том, что после аварии все остались живы, но рассудок пишущего оказался «рассеян»/«разорван». Теперь он не может собрать в единое целое происходящее вокруг него, не может вспомнить, что было в прошлом. Всё рассыпалось, превратилось в хаос, в бессвязный «поток сознания».

В романе всё несёт отпечаток игры, трагедии и, прежде всего, автор-персонаж, наделенный именем Угур, возрастом 27 лет, скудными чертами биографии (живёт в Анкаре, родителей нет, воспитан дядей, в канцелярском магазине которого и работает). Угур пишет художественное произведение неопределённого жанра. Бильге Карасу — «настоящий» автор — подчёркнуто отделяет себя от автора-персонажа, «ненастоящего» автора, эстета-инфантила, самого сомневающегося в своих литературных возможностях. Отмежевание «настоящего» автора от «ненастоящего» также происходит в игровом ключе. Бильге Карасу показывает, как Угур пишет читаемые строчки, как сомневается в написанном, во всём том, что он «напридумывал», как обсуждает куски рукописи с «профессором»: «Всё это я написал сам. Но что-то привлекает моё внимание. После разговора с Мюмтаз-бейем о “тщательности писания”, я постарался записать наш разговор точно таким, каким он был на самом деле. Наверное, он не заметит моих стараний. Но я не могу знать, насколько правильно я привожу наши высказывания. В конце концов, я пишу то, что осталось у меня в голове. И, возможно, медленно, сам того не замечая, я начинаю придумывать, начинаю писать рассказ, как настоящий писатель»¹⁷.

То, что Бильге Карасу играет с читателем, валяет дурака, надев на себя маску неопытного писателя, эстета-инфантила, а порой даже графомана, подчёркивается приёмом ребячества (*çocuklaşma*), который применяется им ко всем персонажам романа, но особенно к Угуру. Угур всё время ощущает себя в «камешком» в детской игре¹⁸, «глупым ребёнком»¹⁹. Этот приём служит средством пародирования массовой культуры конца XX в. (детективов, фильмов-ужасов), её заштампованности, непрофессионализма. Бильге Карасу отказывается от прямого обличения современной массовой книжной и кинопродукции. Избрав вполне нейтральную манеру письма как бы молодого писателя-новичка, пытающегося быть серьёзным автором, Бильге Карасу прибегает к приёму сгущения штампов (совы, кошки, летучие мыши, дом с призраками, пророческие сны-кошмары, тинтвенный хозяин дома и связанный с ним профессор неизвестно каких наук, исчезновение кассеты, убийства и самоубийства, автокатастрофа и т. п.), неумеренного нагромождения «страшного», что в общем контексте создаёт комический эффект. Турецкий писатель заставляет своего автора-персонажа по несколько раз с небольшими

---

¹⁷ *Karasu B. Kılavuz. İstanbul, 2006. С. 52.*

¹⁸ Там же. С. 56.

¹⁹ Там же. С. 94.

вариациями повторять одно и то же, обдумывать одни и те же ситуации, нумеровать сны, играть словами, а иногда говорить ерунду: «Я снова мог играть словами. И это было хорошо. Я немного воодушевился. Но существовать в детективе с маской на лице, думать том, что я в нём, совсем меня не радовало... К тому же игра слов лучше всего объясняла моё положение. Мог ли я «озвучить» реальность, пребывая в таком беспокойстве и тревоге?... Когда придет Йылмаз-бей? Интерес, стеснение, цель, бесцелие... В ответе могло бы быть одно из этих слов»²⁰. «Я, как деревянный поднос, выполнивший своё дело и убравшийся восвояси»²¹.

Бильге Карасу побуждает своего главного героя разжёвывать читателям, как дебилам, общеизвестные положения детективной литературы и голливудских ужастиков (хотя в самом «детективном»/«ужасном» творении Угура ничего не разрешается, ни одна тайна не открывается), бесконечно подчёркивая, что Угур ощущает «во всём происходящем что-то знакомое..., не конкретное, а порождающее неясные ассоциации с чем-то...»²². Таким образом, настоящий автор выявляет своё истинное — ироническое отношение к источникам, которые и пародирует его эстет-инфантил Угур.

Игра Бильге Карасу с авторской маской проявляется и в том, что образ автора-персонажа «рассеивается», раздваивается. Сквозь приоткрывшийся зазор маски видно другое, трогательно-беззащитное, умное и ироничное лицо пожилого человека, знающего, что он делает. Это второе «я» автора-персонажа, тесно связанное с Бильге Карасу, выявляет себя через «лирические отступления», в которых он отказывается от глупых детективных теоретизирований, а также ото всех своих прежних литературных приверженностей. В них писатель защищает свои новые творческие установки, фиксирует прорыв в новое художественное (постмодернистское) измерение. «Сначала я ощутил в себе что-то неясное, — пишет Угур. Но потом я понял это чувство... Как будто всё это написал не я, а кто-то другой, например, пожилой человек наподобие Мюмтаз-бея... Я совсем этого не ожидал! Мне не потребовалось большого труда, чтобы стать «другим»»²³.

Отказ от себя прежнего реализуется в романе через травестирирование романтического мотива самоубийства, совершаемого героем на почве несчастной любви. Неслучайно автор-персонаж постоянно

---

²⁰ Там же. С. 24–25.

²¹ Там же. С. 81.

²² Там же. С. 30.

²³ Там же. С. 54.

думает о самоубийстве, а в своих снах подталкивается к самоубийству окружающими. Романтический жест — убить себя из-за несчастной любви, которая также выступает в форме пародии (гомосексуальная любовь к Бюленту²⁴) — приостанавливается Бильге Карасу сниженно-ироническим, возвышенное прозаизируется и профанируется. Потенциальный самоубийца предстаёт как незадачливый болтун, который не в состоянии справиться со своей трагической ролью. «Я много думал о том, чтобы убить себя. Планировал. Даже готовился. И это происходило не в моменты душевных кризисов. Это было осознанное решение. По крайней мере, мне так казалось. Но чаще всего глупость подобного решения заставляла меня отказываться от своих намерений. Иногда я уговаривал себя, что в будущем для этого я смогу найти более подходящее время. Разве я могу обвинять сам себя в подобных преступных мыслях? Глупо постоянно писать об этом»²⁵.

Но в то же время мысль о самоубийстве является тяжёлым душевным испытанием для Угура. Проигрываемое в воображении замещает реальное действие. Действительно в авторе-персонаже что-то умирает, он как бы несёт в себе труп себя прежнего. Бильге Карасу говорит словами Угура о самом себе: «Я понимаю, понимаю, что я уже умер»²⁶. Но отделение мёртвого от живого осуществляется у турецкого писателя-постмодерниста через творческие усилия, через создание нового тела — нового тела прозы иронии/самоиронии, в которой развенчивается культ писателя-мессии, открывшего для себя всю полноту истины. Таким образом, подобного рода «лирические отступления» превращаются у Бильге Карасу в способ заявить об изменении своей эстетической позиции, о своём литературном бытии в новых условиях конца XX века.

Бильге Карасу, однако, не был бы постмодернистом, если бы удовольствовался лишь «высоким пафосом» лирической исповеди своего героя. Трагедийно-романтический пафос романа разбивается о шутовскую буффонаду, театрализацию и карнавализацию текста.

---

²⁴ Гомосексуальные отношения героя романа с Бюлентом и Ихсаном могут рассматриваться и в свете теории шизоанализа, а также концепций постструктуралистского феминизма. Стирания оппозиции «мужское—женское», уравнивание членов оппозиции ведёт к своеобразной «бисексуальности» и даже «полисексуальности» героя, подчёркивает его полисубъектность, гибридность, что свойственно самой природе симулякра, не предполагающего глубины, зато «мерцающего» множеством значений. Маска такого героя-рассказчика даёт автору большую степень творческой свободы.

²⁵ Там же. С. 57.

²⁶ Там же. С. 90.

Не даром «пафосом» оказывается никому не нужный кусок гранита, брошенный Йылмаз-беем в салофановый пакет.

Как уже отмечалось, приём «карнавализации/театрализации» активно используется всеми постмодернистами. Касаясь проблемы «театрализации» Р. Барт писал: «В наше время все изобразительные коды, разваливаются до основания, уступая место некоему множественному пространству, моделью которого служит уже не живопись (“полотно”), но, скорее, театр (сценическая площадка), о чём возвещал (или по крайней мере мечтал) Малларме»²⁷. В романе «Проводник» «театрализация», «карнавализация» определяет отношения между персонажами, режиссируемые Бильге Карасу, который, по сути, и является их «проводником». Недаром герои всё время ощущают себя ведомыми кем-то. По словам Ихсана, как будто чья-то рука направляет их действия: «Словно мы все — резинка от пижамных брюк. Резинка, в которую воткнули английскую булавку... При этом кто-то ловко проталкивает нас внутри материала...»²⁸. Трактовка названия романа в данном ключе лишний раз подтверждает, что Бильге Карасу в конце своей жизни написал постмодернистскую «исповедь» о самом себе.

«Театрализация»/«карнавализация» придаёт смысловую множественность всем образам и сюжетным положениям романа, а главное — автору-персонажу Угуру, общение которого с остальными действующими лицами повествования осуществляется в особых ритуальных формах, связанных с одеванием бесконечного ряда масок²⁹. По сути Угур — это всё тот же симулякр, в котором «мерцают» образы-цитации предшествующей культурной традиции в перекодированном виде. Цитатность и текстуализация данного образа подчёркивается тем, что Угур говорит о себе: «Меня прочитали»³⁰, «перевернули мою страницу»³¹, а его смысловая множественность — знаменитым офортом Гойи из серии «Капричос», являющим собой одну из самых больших загадок мировой культуры, комментарии к которой насчитывают тысячи страниц. В контексте смысловой множественности, «разорванности» образа автора-персонажа, его соотносённости с новыми постмодернистскими пристрастиями Бильге Карасу может

²⁷ Барт Р. S/Z. М., 1994. С. 69.

²⁸ Kabraman H. B. 'Total' kültürel bir olgu olarak Postmodernizm // Varlık. Edebiyat ve sanat dergisi. İstanbul, Ekim, 1992. С.102.

²⁹ Точнее говоря, это маски, которые Бильге Карасу одевает поверх авторской, ещё больше камуфлируя себя. Это языковые маски тех, кого он считает «двойниками» Угура, объективирующими ту или иную ипостась «я» героя.

³⁰ Там же. С. 47.

³¹ Там же. С. 103.

быть истолковано и его (Угура) представление себя жертвенным козлом, которого участники дионисийских празднеств³² разрывают на части, символизируя смерть «старого» и рождение «нового» божества. В то же время дионисийский принцип священного экстаза переплетается в романе постмодернистским «рассеиванием» субъекта, к чему в конце своего повествования и приходит Угур, полностью теряя рассудок, собственное «я» и погружаясь в хаос подсознательного.

В рассказчике Угуре легко узнаются знаменитые персонажи Гофмана: графоман кот Мурр из романа «Житейские воззрения кота Мурра» (1820–22); студент Асельм, переписывающий старинные рукописи в доме таинственного архивариуса из сказки «Золотой горшок» (1814); студент Натанаэль, помешавшийся на своих снах из рассказа «Песочный человек» (1816); крошка Цахес, в котором каждый видит самого себя из сказки «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» (1819). В образе Угура «мерцают» и страшные двойники из «готических новелл» Э. По: Родерик Ашер из «Падения дома Ашеров» (1839), Вильям Вильсон из «Вильяма Вильсона» (1840). Образы Гофмана и Э.По, пронизанные духом романтической двойственности, несоответствия мрачной бездуховной реальности и светлой поэтической мечте, перекодируются Бильге Карасу в постмодернистском ключе: светлую мечту заменяет неминуемая катастрофа, а знаменитое «двойничество» (раздельное существование «хорошей» и «плохой» стороны в одном человеке) — бесконечная «расколотость» на множество частей, распад личности и потеря собственной индивидуальности.

Диалоги Угура с Ихсаном, в которых Ихсан выступает детективом-аналитиком, а Угур — его другом, простоватым, порой не слишком смыслённым рассказчиком, с трудом поспевающим за мыслью первого, аллюзивны на беседы знаменитых пар героев из классической детективной литературы: С.-Огюст Дюпен и его приятель

³² Древние празднества в рамках бога Диониса (Вакха, бога творческих сил природы), воплощением которого считались деревья, виноградная лоза, животные (бык, конь, козёл), а символом — фаллос, представляли собой массовое действо, развёрнутую обрядовую драму, из которой вышла аттическая трагедия. Празднества с ряженьем (одеванием маски бога, демона, зверя), с плясками, входящими до исступления, во время которых разрывали на части жертвенное животное (козла), пожирали его в сыром виде, приобщаясь, таким образом, к божеству, играли большую роль в земледельческих культурах. Растерзав бога, вакхи и вакханки пестовали его как младенца, потрясая корзинкой с фаллом, провозглашая воскресение демона плодородия. Скорбь сменялась разгулом и ликованием. Характерные черты празднеств — обжорство, сексуальная невоздержанность. Черты празднеств сохранились в западноевропейских карнавалах и русской масленице.

из рассказов Э. По «Убийство на улице Морг» (1841), «Тайна Мари Роже» (1842), «Похищенное письмо» (1844), Холмс и доктор Ватсон К. Дойля, Эркюль Пуаро и Гастингс А. Кристи. Однако, в отличие от своих литературных прототипов, Угур и Ихсан не могут раскрыть ни одного преступления, не могут распутать ни одной тайны. Чем больше они стараются, тем больше у них возникает вопросов. «Поскольку все мы говорили неправду, выдавая свои слова за правду, ничего не прояснилось»³³. Слова Угура и Ихсана как будто те же самые, что и у героев детектива, но в то же время они переозначены, имеют иронический подтекст. Ирония в том и заключается, что в жизни люди говорят, как в книгах.

Роман насыщен цитатами из произведений О. Уайльда, Р. Стівенсона, Б. Стокера, М. Шелли, Т. С. Элиота, Ж. П. Сартра, А. Камю, П. Сафа, Х. Р. Гюрпынара и др., перекодированными в постмодернистском пародийном духе. Но пародийна у Бильге Карасу лишь форма подачи материала: прикидываясь наивным простаком, начинающим писателем, автор-персонаж стремится расшевелить читателя, побуждая увидеть хорошо известное как бы заново. В результате культурное пространство произведения раздвигается и теснит не преображённую культурой действительность. Писатель-философ Бильге Карасу стремится духовным наследием человечества обогатить современное бытие, что он неоднократно подчёркивает в своих философских эссе в книге «Ни без книг, ни без кошек». Он пишет, как он любит покупать хорошие книги, как трепетно относится к их выбору, какие новые мысли возникают у него в голове после повторного прочтения классики, что означает для него понятие «нового» в художественной литературе (это хорошо забытое, переосмысленное «старое») ... Художник утверждает: «Каждый прочитанный нами образ способен в большей или меньшей степени повлиять на нас, открыть дорогу к нашему духовному обогащению. Вероятно, плодотворное чтение не только способно указать нам недостатки, «кривизну» и несовершенство окружающей жизни, но и исправить их»³⁴.

Причём подключение к мощному духовному полю культуры постмодернист Бильге Карасу осуществляет через вольное, неканоническое с ней обращение — постмодернистскую игру. Так игра с авторской маской в романе «Проводник» направлена не на развенчание цитируемых классических источников, а на их актуализацию в сознании читателя, «отряхивание» от архивной пыли, на преодоление однозначности, в которые их стремились втиснуть.

---

³³ Там же. С. 100.

³⁴ *Karasu B. Ne Kitapsız Ne Kedisiz. İstanbul, 1994. С. 22.*

Проявление игрового начала в романе осуществляется на разных уровнях. Особенно интенсивно Бильге Карасу играет со словом, его значением и звуковой оболочкой. «Я не стал «зацикливаться» на неправильности правильности (дословно в тексте: «кривизне прямизны» — *М.Р.*) того, что я, будучи гостем хозяина чужого дома, принялся принимать и угощать пришедшего в гости, как хозяин»³⁵. Virtuозно сочетая несочетаемые вещи и характеризуя, таким образом, одну при помощи другой: «Я должен был давно понять, но не ожидал, что жетон проваливается в меня так медленно»³⁶ (герой сравнивает себя с игровым автоматом, который «запускают в игру», опустив в него жетон), используя бесконечные повторы и созвучия: «Тем не менее, если и есть в деле игра, если один из нас, несколько из нас или же все мы в игре (какой бы эта игра не была), Мюмгаз-бей в игре принимается играть игру...»³⁷, Бильге Карасу создаёт абсурд на лексическом уровне, мотивирующий повествованием от лица лжеписателя-графомана и отражающий качество описываемой жизни.

«Блуждание» в пространстве мировых культурных традиций вызывает к жизни мотив путешествия, который реализуется в романе посредством частых поездок автора-повествователя с таксистом Ихсаном то в «дом с призраками», то к руинам античного театра, то в кафе с «райским садом» и т.п. Этот мотив не является у Бильге Карасу определяющим, замещающим собой сюжет. Но, как и у других постмодернистов, он связывается с духовным странничеством героя.

Текст у Бильге Карасу — это лишь видимая часть многозначного смыслового айсберга, и по этой видимой части угадывается весь айсберг. Автор-персонаж в романе — точно такая же видимая часть самого писателя и видимая в том ракурсе, в каком он сам этого пожелал.

Начиная с середины 1990-х гг. постмодернизм в Турции начал утверждать свою альтернативную эстетику и право быть мейнстримом, т.е. определяющим направлением литературы, а с 2000-х гг. и культуры в целом (театр, кино, живопись), формируя постмодернистскую парадигму. Оставаясь ярко выраженным направлением в турецкой словесности (при нивелировке и стёртости других литературных тенденций), не исчерпавшим заложенный в нём потенциал, он приносил собой идею раскрепощения и новый язык, призывал «выстирать» все заношенные слова, «омыться в культуре», вобрать в себя все

---

³⁵ *Karasu B. Kılavuz. İstanbul, 2006. С. 24.*

³⁶ Там же. С. 28.

³⁷ Там же С. 56.

открытия, сделанные за века её существования на всех континентах, отбросив идеологический подход и обратившись к эстетическому, чтобы обрести новое мышление — в масштабах всей человеческой цивилизации — и неотъемлемый от него плюрализм. Турецкие постмодернисты вслед за своими западными «коллегами» внушали обществу, что нельзя замыкаться на национальном пространстве, это чревато провинциализмом.

В то же время, говоря об уроках турецкого постмодернизма, следует согласиться с теми турецкими критиками, которые отмечают разрушительное начало постмодернистской эстетической вседозволенности по отношению к духовным ценностям и языку, шоковый натурализм в изображении человеческого тела и страшных сторон жизни³⁸. Нетерпимость к другим литературным системам и писателям, претензия постмодернизма быть ведущим стилем эпохи, упрощённо игровое, пренебрежительное отношение к национальной истории и судьбе собственного народа вызывает у турецкой критики негативно-равнодушное отношение к творчеству постмодернистов. Показателен факт: не успел турецкий литературный постмодернизм появиться, как критика начала хоронить это новое явление, формируя в общественном сознании его устрашающий образ.

Действительно, когда в 1990–2000-х гг. в западном постмодернизме уже начинают преобладать центрирующие идеи, часто приобретающие национальный характер, турецкий постмодернизм остаётся в рамках постмодернизма классического образца: осознание мира как хаоса, в котором нет положительных ориентиров, нет центра, нет периферии, в котором всё переходит в свою противоположность и будущее представляется как катастрофа; превалирование в художественном плане коллажа цитаций, мотивов и образов, каждый из которых деконструирует предыдущий.

Однако турецкая литература рубежа веков явно усвоила и позитивные уроки постмодернизма. В своём творчестве турецкие постмодернисты преодолели вечную оппозиционность элитарной и массовой литературы. В содержании, сюжетах и языке их произведений высокое начало активно сближено с началом игровым, развлекающим. Они сосредоточили своё внимание при создании текста не на идеологии, а на поэтике, артистизме стиля и языка, подтолкнув современную литературу и критику пересмотреть устаревшие каноны в отношении писателя и действительности, писателя и государства, писателя и народа, найти новые критерии оценки художественных

³⁸ *Esen N.* Modern Türk Edebiyat üzerine okumak. İstanbul, 2006; *Oktay A.* Romanımıza ne oldu? İstanbul, 2003; *Önal M.* En uzun asırın hikâyesi. Yeni türk edebiyatında teoretik bir yaklaşım. Ankara, 2005.

текстов. Благодаря постмодернистам значительно повысился интерес к мировой литературе и тем процессам, которые в ней происходят. Произведения турецких постмодернистов переводятся на другие языки (М. Мунган, О. Памук, П. Кюр, Н. Эрай). Некоторые постмодернистские авторы отмечены престижными зарубежными и национальными премиями (О. Памук получил Нобелевскую премию в области литературы за 2006 г.). Отдельные черты постмодернистской поэтики органично вошли в турецкую реалистическую прозу — интертекстуальность, цитатность, усиление игрового начала, придающие произведениям писателей-реалистов определённый филологический смысл. Отметим, что усиление игрового начала в сюжетах и поэтике современной литературы связано не только с влиянием постмодернизма, но и с общей «компьютеризацией» жизни и культуры, с взаимовлиянием театра, телевидения и литературы.

Таким образом, можно сказать, что в 1990–2000-х гг. в турецкой литературе, которая является наиболее важной частью культуры, происходит смена художественных ценностей и ориентиров. Национальная словесность в своей большей части отходит от реалистического мировидения, которое определяло её основные тенденции на протяжении всего XX в., и обращается к новому, постмодернистскому восприятию действительности. При этом концепция личности активного социального действия, которая доминировала в турецкой литературе в 1940–1980-е гг., уступает место концепции личности, приспособляющейся к хаосу современного мироздания.

И всё же нельзя сказать, что реализм уходит с литературной арены «побеждённым». Продолжают писать как представители старшего поколения реалистов (Яшар Кемаль, Тарык Дурсун, Адалет Агаоглу, Лейла Эрбиль и др.), так и следующего за ним (Онер Ягджи, Ахмед Алтан, Каан Арсланоглу и др.). По-видимому, «победить» реализм в принципе невозможно. Язык реализма, хотя и не имеет качеств постмодернистского языка полиглота, не только обладает способностью создания объёмного художественного образа (а не симулякра, как язык постмодернизма), но и благодаря особому действию механизма коннотации наделён способностью максимально возможного придания изображаемому подлинности (впечатления живого). Поэтому турецкие постмодернисты, может быть, не осознавая того сами, помогают реализму не останавливаться в своем развитии (как в прошлом немало помогли ему в этом представители «литературы буналым», определённые открытия которой были впитаны реализмом), предохраняют от загнивания, пронизательно замечая явления подмены реалистической традиции эксплуатацией созданного другими.

Литература (кроме упомянутой в примечаниях)

- Алькаева Л. О.* Из истории турецкого романа 20–50-е годы XX века. М., 1975.
Берковский Н. Л. Романтизм в Германии. Л., 1973.
Борев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003.
Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мура. Повести и рассказы / пер. с немецк. В. Гриба, Д. Касаткиной, Д. Каравкиной и др. М., 1967.
Колпинский Ю. Д. Искусство времени французской революции, империи Наполеона и борьбы с наполеоновской экспансией. Искусство Испании // Памятники мирового искусства. Европейское искусство XIX века. М., 1975.
Кристи А. Загадка Эндхауза. Восточный экспресс и др. романы / пер. с англ. В. Ашкенази. М., 1991.
Краткая литературная энциклопедия. Романтизм. Т.6. М., 1971.
По Э. Стихотворения. Проза / пер. с англ. М. Бекер, И. Гуровой, В. Рогова и др. М., 1976.
Репенкова М. М. От реализма к постмодернизму. Современная турецкая проза. М., 2008.
Царь Эдип. Прошлое одной иллюзии. М., 2002.
Karasu B. Göçmüş Kediler Bahçesi. İstanbul, 1979.

Ресурсы Интернет

- http://tr/wikipedia.org/wiki/Bilge_Karasu
<http://www.museum.ru/N20306>
<http://gorod.tomsk.ru/index-1204811114.php>
<http://dalist.narod.ru/goja.html>
http://dezhurow.ru/Pedagogic/Lectons/romantism_02.htm
<http://www.krugosvet.ru/articles/109/1010910/1010910a1.htm>

Филиппова Т. А.

СИЛА ТРАДИЦИИ И ДУХ ПРОГРЕССА. ОПЫТ ЗНАКОМСТВА С СОВРЕМЕННЫМ ТУРЕЦКИМ ИСКУССТВОМ

*Именно искусство способно
сделать так, чтобы простое железо стало
дороже золота, а медь — благороднее бронзы.*

Фетхуллах Гюлен,
современный турецкий философ

Ситуация в современном турецком искусстве очень напоминает соответствующую картину в культурном пространстве России. Сфера творческой реализации в обеих странах настолько насыщена традициями разных культур и так богата воплощениями творческих поисков десятков поколений предшественников, что у нынешних жителей наших стран создаётся опасный «комплекс полноценности». Зачастую он проявляется в том, что величие и художественная значимость собственных культур воспринимается как нечто само собой разумеющееся, раз навсегда данное и не требующее подтверждения «здесь и сейчас». Это настроение вело к тому, что в международных кругах экспертов, искусствоведов и просто ценителей искусства до недавнего времени задавались вопросом: а существуют ли на сегодняшний день в Турции (а также и в России) художники и музыканты мирового класса? Конкурентоспособен ли турецкий кинематограф в сравнении с кинематографическими образцами своих ближайших соседей по Евразии (не говоря уже об Америке и Западной Европе)? Известны ли миру турецкий театр, балет, опера, турецкие дирижёры и исполнители классики? Для авторов подобных вопросов они носили риторический характер, подразумевая отрицательный ответ.

Подобные мнения более всего опасны тем, что начинают — по принцип у обратной связи — влиять на общественное мнение наших стран и их жителей, приводя к незаслуженно небрежному, критичному и поверхностному восприятию тех творческих процессов, которые происходят в сфере современного национального искусства.

ва. Бедны, потому что богаты — так можно было бы описать эту парадоксальную ситуацию.

А между тем, для того, чтобы разобраться хотя бы в самом общем плане с состоянием современного турецкого искусства, нужно уточнить семантику термина *современность*. То есть, имеем ли мы в виду *стилистически современное искусство* Турции, вдохновлённое европейскими художественными процессами XX — начала XXI вв., или же мы говорим об *актуальном ныне национальном искусстве*, в котором живут и здравствуют традиции различных культурных пластов многовековой истории Анатолии.

Не претендуя на всеохватность взгляда на всё многообразие художественного творчества нынешней Турции, постараемся лишь наметить «дорожную карту» для путешествия по пространству искусства уникальной страны, исторического и географического перекрёстка культур и цивилизаций. Возможно, этот путь позволит нам разобраться в культурно-философских смыслах, вкладываемых в словосочетание «*современное турецкое искусство*».

На развитие современного турецкого искусства существенное влияние оказывали колоссальные изменения в системе государственности, политической культуры, а также экономики и социальных отношений, которые страна пережила в столетие, названное историками «веком войн и революций». Постосманское искусство 1920-х гг., формировавшееся в бурные и драматические годы борьбы за независимость, передало эстафету 1930-м, когда продолжился поиск того, что можно назвать национально-культурной идентичностью в применении к художественному творчеству. Последующие эпохи были отмечены активным влиянием и фронтальным освоением западных — европейских и американских — художественных течений, форм и стилистических направлений. Политизация общественной жизни Турецкой республики в 1960–70-х гг. не могла не отразиться и в пространстве искусства, драматизировав взгляд художников и артистов на отражаемый в их произведениях окружающий мир.

1980-е гг. вошли в историю страны как время напряжённого диалога, перерастающего в полемику, между общественно-политическими течениями, представлявшими разные традиции политической культуры и духовной жизни турецкого социума. Вестернизация или опора на собственные силы, свобода или порядок, заимствование или традиция — поиск соотношения и взаимодействия между этими понятиями и явлениями в повседневной жизни Турции стал заботой не только государственных и общественных деятелей, но и мастеров искусства. Этот сложный, но заслуживающий усилий процесс преломляется в многочисленных гранях турецкого искусства, отвечая на

новые социальные, идейные, духовные и эстетические запросы общества. Сами же эти запросы формируются новыми социальными явлениями, ярко проявившимися на рубеже третьего тысячелетия. Демографический бум порождает устойчивую тенденцию к омоложению турецкой нации; структура распределения населения обладает своей спецификой — около половины граждан проживает на побережье, менее трети — в континентальной части и одна шестая — в Стамбуле и его пригородах. Эти количественные показатели воздействуют прямым и косвенным образом на общественные запросы к сфере искусства и её работникам. Нарастающая урбанизация крупных городов, приток в них людей их сельской местности, феномен анатолийской буржуазии, более традиционно ориентированной и религиозной по внутреннему складу, задают иные ориентиры для художественного творчества, эстетически конкурируя с западной ориентацией, свойственной искусству, родившемуся в условиях больших, современных турецких городов, в особенности — Анкары и Стамбула.

Интересно рассмотреть, как проявляли и проявляют себя традиции и новации в различных областях искусства Турции, современного и динамично развивающегося государства, 3% территории которого находится в Европе, а 97% — в Азии. Можно ли выяснить, каким окажется процентное соотношение «Запада» и «Востока» в пространстве художественного творчества нашего южного соседа?

Живопись

В далёком прошлом остались запреты на изображение живых существ, предписываемые мусульманской традицией, формировавшей когда-то художественные каноны сельджукского и османского искусства. Собственно, размываться эти запреты начали ещё в дореспубликанский период, когда во второй половине XIX в. в высших кругах Османской империи возник растущий интерес к европейскому искусству. Ряд турецких художников начал осваивать французскую (главным образом) школу живописи. Эта подражательность имела одну весьма занятную черту: турецкие авторы заимствовали у них же заимствованное. Ведь французские живописцы с XVIII в. были увлечены темами Востока, его экзотикой и красочностью, воплощавшей самые смелые, волнующие, пугающие и сладостные грёзы европейца о прелестях и таинствах страны султанов, гаремов, суфиев и янычар...

С этой отражённой экзотикой европейских полотен и сталкивались поначалу турецкие художники, осваивавшие живопись как

искусство в его западном понимании. Однако уже тогда наметилась примечательная тенденция, в рамках которой ряд живописцев поставил себе целью сочетать художественные особенности средневековой традиции с приёмами и изобразительным «языком» европейского реализма. Работавшие в этом ключе О. Хамди-бей и другие художники передали эстафету мастерам XX в. и, прежде всего, Х. А. Лифижу, лидеру турецкого импрессионизма и бытописателю старинных турецких городов с их неподражаемым настроением и колоритом.

Можно смело утверждать, что в XX в. турецкие живописцы вступают как составная часть общества, ожидающего масштабных перемен. В эпоху младотурок, в 1908 г., создаётся «Общество художников», которому суждено будет в новом столетии стать одним из важных центров развития изобразительного искусства в переходный для страны период¹. Это время в истории новой турецкой живописи было связано с именами художников Намыка Исмаила и Джелила Эсада, особо проявивших себя в произведениях, отражавших эпизоды сражений Первой мировой войны. Художники, вошедшие с историей турецкого искусства как «Поколение 1914 года» (Ибрахим Чалы, Хикмет Онат, Фейхаман Дуран и др.), получив европейское образование и применив новые знания в практике национальной живописной школы, подготовили в последующие годы новую генерацию турецких художников.

Бурная эпоха национального освобождения породила и яркое плакатное творчество, объединившее в себе элементы станковой и жанровой живописи — с одной стороны, и народного «лубка» и книжной миниатюры — с другой.

Республиканский период в истории Турции был ознаменован созданием «Союза новых художников», членов которого объединяли идеи воплощения национальных сюжетов и тем. Стамбульская художественная выставка 1924 г. продемонстрировала первые итоги в развитии этого направления — серию полотен по мотивам недавнего прошлого — национально-освободительной войны, повседневной жизни жителей Анатолии с её пейзажами, жанровыми сценами и портретами современников.

Новое турецкое искусство стремительно омоложалось — и по своему духу, по возрасту самих художников. Члены нового творческого «Союза независимых художников и скульпторов», образованного в 1929 г., представляли уже новое поколение — молодёжь, получившую образование в Европе, но нашедшую реализацию сво-

¹ С 1956 г. «Общество художников» продолжало свою деятельность под названием «Союз турецких художников», активно способствуя выявлению и поддержке новых имён на небосклоне турецкой живописи.

им талантам в своей стране и в национальной тематике. Испытав на себе влияние европейских звёзд — Леже, Матисса, Сезанна и Пикассо, — они активно включали в свой арсенал приёмы футуризма, импрессионизма и кубизма. Представители этой генерации — Махмуд Фехми, Али Авни, Нуруллах Джеляль, Ратиб Фехреддин, Рефик Фазыл, Шереф Кямил, Джавад Хамит и другие, равно как и художники Зеки Фаик, Джемаль Сайт, Элиф Ыаджи и другие, открыли новый этап в художественной культуре Турции, находясь в общем потоке формирования современного турецкого общества. В 1933 г. возникла «Группа Д», участники которой искали вдохновение в том числе и в древнейших пластах анатолийской истории хеттского периода. Структурное разнообразие базовых форм хеттского изобразительного искусства, его удивительная графичность и «прозрачность» отразились в работах живописца и скульптора Дж. Толлу. Традиции изысканной книжной миниатюры и радостная щедрость народного творчества обрели новое дыхание в работах Т. Заим и Дж. Дерели, осуществлявших в рамках своего объединения не только синтез прежних течений, но и прорыв к новым.

К этому времени относятся и первые контакты творческих элит России и Турции. Так, в 1936 г. с большим успехом в Москве и Киеве прошли выставки современных турецких художников. Тогда же стали широко распространяться курсы и отделения искусств при учебных заведениях. В этот же период художники из «Группы новых» — Тургут Аталай и Мюмтаз Энер — вплотную обратились к социальному реализму.

В первые десятилетия XX в. уходят корнями и такие выдающиеся организационные структуры художественной сферы, как анкарская Академия художеств, не раз реорганизованная Стамбульская Академия изящных искусств, городской музей живописи в Стамбуле (открылся в 1945 г.), а также многочисленные студии изобразительного искусства при народных домах Анкары, Измира, Коньи и других городов Турции.

1950-е гг. были отмечены новыми поисками не только художественных, но и организационных форм в сфере живописи: «Группа десяти» объединилась вокруг нового лидера — Бедри Рахми Эюбоглу. Целью художников этого объединения стала сложная и интересная задача создания новых живописных образцов, опирающихся на традиционные мотивы турецкого прикладного искусства. А это означало новое прочтение линий, колористики, символики и образного ряда турецкой миниатюры, мозаики, керамики, ковроткачества. Это направление на десятилетия вперёд сформировало и направило

творческий интерес турецких авторов к освоению, трансляции и актуализации национальной художественной традиции.

Параллельно с отмеченными поисками в турецкой живописи продолжалась работа над освоением и развитием актуальных мировых тенденций в языке и стилистике изобразительного творчества. В 1950-х гг. тенденции абстракционизма появляются в работах Лютфю Гунсая, Сабри Беркеля, Аднана Кокера и Шемси Арела. Незет Гунал избирает для себя социальную тематику и реалистическую манеру, а Деврим Эрбиль и Сайхат Берак — искусство миниатюры. Эта щедрая разноплановость и стилевая полифония задают целый веер возможностей для следующих этапов развития турецкой живописи.

В последние десятилетия XX в. появились новые направления, среди них особо отметим фантастический реализм, воплотившийся в работах таких уже признанных авторов, как Бурхан Уйгур, Эргин Инан, Фикрет Муалла, Авни Арбаш, Утку Варлык, Бурхан Доганчай и Эрол Акъяваш. Их творческим экспериментам суждено было заслужить мировое признание, что и было отмечено на Стамбульском празднике искусств (Стамбульском художественном фестивале) в 1977 г. Авангардные идеи этого круга художников во многом определили творческие поиски молодых мастеров нового, XXI в.

Необходимо отметить, что целый ряд турецких художников долгое время работал в Европе, получив там заслуженное признание и неоднократно выставляя свои работы на самых престижных международных выставках. Многие турецкие художники XX в. являлись членами европейских художественных союзов, став, таким образом, частью мирового творческого сообщества. Так, Абидин Дино был почётным председателем национальной Лиги изобразительных искусств во Франции; Бедри Рахми Эюбоглу получал европейские награды за создание грандиозных мозаичных панно для зданий международных выставок в Брюсселе; Бурхан Доганчай и Эрол Акъяваш много и плодотворно работали в Париже и Нью-Йорке; творчество Наила Паиза было широко признано не только на родине (его работы выставлены в Национальном Художественном музее в Анкаре), но и США, Канаде, Париже.

Ещё одна отличительная черта этого круга художников мирового класса проявилась в их творческой синтетичности — готовности и умении работать в таких областях, как фотография, скульптура, литературное творчество.

Москвичи смогли по достоинству оценить мастерство и своеобразие турецких художников, посетив интереснейшую выставку современной турецкой живописи, организованную в рамках Фестивала культуры Турции в России в мае 2004 г. в Государственном музее

народов Востока на Никитском бульваре. Организаторами выставки стали Министерство культуры и массовых коммуникаций России, Министерство культуры и туризма Турции, посольство Турции в России и Государственный музей народов Востока. Экспозиция насчитывала более ста живописных и графических работ, а также миниатюр, созданных представителями разных поколений и художественных школ, отражающих сложное переплетение традиционных и авангардных направлений в современной турецкой живописи. Не были обойдены вниманием на выставке и работы декоративно-прикладного искусства — ковры, украшения, элементы декора, отражающие традиции «бытового», повседневного искусства.

СКУЛЬПТУРА

Турецкая скульптура XX в., как и живопись, начинала путь своей кристаллизации как самостоятельная область изобразительного искусства в позднеосманский период. Интерес к европейской художественной школе и получение профессионального образования сделали Осгана Эрванда, наряду с Нежатом Сирель и Махиром Томрук, основателями турецкой школы в данной области.

Художественная школа «Санайи-и Нефеси» стала первой школой, в которой турецкие художники изучали современную скульптуру. Её выпускники — Ихсан Ёзсой, Махир Томрук и Нежат Сирель — прошли затем стажировку в Европе и уже в республиканский период вели большую преподавательскую работу на родине, продолжая создавать новые произведения.

В годы Республики развитие турецкой скульптуры отражало не только чисто творческие, эстетические поиски, но и задачи монументальной пропаганды важных событий и героев национальной истории. Эти процессы отразились в таких произведениях, как Памятник свободы на стамбульской площади Таксим (скульптор Каноника), монумент Ататюрка в районе Сарайбурну в Стамбуле (Криппель), Памятник Гювен в Анкаре (Ханак и Торак).

Особый этап в развитии турецкой скульптуры был связан с присутствием в Турции немецкого скульптора Рудольфа Беллинга, возглавившего в 1937 г. факультет скульптуры Государственной Академии художеств. Именно он создал памятники Исмету Инёню в стамбульском парке Ташлык и в саду сельскохозяйственного факультета университета Анкары. Будущие турецкие скульпторы — в массе своей ученики Беллинга — много экспериментировали в своих творческих поисках, используя язык и пластику фигуративности, абстракции

онизма, экспрессионизма и других, актуальных во второй половине XX в., художественных направлений.

Усилия и достижения турецких скульпторов были отмечены на конкурсе скульптуры в рамках Парижской биеннале 1961 г., где Кузгун Аджар завоевал первую премию за оригинальные работы в стиле абстракционизма. Запоминающийся зрителю рельеф «Птицы» на стамбульском рынке Манифатураджилар принадлежит именно этому автору.

В творческой полемике 1960–70-х гг. ярко проявили себя представители реалистического направления в скульптуре, противостоявшие распространявшемуся в Турции в тот период поп-арту и другим модернистским течениям. Ими были авторы монументальных скульптурных произведений — З. Мюридоглу, Х. Гёзер, А. Бара.

Среди наиболее известных миру турецких скульпторов можно назвать такого автора, как Ильхан Коман, закончившего «Школу Лувра» в Париже, работавшего в Стокгольме и много выставлявшегося в галереях французской столицы, а также Берна, Цюриха, Брюсселя и Стамбула.

Целая плеяда турецких скульпторов, творивших во второй половине XX в. — Феррит Озшен, Мерич Хызал, Эюб Оз, Явуз Гюней, Хюсейн Гезер, Мехмет Аксой, Сами Бугай, Ремзи Саваш, Юнус Тонкуш, Зеррин Болюнбаши и Халюк Тезонар — много и плодотворно экспериментировали не только со стилевым и содержательным наполнением своих работ, но и с материалами, используя камень, дерево, металл, прибегая к различным технологиям их обработки. Работы этих мастеров завоевали своего зрителя не только в Турции, но и в мире, представив творческому сообществу достижения современной турецкой скульптуры.

Для полноты картины назовём ещё ряд имен современных турецких скульпторов — Зюхтю Мюридоглу, Ахмет Кенан Ёнтач, Мехмет Шади, Алиа Хади Бара, Нусрет Усман, Хюзеин Ёзкан (псевд. Хюсеин Анк), а также женщин-скульпторов — Сабиха Беггюташ, Гюнсели Ару, Лерзан Иунгису и Неримин Фаруки; эти мастера успешно осваивают новые и адаптируют традиционные тенденции в турецком изобразительном искусстве.

АРХИТЕКТУРА

Характер развития турецкой архитектуры в новейшую эпоху во многом определялся специфическими особенностями зодчества как искусства. Реализация эстетических задач в этой сфере во многом зависит от общей экономической ситуации, а также от государственного

заказа и запросов общества, от природно-ландшафтных особенностей и экологических требований.

Традиции архитектуры в Турции имеют такое глубокое историческое измерение и таких блистательных представителей², что становится понятной некоторая инерционность художественных процессов, отмечавшая турецкое зодчество в первые десятилетия XX в. Традиции османской архитектуры долгое время определяли общую стилистику работ турецких мастеров раннереспубликанского периода. Поиск собственной индивидуальности сочетался здесь с верностью классике исторической художественной традиции. Наиболее отчётливо проявившись в произведениях Первого Национального архитектурного течения, это сочетание сельджукско-османских стиливых приёмов с новой функциональностью построек до самого начала 1940-х гг. определяло облик общественных, государственных и жилых строений. Обильное декорирование фасадов с использованием элементов сельджукских и османских узоров, каменной резьбы и керамической плитки были отличительными чертами произведений, созданных в русле данного течения. Этими особенностями отличались работы таких мастеров, как Бей Кеммаледин и Ведат Тек.

Впрочем, 1930-е гг. всё же создают новые условия для развития турецкой архитектуры: приглашённые зарубежные мастера привносят не только современные методы строительства, но и новые европейские стилистические приёмы в оформление возводимых зданий. Отныне архитектурная политика была нацелена на реализацию проектов, символизирующих новый дизайн турецкой государственности и новый формат культуры страны. Преподавательская деятельность западных мастеров создала в Турции поколение зодчих, успешно осваивавших новый язык архитектуры.

Последующие два десятилетия были ознаменованы поворотом к новому прочтению традиционных национальных особенностей турецкой архитектуры с учётом приобретённых знаний в области современной технологии, инженерного дела и дизайна. Второе течение национальной архитектуры, в русле которого реализовывались эти тенденции, отличалось повышенным вниманием к деталям оформления (решётки, окна, карнизы, фахверковые и арочные элементы и т. д.) и поиску гармоничного сочетания декора и общего замысла строений. Образцами подобного зодчества предстают виллы, вы-

---

² Явлением поистине мирового значения стал архитектор Синан, творивший в XVI в. при дворе Сулеймана Великолепного и подаривший мировой культуре шедевры османского зодчества, во многом опередившие своё время не только по своим эстетическим качествам, но и по инженерному мастерству, а также функциональности и экологичности сооружений.

строенные на берегах Босфора наиболее характерным представителем этого течения — Седат Хакки Эльдемом. Получив европейское профессиональное образование, архитектор проявил удивительную способность гармонично сочетать функциональность постройки с тонкой исторической стилизацией, благодаря чему можно говорить об особом художественном стиле Седата Хакки.

Говоря об этом времени нельзя не упомянуть выдающееся произведение турецкой архитектуры — монументально-величественный Мавзолей Ататюрка, возведённый в Анкаре по проекту архитекторов Оната и Орхана Арда. Стилистически точно совмещая в себе элементы традиций многовековой художественной культуры цивилизаций Анатолии, мавзолей вместе с тем и в своём внешнем облике, и в интересном оформлении стал очень современным для своего времени сооружением, воплотив дух республиканской Турции и её новое место на культурной карте Евразии.

Среди выдающихся турецких архитекторов XX в. можно отметить Ченгиза Бектаса, признанного и на родине, и в Западной Европе мастера, произведения которого отличаются особой комфортностью и функциональностью в сочетании со строгой эстетикой.

В последующие десятилетия освоение достижений западной архитектуры происходило параллельно с использованием традиционных элементов зодчества. Универсальное и специфическое в турецкой архитектуре конца XX — начала XXI вв. проявлялось в поиске оптимального сочетания функциональности и эстетики, модернизма и традиции, комплексности подхода и учёта местной специфики. Архитектурные приёмы конструктивизма, экспрессионизма, символизма, иррационализма, постмодерна и других актуальных европейских течений во многом определили облик новых градостроительных комплексов Анкары, Измира, Стамбула, удачно вписываясь в сложный рельеф местности и помогая решать социальные задачи государства.

Грандиозная городская агломерация Большого Стамбула в последние годы даёт пример не только высокотехнологичных современных образцов градостроительного мышления, но и демонстрирует заботу властей об экологическом благополучии этого уникального в истории человечества города, совместившего в своём облике черты Востока и Запада, Азии и Европы, традиции и современности.

Важно отметить, что в творческой среде турецких архитекторов в начале XXI в. всё острее ощущается тенденция к новому осмыслению профессиональных и художественных целей зодчества. В этом смысле вполне объясним повышенный интерес к народной архитектуре с её фольклорными элементами, единством с природной средой, опорой

на функциональность и традицию. Именно эти специфические характеристики учитываются современными архитекторами в проектировании новых сооружений с учётом меняющейся социо-культурной структуры общества и растущих требований к экологическим параметрам строительства.

МУЗЫКА

Сфера музыки в турецком искусстве в наибольшей степени проникнута историческими традициями, связанными и с тюркскими, и с арабо-персидскими фольклорными истоками. Большое количество ладов (*макамов*), своеобразная мелодическая окраска и ритмика турецкой музыки, неравномерность мелодических размеров и тактов, унисонное пение, рондообразные формы, распространённость импровизации — все эти особенности в той или иной мере влияют на современные процессы, происходящие в турецкой музыкальной культуре.

Самые первые турецкие композиторы в европейском понимании, в середине XIX века прошедшие школу Дж. Доницетти (брата известного итальянского композитора), сформировали на десятилетия вперёд турецкую композиторскую школу классического направления. С именами Али Рза-бей Каптан-заде, Осман Ибрахим, Неджип Везир-заде и др. связано начало турецкой музыкальной классики, в полной мере реализовавшейся уже позднее, в период становления профессиональной музыки в республиканскую эпоху.³ С самого начала этого времени появляются многочисленные музыкальные школы для учителей музыки. Открытие консерваторий в Стамбуле (1923), Анкаре (1936) и Измире (1951), создание оперных театров в Анкаре и Стамбуле (1950–1960-е гг.)⁴ стали важнейшими вехами на пути развития современной музыкальной культуры в Турции. Знаменитая пятёрка турецких композиторов, сформировавшаяся в 1930–1940-х годах (Хасан Фарид Алиар, Джемаль Рашид Рей, Ахмет Аднан Сайгун, Улви Джемаль Эркин и Неджиль Кязим Аксес), продолжила линию развития турецкой музыкальной классики, способствовал появлению современных звёзд в музыкальной среде. Это композиторы Невит Кодаллы, Феррит Тюзюн, Бюлент Тард-

---

³ Тогда же в турецкое музыкальное искусство в полной мере проникает полифония, свойственная европейской классической музыке.

⁴ Великий Хиндемит, изгнанный в своё время из гитлеровской Германии, способствовал созданию в Турции, в конце 1940-х гг., государственной оперы и театра.

жан и Ильхан Усманбаш, вокалист Лийхан Баран, вокалистка Лейла Айше Генджер, скрипачка Айля Эрдуран и др.

Старые и новые традиции турецкой музыкальной культуры поддерживают и приумножают такие известные в мире творческие коллективы, как Президентский симфонический оркестр⁵, основанный в 1943 г. Стамбульский городской оркестр, оркестр филармонического общества в Измире (образован в 1962 г.), а также многие другие вокальные и инструментальные ансамбли. К примеру, такие частные оркестры, как Билькентский симфонический, Стамбульский филармонический оркестр Боусан, Камерный оркестр Акбанка. Международные музыкальные фестивали в Стамбуле, многочисленные гастроли турецких музыкальных коллективов и отдельных исполнителей знакомят любителей музыки с достижениями и особенностями турецких музыкантов.

Большую роль в подготовке нового поколения исполнителей классической музыки сыграл специальный закон о поддержке талантливых детей, благодаря которому многие из них получили образование за рубежом и стали звёздами мировой величины. Среди них — призёры международных конкурсов, фортепианные исполнители Идиль Бирет, сёстры Гюхер и Сюхер Пекинель, Исмаил Ашан, Фазил Сай, флейтистка Гюльшен Тату и виолончелистка Сунна Канн.

В последние десятилетия в Турции параллельно с развитием европейской классической музыки — при поддержке государства и общественных структур — происходило возрождение народных традиций музыкального творчества, обращение к национальным музыкальным инструментам. Имели место также плодотворные попытки модернизации народной музыки, а также соединения фольклорных элементов с современными музыкальными канонами. Носителями этих процессов в современной турецкой музыке стали Зюльфю Ливанели, Ариф Саг, Нериман Алтындаг, Мехмет Озбек, Нида Тюфекчи, Мюкеррем Кемерташ, Хале Гюр, Бедиа Акартюрк, Нэшет Эрташ и др.

Наиболее известным и любимым в России турецким исполнителем на сегодняшний день заслуженно стал Фазил Сай, пианист, обладающий незаурядными способностями доносить до слушателя весьма разноплановые произведения самых разных эпох и стран — от музыки Моцарта и Баха, до Гершвина. Собственные сочинения исполнителя поразили российских ценителей открытостью самым разнообразным музыкальным течениям и удивительной способнос-

⁵ Президентский симфонический оркестр, в настоящее время работающий в Анкаре, был создан на основе придворного оркестра, основанного в Османской империи ещё в 1826 году.

тью к авторскому освоению традиций и новаций. Любят и ценят в России также блистательного исполнителя и тонкого интерпретатора русской классической музыки (в особенности произведений Петра Ильича Чайковского), дирижёра Эмина Гювен Яшлычама.

Обмен Годами Культуры между Россией и Турцией в 2007 и 2008 гг. дал россиянам возможность ещё раз встретиться с творчеством талантливого турецкого музыканта, а также познакомиться с такими турецкими исполнителями, как пианистка Гулсин Онай, дирижёр Эмре Араджитом и его оркестр — «Музыка Вива», а также с фольклорными ансамблями «Таксим», «Тюрк Дуньяси» и другими интересными коллективами.

ТЕАТР, ОПЕРА, БАЛЕТ

Театральное искусство в Турции является одновременно и древним, и молодым явлением. Элементы театрального действия как выразительного зрелища имели место в религиозных ритуалах и мистериях народов, населявших территорию современной Турции с древнейших времён. Собственно турецкая, народная театральная традиция связанная с такими сценическими формами, как теневой, кукольный театр (к примеру, «Карагёз», «Орта оюну»), и поныне популярна в народе.

Позднеимперский период был отмечен здесь, как и в других художественных проявлениях, интересом верхушки общества и зарождающейся интеллигенции к западному театральному искусству. Так, театральный деятель этого времени, Ахмет Вефик Паза, был известен адаптированными переводами сочинений Мольера на турецкий язык. Характерным явлением этого времени было одновременное бытование на сцене как пьес западных авторов, так и работ начинающих турецких драматургов на турецкие темы.

Выдающимся деятелем, сыгравшим важную роль на начальном этапе развития национального театра и долгие годы способствовавшим продвижению театрального искусства в Турции, стал Мухсин Эртугрул, назначенный директором стамбульского драматического театра Дарульбедаи в республиканское время⁶. Благодаря его таланту и инициативности турецкие театральные деятели начали осваивать

---

⁶ В 1931 г. театр Дарульбедаи был подчинён муниципалитету Стамбула, а в 1934 г. стал называться Стамбульским городским театром. Сам же Мухсин Эртугрул неоднократно — в 1925, 1927, 1934 и 1973 гг. приезжал в Советский Союз, имел творческие встречи с К. С. Станиславским и В. Э. Мейерхольдом, пропагандировал в Турции русское и советское театральное искусство.

современный язык театра, а режиссура, драматургия и сценография достигли уровня национального театрального искусства.

В 1936 г. была создана Анкарская государственная консерватория; её первые выпускники основали театр под названием «Сцена репетиций». В 1949 году особым законом был учреждён Государственный театр оперы и балета. О том, какое большое внимание власти уделяли театральному искусству, свидетельствует тот факт, что с 1940 г. театры курировало Министерство Национального образования, а с 1949 г. управление государственными театрами было передано в ведение Министерства культуры Турции. С этого времени начала действовать широкая программа по распространению театрального дела во многих городах Турецкой Республики. Развитие и поддержка национального репертуара становятся одной их важнейших задач государственной культурной политики. Регулярные гастроли театральных трупп, в том числе и детских театров, стали типичным явлением культурной жизни страны. С 1950-х гг. начинается также гастрольная деятельность турецких театров в Германии, Франции, Голландии, Бельгии и Иране.

Этот этап в развитии турецкого театрального искусства также связан с именем Мухсина Эртугрула: в 1951 г. он основывает театр Кючук Сахне, ставший школой, для множества будущих мастеров сцены. Среди муниципальных и частных театров, основанных в это время, можно назвать такие яркие явления, как театр Джеп, театр имени Муаммера Караджа, Чюгюр Сахне, Стамбульскую оперетту. Особую популярность в 1960-х годах приобрели театры Ораоглу, Дормен, Общество Гюльриз Сурури-Энгин Джеззар, Анкарский театр искусств. Палитру театральных явлений конца XX в. обогащали театры Ходри Мейдан, Энис Фосфороглу, труппы Ферхан Шенсой, Хади Джамат Едитепе и др.

Одной из особенностей пьес, пользующихся популярностью на турецкой сцене, является их актуальное для общества звучание, обсуждение на театральной сцене жизненных проблем и отражение психологических ситуаций. Деятельность турецких драматургов является неотъемлемой частью общего потока национальной литературы, давшей миру прекрасные художественные образцы.

Плеяду талантов, создавших имя современному турецкому театру, в последние десятилетия пополнили актёры и режиссёры — Дж. Гёкчек, И. Кентер, В.Р. Зобу, Х. Дормен, Г. Сурури, Э. Джеззар, Б. Алчан и др. Важную роль в развитии театрального искусства и способствовании выходу турецкого театра на мировую сцену играют Международный институт театра, Турецкий театральный центр,

театральная кафедра при Анкарском университете, а также стамбульский журнал «Театр».

Интерес к опере при султанском дворе появляется ещё на рубеже XVIII–XIX веков; приглашённые в Стамбул итальянские музыкальные труппы пользуются большим успехом. С именем первого турецкого деятеля оперной сцены — Михаэля Наума Эфенди — связаны первые постановки опер Верди и Доницетти на подмостках Стамбула.

Новое рождение оперы в Турции как национального вида искусства происходит в начале республиканского времени. Как и многие художественные инициативы той поры, появление новой оперы связано с именем Мустафы Кемала Ататюрка, лично курировавшего развитие оперного искусства в стране. Государственная политика того времени проявилась в организации учёбы турецких молодых дарований за рубежом. Вернувшись на родину, они стали работать в Стамбуле и Анкаре над созданием современной турецкой оперы. Первыми произведением новой турецкой оперной культуры стали опера Ахмета Аднана Сайгуна, классика национального искусства, «Ёзсой» (сценарий Мюнира Найри Эгели) и «Ташбебе», а также опер «Байёндер» Наджиля Казима Аксеса. Музыкальные образовательные учреждения той эпохи немало способствовали становлению и распространению национального оперного искусства. Приезд в Турцию немецкого композитора Пауля Хиндемита и режиссёра Карла Эберта также оказали воздействие на процессы формирования национальной оперы. Началась работа над постановкой музыкальной классики с текстами на турецком языке. По закону, принятому в мае 1940 г., из классов консерватории при музыкальной школе была создана Государственная консерватория с отделениями театра, музыки, оперы и балета.

В 1948 г. перестроенное из выставочного зала, появилось здание Театра Оперы. Церемония открытия была отмечена показом оперы Ахмата Аднана Сайгуна «Керим» и произведений других турецких композиторов. Специальным указом от 1949 г. были созданы государственная опера и балет Анкары и их стамбульский филиал.

В следующем десятилетии происходило становление труппы балета, хора и оркестра, что поспособствовало формированию Анкарской государственной оперы как единого творческого коллектива. Джавад Мемдух Алтар, заведовавший в тот период Управлением Государственных театров, много работал над оперным репертуаром, а также делал всё возможное для привлечения мировых звёзд на турецкую оперную сцену.

После реорганизации структур управления театральной сферой опера и балет были выделены в особое управление (1958 г.), которое возглавил Неджил Казым Аксес.

Следующее десятилетие было ознаменовано становлением оперы в Стамбуле, как яркого явления художественной культуры Турции, способного соединить в репертуаре и стилистике высокий уровень европейского исполнительского мастерства с национальным колоритом и красочностью мелодических традиций прошлого. На рубеже веков новые оперные сцены (как региональные отделения Стамбульской государственной оперы) открылись во многих городах страны.

КИНЕМАТОГРАФ И ФОТОГРАФИЯ

Старт турецкого кинематографа принято связывать с созданным в 1914 г. документальным фильмом Фуата Узкыная «Падение русской статуи в Айаистефаносе», за которым последовал ряд игровых и документальных картин, посвящённых событиям Первой мировой войны. Однако подлинную историю современного турецкого фильма отсчитывают с создания в начале республиканского периода студии «Кемаль фильм».

Особо отметим: кинематограф в Турции как ни одно другое искусство находился в общем русле самых актуальных процессов общественной жизни, отражая при этом всё многообразие новых явлений в художественно-эстетической сфере. Будучи генетически связанным одновременно и с живописью, и с фотографией, и с театральным делом, и с музыкой, кинематограф представлял ценнейшие возможности для осмысления и пропаганды новой жизни в её национально-культурном измерении. Именно поэтому основатель современной Турции Мустафа Кемаль Ататюрк уделял так много внимания развитию национальной стилистики, кинематографического языка и актуальной проблематики фильмов, создаваемых на турецких киностудиях.

И здесь мы снова встречаемся с именем выдающегося деятеля культуры республиканской Турции, Мухсина Эртугрула, ставшего первым режиссёром первой турецкой киностудии. Не удивительно, что первые турецкие картины находились под сильным влиянием театрального искусства. На протяжении 1920–30-х гг. увидели свет такие фильмы, как «Огненная рубашка», «Леблебеджи Хорхор», «Стамбульские улочки», «Нация просыпается»⁷, «Печальный источник»,

⁷ Фильм был снят на киностудии «Ипекчи филм» в 1932 г., став первой звуковой лентой в истории турецкого кинематографа.

«Бесстрашный Али», «Кусок камня», «Повстанец», «Контрабандисты» и др., посвящённые важным историческим событиям в жизни народа, а также его повседневности.

Важный этап в развитии турецкого кинематографа связан с пребыванием Мухсина Эртугрула в 1925–1926 гг. в Москве, где турецкий деятель культуры встречался и работал в Москве и Одессе с выдающимися советскими кинематографистами — М. Третьяковым и С. Эйзенштейном.

В 1933 г. советские кинорежиссёры А. Зархи и С. Юткевич помогают турецким коллегам на съёмках документального фильма «Анкара — сердце Турции».

Вслед за снятым в годы Второй мировой войны фильмом «Насреддин на свадьбе» приходит новый этап в развитии турецкого кинематографа, связанный с именем выдающегося режиссёра Лютфи Акада. Турецкое кино становится всё более независимым от воздействия театра, обретает собственный художественный язык и формат. На 1950-е — 60-е годы приходится настоящий бум в развитии турецкого кинематографа, отмеченный разнообразием тем, в том числе и остро социальных. На первый план выдвигаются такие режиссеры, как Халит Рефиг, Дуйгу Сагыроглу, Метин Эрксан, Эртем Гёреч, Мемдух Юн. Экранизируются произведения турецких литераторов — Эксата Каратурта, Итема Иззета и Яшара Кемала.

Однако в тот же период наметились и существенные проблемы в области национального кинематографа, которым суждено будет сказываться и в последующие десятилетия. Экспансия западных (главным образом американских) кинолент, конкуренция телевидения, недостаточная техническая оснащённость производственной базы заставили турецкую общественность серьёзно воспринять эту ситуацию. «Общество друзей турецкого кино» начало прилагать усилия к тому, чтобы помочь национальному кинематографу, организуя стажировки турецких режиссёров и актёров за рубежом, выступая за ограничение проката иностранных фильмов, не имеющих эстетической и социальной значимости.

С 1980-х гг. государство расширяет свою поддержку национального кинематографа, стремясь при этом деполитизировать его проблематику. А сами кинематографисты больше внимания уделяют социальным, экономическим и эмоционально-психологическим проблемам современной жизни, приближаясь к актуальным жизненным потребностям своего зрителя. Постепенно турецкий кинематограф выходит на международную арену и привлекает к себе внимание мировой художественной критики. Параллельно с этими процессами расширяется система кинематографического образования, создаётся

национальная актёрская школа, звёзды турецкого кино становятся популярными в Европе и мире. Так, в России обретает известность и завоевывает любовь зрителей талантливая актриса, красавица Тюркан Шорай.

Министерство культуры и туризма Турции внесло свой вклад в развитие кино: с 1985 г. оно проводит конкурсы на лучшие сценарии и лучшие короткометражные ленты среди начинающих кинематографистов, что открывает возможность молодым талантам войти в мир профессии.

В 1990-х гг. отмечается некоторое уменьшение количества, но подъём качества выпускаемых картин, расширяется сеть кинотеатров. На рубеже веков частым становится такое явление, как совместное производство кинолент с участием зарубежных партнеров.

В 1990 г. на экраны вышел фильм «Бердель» режиссёра Атифа Йылмаза с Тюркан Шорай в главной роли. Высокое художественное исполнение, тонкий психологизм, талантливая режиссёрская и актёрская работа сделали этот фильм явлением в турецком кинематографе. Яркие работы Башара Сабунджу («Путник»), Тунча Башарана («Пиано, пиано...»), и др. также свидетельствовали о новом уровне, достигнутом в турецком кинематографе.

И ныне турецкое кино на подъёме. Постоянные участники международных кинофестивалей и культурных акций, турецкие кинематографисты становятся призёрами и лауреатами престижных конкурсов⁸. Но и у себя дома создатели нового кино пользуются популярностью и уважением. Самым популярным по рейтингу зрительских симпатий за последние годы стал фильм Чагана Ырмака «Мой отец и мой сын», побив рекорды посещаемости даже «Гарри Поттера»!

Богатая история турецкой фотографии начинается во второй половине XIX в., переживает взлёт в ранние годы Республики и становится непременным спутником всех этапов исторического, общественного и культурного развития страны, создавая документальную летопись новой Турции. Первый конкурс фотографов, проведённый в 1932 г., выявил два направления в развитии турецкой фотографии — историко-документалистское и пейзажно-бытовое.

На сегодняшний день турецкие фотомастера успешно работают в самых разных жанрах, создавая сильную конкуренцию своим зарубежным коллегам на международных фестивалях, выставках и биен-

---

⁸ Кроме уже перечисленных, на международных кинофорумах премий удостоились фильмы культурно-исторической и социально-психологической направленности таких режиссёров, как Омер Кавур, Несли Чёлчеген, Реис Челик, Явуз Тургул, Зеки Демиркубуз, Синан Четин, Ешим Устаоглу и многие другие.

нале. С наиболее яркими представителями нового поколения турецких фотографов — Али Таптик, Зейнеп Кайан, Себда Селин, Керем Узель, Айлин Динчер, Гокхан Джебик — жители Москвы и Санкт-Петербурга познакомились в 2006 году на выставке «Молодая турецкая фотография», где были представлены разножанровые работы с широчайшей тематикой. Большую роль в выявлении молодых талантов в этой области искусства играет стамбульский фотографический журнал «Широкий угол зрения».

ОТ ИТОГОВ К ПЕРСПЕКТИВАМ

Первое десятилетие XXI в. в истории современного турецкого искусства останется динамичным временем, когда одновременно с подведением итогов прошлого столетия наметились интересные перспективы во всех областях художественного творчества. На вопрос: Традиция или Новация? — люди искусства ответили: и то, и другое, но на новом, духовно осмысленном уровне творческого синтеза. Так понимают сегодня в Турции смысл *современности* в применении к искусству и культуре.

На сегодняшний день турецкое искусство давно преодолело стадию ученичества у Запада и способно само стать источником вдохновения для людей творчества и для ценителей прекрасного в самых разных странах мира. Важнейшие свидетельства тому — постоянно действующая сеть контактов турецких мастеров со зрительской аудиторией Европы и мира, новые выставочные возможности, появившиеся в самой Турции, деятельность Стамбульского фонда культуры и искусства. Одним из ярких явлений в этой области стала Стамбульская биеннале современного искусства, проекты Музея современного искусства (Istanbul Modern)⁹, а также все художественные события завершающегося Года культуры Турции в России.

За прошедшие месяцы россияне имели возможность познакомиться не только с высоким искусством Турции, но и с популярным, а также с традиционным народным творчеством. В такой широте охвата и разнообразии уровней художественной презентации кроется,

---

⁹ Первый музей современного искусства открылся в Стамбуле в июне 2005 г., став культурным учреждением, принципиально новым по дизайну, репрезентативности, инфраструктуре организации и комплексности художественного воздействия. Экспозиция представляет постоянно обновляемую панораму произведений турецкого искусства последних ста лет в сочетании с циклом международных выставок современного искусства. В помещении музея расположен образовательный центр и библиотека. У музея весьма информативный сайт: www.istanbulmodern.com. Музей является частной организацией, работающей под эгидой Стамбульского фонда культуры и искусства.

на наш взгляд, главный источник успеха мероприятий Года Турции в России. Ибо современное турецкое искусство — это не только высочайшие достижения классической музыки, современной живописи, авангардной архитектуры и интеллектуального кинематографа. Это — и живые историко-национальные традиции, сохранившие миру чудо росписи под мрамор — «эбру», декоративное золочение рукописных книг — «тезхип», особое искусство каллиграфии — «хат», миниатюру на бумаге и кости — «накыш», декоративную керамику Изника, орнаментальное богатство турецкого ковроткачества и многое, многое другое...

* * *

В этом очерке лишь скороговоркой можно было рассказать о самых общих тенденциях в развитии современного турецкого искусства. Автор заранее просит прощения у тех турецких мастеров — как ушедших от нас, так и ныне здравствующих, кто не был упомянут в этом по необходимости кратком тексте. Как историк и современник многих исторических событий XX — начала XXI столетий, автор этих строк понимает, как непросто жить и творить человеку искусства в мире, пережившем век войн и революций, век крушения и появления новых общественных систем и государств. Тем выше подвиг и тем ценнее для нас мастерство тех, кто имел мужество (и счастье!) творчески осмыслить меняющийся мир вокруг себя и подарить своему зрителю, слушателю, читателю радость духовной гармонии, надежду жить в мире и творческом содружестве со своими соотечественниками, а также с соседями по Евразии — ближними и дальними.

ЩЕКА Ю. В.

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ СЕГОДНЯ

Турецкий язык, являющийся государственным языком Турецкой Республики, относится к тюркской семье языков, которая объединяет азербайджанский, башкирский, гагаузский, казахский, киргизский, татарский, тувинский, туркменский, узбекский, чувашский, якутский и др. языки. Среди тюркских наиболее близки к турецкому языки юго-западной (огузской) группы, куда, кроме турецкого, входят азербайджанский, туркменский, гагаузский.

Формирование турецкого языка происходило в новотюркскую эпоху (XV–XX вв.) на основе огузской диалектной общности (огузское государственное объединение в VIII–IX вв. у Аральского моря), из которой в IX–XI вв. постепенно выделяются сельджуки (их потомки — хорасанские тюрки, азербайджанцы и турки), завоевавшие в XI в. Анатолию. Наряду с народно-разговорным турецким языком развивался письменно-литературный османский язык (XV–XIX вв.), особенностью которого была широкая ориентация на заимствования из арабского и персидского языков как слов, так и грамматических моделей. Этот язык был непонятен широким слоям населения. Никогда не прекращавшаяся борьба за создание собственно турецкого нормативно-литературного языка на базе сохранения и развития разговорной народной традиции активизировалась в середине XIX в. в период Танзимата, а в республиканской Турции достигла наивысшей точки в виде языковой реформы К. Ататюрка: реформы алфавита (1928 г.), предусматривавшей замену арабского письма письмом на латинской основе, и создания Турецкого лингвистического общества (1932 г.), деятельность которого была направлена на активную замену арабских и персидских заимствований исконно турецкими словами. Только за первые 34 года деятельности этого Общества (с 1932 по 1966 гг.), по данным его секретаря О. А. Аксоя, содержание собственно турецкой лексики в словарном составе турецкого языка увеличилось с 43 % до 58 %, а в книжно-письменном языке — с 35 % до 72 %. Эти успехи были сопряжены и с определенными трудностями (отрицательными аспектами) столь бурной динамики смены словарного состава. Прежде всего, они приносят

опасность разрыва в культурной преемственности поколений. Например, современная турецкая молодежь, да и представители среднего поколения, не могут читать в оригинале произведения многих турецких писателей 30-х и 40-х годов прошлого столетия, не говоря уже о литературных произведениях XIX в. Активное языковое строительство продолжается и сейчас, хотя в настоящее время одновременно наблюдается если не возврат к старой лексике, то ее довольно активное использование вместе с неологизмами. Это знаменует, видимо, начало процессов будущей смысловой дифференциации новых и старых слов. Реформа турецкого языка явилась уникальным в мировой практике языкового строительства успешно проведенным экспериментом, открывшим, в частности, путь к созданию собственных терминологических систем, которые позволяют выражать любые новые понятия в условиях современной информационно-технической революции и обеспечивают дальнейшее становление турецкого литературного (нормативного) языка как языка современной науки и культуры. В условиях постоянно расширяющейся значимости турецкого языка особую актуальность обретают проблемы его эффективного и адекватного изучения.

Конкретное изучение турецкого (как и любого другого) языка выявляет адекватность или, наоборот, ошибочность теорий общего языкознания. Достигнутый высокий уровень современной лингвистической туркологии свидетельствует о кризисе ряда распространенных направлений общего языкознания. Раскрытие их слабых сторон, возможное лишь на конкретном языковом материале, составляет суть проблем изучения турецкого языка сегодня.

В методологии изучения языков выделяются два противоположных подхода (или фундамента). Один из них можно назвать логическим (опора на логику: лингвистическая теория должна искать начало «постоянное, не связанное с внеязыковой реальностью»¹), другой — историческим: «научное изучение языка может быть только историческим»²). Логический подход связан с развитием структурализма. Методология этого подхода наиболее четко была сформулирована Пражским лингвистическим кружком (создан в 1926 г.) и легла в основу различных направлений функциональной, когнитивной лингвистики, генеративной грамматики. Исторический подход, предполагающий принципиальную условность наших представлений о языке, реализован в традиционном языкознании. На протяжении последних десятилетий та или иная форма логического

---

¹ *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. М., 2006. С. 34.

² *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960. С. 495.

подхода обычно отражается в общетеоретических, вводных частях научных диссертаций по языкознанию, а традиционные подходы неизменно составляют основу всех без исключения практических работ по конкретным языкам (учебников, грамматик, словарей и пр.). Логический подход (взятый в его основе, вне богатства конкретных наблюдений ученых) представляется ложным, а подход исторический, традиционный — на сегодняшний день единственно верным.

Проблема происхождения тюркских языков, алтайская гипотеза о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, еще более общая гипотеза урало-алтайская, устанавливающая родство алтайских и уральских (таких как финский, венгерский, а также самодийских) языков могут рассматриваться лишь на основе доказательности утверждений об общности происхождения соответствующих слов и форм. Поэтому весьма ценными оказываются все конкретные возражения ученых, сомневающихся в справедливости алтайской гипотезы. Однако логический подход к проблемам языка выражается, в частности, в абсолютизации строго дисциплинарного рассмотрения (и неприятия междисциплинарных, общих теорий и аспектов происхождения языка). Стремясь обеспечить заранее иллюзорную (поскольку истоки языка, естественно, экстралингвистичны, т.е. находятся вне сферы языка) чисто лингвистическую доказательность, логическая методология без каких-либо оснований значительно приближает древнейшие праязыковые состояния к нашему времени (алтайский и урало-алтайский праязыки ограничиваются периодом до 10 тыс. л., а ностратический — до 20 тыс. л. назад³). Это позволяет представлять себе названные праязыки целиком по образу и подобию языков современных, т.е. вполне сложившимися и ничем не различающимися между собой в главном — по своему уровню развития. Именно поэтому вовсе не случайно наблюдается известная путаница иерархии праязыков. Так, турецкий ученый А. Ф. Караманлыоглу урало-алтайский уровень соотносит с уровнем индоевропейским⁴, Атлас языков мира с индоевропейским уровнем соотносит алтайские языки⁵, Лингвистический энциклопедический словарь в одном месте также индоевропейский и алтайский относит к одному уровню⁶, но в других местах алтайские языки называет мак-

---

³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 392.

⁴ *Karamanlıoğlu A. F. Türk dili nereden geliyor, nereye gidiyor. 5-nci baskı. İstanbul 2002. С. 1.*

⁵ Атлас языков мира. Лик пресс, 1998. С. 20

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь, ... С. 97.

росемьей⁷, а индоевропейские — семьей⁸. Получается, что собственные проблемы эволюции языков — суть становления членораздельной речи, фонетики и фонем, процессы становления других ярусов языка остаются вне рассмотрения, повисают в воздухе, как бы возникают сами собой на пустом месте, либо мыслятся квазивечными. Таким образом, логическая методология (абсолютизация требования строго внутридисциплинарной доказательности) приводит к кардинальному искажению сути праязыковых состояний, к фактическому отказу от изучения и постижения процессов происхождения языка.

Более конкретно абсолютизация требования внутридисциплинарной доказательности проявляется в абсолютизации закона фонетических соответствий, при которой игнорируется тот факт, что этот закон (как и любой другой) имеет вполне определенные границы действия и не может применяться к начальным эпохам алтайского праязыка, а также к урало-алтайскому и ностратическому праязыкам, поскольку в них сама фонетическая система еще отсутствовала, находилась лишь в стадии формирования.

Применительно ко многим случаям сравнительно поздней истории уже сложившихся современных языков разграничение аспектов генеалогической и типологической классификации, конечно, необходимо. Однако абсолютизация этого разграничения является опять же типичной для логической методологии и представляется кардинально несостоятельной, т.к. она смазывает центральное положение методологии исторической: типология языков есть не что иное, как свертка их истории. В связи с этим, в целом, применительно к эпохам праязыков типологические и генеалогические аспекты в принципе не могут быть различными, они совпадают.

Все алтайские языки относятся к агглютинативному типу, т. е. аффиксы, образующие развитую систему словообразования и словоизменения и способные, прибавляясь к корню, порождать весьма длинные словоформы (например, одно слово ‘gençleştiremediklerindenim’ означает ‘я один из тех, кого не сумели омолодить’) обладают всегда неизменной формой (имеют лишь чисто фонетические варианты), а также передают значение лишь одной грамматической категории. Алтайским языкам свойственен сингармонизм, который, например, в турецком языке сводится к законам гармонии гласных (их взаимного уподобления в слове по признаку ряда и по признаку огубления) и закону гармонии согласных (уподобление по признаку звонкости-глухости). Алтайские языки имеют общие черты в системах

---

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Там же. С. 186.

словообразования и словоизменения, отсутствует категория грамматического рода, ограничена сфера согласования (и соответственно более широко представлено управление и примыкание), они имеют единые системы склонения и спряжения (отсутствует деление на типы склонений и спряжений), в порядке слов действует закон предшествования определения определяемому. Что же касается урало-алтайских языков, то они обнаруживают общность на уровне систем словообразования. В связи с этим представляется несомненным, что принятое в последние десятилетия повсеместное постоянное упоминание о недоказанности алтайской гипотезы является проявлением критикуемого здесь логического подхода к языку. Алтайская и урало-алтайская гипотезы вполне доказаны, если под доказательством понимать не поиск заранее невозможных систем фонетических соответствий и не попытки реконструкции квазисовременных по своему уровню праязыков, а опору на междисциплинарную, многоаспектную картину эволюции языков. Узко умозрительно можно, конечно, делать любые предположения, но с учетом упомянутой многоаспектной картины ничего другого кроме родства, т. е. происхождения из единого праязыка, для алтайских и урало-алтайских языков просто не дано.

Фонетика и система фонем турецкого языка во всех практических грамматиках и учебных пособиях описываются в рамках традиционного языкознания, опирающегося на методологию историческую (но не логическую). При этом турецкая фонетика отличается ясностью, четкостью и системной целостностью единиц: 8 гласных фонем [a], [e], [o], [ö], [ı], [i], [u], [ü] отражают признак а) переднего ([e], [ö], [i], [ü]) или заднего ([a], [o], [ı], [u]) ряда, б) верхнего ([a], [e], [o], [ö]) или нижнего ([ı], [i], [u], [ü]) подъема и в) огубленности ([o], [ö], [u], [ü]) или неогубленности ([a], [e], [ı], [i]); 21 согласная фонема отражают а) место образования (губные [b], [p], [v], [f], [m], переднеязычные [d], [t], [j], [z], [s], [ʃ], [ç], [c], [n], [l], [r], среднеязычная [y], заднеязычные [g], [k], [h]), б) способ образования и характер преграды (взрывные [b], [p], [d], [t], [g], [k], фрикативные [v], [f], [j], [z], [s], [ʃ], [y], [h], аффрикаты [ç], [c], сонорные носовые [m], [n], сонорная боковая [l] и сонорная дрожащая [r]), в) соотношение шума и голоса (звонкие и глухие), при этом одна фонема [ğ] имеет различное позиционно обусловленное звуковое отражение. Турецкий слог сингармоничен, оказываясь либо целиком твердым, если слогаобразующая гласная заднеязычная, либо целиком мягким, если эта гласная переднеязычная (при различной степени палатализации согласных). Уже отмечались законы гармонии гласных и согласных в турецком языке. Говоря о турецких (и

любых других) фонемах, действительно необходимым представляется сознательное преодоление монополии фонологии Н. С. Трубецкого на термин 'фонема' и понимать под ней просто закономерный звук речи на определенном языке в соответствии с тем, как этот термин был впервые введен И. А. Бодуэном де Куртенэ: «фонемы — это единые, непреходящие представления звуков языка», «фонема — это единое фонетическое представление, возникшее в душе путем психического слияния впечатлений, полученных от произнесения одного и того же звука» (психический аспект, затронутый в этом определении, представляется чрезвычайно важным, см. ниже)⁹.

Выражением противоположной, логической методологии, явилось создание фонологии Н. С. Трубецкого, которая кажется стройной и убедительной лишь на уровне общих логических принципов, но опыт применения которой к конкретным языкам и, в частности, к турецкому, оказывается кардинально неадекватным, порождая хаос, разноречивой трактовкой, множество кажущихся псевдопроблем. Порочность логической фонологии проистекает от снятия главной, самой ценной и чрезвычайно тонкой, неуловимой сердцевины традиционного языкознания — осознания условности качественно-теоретического описания языка и попытки подмены ее сущностями, претендующими на логическую, конечную точность, что в силу абсолютизации структурного (конечно-рационального) начала не может не обернуться иррациональностью и хаосом¹⁰.

Более конкретно сказанное проявляется в подмене многогранного и, по сути, до конца не определяемого языкового значения внешне ясным, законченным логическим понятием. Мы говорим о значении слова всегда лишь условно, опираясь на совокупность примеров и языковое сознание. Снятие же этой условности, опыт строго теоретического, точного подхода может состоять не в отмеченной подмене значения конечной дефиницией (в этом представляется суть ошибки логической методологии), а, наоборот, в признании отсутствия у слов (и любых отдельно взятых единиц языка) значения в смысле некоторой конечно эксплицируемой сущности.

Форма слова — если говорить точно, строго теоретически — вовсе не ограничивается непосредственно воспринимаемым набором фонем, а обязательно включает еще и множество других фонемных комплексов (слов), присутствующих в ней вероятно (с вероятностью, меньшей единицы). Форма слова имеет место лишь

⁹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 351–352.

¹⁰ Щека Ю. В. Критика абсолютизации разума // Московский писатель, №2 (9), декабрь 2004. С. 125.

при восприятии человеком, владеющим данным языком, поскольку лишь его сознание одновременно воспроизводит также и всю картину связей слова, т. е. вероятностную часть этой формы. Говорить о каком-то значении слова, имея в виду лишь его форму непосредственно воспринимаемую и состоящую из данного достоверного набора фонем, — в строго теоретическом плане — абсолютно иррационально, т. к. равноценно подходу к форме слова, как сущности воспринимаемой человеком, не владеющим данным языком, или вне ее восприятия человеком вообще!

Структурно-разумным, конечно эксплицируемым значением обладает исключительно лишь контекст, т. е. полная форма языкового знака, язык, взятый в целостном функционировании единиц всех его уровней. Поэтому такое значение «по определению» может быть только надъязыковым, логическим. Логическая методология, снимая условность сосюрковского означающего и означаемого применительно к отдельной единице языка, занимается непростительной вульгаризацией значения (отдельных) языковых единиц, приписывая этому значению то, что свойственно исключительно лишь целостному контексту. Логическая методология не замечает собственно языковой («дологической») семантики, которая всегда столь же чужда конечной экспликации, как чужда ей, например, семантика Лунной сонаты. Можно было бы показать, что такие науки, как лингвистическая семантика и когнитивная лингвистика к лингвистике никакого отношения не имеют («сигнификат слова — ядро его лексического значения»¹¹ — *строго теоретически* отдельное слово не только не имеет сигнификата, денотата и пр., но не является лингвистической единицей вообще, см. выше; «синоним понятия — термин «значение», т. е. значение слова — это тот предмет или те предметы, к которым это слово ... применимо»¹² — *строго теоретически* логическое понятие и языковое значение абсолютно несопоставимы, а соотносительность, например, рисунка предмета и слова в букваре целиком опирается на конституацию и контекст обучения ребенка, на языковое и иное сознание, поэтому предмет как таковой, сам по себе, вне восприятия, вне человеческого сознания — при всем уважении к теориям экстенционала — быть значением никак не может). Названные, так сказать, принципиально нелингвистические лингвистики представляются убедительным примером глубокой иррациональности логической методологии.

---

¹¹ Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2007. С. 81.

¹² Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2005. С. 29.

Если выше говорилось о непропорциональном перенесении на слово всегда контекстного, логического значения, то фонология Н. С. Трубецкого идет по этому пути еще дальше, стремясь в поисках некоей «истинной лингвистичности» звуков речи наделять таким значением («смыслоразличением») также фонемы и даже их дифференциальные признаки (иррациональность логической методологии налицо уже здесь — сущность принципиально надязыковая оказывается в роли самого критерия истинной лингвистичности)! Но оппозиция русских слов *мол* — *моль* вовсе не значит, что признак мягкости/твердости [л] служит различению смысла — различению смысла здесь служит исключительно лишь *целое* слово *мол*, противопоставленное *целому* слову *моль* (более того, помимо достоверной части формы этих слов в выражении значений обязательно участвует весь контекст, реальный или мыслимый). *Сам по себе* признак мягкости [л] никакой смыслоразличительной функции в русском языке не выполняет: *сол* — *сол*^{*}, *Оль* (обращение от Оля) — *ол*^{*}, *ноль* — *нол*^{*} и т. д. Дифференциальные признаки являются важнейшими *фонетическими* (истинно языковыми) признаками, но как сущности, создающие якобы некие «собственно языковые», «фонологические», единицы, «получаемые путем очищения» от неких других признаков, якобы лишь «наполняющих» форму знака, а также «от накладок суперсегментного уровня»¹³, т. е. от интонации, музыки и души языка!, представляются фикцией, не соответствующей действительности, извращением сути языковых единиц, серьезнейшим заблуждением структурного языкознания. Подразделение различительных признаков на дифференциальные и интегральные, по сути, выступает инструментом исключения из рассмотрения именно самой специфики звучания конкретных языков; только так, только путем отстранения от языковой специфики можно создать иллюзию универсальной значимости нескольких чисто логических правил, сформулированных в теории оппозиций. О невозможности их проведения даже на самом абстрактном уровне свидетельствует необходимость введения понятия гиперфонемы, а также архифонемы, вариантов, слабых фонем и пр. Ради той же цели непропорционально умаляется языковая суть фонетики, которая низводится в положение своеобразного конгломерата лишь чисто физико-артикуляционных фактов. Так, при описании нейтрализации фонемных различий в русском языке в случае пересечения аллофонических рядов — например, [п'и]терка (пятерка) и с[л'и]за (слеза) — имеет место смешение фонетики с физикой

¹³ Основные положения МФШ // Введение в языкознание. Хрестоматия для вузов. М., 2005. С. 104 и 109.

и физиологией артикуляции. Психофонетически, собственно фонетически (а не узко артикуляторно) в первых слогах слов «пятерка» и «слеза» имеются *фонетически разные* звуки — соответственно [а] и [е]. Определяющим является то, что у этих звуков в данных примерах имеется различный спектр (отражающий всю совокупность их воспроизведения в речи, но непосредственно не поддающийся фиксации никаким анализом, ограниченным лишь качественными свойствами данных конкретных реализаций; суть инвариантности не связана с какими-либо внешними сиюминутными свойствами явления¹⁴). Истинно языковой дисциплиной выступает именно фонетика, в которой все без исключения является значимым — сама принадлежность речевого явления к фонетике уже предполагает, что оно обладает спектром (регулярным воспроизведением), т. е. значением. Фонология же (в полном противоречии с замыслом ее создателей, стремившихся получить истинно языковедческую науку) оказалась троянским конем, при помощи которого логика грозит разрушить языкознание изнутри.

Благодаря упоминавшейся выше реформе турецкого языка и в качестве ее еще одного крупного достижения современный турецкий алфавит наилучшим образом отражает систему фонем. Таким образом, значение и роль этого алфавита, как и алфавитного письма многих других языков вовсе не состоит лишь в фиксации «фонемного и звукового состава» языка (как принято считать)¹⁵, а объективно (вне осознания логической фонологией) выполняет важнейшую функцию адекватно-единого отражения и организации самой целостной системы истинных фонем (фонем по Б. де Куртенэ).

Что же касается логической методологии, то никакая определенная система турецких фонем (фонем по Н. С. Трубецкому) до сих пор не выявлена. Например, в отличие от множества других точек зрения В. Джюшкун говорит о долгих фонемах, хотя системно они не существуют в турецком языке. Он насчитывает 10 гласных кратких фонем, относит согласную ğ (yumuşak g) к гласным, при этом ни то, ни другое, по нашему мнению, не соответствует действительному положению вещей¹⁶. Н. С. Трубецкой оказывается вынужденным ввести для турецкого языка сразу две «частичные» системы гласных

---

¹⁴ *Щека Ю. В.* Эмические единицы языка и суть формально-семантической связи в знаке // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2008. С. 234–235.

¹⁵ Лингвистический энциклопедический словарь ... С. 428

¹⁶ *Coşkun V.* Comparison between the vowels of German and Turkish // *Turkic Languages* 2003. Vol. 7, N° 1. С. 19–20

фонем, из которых одна долгие гласные включает, а другая — нет¹⁷. Для традиционного языкознания в силу сознательной условности его подходов такое положение — наличие у одного языка сразу двух фонологических систем — могло бы быть простительным, но для логико-структурной фонологии, претендующей на математическую точность, это равносильно краху всей теории Н. С. Трубецкого, оказавшейся неприменимой к конкретным языкам и, в частности, турецкому.

Р. Лиз вместо указания какой-либо системы турецких фонем вообще занимается фонологическими описаниями так называемых автоматических правил, действие которых должно заменить наличие такой системы. В частности, «остается неясным, является ли ğ (yumuşak g) фонемой или нет»¹⁸.

Игнорирование несомненного «смыслоразличения» (в качестве обязательного участия в порождении многогранной языковой семантики) у всех без исключения фонетических единиц (регулярных типов звуков речи, фонем по Б. де Куртенэ) приводит к опасному искажению, разрушению научного, адекватного понимания звуковой системы языка и поиску некоего неправоммерно постулируемого «логико-понятийного» смыслоразличения в виде, например, изобретения, по нашему мнению, никогда и нигде не существовавших фонем суперсегментного уровня — так называемых фонем долготы, тона (просодических фонем), фонем ударения и пр.¹⁹.

Гармония гласных и согласных в турецком языке, как и редуцируемые безударные гласные в языках другой типологии, являются закономерным проявлением (сверткой) процессов прошлого становления фонем. Сингармонизм позволяет компактно записывать многие аффиксы (например, аффикс местного падежа в виде DA вместо da, de, ta, te). Однако законы гармонии, как и безударность гласных, не может лишать соответствующие реализации звуков речи их полноценного фонологического (по Б. де Куртенэ) статуса. Утверждение, что из-за сингармонизма гласные полностью имеют свою «фонологическую значимость» лишь в первом слове²⁰, представляется глубоко неверным. Оно кажется справедливым лишь с точки зрения поверхностной логико-смыслоразличительной трактовки дифференциальных признаков. Инвариантность фонем вовсе не определяется *жес-*

---

¹⁷ *Kramsky J.* Phonetics and phonology // *Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. Teil I.* Herausgegeben von G. Hazai. Budapest 1990. С. 317.

¹⁸ *Ibid.* С. 308.

¹⁹ *Ibid.* С. 309.

²⁰ *Ibid.* С. 313.

тко пучком их дифференциальных признаков как таковых, а имеет гораздо более глубокую, данную в психическом восприятии и спектрально отраженную регулярно-воспроизводительную суть.

Своеобразное псевдофонологически гипертрофированное понимание гармонии гласных в соединении с упомянутой изобретенной суперсегментной фонологией порождает различные прямо-таки фантастические искажения научных представлений о звуковой системе турецкого языка в виде, например, постулированной двух-элементной системы гласных только по признаку открытости (α) и закрытости (i), в которой признаки ряда и огубления относятся к так называемым «просодикам» (суперсегментным признакам), определяемым на всем слове²¹. С нашей точки зрения, ничего более нелепого и чуждого реальной звуковой системе турецкого языка, с одной стороны, и опасного в смысле разрушения самих основ научного языкознания, с другой, представить себе трудно! Современные представители логической методологии (в качестве ее закономерно иррациональной оборотной стороны, ср. выше) выдвигают заранее невозможные постулаты. Так, Р. Лиз во введении к одной из своих работ пишет: «довольно большое число основных свойств турецкого произношения предсказывается грамматической структурой турецкого предложения»²². Но, по нашему мнению (и в соответствии с языкознанием, проверенным общением ученых и конкретной практикой), турецкое произношение никак не предсказывается грамматической структурой турецкого предложения, произношение вообще никак не зависит от грамматики, а основной постулат работы Р. Лиза не имеет ничего общего с действительностью. Также грамматика не является «правилами преобразования» (re-write rules), которые никак не могут «исчислять» (это «исчислять» остается безосновательной претензией на математическую точность вне введения каких бы то ни было количественных аспектов) правильные предложения естественного языка²³, а в основе структуры предложения лежит не вереница других структур (глубинная структура и правила структуры составляющих — неспособность выйти из замкнутой вереницы логико-рациональных структур, абсолютизация структур как

---

²¹ Уотерсон Н. Некоторые вопросы фонологической структуры именных форм турецкого языка // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIX. М., 1987. С. 61.

²² Лиз Р. Б. Фонология современного нормативного турецкого языка // Новое в зарубежной лингвистике. ... С. 97

²³ Там же. С. 95; Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М., 2006. С. 18.

раз и представляется сутью заблуждения логической методологии), а начало внеструктурное — движение, жизнь, эволюция, история языка (синхрония есть свертка диахронии²⁴). При всем сказанном представителей логической методологии характеризует открытая бесцеремонность в отношении к традиционной лингвистике: «мы не будем рассматривать турецкую речь в артикуляционных терминах, такой элемент вносит элемент импрессионизма; ярлыки типа «огубленность» ... не опираются на физические измерения и статистику, поэтому можно заключить, что такие этикетки не вносят никакого вклада в описание звуковой системы»²⁵. Но эти «этикетки» обеспечивали и во всей лингвистической практике успешно продолжают обеспечивать (в отличие от взглядов Дж. Лотца) непревзойденно точное, адекватное и эффективное описание звуковой системы турецкого языка! Математическая же комбинаторика, привлекаемая автором к восьми турецким гласным (число взаимных противопоставлений которых оказывается равным 28), верна лишь условно, а в точно теоретическом плане (на который так претендует автор) явно бьет мимо цели, поскольку в силу речевой редукции в реальной звуковой речи (особенно в быстрой спонтанной, речи шепотом и пр.) противопоставление гласных друг другу данным числом не выражается. Подобно тому, как форма шахматных фигур, разумеется, определяет их суть, признаки ряда, подъема, огубленности и пр. вполне адекватно описывают звуки речи в рамках традиционной лингвистики. Замена же их на якобы более точные (связь артикуляции и физических параметров проста не в действительности, а лишь в представлениях сторонников логической методологии на уровне самых общих постулатов) параметры по М. Халле (вокальность, консонантность, компактность, бемольность и пр.) походят на стремление как можно скрупулезнее описать форму, например, шахматного коня, длину его шеи, ушей, число углублений, изображающих стилизованную гриву и пр.: точно так же, как все эти детали не имеют никакого отношения к сути функций шахматного коня в игре, уточненно-скрупулезный инвентарь параметров по М. Халле вовсе не связан с инвариантной сутью фонем (как уже упоминалось, эта суть далеко не исчерпывается какой-либо сиюминутной реализацией фонемы). Из сказанного ясно, что претензии логической методологии оборачиваются не точностью, а недоразумением!

---

²⁴ *Щека Ю. В.* Глоттохронология и междисциплинарный характер диахронии // Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений — 2007). М., 2007. С. 273.

²⁵ *Лотц Дж.* Турецкий вокализм и фонологическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. ... С. 41.

Неправомерная абсолютизация смысловразличия (по Н. С. Трубецкому), увлечение изобретением реально не существующих суперсегментных фонем и «просодик» оказывается серьезным препятствием в изучении богатейшей ритмики, интонации, просодии и музыки турецкого языка, которые объявляются нерелевантными, ничего не значащими речевыми наполнениями (какое разительное выражение иррациональности логического метода!). Турецкий язык обладает развитой системой ритмов на уровне слога, слова, словосочетания, предложения, органически включающей и словесное ударение (которое тоже пытались объявить «нерелевантным» якобы в силу наличия сингармонизма слова). Одной из работ, раскрывающих истинную глубину и значимость турецкой интонации, явилась книга американской исследовательницы Р. Нэш²⁶. Турецкое предложение наряду с другими просодическими параметрами реализуется в системе определенного мажорного или минорного лада, оканчивается на тонике (повествовательное предложение) или одной из ступеней доминантсептаккорда (вопросительное предложение)²⁷.

Как и значение слова, значение грамматической категории сопоставимо с логическим понятием лишь условно. Говоря же строго теоретически, это значение принципиально «до-» и «внелогично», лежит в измерении, совершенно отличном от логики. Подобно фонологии Н. С. Трубецкого в области звучащего языка (см. выше), основная установка логической методологии на подмену в сфере морфологии грамматической категории конечно-логическим конструктом означает разрушение специфики языкознания логикой. Ярким примером этого являются многие современные исследования турецкой категории определенности-неопределенности.

Категория определенности-неопределенности заключается в том, что имя существительное в турецком языке может употребляться в двух смыслах: а) классифицирующем (*kitap aldım* ‘я купил книгу’ — именно книгу, а не цветы, яблоки и пр.) и б) индивидуализирующем (*kitabı unuttum* ‘я забыл книгу’ — данную книгу в противопоставлении не другим классам предметов, а всем другим книгам). Этот смысл называют также, соответственно, неопределенным и определенным. Данная категория не имеет отдельных показателей, которые специализировались бы только лишь на передаче ее значений. Определенность существительного выражается 1) в контактном случае (прямое дополнение и глагол не разделены другими словами) и без

---

²⁶ Nash R. Turkish Intonation. The Hague — Paris, 1973.

²⁷ Щека Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка. М., 2007. С. 48 и далее, с. 482 и далее

особой экспрессии (без интонационного выделения прямого дополнения) оформлением прямого дополнения аффиксом винительного падежа (см. пример ‘б’ выше) и 2) употреблением определения-существительного — при условии его контактного расположения с определяемым — в родительном падеже (çocuğın paltosu ‘пальто ребенка’ — ребенка определенного, противопоставленного другим детям). Неопределенность существительного выражается оформлением 1) прямого дополнения и 2) определения-существительного (и дополнение, и определение в этом случае могут быть только контактными) основным падежом (см. пример ‘а’ выше; çocuk paltosu ‘детское пальто’ — слово “çocuk” ‘ребенок’ указывает на класс, родовое свойство определяемого, т. е. на тип пальто).

Слово “bir” является 1) числительным ‘один’, 2а) в утвердительном предложении неопределенным местоимением (bir çocuk geldi ‘приходил какой-то мальчик’, bir derecede böyledir ‘в некоторой степени это так’, bir miktar verdi ‘он дал некоторое количество’) и 2б) в отрицательном предложении местоимением отрицательным (ondan bir mektup almadık ‘мы не получали от него никаких писем’, bir iş uymadı ‘он нигде не работал’, bir yardımda bulunmadı ‘он ничем не помог’; при этом как субстантивное неопределенное местоимение с аффиксом принадлежности “biri” означает ‘некто’), 3) средством выделения значения определения, следуя за ним (güzel bir kadın ‘красивая женщина’, büyük bir ev ‘большой дом’). В указанном значении ‘2а’ “bir” может выполнять функцию неопределенного артикля, однако в собственном смысле слова артиклем оно не является в силу указанной выше множественности его различных значений и функций. Кроме того, необходимо учитывать специфику турецкого (как и вообще тюркского) имени, которое в отличие от имени западноевропейских языков обозначает, прежде всего, однородную неделимую множественность, а потом уже отдельный предмет: “at” обозначает лошадь как целый класс, как совокупность, а не только как отдельное животное. Поэтому между турецким “bir at”, с одной стороны, и, например, английским “a horse”, с другой, имеется глубокая разница. В турецком сочетании преобладает значение числительного в смысле указания на единичность предмета, противопоставляемую значению неделимой множественности, а в английском выражается только неопределенность, противопоставленная значению определенности в “the horse”. Классифицирующее (неопределенное) прямое дополнение без “bir” может пониматься и как обозначение предмета-представителя данного класса, и как коллективная множественность, особенно при перечислении: defter aldım (‘я купил тетрадь’ или ‘я купил тетрадей’, а не

карандашей, хлеба или еще чего-то), *gömlek aldım, bir de çorap, mendil, kravat aldım* ('я купил рубашку, купил еще носки, носовой платок, галстук' или 'я купил рубашек, купил еще носки, носовых платков, галстуков'). Слово 'bir' при классифицирующем прямом дополнении снимает отмеченную многозначность, недвусмысленно указывая на единичность предмета: *bir defter aldım* (я купил тетрадь), *bir gömlek aldım* (я купил рубашку). Таким образом, отсутствие "bir" вовсе не делает имя определенным в противоположность некоторым ошибочным мнениям (С.С. Майзель: отсутствие "bir" выступает «артиклем в нулевом состоянии» и обозначает определенность предмета²⁸; в турецком языке имеется «неопределенный артикль "bir"», а его отсутствие эквивалентно определенному артиклю и может формально трактоваться как нулевой артикль²⁹). Это подчеркивается большим числом специалистов: «имена нарицательные выражают неопределенность и без слова "bir" перед ними»³⁰; «определенное дополнение оформляется аффиксом винительного падежа..., неопределенное дополнение аффикса не получает: *bakkaldan pirinç aldım* 'я купил в магазине рис', *postaya mektup attım* 'я отправил на почте письмо'; в этих фразах слова "pirinç" 'рис', "mektup" 'письмо' являются неопределенными»³¹; «неопределенное дополнение не принимает аффикса винительного падежа: *Hasan kitap okuyor* 'Хасан читает книгу', в этой фразе книга неопределенная»³². В связи с этим вполне естественно, что практически во всех учебниках и пособиях турецкого языка, особенно написанных в Турции и России, термин «артикль» не встречается. В лингвистическом словаре Б. Вардара «артикль» ("tanımlık") упоминается лишь применительно к таким языкам как английский и французский³³. В грамматическом словаре З. Коркмаз этот термин не упоминается вовсе.

Особенностью логической методологии является то, что в теоретических работах ряда западных исследователей, опирающихся на эту методологию, отмеченные специфические черты турецкого языка игнорируются и термин «артикль bir» используется вне всяких оснований как вполне принятый³⁴.

²⁸ Майзель С. С. Изафет в турецком языке. АН СССР, М.—Л., 1957. С. 61.

²⁹ Лингвистический энциклопедический словарь... С. 46.

³⁰ *Gencan T.N. Dilbilgisi*. Ankara, 1979. С. 178.

³¹ *Zülfikar H. Yabancılar için Türkçe dilbilgisi*. Ankara 1980. С. 115.

³² *Hengirmen M. Türkçe Dilbilgisi*. Ankara 1995, s. 332

³³ *Vardar B. Dilbilim ve dilbilgisi terimleri sözlüğü*. Ankara, 1980. С.140.

³⁴ *Korkmaz Z. Gramer terimleri sözlüğü*. Ankara, 1992.

Другой серьезной ошибкой представляется полагание винительного падежа обязательным показателем определенности, чуть ли не эквивалентом артикля определенного³⁵. Некоторые представители логической методологии, с одной стороны, так сказать, «как бы» признают, что винительный падеж «не является надежным индикатором», но не отказываются одновременно и от рассмотрения его именно как «индикатора» значения категории определенности-неопределенности, как своеобразного артикля³⁶, что не соответствует действительности в силу отмеченных выше особенностей винительного падежа. Сказанное авторы относят и к родительному падежу; при этом специфическое многообразие функций этого падежа также игнорируется и отражается с ошибками, что позволяет свести его к еще одному «индикатору» (еще одному своеобразному артиклю). Так, авторы пишут: «присоединение родительного падежа к слову, выражающему субъект развернутого члена предложения... делает его «конкретным», а отсутствие родительного падежа — «неконкретным» [там же], хотя это не соответствует действительности. Например, во фразе “Kitabın bir kültür kaynağı olduğu biliniyor” ‘Известно, что книга является источником культуры’ родительный падеж при слове ‘книга’ вовсе не делает это существительное ни определенным, ни «конкретным».

Необоснованное, как мы пытались показать выше, объявление “bir” неопределенным артиклем, а винительного и родительного падежей безусловными показателями определенности породило кажущуюся проблему bir ...ı и bir ...ın, т. е. наличия при существительном сразу и слова “bir”, и показателя одного из названных падежей. Попытки разрешить эту проблему, проистекающую из недоразумения, повлекли за собой еще одно недоразумение в виде изобретения не существующей в морфологии турецкого языка так называемой категории «конкретности» (“specificity”). При адекватном понимании специфики показателей случаи bir ...ı и bir ...ın никакого противоречия не содержат. Прежде всего, эти случаи типичны для дистантного расположения, когда показатели падежей безальтернативны (строго обязательны), выражают только формальную синтаксическую связь

---

³⁵ *Schroeder Ch.* The Turkish Nominal Phrase in Spoken Discourse. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1999. С. 55; *Johanson L.* Studien zur Türkkeitürkischen Grammatik // Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. Teil 1. Herausgegeben von G. Hazai. Budapest 1990. С. 181; *Щека Ю. В.* Рецензия на книгу: *Schroeder Ch.* The Turkish Nominal Phrase in Spoken Discourse // Вопросы языкознания, 2002 № 4.

³⁶ *Lewis G.L.* Turkish grammar. Oxford, 1967. С. 240; *Johanson L.* Linguistische Beiträge zur Gesamturkologie. Budapest, 1991. С. 233.

и никакого отношения к категории определенности-неопределенности не имеют. При этом обычно реализуется неопределенный смысл: *ona bir kitabı hem ucuz, hem de iyi bir hediye olarak veririm* ‘я дам ему книгу в качестве дешевого и хорошего подарка’, *bir arabayı hiçbir zaman alamaz, çünkü parası yok* ‘он машину никогда не купит, т. к. у него нет денег’, *bir çiçeği kışın nasıl bulurum?* ‘как я найду цветок зимой?’, хотя возможен и определенный смысл, если “bir” выступает в функции числительного: *iki kitabı vardı, bir kitabı Ahmet’e, bir kitabı da Ayşe’ye verecekti* ‘у него были две книги, одну он собирался дать Ахмеду, другую — Айше’. В случае контактного расположения и при “bir” в функции неопределенного местоимения показатели падежей реализуют только свою функцию выражения и экспрессивного выделения формальной синтаксической связи и опять же не имеют никакого отношения к категории определенности-неопределенности. Между “bir kitap aldım” и “bir kitabı aldım” ‘я купил книгу’ нет никакой разницы в отношении категории определенности-неопределенности (оба варианта выражают классифицирующий смысл, неопределенность), но имеется различие лишь в интонационном, экспрессивном выделении прямого дополнения в варианте с винительным падежом (*bir kitabı*). Весьма убедительным в этом отношении представляется пример из грамматики М. Хенгирмена, где фраза *Hasan kitap okuyor* ‘Хасан читает книгу’ поясняется так: *Kitap belli değildir. Hasan herhangi bir kitabı okuyor* ‘Книга неопределенная. Хасан читает какую-то книгу’³⁷. Винительный падеж в последнем слове “kitabı” служит лишь для того, чтобы подчеркнуть синтаксическую связь между словами с некоторой разъяснительной интонацией.

Показатели лингвистически условной категории определенности-неопределенности весьма многозначны и способны иногда даже передавать значение противоположного показателя. Например, в английском языке «индивидуализирующий артикль также может употребляться с обобщающим значением ... для обозначения целого класса предметов» (т. е. с классифицирующим оттенком): *The pine grows in northern countries* (Сосна растет в северных странах). Аналогичным образом определение в родительном падеже со словом “bir” в функции неопределенного местоимения может передавать обобщающее, классифицирующее значение: *bir kadının şarfası* ‘шляпа женщины’ (в смысле женская шляпа). Суть логической методологии, заключающаяся в подмене экспрессии (истинно лингвистической семантики) конструктом (семантикой логической) приводит иссле-

³⁷ *Heusinger K. von, Kornfilt J.* The case of the direct object in Turkish: semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages*, v. 9, 2005, 1. С. 3.

дователей к всегда тщетным, бессмысленным и комичным попыткам рационального объяснения экспрессии. Так, С. С. Майзель экспрессию приведенного примера пытался «рационально» объяснить так: «женщина является определенной в смысле несубститутивности (поскольку шляпа принадлежит данной женщине, а не какой-либо другой), но неопределенной в смысле ее неизвестности участникам разговора»³⁸.

В определенном контексте существительное может передавать самые различные смысловые и экспрессивные оттенки, к отражению которых можно приблизиться (опять-таки условно), говоря, например, и о «конкретной неопределенности» (“specificity”). Но, как уже подчеркивалось, эти смыслы, выражаясь полноценным текстом, являются надязыковыми, логическими. Значение же отдельных языковых показателей грамматической категории определенности-неопределенности адекватно описывается только в опоре на противопоставлении двух принципиально условных значений определенности (индивидуализирующий смысл) и неопределенности (смысл классифицирующий). Никаких других значений *на морфологическом уровне* реально не существует, а их изобретение искажает рассматриваемую категорию и разрушает сложившийся адекватный научный аппарат ее описания. Отметим, что, изобретая «конкретную неопределенность» (“specificity”) и неправомерно перенося на уровень отдельных грамматических показателей смыслы цельных текстов, логическая методология поступает здесь точно так же, как и в случае фонологии Н. С. Трубецкого (при чисто логическом понимании смыслоразличения фонем, см. выше).

Другой особенностью логической методологии, связанной с указанным переносом, является уже упоминавшаяся претензия на точность, которая применительно к категории определенности-неопределенности выразилась в формальной теории исследовательницы И. Хейм³⁹. Если в языкознании случай повторного упоминания рассматривается как один из многих признаков определенности⁴⁰, то И. Хейм этот признак абсолютизирует, привлекая понятия референта и дискурса (речи в реальной ситуации): [+ определенность] если $i \notin \text{Обл}(F)$, и [- определенность] если $i \in \text{Обл}(F)$, где i — референт данного существительного, а $\text{Обл}(F)$ — множество референтов, уже упомянутых в тексте (если референт существительного принадле-

---

³⁸ Hengirmen M. Türkçe Dilbilgisi. ... С. 332.

³⁹ Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка. М., 1960. С. 45.

⁴⁰ Майзель С. С. Изафет в турецком языке. ... С. 66.

жит множеству референтов, уже упоминавшихся в тексте, то имеется определенность, если не принадлежит — неопределенность). Но помимо того, что в этой дефиниции грамматическое значение определенности-неопределенности существительного подменяется смыслом цельного текста (в традиционном языкознании повторная упоминаемость есть лишь условное упрощение, подкрепляемое примерами — здесь же это принципиальная несостоятельность, претендующая на точность), следует также напомнить, что язык оперирует мыслительными сущностями (о невозможности предметов самих по себе выступать языковыми значениями уже говорилось) в отличие от точных наук, математики, оперирующих сущностями данными реально, материально (мыслительное содержание естественнонаучных текстов — в отличие от языковых текстов вообще — никогда не является исключительно единичным, а, наоборот, всегда касается закономерно-типичных, постоянно воспроизводящихся сущностей, т.е. всегда является как бы актуально реализованным). В связи с этим теория множеств могла бы применяться только к конкретной экстралингвистической актуальной данности, сопровождающей какой-либо дискурс, но не к языковому тексту, содержание которого всегда дано лишь мысленно и в котором множество референтов (как актуальная данность экстралингвистических, материальных предметов, а не их образов) практически всегда пусто, они реально отсутствуют. Утверждать, что во фразах “Joan wants to present the prize to *the winner* — but he doesn’t want to receive it from her” ‘Жоан хочет вручить приз *победителю* — но он не хочет получить его от нее’ или “*dekanı* ödüllendireceğiz, fakat kendisini bulamıyoruz” ‘мы наградим декана, но не может найти его’ слова “*the winner*” ‘победитель’ и “*dekanı*” ‘декан’ имеют референта, а во фразах “Joan wants to present the prize to *the winner* — so she’ll have to wait around till the race finishes” ‘Жоан хочет вручить приз *победителю* — так что ей придется подождать, пока не закончится соревнование’ или “*dekanı* ödüllendireceğiz, fakat yeni dekan seçilinceye kadar beklememiz gerek” ‘мы наградим *декана*, но нам нужно будет дождаться, пока новый декан будет избран’ эти слова якобы референта не имеют (поскольку ни победитель, ни декан в них еще не определены)⁴¹, по нашему мнению, нельзя в силу того, что содержание всех четырех примеров является мыслительным. При нашем чтении или воспроизведении этих фраз никаких собственно реальных победителей или деканов не имеется. Если же авторы попытались бы спасти свои примеры,

⁴¹ Heim I. The semantics of definite and indefinite noun phrases. University of Massachusetts 1982, University Microfilms; Heusinger K. von, Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: semantics, syntax and morphology ... С. 26.

утверждая, что данные ситуации здесь лишь мыслятся, то с таким же правом можно утверждать, что во второй паре примеров слова 'победитель' и 'декан' также имеют референта, хотя и лишь мыслимого. Теория множеств в применении к референтам, данным актуально (а не в качестве соответствующего понятийно-мыслительного содержания), лишила бы референтности сразу практически все тексты языка, поскольку тексты создаются в прошлом. Мы видим, что теория множеств неприменима к содержанию языка, данному лишь в мысли говорящих, а рассмотренная претензия на точность оборачивается несостоятельностью и иррациональным хаосом.

Терминология логической методологии и, в частности, генеративной грамматики, например, "head" 'вершина', "projection" 'проекция', 'с-команда', 'комплементы', 'спецификаторы' (последние являются «как бы внутренними подлежащими полной составляющей»), обозначение частей речи как лексических категорий⁴² и многое другое ("nominal agreement marker" 'показатель именного согласования' вместо «аффикс принадлежности», "overt case" 'открытый падеж', "overt agreement 'открытый аффикс принадлежности', "the genitive and the agreement morphemes as a single discontinuous morpheme" 'морфемы родительного падежа и аффикс принадлежности как единая прерванная морфема'⁴³) чрезвычайно далеки от адекватного отражения конкретной языковой специфики и представляются не чем иным, как жаргоном, лишь затемняющим факты языка и как бы бросающим нарочитый вызов научному понятийно-терминологическому аппарату языкознания.

Для логической методологии типичным является агрессивное отрицание традиционного языкознания: обновление лингвистики «может быть достигнуто только тем, что новое поколение ученых повернет связь с большинством ученых старших поколений»⁴⁴.

На конкретных проблемах изучения турецкого языка выявляется несостоятельность логической методологии, противостоящей методологии исторической (традиционной), которая сегодня представляется единственно верной. Логическая методология является выражением абсолютизации разума (структурно-конечного начала), которая исключает не только адекватное изучение, но даже непосредственное осознание бесконечной сути реальности и бес-

⁴² Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка... С. 46.

⁴³ Heusinger K. von, Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: semantics, syntax and morphology ... С. 17–18.

⁴⁴ Современная американская лингвистика: фундаментальные направления ... С. 34, 35, 37.

конечно-эмоциональной основы человека, его языка. Не затрагивая специально темы религии, отметим лишь, что религия и наука должны быть строго разведены, но и одновременно удерживаться. Наука, абсолютно игнорирующая религию, может быть только заблуждением⁴⁵. Мы все глубже начинаем осознавать иррациональные проявления 20-го в., когда абсолютизация разума достигла, кажется, наивысшей точки. В начале 21-го в. появились публикации об экспериментальном превышении скорости света в вакууме⁴⁶, что опровергает теорию относительности и сам чисто логико-математический (лишенный качественно-физического содержания) метод в науке. В этой кратко упомянутой всеобщей перспективе становится вполне очевидной необходимость спасения как конкретного изучения турецкого языка, так и лингвистики, науки вообще от этой беды 20-го века — абсолютизации разума, порождающей: 1) вечно безуспешные поиски иллюзорных логически релевантных «фонем» турецкого языка (при наличии вполне ясного и адекватного традиционного описания системы фонем истинных), 2) принципиальное невнимание к интонации, целому миру музыкальной семантики турецкого языка, 3) полагание языковым значением самих предметов как таковых (а не их мыслительных образов), в качестве же референтности — непосредственной реальной (а не мыслительно-понятийной) наличности предметов, 4) разрушение языкознания потоком псевдонаучного жаргона, 5) отказ от научного общения и агрессивные призывы порвать с научным языкознанием и, как следствие этого, замкнутость и обесценение творческих сил молодых ученых, растрчиваемых на «изучение» не существующих в турецком языке морфологических категорий, например, так называемой «конкретной неопределенности» (“specificity”).

---

⁴⁵ Heusinger K. von, Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: semantics, syntax and morphology... С. 37.

⁴⁶ Dixon R. A program for linguistics // *Turkic Languages*. Vol. 7, 2003, №2. С. 157.

ЗАЙЦЕВ И. В.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Принято считать, что развитие той или иной научной отрасли, в том числе и востоковедной, адекватно количеству и качеству исследуемого материала. В России развитие тюркологических исследований, включая османистику, всегда было пропорционально значимости тюркских народов в ее истории. Вместе с тем, российская тюркология за прошедший XX в. сделала огромный рывок вперед, вполне сопоставимый с тем рывком, которая сделала в своем развитии Турция. Но скачок этот был не только количественным, а скорее концептуальным. В 1858 г. русский исследователь П. А. Чихачев в своих «Письмах о Турции» отмечал: «...прошлое и настоящее Турции так исключительно разнообразны, так резко отличаются от исторического развития других народов Европы, что ставить на весы столь разнородные элементы нельзя. Перед лицом беспристрастного суда требования должны соразмеряться со степенью задолженности, а не с платежеспособностью должника». Нет нужды доказывать, что вся история кризисов XX века и нескольких лет века XXI совершенно опровергает последнее утверждение. Сейчас говорить об общности и близости истории двух империй — Османской и Российской — почти общее место, а тезис об общем византийском и золотоордынском наследии в их истории стал ныне уже почти аксиомой.

Эта книга о том, какой видится современная Турция тем, кто профессионально занимается историей, экономикой и политикой этой страны. Какой эта страна предстает из Москвы. Наверное, не во всем эти взгляды и образы совпадают с тем, как современные турки воспринимают свою Родину. В чем-то эти оценки могут даже вызвать критику. В оправдание следует привести слова все того же Петра Чихачева: «хотя я как будто говорю много дурного о Турции, я не могу обойтись без нее. Любя ее меньше, я, быть может, был бы к ней более снисходительным».

Составление сборника статей напоминает процедуру собирания пазла. Результат заранее не ясен, но процесс крайне увлекателен. А о том, насколько яркой и убедительной получилась картина, — судить читателю. В любом случае эта книга будет полезна не только тюркологам. Повторяя аксиому о близости наших стран, можно смело утверждать, что любая тюркологическая публикация автоматически становится

книгой и о России. Составителям и авторам хочется надеяться, что читатели не только увидели по возможности объективное отражение Турции на рубеже веков во всем ее разнообразии, но и смогли узнать в этом отражении близкие и такие знакомые силуэты.

Научное издание

**ТУРЦИЯ НА РУБЕЖЕ
XX–XXI ВЕКОВ
сборник статей**

Компьютерная верстка *А. В. Ельцева*

Изд. лиц. ИД №04697
от 28.04.2001

Подписано в печать 4.12.2008
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.
Уч.-изд. л. 16,15. Тираж 1000 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев